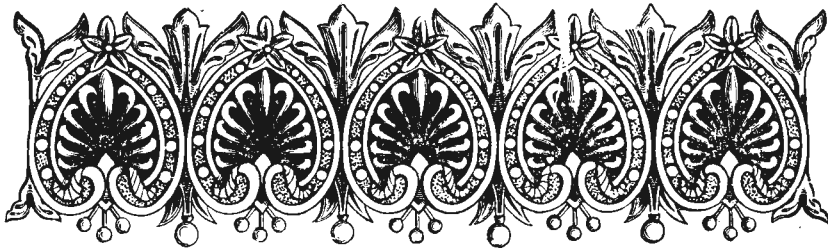

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ОКТАБРЬ, 1912 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА Сорокъ семь лѣтъ.

РЕДЛАГАЕМЫЕ отрывки представляют собой извлечение изъ записокъ, которыя велись мною, можно сказать, всю жизнь.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, изо дня въ день, старался я заносить просто и безхитростно все, что казалось мнѣ заслуживающимъ вниманія. Конечно, безъ перерывовъ не обошлось,—иначе и быть не могло; приходилось иногда недѣлями и мѣсяцами не заглядывать въ книжку записей; вслѣдствіе этого пропадала непрерывность, нарушалась послѣдовательность, и не безъ того, что до нѣкоторой степени уменьшалась занимательность записокъ.

Важнѣе всего, однако, въ такихъ замѣткахъ цѣнится фактическая вѣрность извлекаемаго.

Я неизмѣнно удержалъ въ отрывкахъ и провелъ черезъ нихъ всѣ тѣ извлечения, которыя, не находя себѣ подтвержденія въ официальныхъ или иныхъ извѣстіяхъ своего времени, нигдѣ ими и не опровергаются; при желаніи ихъ можно провѣрить.

Это рядъ записей, позаимствованныхъ въ свое время изъ устныхъ сообщеній, извѣстій и рассказовъ, передававшихся иногда очевидцами, а иногда должностными лицами, близко стоявшими къ дѣлу и къ событіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Для видимости, считаю не лишнимъ объяснить, что относительно одного лица, фигурирующаго въ запискахъ,—Петра Ефимовича Кузьминскаго, много и меня и другихъ занимавшего вообще, а болѣе всего своею изъ ряда выходящею самоотверженностью

сообщенъ мною рядъ такихъ фактовъ, о которыхъ не нашлось извѣстій ни въ донесеніяхъ военачальниковъ, ни въ приказахъ или отчетахъ о бояхъ и о военныхъ дѣйствіяхъ.

Записи, занесенныя съ устнаго сообщенія, могутъ быть подвергаемы провѣркѣ, опроверженію или исправленію, по занесеніемъ ихъ въ извлеченіе обезпечивается сохраненіе для будущаго всѣхъ тѣхъ фактовъ, которыхъ непреложная достовѣрность внѣ сомнѣній и которыхъ исключеніе являлось бы прямою несправедливостью, — какъ бы ни были тѣ факты мелки сами по себѣ.

На вопросъ, чѣмъ въ официальныхъ документахъ того времени могло быть вызвано умолчаніе массы мелкихъ подробностей какого-либо подвига, совершеннаго Кузьминскимъ, или другимъ героемъ тѣхъ временъ, лучший отвѣтъ можно найти въ кратко приведенныхъ тутъ же общихъ отзывахъ и сужденіяхъ Михаила Дмитріевича Скобелева.

Задавшись цѣлью извлечь въ этотъ разъ многое изъ мало извѣстныхъ сообщеній, касающихся пребыванія покойнаго государя Александра Николаевича въ Парижѣ на всемірной выставкѣ 1867 года, я старался къ этимъ извлеченіямъ возможно широко присоединить факты, имѣвшіе прямое или косвенное отношеніе къ государству тамъ пребыванію и къ государю вообще за то время.

Заканчивая это предисловіе, признаю нужнымъ сдѣлать оговорку о томъ, — почему въ этой, являющейся первой, части моихъ записокъ прежде всего предлагается вниманію читателей извлеченіе почти всего того, что касается жизни и службы генерала-отъ-инфантерій Николая Григорьевича Столѣтова.

Истекшей весной удостоилось, между прочимъ, высочайшаго одобренія и утвержденія къ исполненію представленіе комитета, призваннаго монаршею волею къ дѣлу постановки памятника заслугамъ блаженной и незабвенной памяти генералъ-фельдмаршала великаго князя Николая Николаевича Старшаго, — о томъ, чтобы величественная фигура главнокомандующаго была на памятникѣ окружена фигурами ближайшихъ славныхъ его императорскаго высочества сотрудниковъ, наиболѣе запечатлѣвшихъ своимъ доблестнымъ боевымъ участіемъ эпопею войны, освободившей Болгарію и создавшей Болгарское царство.

Вотъ кто эти сотрудники:

Начальникъ рущукской арміи великій князь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ; командиръ 12-го армейскаго корпуса великій князь Владимиръ Александровичъ; начальникъ Плевненской арміи князь румынскій Карлъ I; главный руководитель осадныхъ работъ подъ Плевной генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ; начальникъ западнаго отряда арміи генералъ-адъютантъ Іосифъ Владимировичъ Гурко; начальникъ штаба дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ Артуръ Адамовичъ Непокой-

чицкій; командиръ 8-го армейскаго корпуса генераль-адъютантъ Оедоръ Оеодоровичъ Радецкій; начальникъ 16-ой пѣхотной дивизіи, впоследствии командиръ 4-го армейскаго корпуса, генераль-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-ой; начальникъ болгарскаго ополченія генераль-майоръ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ.

Изъ сонма этихъ доблестныхъ мужей двое находятся въ живыхъ: князь Карлъ (нынѣ король Румыніи) и генераль Столѣтовъ. Такимъ образомъ, они дожили до счастья видѣть оцѣнку ихъ заслугъ современниками съ передачей этой оцѣнки навсегда вниманію потомства ¹⁾).

Жизнь генерала Столѣтова вообще очень мало извѣстна, поэтому я счелъ правильнымъ, не давая его полной біографіи, которой у меня нѣтъ, воспользоваться случаемъ—выбрать для передачи читателямъ «Историческаго Вѣстника» наиболѣе важныя и значительныя черты его жизни изъ матеріала, имѣющагося въ моихъ запискахъ.

I.

Разсказъ юнкера Михайловскаго артиллерійскаго училища Дмитрія Григорьевича Столѣтова.—Ученость въ купеческой средѣ.—Вступленіе Николая Григорьевича Столѣтова въ военную службу.—Севастополь.—Мимолетное знакомство Н. Г. съ графомъ Л. Н. Толстымъ.—Первый офицерскій чинъ и солдатскій георгіевскій крестъ.—Академія генеральнаго штаба. — Представленіе начальнику главнаго штаба кавказской арміи.—Казавшіяся и дѣйствительныя послѣдствія этого представленія.

Въ числѣ собравшихся для слушанія курса наукъ старшаго класса Михайловскаго артиллерійскаго училища въ 1865 году, между прочими, находился окончившій курсъ математическаго факультета московскаго университета Дмитрій Григорьевичъ Столѣтовъ.

Человѣкъ онъ былъ тихій, скромный, малообщительный, серьезный, всецѣло преданный наукѣ.

Однажды въ училище пріѣхали ко мнѣ два моихъ товарища, выпущенныхъ въ офицеры за три мѣсяца передъ тѣмъ изъ Александровскаго военнаго училища; по заведенному въ то время порядку, я былъ вызванъ въ пріемную, гдѣ засталъ одного изъ пріѣхавшихъ

¹⁾ Уже въ то время, когда эти записки были переданы для напечатанія, Н. Г. Столѣтовъ въ ночь на 27-ое іюня этого года, послѣ промучившей его около шести лѣтъ болѣзни—астмы, проявлявшейся въ особо тяжелой формѣ,—скончался на 78-мъ году жизни въ Царскомъ Селѣ. Тѣло его перевезено для погребенія въ родной городъ его, Владиміръ губернской.

товарищей разговаривавшимъ съ неизвѣстнымъ ни мнѣ, ни другому товарищу моему капитаномъ генеральнаго штаба. Черезъ нѣсколько минутъ къ этому капитану пришелъ Дмитрій Столѣтовъ.

Это, какъ оказалось, былъ его братъ, и они тотчасъ же отошли въ сторону, мы же завели между собою свою оживленную бесѣду.

Разговорившійся со мною послѣ окончанія визита Д. Г. Столѣтовъ съ восторгомъ разсказалъ мнѣ, что братъ его, отправляясь на службу въ Ташкентъ, куда въ бытность свою въ Петербургѣ получилъ переводъ съ Кавказа, торопится отъѣздомъ и теперь пошелъ къ начальнику училища, генералу Александру Степановичу Платову, просить, не дозволить ли онъ ему взять брата юнкера Дмитрія Столѣтова въ Москву недѣли на двѣ, дабы они могли тамъ въ семьѣ попрощаться передъ долгой разлукой, имъ предстоявшей.

Д. Г. Столѣтовъ, по возвращеніи изъ отпуска, который ему Платовымъ былъ разрѣшенъ, часто и много бесѣдовалъ со мною обо всемъ, что касалось семьи Столѣтовыхъ вообще и капитана Николая Григорьевича Столѣтова въ частности.

Купеческая семья Столѣтовыхъ проживала во Владимирѣ губернскомъ, владѣла кожевеннымъ заводомъ и изстари занималась торговлей кожами.

По семейнымъ сказаніямъ, Столѣтовы при Іоаннѣ Грозномъ были въ чемъ-то заподозрѣны, или оговорены, и должны были понести большія наказанія, но, по какому-то счастью, отдѣлались высылкой въ Сибирь, при чемъ нѣкоторымъ посчастливилось, держа путь «Владимиркой», остаться и основаться на ней.

Григорій Столѣтовъ, женившись на богатой владѣлицѣ имѣній, заводовъ и капиталовъ—Полежаевой, поселился во Владимирѣ и зажилъ тамъ со временъ императора Павла; съ четырьмя сыновьями и съ двумя дочерьми онъ стремился поддержать свое хозяйство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, оставаясь купцомъ третьей гильдіи, настойчиво требовалъ, «чтобы сыновья прежде всего пошли въ крупное ученіе».

Всѣ они пошли черезъ владимирскую гимназію въ московскій университетъ; старшій, Василій, при этомъ на нѣкоторое время остался заниматься кожевеннымъ дѣломъ; второй, Николай, пошелъ въ военную службу, къ которой, какъ оказалось, возымѣлъ прирожденную неодолимую страсть; третій, Александръ, занималъ въ Москвѣ кафедру физики и математическихъ наукъ¹⁾, четвертый же,

¹⁾ Очень видный ученый, профессоръ Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ, особенно извѣстенъ трудами по электричеству; онъ преподавалъ въ московскомъ университетѣ опытную физику, математическую физику и физическую географію. Работалъ въ Гейдельбергѣ, Геттингенѣ и Берлинѣ.

самъ разсказчикъ, окончивъ курсъ московскаго университета по математическому факультету, поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище, а впоследствии окончилъ курсъ Михайловской артиллерійской академіи.

«Въ сущности,—говорилъ Д. Г. Столѣтовъ,—меня увлекъ на этотъ путь братъ Николай; мы вообще въ семьѣ живемъ очень дружно, но Николай особенно любимъ всѣми и мною».

Обѣ сестры вышли замужъ за окончившихъ университетскую науку; такимъ образомъ, семья отъ торговли отбилась.

Николай, по окончаніи университетскаго курса, поступилъ въ 10-ую артиллерійскую бригаду въ то самое время, когда на Востокѣ загорѣлась война съ Турціей; лѣтомъ 1854 года онъ уже былъ зачисленъ въ 1-ую легкую батарею той бригады фейерверкеромъ 4-го класса; никакіе уговоры родителей, просившихъ его отмѣнить свое рѣшеніе или постараться «устроить себя получше», не помогли; Николай, вообще тихій, какъ бы робкій, застѣнчивый, проявилъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную рѣшимость и твердость, пригласивъ всѣхъ «оставить его самого распорядиться своей судьбой». Не даромъ въ семьѣ было извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ четырнадцать лѣтъ, намѣтилъ себѣ дорогу въ военную службу, онъ неустанно набиралъ необходимыя для того свѣдѣнія и знанія, а себя закалялъ по-спартански во всѣхъ отношеніяхъ. Въ двадцать лѣтъ его мечты сбылись,—съ радостью одѣлся онъ въ сѣрую шинель и сталъ дѣлать съ солдатами житіе въ палаткахъ, на бивакахъ и въ походахъ.

Судьба сразу послала его въ Севастополь; тамъ онъ и продолжалъ начатую имъ дома закалку.

Участіе въ постоянныхъ дѣлахъ по оборонѣ этой твердыни и въ дѣлѣ подъ Инкерманомъ дало ему скоро солдатскій крестъ св. Георгія и офицерскій чинъ.

Однажды, вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія, происшедшаго 24-го октября 1854 года, заступившій мѣсто командира бригады, извѣстнаго артиллерійскаго генерала Загоскина ¹⁾, командиръ той батареи, въ которой служилъ Столѣтовъ, подполковникъ Аркадій Петровичъ Голынский ²⁾ приказалъ ему развезти по мелкимъ укрѣпленіямъ бригады (по позиціямъ) важныя приказанія и приказы, а также денежное довольствіе. Команда изъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ двинулась подъ вечеръ; скоро наступила ночная темнота, къ ней присоединился густой туманъ,—немудрено, что Столѣтовъ, какъ начальникъ команды, сбился съ пути.

¹⁾ Въ этомъ сраженіи онъ былъ тяжело раненъ и за боевое отличіе получилъ чинъ генералъ-майора.

²⁾ Также былъ раненъ въ этомъ сраженіи.

«Часть, другой мы двигались въ полной тишинѣ,—разсказывалъ онъ въ послѣдствіи не разъ:—вдругъ далеко впереди послышались голоса; кто-то изъ команды, не разслышавъ словъ, громко отозвался вопросомъ, голоса повторились, при чемъ ясно была слышна французская рѣчь, отъ насъ раздалось нѣсколько голосовъ вперевой, а въ отвѣтъ уже прожжужало нѣсколько пуль надъ нашими головами. Первой мыслью моею было отступить, но, кромѣ того, что стыдно было идти просто наутекъ, не подобало брать обратный путь еще потому, что онъ находился прямо на направленіи полета пуль.

«Я взялъ съ командой круто налѣво, а затѣмъ мало-по-малу свернулъ полоборотомъ вправо; больше часа мы двигались въ этомъ направленіи, когда вновь тишина была нарушена раздавшимися впереди голосами.

«На этотъ разъ мы отозвались лишь послѣ того, какъ обозначилось, что передъ нами находились наши; мы попали на мелкое укрѣпленіе 11-ой артиллерійской бригады, и насъ провели къ офицеру, занимавшему этотъ временный постъ съ небольшою командой. Сердито разспросилъ насъ офицеръ, видимо, недовольный тѣмъ, что нарушили его отдыхъ, котораго вообще тогда на долю каждаго доставалось немного.

«Мы разговорились; пришлось испытать громадное удовольствіе отъ этого знакомства; офицеръ отнесся дружески, а за самоваромъ, появившимся въ палаткѣ, о чемъ о чемъ не довелось намъ переболтать. Офицеръ отклонилъ исполненіе высказаннаго мною желанія двинуться скорѣе къ розыску своихъ частей, въ которыя я держалъ путь; нечего было думать объ этомъ въ виду того, что нѣтъ никого, кто могъ бы служить проводникомъ. «Никто и днемъ-то пути не найдетъ и не укажетъ,—сказалъ онъ:—а тутъ, по ночной темнотѣ да по непроницаемому туману, хоть глазъ выколи». Рѣшено было, что я останусь и до разсвѣта посилю; команда моя была, чѣмъ Богъ послалъ, накормлена, мы тоже поужинали, а спать не пришлось вовсе.

«Наступило утро, не хотѣлось уходить; если бы не долгъ службы, не расстался бы я съ этимъ обаятельнымъ, способнымъ приковать къ себѣ офицеромъ. Дороже всего было то, что у насъ оказалась масса воспоминаній о лицахъ, ставшихъ дорогими по общей нашей alma mater,—офицеръ лишь за нѣсколько лѣтъ передо мною окончилъ курсъ того же, дорогаго мнѣ, московскаго университета. Онъ много разсказывалъ про жизнь въ университетѣ, но еще больше зналъ меня самыми разнообразными разсказами изъ короткой, но сильно въ немъ запечатлѣвшейся боевой севастопольской жизни; онъ и разсказывалъ и читалъ безъ умолку, а на прощанье подарилъ мнѣ небольшой, въ нѣсколько минутъ, въ шуточномъ тонѣ, для меня набросанный разсказъ «о ночномъ пробужденіи», которымъ я его обезножилъ.

«Я былъ очень радъ получить этотъ маленькій знакъ вниманія, взаимнѣ простого клочка бумаги, на которомъ я довольно казенно написалъ свое званіе: старшій фейерверкеръ, имя, отчество и фамилію; меня порадовало оставленіе мнѣ на память этого разсказа, но собственно поднись, сдѣланная подъ нимъ, тропула меня лишь много, много лѣтъ позже; подъ разсказомъ значилось: «Левъ Николаевичъ Толстой, поручикъ артиллеріи».

«Тогда за нимъ не было того, что обозначилось потомъ съ теченіемъ времени.

«Не знаю, однако, почувствовать ли бы я что-либо иное, если бы эту поднись получилъ позже, когда имя его стало говорить такъ много.

«Прощаясь съ нимъ въ ту памятную, оставшуюся безсонной и незабвенной ночь подъ Рождество 1854 года, я сказалъ ему между прочимъ:

«— Пусть же наши воспоминанія держатся на томъ, что намъ напоминаетъ: съ одной стороны, наша alma mater, а съ другой— здѣшнія «Альма» и съ нею тѣ впечатлѣнія, которыя еще не перестала переживать наша славная армія послѣ 8-го сентября ¹⁾).

«Толстой засмѣялся, но черезъ секунду, принявъ серьезный видъ, сказалъ:

«— Да, всѣ эти Альмы, Балаклавы, Инкерманы,—когда-то и какъ окончатся несноснѣйшія впечатлѣнія отъ нихъ...

«Послѣ того мы видѣлись съ нимъ мелькомъ въ минуту сумбура суетливаго отступленія на Черной рѣчкѣ, 4-го августа 1855 года.

«— Здравствуйте, Николай Григорьевичъ,—сказалъ онъ, ласково издали кланаясь:—вотъ какія дѣла,—прибавилъ онъ, указывая на отступавшія въ разбродѣ части помятой послѣ геройскихъ усилій арміи.

«— А! вы уже офицеръ,—успѣлъ онъ крикнуть, уносимый движеніемъ своей батареи.

«Больше во время войны я его не встрѣчалъ.

«Въ Петербургѣ, состоя въ академіи генеральнаго штаба, въ 1858 году я случайно услышалъ объ его пріѣздѣ и пришелъ къ нему. Онъ опять оказалъ мнѣ много любезностей, а когда я вынулъ и показалъ ему тщательно завернутый въ чистую бумагу набросанный карандашомъ разсказъ его, онъ сказалъ:

«— Ахъ, вы бережете эту шалость мою,—съ этими словами онъ пробѣжалъ разсказъ, а затѣмъ досталъ изъ лежавшей у него на столѣ

¹⁾ 8 сентября происходило, съ переменнымъ счастьемъ, сраженіе при этой рѣчкѣ между нами и союзниками; оно завершилось нашимъ полнымъ пораженіемъ послѣ того, какъ командовавшіе генералы: князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ и Онуфрій Алексѣевичъ Квицинскій, во главѣ батальоновъ Владимирскаго полка, остановили штыками полчища англичанъ, а затѣмъ получили во флангъ мѣткій огонь частей французской арміи.

шкатулки небольшую, но довольно толстую книжку и, перелпставъ ее, показаль мнѣ потемнѣвшій отъ времени, измятый, вклеенный между страницами небольшой листокъ съ моей подписью «старшаго фейерверкера»; подъ моей фамиліей красовалась сдѣланная его рукою приписка синимъ карандашомъ: «Альма—alma mater»... на нее онъ мнѣ указаль.

«— Что это вы приписали; вы меня конфузите.

«— Чѣмъ?—спросилъ онъ.

«— Уничтожьте эту приписку, мнѣ стыдно вспомнить мою немѣстную, неудачную остроу...

«— Неудачная острота, удачная острота,—я этого не понимаю; а забыть этого нельзя; это воспоминаніе о тѣхъ минутахъ молодости, когда, при всѣхъ жизненныхъ тяжестяхъ, намъ легче жилось, легче думалось и потому легко острилось; это дорого и незачѣмъ этого забывать.

«Встрѣчались мы съ графомъ Л. Н. Толстымъ впослѣдствіи въ жизни мало и лишь въ первые годы послѣ этого; при встрѣчахъ онъ ни разу не забылъ упомянуть эту мою, казавшуюся мнѣ несуразною, фразу: «Альма—alma mater.

«Разсказъ его я берегъ старательно, но въ 1870 году 20-го октября въ Красноводскѣ, во время совершеннаго туркменами-іомудами на нашъ сравнительно небольшой отрядъ нападенія, этотъ дорогой лоскутокъ пропаль вмѣстѣ съ уничтоженнымъ ими выучнымъ транспортомъ верблюдовъ; въ тотъ день пропало немало моего именно такого имущества; отъ него теперь осталось лишь смутное воспоминаніе; пострадали тогда всѣ мы, участвовавшіе въ дѣйствіяхъ этого пресловутаго отряда ¹⁾.

Окончивъ курсъ академіи генеральнаго штаба, штабсъ-капитанъ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ былъ назначенъ въ распоряженіе главнаго штаба Кавказской арміи. Къ должности своей онъ прибыль лѣтомъ 1860 года.

Вскорѣ здѣсь въ Тифлисѣ съ нимъ случился небольшой эпизодъ, который имѣль, по его убѣжденію, вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу, жизнь, службу и карьеру.

Прибывъ въ Тифлисъ, онъ началъ нести службу, присматривался къ ней и мало-по-малу осваивался съ нею; какъ вдругъ въ штабѣ было сообщено, что начальникъ штаба требуетъ представленія ему всѣхъ вновь прибывшихъ на службу лицъ. Подойдя въ назначенный день къ его квартирѣ и увидѣвъ, что представляться еще рано, Столѣтовъ сталъ прохаживаться около дома. Три мѣстныхъ жителя.

¹⁾ Объ этомъ дальше: Красноводскій отдѣль, Муравьевская бухта, Кувудагская долина, Балханскія горы, восточный берегъ Каспійскаго моря.

какъ въ послѣдствіи оказалось, мирныя черкесы, подошли къ нему съ разспросами; минутъ двадцать онъ съ ними поговорилъ, а затѣмъ вошелъ въ домъ, куда уже стали собираться.

«Между представлявшимися генералами, штабъ- и оберъ-офицерами я оказался младшимъ,— рассказывалъ Н. Г. Столѣтовъ:—поэтому въ кабинетъ начальника штаба былъ приглашенъ послѣднимъ.

«— Это вы часа полтора тому назадъ передъ окнами моей квартиры разговаривали съ черкесами?—спросилъ генераль.

«— Я, ваше превосходительство.

«— О чемъ они могли съ вами говорить такъ живо? Они русскаго языка вовсе не знаютъ.

«— Я говорилъ съ ними по-турецки, ихъ языкъ очень похожъ...

«— А отчего вы знаете по-турецки?

«— Еще живя дома при родителяхъ во Владимирской губерніи, я постоянно бралъ уроки татарскаго языка вмѣстѣ съ дѣтьми знакомыхъ купцовъ-татаръ; въ послѣдствіи же интересовался языкомъ и изучалъ его самъ.

«— Теперь тоже будете изучать?

«— Да, имѣю намѣреніе.

«Разспросивъ меня обо всемъ, что касалось моего прошлаго, и поговоривъ со мною болѣе часа,—проэкзаменовавъ меня подробно, генераль отпустилъ меня со словами, сказанными крайне привѣтливо:

«— Очень радъ былъ съ вами познакомиться; знанія ваши вамъ очень пригодятся въ предстоящей вамъ службѣ вообще, въ особенности же здѣсь на Кавказѣ; слава Богу, что вы ими богаты; дай Богъ вамъ успѣха.

«Этими словами генераль меня очень ободрилъ; не безъ того, что я остановился на мысли о возможности какого-либо съ его стороны содѣйствія успѣшному ходу моей службы. Но мысль эта, какъ скоро пришла, такъ скоро же и отошла: во-первыхъ, я въ ней скоро оцѣнилъ сторону суетности, а, во-вторыхъ, что могъ я подумать, когда генераль былъ вскорѣ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ вслѣдъ затѣмъ получилъ назначеніе на должность товарища военнаго министра? Сказалъ большую, очень лестную любезность, да, вѣроятно, тутъ же объ ней и забылъ; забыть, конечно, слѣдовало и мнѣ».

Такъ въ концѣ концовъ разсудилъ Н. Г. Столѣтовъ; въ послѣдствіи оказалось, что генераль не спроста сказалъ любезность, а всю жизнь вспоминалъ впечатлѣніе, которое на него произвелъ тогда молодой офицеръ генеральнаго штаба, дотогѣ ему неизвѣстный.

Генераль этотъ былъ не кто иной, какъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Немного времени прошло, и онъ замѣстилъ артиллерійскаго генерала Сухозанета на посту военнаго министра; а затѣмъ скоро началъ прибѣгать къ услугамъ Н. Г. Столѣтова, знанія котораго ему показались стойкими вниманія.

II.

Первыя отличія Н. Г. Столѣтова въ бояхъ.—Награды.—Довѣріе великаго князя Михаила Николаевича, прибывшаго на Кавказъ.—Назначеніе въ должность начальника Закатальскаго округа.—Переводъ въ Ташкентъ.—Возвращеніе на Кавказъ.—Назначеніе въ должность начальника Красноводскаго отдѣла.—Переправа на восточный берегъ Каспійскаго моря.—Балханскія горы.—Нападеніе текинцевъ на нашъ лагерь.—Ошибка Н. Г. Столѣтова по отношенію къ начальнику штаба Кавказскаго военнаго округа.—Случаи о неудовольствіяхъ начальника штаба.

Съ первыхъ же дней своей службы при главномъ штабѣ кавказской арміи штабсъ-капитанъ Н. Г. Столѣтовъ думалъ о томъ, какъ бы не погрязнуть въ канцелярщину и не заглухнуть въ штабной службѣ. Интригъ онъ къ этому не предпринималъ и предпринимать не умѣлъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ—1861—1863 годовъ—ему посчастливилось принять съ успѣхомъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и получить за боевое отличіе впервые офицерскій орденъ—св. Анны 3-ей степени съ мечами и бантомъ.

Въ 1863 году на Кавказъ, въ должность намѣстника и главнокомандующаго, прибылъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Всѣмъ стало извѣстно, что царевъ братъ задалъ себѣ задачу во все входитъ по управленію краемъ и по командованію арміей лично, а затѣмъ самому избирать лицъ, назначаеваемыхъ на болѣе или менѣе высокія должности. Можно понять, какъ почувствовалъ себя Столѣтовъ, когда его высочество, имѣя нужду въ особо довѣренномъ лицѣ для назначенія военнымъ начальникомъ Закатальскаго округа, избралъ и назначилъ его.

Край былъ распущенъ, населеніе буйствовало, и молодому, не достигшему тридцатилѣтняго возраста, офицеру было крайне лестно получить обширное поле дѣятельности, какъ мирной—по части введенія улучшеній въ военно-народномъ управленіи, такъ и военной—участіемъ въ экспедиціяхъ для приведенія къ порядку горцевъ, проявлявшихъ отъ времени до времени дикость нравовъ своихъ и совершенно отбивавшихся отъ повиновенія подлежащей, поставленной надъ ними законной власти.

Только что онъ успѣлъ заслужить репутацію надежнаго администратора и распорядительнаго военнаго начальника, а за полезную дѣятельность получить чинъ подполковника и ордена св. Станислава 2-ой степени и св. Владимира 4-ой степени,—какъ лѣтомъ 1865 года великій князь главнокомандующій потребовалъ его къ себѣ.

— Военный министръ пишетъ мнѣ, что имѣетъ въ виду дать тебѣ новое назначеніе; онъ имѣетъ большую потребность въ такихъ офицерахъ, какого ты представляешь собою, и потому беретъ тебя

отсюда; на мои представленія о томъ, что ты здѣсь крайне нуженъ, Дмитрій Алексѣевичъ отвѣтилъ, что въ Туркестанскомъ краѣ ему болѣе нужны выдающіеся офицеры и потому рѣшено тебя взять отсюда, причемъ онъ обѣщаетъ мнѣ возвратить тебя, какъ только извлечетъ изъ тебя тамъ всю ожидаемую пользу. Иди и служи тамъ; жаль мнѣ тебя отпустить и какъ офицера, поработавшаго уже здѣсь на славу, и какъ моего хорошаго сослуживца - севастопольца, который тамъ, во фронтѣ бригады, сдѣлавшейся мнѣ родною ¹⁾, успѣлъ заслужить въ нижнемъ званіи георгіевскій крестъ и первый офицерскій чинъ.

Здѣсь, въ крайне сжатомъ описаніи, не представляется возможнымъ даже просто перечислить все то, что Столѣтову удалось сдѣлать за короткое время службы на Кавказѣ.

Довольно сказать, что великій князь, прощаясь съ нимъ, нашелъ нужнымъ въ такихъ словахъ выразить ему свою благодарность:

— Ты сумѣлъ сразу умнотворить вѣренныи тебѣ бурный уѣздъ Тифлисской губерніи и сдѣлалъ это такъ, что начальство считаетъ себя обязаннымъ передъ твоей дѣятельностью низко преклониться, снявъ шапку; сослуживцы рвутся умѣть брать съ тебя примѣръ, а само населеніе не знаетъ, какъ выразить властямъ свою горячую благодарность за дарованіе ему такого начальника: строгаго, справедливаго и вполне понявшаго въ корнѣ нужду, съ которою оно, до знакомства съ тобою, не знало, куда ему дѣваться и какъ ему быть. А чтобы яснѣе выразить благодарность за пригрѣтое тобою населеніе, я нарочно приѣду къ тебѣ въ Закаталы,—снять шапку на глазахъ того самаго благодарнаго народа.

И великій князь, умѣвшій вообще цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ, исполнилъ свое желаніе: онъ приѣхалъ въ Закаталы, прогостилъ у Столѣтова два дня и ночь, попрощался съ нимъ и, такимъ образомъ, проводилъ его на службу въ другую окраину, болѣе нуждавшуюся въ полученіи началъ перваго благоустройства своей мирной жизни и военного порядка, необходимаго для всесторонняго поддержанія той жизни,—въ Туркестанъ, начавшій незадолго передъ тѣмъ, благодаря смѣлому почину М. Г. Черняева, свое присоединеніе къ обширной имперіи Вѣлаго царя.

Состоя фейерверкеромъ въ 10-й артиллерійской бригадѣ, Столѣтовъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Инкерманомъ, подъ Балаклавой, при демонстраціи, затѣянной П. Д. Горчаковымъ въ помощь войскамъ, отбивавшимъ врага на Черной рѣчкѣ, при отбитіи генераломъ Хрулевымъ штурма 12-титысячной непріятельской арміи, далѣе при отбитіи штурма по всей линіи и на Федюхиныхъ высотахъ.

Въ сраженіи при Инкерманѣ бригада настолько утѣшила царя своею доблестью, что Николай Павловичъ назначилъ ей шефомъ младшаго сына своего, великаго князя Михаила Николаевича.

Тамъ подполковникъ Столѣтовъ, состоя въ распоряженіи туркестанскаго генераль-губернатора, генерала К. П. фонъ-Кауфмана, пробылъ съ 1-го января 1867 года по іюнь 1869 года правителемъ канцеляріи военно-народнаго управленія Туркестанской области и, такимъ образомъ, два съ половиною года, со свойственнымъ ему умѣніемъ и съ присущей ему основательностью, вводилъ тѣ особенности, которыя навсегда оставили печать въ устроеніи жизни всего Туркестанскаго края.

«Жаль было отпустить этого дѣятеля въ такую минуту, когда въ его рукахъ разработка жизни края только что закипѣла на благо населенія и для вѣщающаго соединенія новаго края со всей имперіей», — коротко, но многозначительно выразился, по словамъ генерала Троицкаго ¹⁾, туркестанскій генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ, когда, волею высшаго начальства, Столѣтовъ былъ вновь переведенъ на Кавказъ.

Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ было высочайше одобрено предположеніе о занятіи Балханскаго залива на восточномъ побережьи Каспійскаго моря; утвержденіе наше на этомъ берегу являлось крайне необходимымъ въ видахъ поддержанія нашей каспійской торговли, которая такъ же, какъ и наши промыслы, прямо уничтожалась нападеніями туркменовъ.

Осталось навсегда не выясненнымъ, почему это рѣшеніе не было выполнено до конца шестидесятихъ годовъ; въ 1868 году съ особою рѣзкостью обозначилось усиленіе могущества афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, заключившаго союзъ съ Англіей, которая ежегодно отпускала ему субсидіи въ цѣляхъ побужденія его къ нанесенію вреда намъ; хивинскій ханъ также усилилъ свою неизмѣнную вражду къ намъ и, возбуждая тайно всевозможныя волненія въ Бухарѣ, явно поддерживалъ непріязненныя по отношенію къ намъ дѣйствія киргизовъ, недовольныхъ нашими порядками, насаждавшимися для нихъ въ предѣлахъ нашей степи; все это, вмѣстѣ съ угрозавшимъ положеніемъ, въ которое, видимо, становились средне-азіатскія ханства, вообще приготовлявшія союзныя дѣйствія противъ насъ, — заставило насъ спохватиться.

Вскорѣ, рядомъ съ рѣшеніемъ усилить войска оренбургскаго военнаго округа для обезпеченія дѣйствій нашихъ противъ киргизовъ, было вновь принято рѣшеніе немедленно занять кавказскими войсками юго-восточный берегъ Каспійскаго моря съ центромъ въ Красноводскѣ. На этотъ разъ претендовавшая до тѣхъ поръ Персія могла этимъ остаться только довольной, такъ какъ ясно видѣла, что, кромѣ обезпеченія и охраненія нашихъ, уже признанныхъ всѣми, границъ, мы ничего не имѣли въ виду, а относительно всякихъ мѣ-

¹⁾ Состоялъ при фонъ-Кауфманѣ, сначала въ должности офицера генеральнаго штаба, а потомъ начальникомъ штаба округа.

ропрятій противъ Афганистана она могла лишь радоваться обузданію этого ея исконнаго врага ¹⁾).

Въ концѣ лѣта 1869 года послѣдовало высочайшее повелѣніе— «прочно занять Балханскій заливъ и укрѣпиться на немъ», затѣмъ, по представленію военнаго министра, вошедшаго въ соглашеніе съ главнокомандующимъ кавказской арміей, начальникомъ экспедиціоннаго отряда былъ высочайшею волею 10-го октября назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Столѣтовъ, «который, какъ сказано было въ официальномъ объ этомъ увѣдомленіи, зная восточные языки, посѣтилъ въ прежнее время часть Персін и Афганистана, а затѣмъ, состоя при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, близко ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Прикаспійскомъ краѣ и вообще въ Средней Азін» ²⁾. (Въ самомъ началѣ своей службы Н. Г. Столѣтовъ бралъ три раза отпускъ для поѣздки то въ Персію, то въ Афганистанъ и тамъ проживалъ частнымъ человѣкомъ по шести недѣль).

Великій князь очень обрадовался новой встрѣчѣ со своимъ подчиненнымъ и былъ доволенъ получить такого сотрудника; но первая же встрѣча его высочества съ нимъ отмѣтила нѣкоторое облако на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: прямой и честный въ своихъ высказываніяхъ, полковникъ Столѣтовъ, безъ скрытности, доложилъ великому князю, что ограниченность числа войскъ, назначенныхъ въ составъ десантнаго отряда, какъ онъ предвидитъ, можетъ оказаться пагубною ³⁾. Разъ постановлено «занять тотъ берегъ прочно и укрѣпиться на немъ прочно же»,—нужно откинуть стремленіе экономить на недоотпускѣ крайне необходимыхъ силъ; слѣдовало бы назначить войскъ, если не вдвое, то, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше. Великій князь какъ будто бы даже засверкалъ своими очами, говорилъ присутствовавшій при этомъ генеральнаго штаба подполковникъ графъ Кутайсовъ ⁴⁾, но тотчасъ же овладѣлъ собою и сказалъ спокойно:

¹⁾ Кромѣ вражды на почвѣ торговыхъ и политическихъ сношеній, между Персіей и Афганистаномъ держится неизгладимая непріязнь религіозная, такъ какъ первая принадлежитъ къ шінтскому толку, а второй—къ суннитскому.

²⁾ За труды въ Туркестанѣ Столѣтовъ, какъ проявившій большую дѣловую неутомимость, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами и произведенъ въ чинъ полковника.

Генераль К. П. фонъ-Кауфманъ лично выразилъ ему сожалѣніе по случаю необходимости потерять такого сотрудника, какого онъ въ немъ имѣлъ.

³⁾ Батальонъ пѣхоты, усиленно мирнаго состава, полусотня казаковъ (одинъ офицеръ и 70 нижнихъ чиновъ—25 конныхъ, 45 пѣшихъ), команда саперъ (одинъ офицеръ и 31 нижній чинъ), взводъ горной артиллеріи (два полупудовыхъ гладкихъ единорога со 196-ю различными снарядами), дивизионъ полевой артиллеріи (четыре четырехфунтовыхъ наръзныхъ, заряжающихся съ дула орудія; 520 различныхъ снарядовъ).

Пѣхота и саперы были вооружены скорострѣльными винтовками Карля. Всего до 1000 нижнихъ чиновъ при 30 офицерахъ.

⁴⁾ Павелъ Ипполитовичъ; онъ состоялъ тогда въ распоряженіи главнокомандующаго кавказской арміи.

— Что ты, что ты, я довольно знаю тебя и знаю, какъ ты умѣешь справляться; поэтому, рядомъ съ надеждой, держусь твердой увѣренности въ томъ, что ты блестяще исполнишь возложенный на тебя, правда, далеко не легкій трудъ; принимайся за него и порадуй государя успѣхомъ.

— Ваше императорское высочество, я ни на минуту не пріостановился на мысли о томъ, взять или не взять на себя въ высшей степени лестное назначеніе...

— Увѣренъ въ этомъ, крѣпко вѣрю.

— Но чѣмъ смѣлѣе берешь что-либо на себя, тѣмъ больше надо имѣть увѣренности въ возможности выполнить все съ полнѣйшимъ успѣхомъ; а назначеніе такого малосильнаго отряда заставляетъ меня обязательно доложить, что при этомъ всякой случайности можно ожидать и, если какая-либо окажется, извольте лишь знать и помнить, что я ее предвидѣлъ, значить, своевременно можно было ее устранить. Исполненіе же будетъ самое старательное, какъ съ моей стороны, такъ и со стороны всего отряда, за это я вашему высочеству ручаюсь.

— Ну, въ добрый часъ, расстаемся друзьями, друзьями же и встрѣтимся опять; дай Богъ во всемъ успѣха,—сказалъ добрый, спсходительный и всегда привѣтливый намѣстникъ.

Въ первыхъ числахъ поября отрядъ, подъ командой своего начальника, благополучно высадился въ Муравьевской бухтѣ въ Куводатской долинѣ, и началась энергичная работа полковника Столѣтова по рекогносцировкѣ береговъ и окрестностей, по пріисканію лучшаго мѣста стоянки лагеря, по приведенію въ исполненіе предположеній для укрѣпленія его, по отысканію мѣстъ добыванія лучшей питьевой воды; словомъ, дѣла, конечно, нашлось выше головы.

Большая рекогносцировка убѣдила полковника Столѣтова въ крайне настоятельной необходимости перехода большей части отряда къ подошвѣ Балханскихъ горъ и оставленія въ Красноводскѣ лишь небольшого числа войскъ.

Это побудило его ходатайствовать о непремѣнномъ и немедленно усиленіи отряда.

На этотъ разъ его просьба была внимательнымъ главнокомандующимъ уважена: къ апрѣлю 1870 года прибыли въ распоряженіе начальника отряда двѣ роты пѣхоты по усиленному мирному составу, полусотня казаковъ, 20 человѣкъ саперъ и еще дивизіонъ четырехфунтовыхъ мѣдныхъ нарѣзныхъ орудій (такъ что всего артиллеріи получилась полная восьмиорудійная батарея).

Въ самомъ началѣ апрѣля стало извѣстно, что киргизы внезапно напали на управлявшаго Мангышлакскимъ отдѣломъ ¹⁾ подполковника Рукина, а затѣмъ его и небольшой казачій конвой, состоявшій при немъ, увели въ степь. Военный министръ увѣдомилъ главнокомандующаго, что водвореніе порядка въ Мангышлакскомъ приставствѣ, а также усмиреніе и наказаніе возмущившихся киргизовъ возлагается на войска кавказскаго военнаго округа; мангышлакскій отрядъ получилъ усиленіе, а начальникомъ его былъ назначенъ состоявшій при главнокомандующемъ генеральнаго штаба подполковникъ графъ Кутайсовъ.

Полковнику Столѣтову пришлось держаться на чеку; списавшись съ Кутайсовымъ, онъ, на свой страхъ и рискъ, направилъ временно къ нему часть казаковъ, слѣдовавшихъ на усиленіе Красноводска; въ-время эти казаки поддержали Кутайсова и въ-время возвратились къ Столѣтову; дѣло укрѣпленія, какъ въ Красноводскѣ, такъ и у подошвы Балханъ, подвигалось съ неутомимою энергіей. Среди трудовъ, которые, будучи введены въ колею, уже приняи видъ обычно укоренившихся въ жизнь и въ службу,—войска, потревоженные на нѣкоторое время неурядицами у сѣвернаго сосѣда,—уже начали втягиваться, стали предпринимать походныя, рекогносцировочныя движенія; вдругъ пронеслись зловѣщіе слухи, и все дѣло замерло на извѣстіяхъ о томъ, что скопища текинцевъ въ пять тысячъ, подъ предводительствомъ пятерыхъ болѣе знатныхъ и сильныхъ хановъ, двинулись на лагерь; въ ночь на 20-е октября они перерѣзали заставу, напали на лагерь и почти окружили его. Уже приготовленный къ этому, полковникъ Столѣтовъ быстро отдалъ всѣ распоряженія и подъ своимъ предводительствомъ далъ врагу мощный отпоръ пѣхотнымъ и артиллерійскимъ огнемъ; съ нашей стороны раненыхъ и убитыхъ было семь человекъ и пять лошадей, непріятель же не успѣлъ опомниться, какъ понесъ большія потери и, энергично отбитый, отступилъ вразсыпную, оставивъ на мѣстѣ до 230 раненыхъ и убитыхъ.

Урокъ врагу былъ большой; главнокомандующій, приславъ отряду за молодецкія дѣйствія шесть знаковъ военнаго отличія, велѣлъ передать полковнику Столѣтову, что «не забылъ его предостереженія о возможныхъ случайностяхъ» и радуется, что повторенное настояніе дало его высочеству возможность въ-время усилить отрядъ хоть въ полтора раза».—Въ то же время великій князь вновь усилить отрядъ, на этотъ разъ двумя сотнями казаковъ и ротой саперъ.

Туркмены больше не отважились не только нападать, но и приближаться къ отряду, который оказался для нихъ страшнымъ.

¹⁾ Сѣверо-западная часть восточнаго побережья Каспійскаго моря.

Столѣтовъ на этомъ, далеко немирномъ, положеніи продолжалъ мирно работать, когда, совершенно неожиданно, была ему ниспослана бѣда, подкрадываясь, какъ всякое большое горе, внезапно. Прибывъ на Кавказъ во второй періодъ своей въ немъ службы, онъ и не подумалъ о представленіи кому-либо изъ начальствовавшихъ лицъ, кромѣ главнокомандующаго, которому, по смыслу полученнаго имъ назначенія на самостоятельный постъ въ Красноводскъ, онъ считалъ себя единственно и непосредственно подчиненнымъ.

Самое большое, чего онъ могъ ожидать, это то, что тогдашній начальникъ штаба кавказской арміи могъ пожелать представленія его ему; но начальникъ штаба никакого желанія не выразилъ, чѣмъ Столѣтовъ, въ сущности, былъ доволенъ, такъ какъ, за массой суеты въ сборахъ и въ подготовкѣ къ отъѣзду, онъ изъ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Тифлисѣ не зналъ, когда ему выкроить время для представленія, а потому и не представился.

Среди массы заботъ, хлопотъ и работы во вѣренномъ ему отдѣлѣ, онъ изъ намековъ прибывшаго въ его распоряженіе подполковника З. узналъ, что начальникъ штаба пребываетъ въ большой на него претензіи за это.

Всегда ровный, спокойный, онъ, однако, на этотъ разъ не сдержался и, хотя чего-либо особаго не наговорилъ, однако все-таки выразилъ:

— Э, видно, нечего ему тамъ дѣлать; охота заниматься такой пустяковиной...

Прибывшій черезъ нѣсколько времени послѣ того въ отрядъ молодой врачъ, докторъ медицины Θ., еще опредѣленнѣе поднесъ Столѣтову извѣстіе объ неудовольствіи, которымъ кипитъ противъ него начальникъ штаба; было даже похоже на то, что докторъ уполномоченъ передать ему это извѣстіе, — до такой степени опредѣленно и точно было все высказано.

— Неужели же, — отвѣтилъ Столѣтовъ, — начальникъ штаба, серьезный, солидный генералъ, знающій, какъ много у насъ здѣсь самыхъ серьезныхъ и сложныхъ заботъ, не можетъ еще и посейчасъ уняться въ своемъ гнѣвѣ, вызванномъ мелочнымъ, не стоящимъ выѣденнаго яйца, случаемъ... Вѣдь это смѣшно; вотъ вы присмотритесь и увидите, насколько намъ не до того, чтобы этимъ вздоромъ заниматься, отвлекаясь отъ нешуточныхъ служебныхъ дѣлъ...

Столѣтовъ продолжалъ заниматься этими дѣлами, а въ доходяшіе до него слухи о неудовольствіи на него не признавалъ нужнымъ и не имѣлъ возможности углубляться. Слухи доходили разнообразными путями: они нерѣдко подносились то черезъ З., то черезъ Θ.; и тотъ и другой какъ-то имѣли и случай, и досугъ добывать подобныя свѣдѣнія черезъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ отдѣлъ изъ Тифлиса, при чемъ тѣ, движимые какъ будто серьезнымъ сочувствіемъ къ начальнику отдѣла и возмущенные несправедливостью по отношенію

къ нему и къ его плодотворнѣйшей дѣятельности, спѣшили поставить его въ извѣстность, стремясь на самомъ дѣлѣ больше всего къ тому, чтобы его обезкуражить и тѣмъ самымъ разбить въ немъ ту стойкость, съ которою онъ такъ неустанно предавался исключительно работѣ, на него возложенной.

Ничего не можетъ быть для любого дѣятеля хуже того, какъ знать, что поставленная непосредственно надъ нимъ власть затаила въ себѣ противъ него чувство недовольства и готова всякій его дѣловой шагъ порицать. Дѣятель тотъ обычно начинаетъ сильно падать духомъ, мнительность и сомнѣнія самаго разнообразнаго свойства заглушаютъ въ немъ все, пересиливая стремленіе къ труду, — а это, прежде и больше всего, отражается на ходѣ и успѣшности веденія порученныхъ ему дѣлъ.

Не таковъ былъ Н. Г. Столѣтовъ; прежде всего, онъ не допускалъ мысли, чтобы человѣкъ, поставленный высоко, могъ изъ-за мелочей чему-либо вредить; онъ не вѣрилъ въ то, что вообще наверху можно найти людей, кои способны не только дурно, безчестно дѣлать, но даже дурно думать; затѣмъ онъ не допускалъ въ нихъ человѣконенавистничества. Эти почти наивныя понятія его, а также глубокая его религіозность, вызываемая чистою вѣрою, дѣлали изъ него человѣка твердаго въ неустанномъ несеніи трудовъ и въ неуклонномъ исполненіи своего долга; поэтому силы его оставались несокрушимыми; онъ твердо шелъ по намѣченному пути, а потому дѣло управленія ввѣреннымъ ему краемъ двигалось своимъ чередомъ на пользу царю, родинѣ и населенію.

Самъ Н. Г. Столѣтовъ, впрочемъ, впоследствии не разъ упоминалъ, что ни полковникъ З., ни докторъ Ѳ. не вызывали въ дальнѣйшемъ ни въ комъ сомнѣній вообще относительно себя. Или все приписанное имъ явилось плодомъ недоразумѣній, говорилъ онъ, или въ тѣ минуты суеты и громадной утомительной работы они не сумѣли владѣть собой, а потому повели себя такъ, что дали мѣсто кривому толкованію ихъ дѣйствій и поступковъ; это могло вызвать противъ нихъ бездну нареканій, подчасъ несправедливыхъ и неосновательныхъ, похожихъ на вражескіе измышленія и оговоры.

III.

Графъ П. И. Кутайсовъ—начальникъ Мангышлакскаго отдѣла.—Сношенія Н. Г. Столѣтова съ нимъ.—Ихъ взгляды и взаимныя отношенія.—Подчиненіе Мангышлака зачальнику Дагестанской области.—Князь Меликовъ.—Докладъ графа Кутайсова великому князю.—Отчисленіе его отъ должности.—Назначеніе военнымъ агентомъ въ Лондонъ.—Неожиданное отчисленіе Столѣтова.

Между графомъ Павломъ Ипполитовичемъ Кутайсовымъ и Н. Г. Столѣтовымъ сразу установились добрососѣдскія отношенія; съ одной стороны, этому содѣйствовало то обстоятельство, что, состоя

на одномъ курсѣ въ академіи генеральнаго штаба, они были въ особо дружескихъ отношеніяхъ между собой; съ другой стороны, помогла одинаковость ихъ взглядовъ на службу, въ которой каждый изъ нихъ прежде всего видѣлъ долгъ и обязанность, строго держась законовъ, дѣлать исключительно то, что клонится къ ея всестороннимъ пользамъ.

Кромѣ сношеній официальныхъ, эти дѣятели далекой окраины завели между собой переписку неофициальную; въ ней, однако, рѣдко проскальзывало что-либо, касавшееся ихъ частныхъ дѣлъ или отношеній; лишь кое-когда въ postscriptum можно было встрѣтить строчку, не имѣвшую чисто дѣловаго характера и смысла.

Сосѣди старались помогать другъ другу, облегчая и предупреждая все, что необходимо было исполнить по распоряженіямъ, исходящимъ отъ властей; такъ случилось, что въ самомъ началѣ, почти при вступленіи Кутайсова въ должность, Столѣтовъ направилъ въ Мангышлакъ сотню, шедшую въ Красноводскъ; она очень нужна была Кутайсову, и присылка ея выручила его.

Не долго довелось быть имъ сосѣдями; уже почти тотчасъ послѣ назначенія Кутайсова въ должность послѣдовало распоряженіе о подчиненіи Мангышлака начальнику Дегестанской области на тѣхъ же правахъ и основаніяхъ, на какихъ подчинена ему вся та область; такимъ образомъ, графъ Кутайсовъ былъ лишень части самостоятельности, которая была ему дана при назначеніи его. Слѣпо преданный службѣ и ея интересамъ, онъ продолжалъ ее нести съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ началъ свой трудъ. Но стѣсненія получившейся такимъ образомъ «централизаціи» слишкомъ скоро сказались неудобствами «гофкрисгератнаго» положенія. Нѣсколько мѣсяцевъ графъ Кутайсовъ протащилъ не въ мѣру отяжелѣвшую обузу, но въ концѣ концовъ, что называется, запросилъ пардону: въ серединѣ февраля 1871 года онъ неспросилъ разрѣшенія прибыть въ Тифлисъ для представленія его высочеству личнаго доклада обо всѣхъ обстоятельствахъ создавагося положенія.

Изъ Тифлиса онъ написалъ Столѣтову нѣсколько писемъ, въ которыхъ поневолѣ излилъ все накопившееся у него въ душѣ и немало его огорчавшее.

«Главнoкомандующій, съ присущей ему безконечной добротой, принялъ меня, снисходительно выслушалъ, разрѣшилъ говорить ему все совершенно просто, а главное безъ утайки,—пишетъ въ одной изъ своихъ записокъ Кутайсовъ.—Я высказалъ рѣшительно все; великій князь во многомъ со мной согласился и почти во всемъ намѣтилъ принятіе мѣръ къ устраненію создавшихся вопіющихъ неудобствъ.

«Я счастливъ былъ помочь бѣдѣ. Боюсь лишь одного—хорошо, если не выйдетъ такъ, что его высочество съ тою же добротой, съ тѣмъ же честнымъ, благороднымъ довѣріемъ выслушиваетъ и окру-

жающихъ его, а между ними далеко не всѣ смотрятъ совершенно спокойно на создавшееся положеніе хотя бы полной самостоятельности въ моей дѣятельности и, —нечего скрывать,—и въ твоей. Нѣкоторымъ эта самостоятельность не даетъ покоя, она вызвала въ нихъ то особое, характерное безпокойство, которое возбуждается чувствами, похожими на ревность, граничащую съ завистью и обычно перерождающуюся безсиліемъ въ злобную ненависть.

«Ты извинишь мнѣ то, что я касаюсь кое-чего задѣвающего тебя,—говорить онъ въ другомъ письмѣ:—какъ ты хорошо поймешь,—положеніе начальниковъ отдѣловъ, если они не имѣютъ въ своемъ распоряженіи органовъ, связующихъ ихъ съ центромъ служебной зависимости,—положеніе это подобно тому, какое выпадаетъ на долю мужей, узнающихъ послѣдними то, что окружающимъ ихъ съ полною ясностью уже давно извѣстно. Многое я узналъ здѣсь такого, чего мнѣ на мѣстѣ и не спилось; какъ насъ здѣсь оплетаютъ, отговариваютъ, и какимъ урокомъ мнѣ все это послужить, когда я вернусь къ себѣ въ Мангышлакъ,—вѣрнѣе сказать,—если вернусь. Не мѣшало бы и тебѣ теперь же отлучиться сюда,—если свойственная тебѣ добросовѣстность, ставящая всегда и во всемъ на первый планъ, при непрерывности веденія работъ, точность и пунктуальность,—позволить тебѣ это. Впрочемъ, ты, счастливецъ, умѣешь «съ твердостью стальною» не придавать значенія мелочамъ даже и немелочнымъ. Я старался дѣлать такъ же и, какъ видишь, сначала назначеніе мнѣ гофкрисграта въ лицѣ начальника Дегестанской области игнорировалъ; но слишкомъ большое стѣсненіе моихъ распоряженій дѣлаетъ такія задержки и вызываетъ такія упущенія, что ходъ работы рѣшительно парализуется.

«Я доложилъ великому князю объ этомъ и сказалъ, что нельзя при такихъ условіяхъ отвѣчать за дѣло; но это еще полбѣды,—а вотъ пагуба: все дѣло при такомъ положеніи можно испортить, въ конецъ исковеркать и тѣмъ многое обернуть на пользу врагу...

«Совершенно правильно великій князь отвѣтилъ, что такой доброжелательный и корректный человѣкъ, какимъ является теперешній начальникъ той области, не внесетъ диссонанса ни въ какое дѣло.

«— Ваше высочество,—отвѣтилъ я:—это служить лучшимъ доказательствомъ необходимости устраненія такого порядка; съ установленіемъ его даже и при такомъ начальникѣ, каковъ князь Меликовъ, создалась масса неудобствъ и тормозовъ для правильнаго веденія сложнаго дѣла; вѣдь у него тоже немало вліяющихъ на его волю проворныхъ подчиненныхъ; а затѣмъ, кто можетъ поручиться за то, что князь Меликовъ останется на посту и не будетъ сегодня или завтра замѣненъ кѣмъ-либо менѣе доброжелательнымъ и болѣе вреднымъ!

«— Тогда обратишься ко мнѣ, я наложу свою руку.

«— Въ такихъ дѣлахъ всякая подобная проволочка равносильна упущенію,—дерзнулъ я отвѣтить.

«На это безконечно снисходительный великій князь сказалъ:

«— Да, ты правъ.

Въ третьемъ письмѣ графъ Кутайсовъ уже совсѣмъ плохо скрываетъ безнадежность положенія.

«Начну съ того, что спрошу тебя прямо, безъ обиняковъ: чѣмъ ты заслужилъ жестокую ненависть со стороны начальника штаба? Собирая всѣ мысли свои въ одно цѣлое, я сопоставляю то, что, во-первыхъ, ты долженъ узнать все, дабы не быть въ невѣдѣніи подобномъ рогоносному; съ другой стороны, ни тебя, ни твоей спокойной энергіи не ослаблять и не беспокоить свѣдѣнія о томъ, что творится противъ тебя; слѣшу поэтому безбоязненно сообщить тебѣ, что одинъ изъ твоихъ подчиненныхъ, видимо, подуськиваемый докторомъ О., старательно разводитъ здѣсь возлѣ начальника штаба картину зловредности твоей работы; картина та едва ли не является отраженіемъ того, что рисуетъ и диктуетъ кто-то изъ служащихъ въ штабѣ; эти лица лишь развиваютъ и стущаютъ все, что тотъ, какъ видно, начерталъ имъ уже давно. На всякій случай возъмись за осторожность, поберегайся. Я, съ своей стороны, съ грустью прихожу къ убѣжденію, что здѣсь, при нашемъ высокоблагороднѣйшемъ великомъ князѣ больше людей зложелательныхъ, чѣмъ честно дѣлю преданныхъ; помѣшателей ему, сердечному, больше, чѣмъ помощниковъ. Крѣплюсь, но не знаю, что будетъ дальше; такъ крѣпиться, какъ умѣешь ты, мнѣ не подъ силу, а потому не посчастливится! Но помни всегда: я не ищу ничего лично для себя, дѣйствую лишь изъ опасенія за дѣло; разными мелочами оно сильно разстраивается...»

Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ послѣ подобныхъ же жалобъ графъ Кутайсовъ пишетъ:

«Надежды нѣтъ не только повернуть новое положеніе на спасительный прежній порядокъ, но даже нельзя подумать хотя бы о нѣкоторомъ ослабленіи созданной пагубы; рѣшивши сегодня,—пожалуйста, только не подумай обо мнѣ дурно,—просить главнокомандующаго объ отозваніи меня, я отложилъ докладъ этой просьбы до завтрашняго дня лишь для того, чтобы лучше обдумать ту форму, въ которой могъ бы я мягче, деликатнѣе и корректнѣе доложить великому князю о своемъ желаніи. Его высочество настолько всегда самъ, прежде всего, ласково и сердечно деликатенъ, что я просто боюсь показаться ему не отвѣчающимъ полною благородною признательностью на все, имъ въ отношеніи подчиненныхъ творимое.

«Гора съ плечъ,—пишетъ графъ Кутайсовъ отъ 25-го марта:—сегодня просто и прямо я изложилъ великому князю и окончательную исповѣдь, и дерзкое желаніе ходатайствовать о дарованіи мнѣ отпускной.

«— Никогда я не дошелъ бы до этого,—отвѣтилъ его высочество:—но, разъ у тебя зародилась такая мысль,—съ Богомъ, это лучше и для тебя и для дѣла; я же, по отношенію къ тебѣ, ни на іоту не измѣнюсь и, конечно, тебѣ дѣло найду, ты еще примѣнишь свои дарованія и знанія.

«Сейчасъ вечеромъ,—добавляетъ графъ Кутайсовъ къ своему письму,—великій князь сообщилъ мнѣ въ формѣ полувопроса о своемъ намѣреніи назначить на мое мѣсто полковника барона Мейендорфа ¹⁾. Я отвѣтилъ его высочеству, что если бы онъ, не называя фамиліи этого штабъ-офицера, спросилъ меня прямо, кого можно съ полной, спокойной увѣренностью назначить начальникомъ Мангышлака, я не задумываясь назвалъ бы именно барона Мейендорфа; но для пользы дѣла прежній порядокъ все-таки надо обязательно возстановить.

«— Ты все не можешь забыть своего,—ласково сказалъ великій князь:—объ этомъ подумать надо, и очень».

Полковникъ баронъ Мейендорфъ не былъ назначенъ въ Мангышлакъ; вѣроятно, нашли, что неудобно отрывать его отъ дѣла, которому онъ лишь успѣлъ отдаться съ полнымъ рвеніемъ,—отъ командованія полкомъ; надо дорожить тѣмъ, что находятся штабъ-офицеры, которые съ такимъ большимъ усердіемъ, умѣньемъ и знаніемъ дѣла принимаютъ командовать строевою частью.

На мѣсто графа Кутайсова былъ назначенъ генералъ-майоръ А. В. Комаровъ, которому суждено было черезъ двѣнадцать лѣтъ одержать блестящую побѣду при Зюльфатарѣ и передать къ подножію престола городъ Мервъ съ его областью.

Что касается графа Кутайсова, то его способности дѣйствительно нашли себѣ примѣненіе: вскорѣ послѣ всего происшедшаго,—во всякомъ случаѣ, не очень пріятнаго,—онъ былъ отличенъ назначеніемъ на постъ военнаго агента въ Лондонъ, о чемъ немедленно же изъ Петербурга въ длинномъ письмѣ сообщилъ Н. Г. Столѣтову въ Красноводекъ.

Однадцать лѣтъ онъ пробылъ на этомъ серьезномъ посту.

«Англичанинъ,—писалъ ему въ отвѣтъ Н. Г. Столѣтовъ,—безпокойте меня и мѣшаетъ моей дѣятельности больше, чѣмъ весь нашъ штабъ кавказскаго округа. Тамъ, въ Лондонѣ, ты развернешь всѣ свои разнообразныя способности, между прочимъ къ тому,

¹⁾ Бывшій конногвардеецъ, адъютантъ великаго князя. Въ маѣ 1870 года онъ показалъ себя молодцомъ, когда быстрыми набѣгами и лихими дѣйствіями своими близъ источниковъ Кунаису, а также на урочищахъ Башъ-Кудукъ, Агизъ и Игизъ захватилъ съ налета партію киргизовъ, среди которыхъ оказались трое сыновей вліятельныхъ киргизскихъ бѣевъ Табуліевыхъ; въ этомъ набѣгѣ онъ захватилъ верблюдовъ и нѣсколько табуновъ лошадей—всего до двухъ тысячъ головъ. Послѣ того, въ ноябрѣ онъ былъ назначенъ командиромъ лихова Тверскаго драгунскаго имени великаго князя Николая Николаевича Старшаго полка.

чтобы обуздать дѣятельность хитраго сына Альбіона, намъ на каждомъ шагу ставящаго препоны здѣсь—и въ Персіи, и въ Хивѣ, и въ Афганистанѣ...»

Лично для Н. Г. Столѣтова все сообщавшееся графомъ Кутайсовымъ отзывалось гораздо хуже, чѣмъ для самого графа его собственные бѣды, во-время, хотя, быть можетъ, съ нѣкоторою излишнею щепетильностью, захваченныя имъ.

Не далѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца, въ срединѣ іюля 1871 г., Столѣтовъ былъ отчисленъ отъ занимавшейся имъ въ теченіе двухъ лѣтъ должности, при чемъ его плодотворная и многотрудная дѣятельность была одновременно съ тѣмъ награждена пожалованнымъ ему орденомъ св. Владимира 3-й степени.

Очень тяжело подѣйствовало на него этотъ внезапно стрясшійся поворотъ судьбы; но ни жалобъ, ни сѣтованій онъ не считалъ себя въ правѣ выражать, а, покорившись злему року, сталъ изыскивать способъ дальнѣйшаго вступленія на путь работы; онъ весь отдался чувству вѣры въ то, что правда сама собой восторжествуетъ и справедливость возвратитъ его къ самому дорогому—къ возможности принесенія пользы родинѣ.

Ни въ Тифлисѣ великому князю, который принялъ его очень любезно, выразивъ лишь нѣкоторое сожалѣніе, болѣе похожее на удивленіе, тому, «что онъ пожелалъ отдохнуть», ни тѣмъ болѣе въ Петербургѣ Д. А. Милютину онъ въ первое время ничего не высказалъ и рѣшилъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода дѣлъ своей службы и жизни.

— Нѣтъ человѣка,—говорилъ онъ нерѣдко впоследствии:—у котораго вся жизнь, а тѣмъ болѣе служба, прошла бы гладко, безъ ударовъ судьбы, всегда тяжелыхъ и всегда неожиданныхъ. Можетъ быть, моя дѣятельность справедливо оцѣнена другими, какъ далеко несовершенная, но, вѣдь, и то вѣрно, что *la critique est aisée, mais l'art est difficile*.

IV.

Н. Г. Столѣтовъ нашелъ поддержку въ графѣ О. Л. Гейденѣ.—Большое участіе Д. А. Милютина.—Назначеніе Н. Г. Столѣтова помощникомъ начальника аму-дарьинской экспедиціи великаго князя Николая Константиновича.—Отставка великаго князя.—Столѣтовъ назначенъ на его мѣсто.—Глухіе толки о разоблаченіи продѣлки противъ начальника Красноводскаго отдѣла.—Великодушіе великаго князя Михаила Николаевича.—Отзывъ военнаго министерства и императорскаго географическаго общества объ успѣхахъ аму-дарьинской экспедиціи.—Государь щедро наградилъ ея начальника.—Назначеніе генераль-майора Столѣтова въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующей арміи великаго князя Николая Николаевича Старшаго.—Подвиги Столѣтова и воспитанной имъ дружины братушекъ-болгаръ.

У Н. Г. Столѣтова навсегда врѣзалось въ память, что вообще въ постигшей его неудачѣ начальникъ главнаго штаба графъ Оедоръ Логгиновичъ Гейденъ благородно и своевременно пришелъ ему на помощь своимъ добрымъ совѣтомъ:

— Тяжело будетъ вамъ исполнить то, что я придумалъ,—сказалъ онъ Столѣтову:—но, обсуждая создавшееся положеніе, ничего больше нельзя изобрѣсть, какъ зачислиться вамъ въ учебный пѣхотный батальонъ для спеціальнаго и детальнаго изученія пѣхотной службы. Это вамъ поможетъ, и только это можетъ васъ выручить.

Н. Г. понять, что ему надо было «получить цензъ» для назначенія на строевую должность. Раньше ни въ артиллеріи, ни въ генеральномъ штабѣ онъ эту службу изучить не имѣлъ возможности; поэтому, не задумавшись, принялъ рѣшеніе поступить по совѣту Оедора Логгиновича, а затѣмъ, подучившись съ годъ, получилъ въ сентябрѣ 1872 года назначеніе на должность командира 112-го пѣхотнаго Уральскаго полка.

Осенью слѣдующаго года, на произведенномъ государемъ Александромъ Николаевичемъ смотру стрѣльбы войскамъ виленскаго военнаго округа, полкъ Столѣтова, въ числѣ немногихъ, былъ поставленъ, по результатамъ стрѣльбы, выше отличнаго. Государь, вызвавъ на смотровомъ полѣ командировъ тѣхъ полковъ, выразилъ имъ особую благодарность; присутствовавшій при этомъ военный министръ Д. А. Милютинъ, пригласивъ полковника Столѣтова, поговорилъ ему любезностей, а затѣмъ добавилъ:

— Очень жаль, что болѣзненное состояніе ваше заставило васъ просить объ отозваніи изъ Красноводска; это отняло у васъ возможность служить тамъ, гдѣ вы приносили массу пользы и могли бы въ дальнѣйшемъ приносить ея еще больше.

Крайне смущенный и изумленный такимъ сообщеніемъ, Столѣтовъ сказалъ:

— Я, ваше высокопревосходительство, никогда не болѣлъ настолько, чтобы просить объ отозваніи. Нѣчто подобное передаваемому вами теперь я какъ будто бы, вскорѣ послѣ отчисленія, слышалъ изъ устъ великаго князя, но не могъ сразу сообразить, въ чемъ дѣло; теперь я понимаю, что въ этомъ таится какое-то невыясненное недоразумѣніе.

— Вотъ какъ, а я изъ всѣхъ разговоровъ объ васъ по поводу этого вывелъ такое заключеніе,—отвѣтилъ Дмитрій Алексѣевичъ, широко раскрывъ свои умные, выразительные глаза. Послѣ секундной паузы онъ произнесъ:

— Дѣло очень серьезное; но прежде всего надо подумать объ исправленіи того, что въ такой сильной степени и такъ безбожно напорчено для васъ.

Этотъ разговоръ впервые раскрылъ Н. Г. Столѣтову все съ нимъ продѣланное и прикрытое пожалованіемъ сравнительно большого ордена. Все, временами смутно представлявшееся ему, всплыло теперь; онъ увидѣлъ, какъ смѣло обошли великаго князя, какъ подтасовали это дѣло. Состоявшаяся тогда замѣна Столѣтова

полковникомъ Z. съ одновременнымъ повышеніемъ доктора О., а также родъ сѣтованія, высказаннаго безконечно добрымъ великимъ княземъ,—все это въ свое время должно было раскрыть глаза Столѣтову на то, что какая-то спрятавшаяся, хитрая лисенца окунулась въ этомъ дѣлѣ въ мелочную грязь.

Слишкомъ широкій человѣкъ былъ Д. А. Милютинъ для того, чтобы долго останавливаться на такой мелочи и заниматься разборомъ такихъ дрызгъ. Дѣло такъ и кануло; онъ не сталъ добиваться, кто именно въ этомъ дѣлѣ поступилъ недостойно. Оставивъ все, онъ ограничился лишь тѣмъ, что спросилъ Столѣтова объ его предположеніяхъ на этотъ счетъ, а затѣмъ поговорилъ съ нимъ подробно о томъ, какъ шла столь безпощадно вдругъ прерванная дѣятельность его на посту начальника Красноводскаго отдѣла, при чемъ очень заинтересовался высказанными имъ соображеніями о крайней и настойчивой необходимости, послѣ примѣрнаго наказанія хивинскаго хапа ¹⁾, немедленно завязать дружественныя сношенія съ эмиромъ афганскимъ.

— Я глубоко убѣдился въ томъ,—доложилъ Столѣтовъ:—что Ширъ-Али тяготеетъ фальшивой дружбой англичанъ и что онъ радъ былъ бы найти покровительство великой державы Бѣлаго царя; англичане, въ свою очередь, именно теперь, видя наши успѣхи въ Средней Азій, дрожать за свои границы и предоставятъ намъ вполне свободный доступъ въ Хоросанъ, Белуджистанъ, Афганистанъ, какъ мы сами себѣ открыли этотъ доступъ въ Бухару и Хиву; съ этимъ непременно надо поторопиться и безъ промедленія снарядить для переговоровъ чрезвычайныя посольства въ эти средне-азиатскія ханства—особенно въ Афганистанъ; моментъ можетъ быть упущенъ, а промедленіе въ такомъ дѣлѣ послужитъ всему нашему дѣлу во вредъ...

— Да, да,—сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ,—соображенія ваши на этотъ счетъ совершенно справедливы; я буду докладывать о нихъ государю, а васъ приглашу, когда придетъ пора, открыть всѣ эти разсужденія болѣе ясному пониманію министерства иностранныхъ дѣлъ. Итакъ, успокойтесь совершенно въ вашей досадной неудачѣ по Красноводскому отдѣлу; жаль, что вамъ пришлось еѣ тогда пропустить, дать ей такъ пройти, что она могла достичь такихъ предѣловъ.

— Ваше высокопревосходительство, я не могъ думать, что дѣло стояло такъ, а оказавшіяся теперь невѣрными соображенія мои о томъ, что въ этомъ была воля главнокомандующаго, именно не давали мнѣ права выражать хоть тѣнь претензій; воля его высочества всегда должна была для меня являться святою...

¹⁾ Это былъ годъ похода противъ Хивинскаго ханства.

— Все это вполнѣ вѣрно; вашей вины во всемъ этомъ нѣтъ, неудачно и нежелательно все сложилось, а время ушло; виновники такого неслыханнаго подкопа подъ волю великаго князя теперь уже занимають другія мѣста; не стоитъ теперь рыться въ этомъ дѣлѣ, легко можетъ весь трудъ оказаться напраснымъ, а время занятія имъ—потеряннымъ.

Бесѣда эта вызвала со стороны Дмитрія Алексѣевича распоряженіе, данное начальнику главнаго штаба графу Гейдену, о немедленномъ переводѣ полковника Столѣтова въ генеральный штабъ съ причисленіемъ его къ главному штабу.

Въ то время по главному штабу изготовлялся подробный всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра о командированіи въ Среднюю Азію особой ученой экспедиціи для изслѣдованія стараго русла рѣки Аму-Дарыи и для производства другихъ изысканій, намѣченныхъ военнымъ министерствомъ въ согласіи съ императорскимъ географическимъ обществомъ. Начальникомъ этой экспедиціи былъ избранъ великій князь Николай Константиновичъ, старшій сынъ великаго князя генералъ-адмирала Константина Николаевича. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ призналъ совершенно правильнымъ назначить Н. Г. Столѣтова помощникомъ начальника экспедиціи. На оба эти назначенія послѣдовало высочайшее соизволеніе, а потому тогда же приготовленія къ экспедиціи начались со взаимнаго ознакомленія начальника экспедиціи и его помощника.

Когда сборы и всестороннія приготовленія экспедиціи стали подходить къ концу, августѣйшій начальникъ экспедиціи вынужденъ былъ по болѣзни отказаться отъ должности, и на таковую, высочайшимъ приказомъ 15-го апрѣля 1874 года, былъ назначенъ полковникъ Н. Г. Столѣтовъ.

Принявъ эту отвѣтственную, требовавшую самой серьезной, вдумчивой работы должность, онъ всецѣло окунулся въ дѣло подготовки себя и чиновъ экспедиціи къ выступленію; срочностью этого труда, а также необходимостью согласованія въ немъ требованій военнаго министерства со взглядами и желаніями императорскаго географическаго общества, поглощалось все время, остававшееся до отъѣзда въ далекіе края.

Но все-таки, среди чисто дѣловыхъ свѣдѣній, доводилось ему наталкиваться на такія праздныя, о которыхъ онъ не думалъ самъ по себѣ, а главнымъ образомъ не хотѣлъ бы думать, видя передъ собой примѣръ Дмитрія Алексѣевича Милютина, разомъ ставшаго на свою точку—не раскапывать грязи; Н. Г. всѣми силами старался держаться въ сторонѣ отъ всего, что этой грязи касалось. Находились люди, которые съ какими-либо цѣлями или такъ просто прилагали старанія къ тому, чтобы освѣдомить его относительно деталей закулисной стороны дѣла—удаленія его изъ Красноводска.

Совершенно незамѣтно онъ узналъ, будто бы изъ штаба кавказскаго округа систематически, рядомъ со свѣдѣніями о томъ, что вообще полковникъ Столѣтовъ человекъ способный и работаетъ въ Красноводскомъ отдѣлѣ очень старательно, великому князю докладывалось, что онъ вмѣстѣ съ рвеніемъ служебнымъ проявляетъ массу увлеченій, которыя въ концѣ концовъ могутъ вредно отозваться на ходѣ нашихъ дѣлъ, требующихъ вообще большой осторожности и чуткости веденія ихъ въ этой совершенно обособленной окраинѣ. Между прочимъ, въ вину ему было поставлено то, что онъ, очутившись на восточномъ берегу Каспійскаго моря, сразу продвинулся къ подножію Балханскихъ горъ, тогда какъ умѣстиже было бы остаться и укрѣпиться на побережьи у Красноводска; въ этомъ движеніи старался выставить большой промахъ, будто бы повлекшій за собой опрометчивое требованіе чрезмѣрнаго увеличенія силъ ввѣреннаго ему отряда войскъ. Но болѣе всего, между нанизанными противъ него, высказывавшимися «въ видѣ сожалѣнія» фактами, кон говорили въ подтвержденіе неосторожности полковника Столѣтова, приводился сдѣлавшійся извѣстнымъ приближеннымъ къ нему лицамъ, созданный имъ грандіозный, весьма, быть можетъ, дѣльный въ основѣ своей, но, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, крайне несуразный проектъ смѣлаго и рѣшительнаго похода изъ Красноводска въ Хиву... Многое въ содержаніи этого проекта представлялось пока безвреднымъ, но такимъ, что можетъ, при осуществленіи, оказаться крайне опаснымъ даже для всей нашей средне-азіатской политики.

— Проектъ этотъ былъ вовсе не проектъ, а простое, хотя и не разъ опредѣленно высказанное, разсужденіе,—разсказывалъ впоследствии Столѣтовъ.—Эти разсужденія подъ видомъ проекта кто-то постарался, «какъ бы невзначай», сообщить въ министерство иностранныхъ дѣлъ, «а оно уже давно побанивалось, какъ бы не повторилась еще разъ исторія, уже два раза пережитая Россіей въ отношеніи Хивы,—въ первый разъ съ экспедиціей Бековича въ началѣ XVIII столѣтія (1714 г.), при Петрѣ Великомъ, и во второй разъ въ 1839 году съ графомъ Перовскимъ.

Вышло такъ, что великій князь-намѣстникъ, получая случайно такія и подобныя свѣдѣнія, дошелъ мало-по-малу до того, что началъ привыкать къ мысли о неизбѣжности ухода переутомившагося добросовѣстной работой Столѣтова; при этомъ его высочество, оставаясь неизмѣнно самаго лучшаго мнѣнія объ его службѣ и служебныхъ достоинствахъ, счелъ лишь необходимымъ въ минуту смѣны этого во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго штабъ-офицера не проявить къ нему хотя бы малѣйшей несправедливости. Углубленному въ крайне сложныя дѣла управленія краемъ и не менѣе сложнаго командованія войсками, въ немъ расположеннымъ, великому князю не могло на мысль прійти и не представлялось возможнымъ замѣтить,

«что отличенный имъ вообще полковникъ Столѣтовъ, отпускаясь тогда на отдыхъ съ награжденіемъ орденомъ св. Владимира третьей степени, въ сущности, увольнялся вслѣдствіе сложно задуманной и искусно проведенной интриги самаго зауряднаго, простого и даже низменнаго характера».

Кое-кто, высказывая тогда же сужденія на этотъ счетъ, находилъ, что, быть можетъ, если бы преемникъ Столѣтова, полковникъ Z., нѣсколько менѣе убѣждалъ себя въ неумѣстности, неисполнимости и преступности проекта похода на Хиву, то, быть можетъ, далъ бы себѣ трудъ обдумать этотъ проектъ къ той минутѣ, когда получилъ приказъ на нее двинуться во главѣ красноводскаго отряда и—кто знаетъ?—привелъ бы его въ исполненіе не съ тѣми печальными результатами, которые въ свое время обозначились, прогремѣвъ на весь міръ.

Съ своей стороны, Столѣтовъ, устранивъ всякую возможность повторенія какихъ бы то ни было разговоровъ «объ исторіи его смѣщенія», всецѣло отдался исполненію работъ, довѣренныхъ ему по новой должности; при этомъ мечталъ только о томъ, чтобы вооружиться всею твердостью характера, и весь обратился въ трудъ по экспедиціи, всесторонне его занявшей и заинтересовавшей.

До конца ноября 1874 года она проработала на Аму-Дарѣ, въ началѣ 1875 года представилъ обстоятельный отчетъ объ работахъ экспедиціи, а въ мартѣ того года произведенъ въ генералъ-майоры, пробывъ въ чинѣ полковника всего лишь семь лѣтъ; въ тѣ времена это представлялось весьма рѣдкимъ.

Какъ военное министерство, такъ и императорское географическое общество признали, что просвѣщенное участіе Николая Григорьевича въ этомъ дѣлѣ оживило работы, при чемъ дало имъ много такихъ сторонъ успѣха, какихъ трудно было ожидать и ни въ какомъ случаѣ не получилось бы безъ его участія и безъ его указаній.

Государь, принявъ Столѣтова по случаю награжденія его чиномъ генералъ-майора, выразилъ ему особую благодарность, сказавъ:

— Ты вполне оправдалъ надежды, возлагавшіяся на тебя, и я радъ, что на должность начальника этой экспедиціи Дмитрій Алексѣевичъ помогъ мнѣ избрать именно тебя; буду рассчитывать и впредь пользоваться твоею опытностью и твоими знаніями, которыми ты уже не въ первый разъ себя зарекомендовалъ въ полной мѣрѣ. Спасибо тебѣ, отъ души благодарю.

Понтересовавшись деталями обихода работъ, произведенныхъ съ такимъ успѣхомъ, какого трудно было ожидать еще потому, что послѣдніе два мѣсяца онѣ производились въ осеннее время, когда разливы рѣкъ въ тѣхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ ихъ стихійными, государь добавилъ, что ему извѣстно о проектѣ рованномъ Столѣтовымъ въ свое время походѣ въ Хиву.

— Ты угадывалъ мое желаніе и мои мысли еще за три года до ихъ выполненія, когда князь Горчаковъ при одномъ намекѣ на это приходилъ въ неописуемый ужасъ, имъ серьезно овладѣвать тогда непонятный страхъ...

Прокомандовавъ послѣ этого нѣкоторое время бригадой въ третьей пѣхотной дивизіи, Н. Г. Столѣтовъ, по личному выбору военного министра Дмитрія Алексѣевича Милютина, былъ рекомендованъ формировавшему въ то время свой штабъ дѣйствующей арміи великому князю Николаю Николаевичу Старшему и былъ зачисленъ въ число генераловъ, назначенныхъ состоять въ распоряженіи его императорскаго высочества.

Въ день объявленія войны—12-го апрѣля 1877 года—великій князь отличилъ его выборомъ къ утвержденію въ должность начальника болгарскаго ополченія, которое высочайше повелѣно было ему «сформировать, обучить и приготовить къ вступленію въ боевую службу».

Вотъ какимъ тернистымъ путемъ полковникъ Столѣтовъ добрался до этой должности, которая совершенно неожиданно, тихо, безъ шума дала ему высокое передъ родиной отличіе, обезсмертившее его имя.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ ополченіи, народившемся по мысли и по распоряженію великаго князя главнокомандующаго.

Еще въ Кишиневѣ великій князь приказалъ отдѣлить отъ каждаго полка арміи по нѣсколько человекъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ подъ командой взятыхъ изъ строя офицеровъ; по мѣрѣ того, какъ для укомплектованія арміи прибывали нижніе чины запаса, нѣкоторые изъ нихъ выдѣлялись. Такимъ образомъ скоро всѣ эти люди, набранные изъ полковъ и изъ запаса, составили «кадръ болгарскаго ополченія».

Вотъ когда общее командованіе сначала надъ этимъ кадромъ, а, по мѣрѣ присоединенія къ нему добровольцевъ, уроженцевъ Болгаріи,—и надъ ополченіемъ было ввѣрено генераль-майору Николаю Григорьевичу Столѣтову; 12-го апрѣля назначеніе это было утверждено высочайшимъ приказомъ.

Когда къ срединѣ мая главная квартира великаго князя устроилась въ румынскомъ городѣ Плоештахъ, болгарское ополченіе уже сформировалось тамъ изъ кадра и изъ добровольцевъ-болгаръ; къ числу офицеровъ, назначенныхъ въ помощь Н. Г. Столѣтову, были добавлены офицеры изъ гвардіи, изъ генеральнаго штаба и частью изъ ташкентцевъ, переведенныхъ въ дѣйствующую армію по ходатайству М. Д. Скобелева. Особо были отобраны нижніе чины изъ запаса гвардейской кавалеріи; они составили «кадръ кавалеріи болгарскаго

ополченія» и, пока что, состояли при главной квартирѣ подъ начальствомъ офицеровъ, вызванныхъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Въ то время, когда болгарская пѣхота была сформирована вполне удачно, изъ попытки формировапія кавалеріи не вышло ничего за трудностью набора конскаго состава.

Въ Плоэштахъ великій князь передалъ уже ставшему на ноги и начинавшему крѣпнуть ополченію привезенное туда отъ города Самары и представленное его императорскому высочеству самарскимъ городскимъ головой П. В. Алабинымъ бѣлое, вышитое золотомъ знамя.

Мнѣ, какъ ординарцу главнокомандующаго, посчастливилось быть дежурнымъ въ тотъ день при великомъ князѣ. Передавъ знамя генералу Столѣтову, главнокомандующій сказалъ ополченію:

— Подъ сѣнью этой святыни вы, молодцы, постараетесь заслужить, и, я увѣренъ, заслужите себѣ славу безсмертную; крестъ, который вы видите на груди вашего командира-севастопольца, да украситъ грудь каждаго изъ васъ; уже по тому, какъ вы принялись учиться и спланиваться въ одно цѣлое, я вижу, что скоро молодые братушки сольются со своими учителями, а въ дружномъ, молодецкомъ натискѣ на врага не отстанутъ отъ нихъ; врагъ не устоитъ противъ вашей силы; пошли вамъ Богъ; ужъ недолго ждать тѣхъ дней, въ которые вы покажете турчину за все то, что онъ сотни лѣтъ творилъ съ несчастной родиной вашей; за нее теперь рѣшилъ, съ Божиимъ благословеніемъ, мощно вступить великій царь; пришелъ конецъ рабства этой страны; настанутъ для нея теперь счастливые годы; съ этимъ знаменемъ сыны ея всюду пойдутъ свободно.

Дружно взявшіеся за обученіе болгаръ офицеры пѣхотныхъ частей помогли своему командиру Н. Г. Столѣтову; немало и онъ внесъ своей работы въ это трудное дѣло, которое могъ провести съ полнымъ успѣхомъ, благодаря своей долгой боевой службѣ; къ тому году исполнилось этой службы четверть вѣка; братушки знали, что, начавъ ее въ Севастополѣ, онъ провелъ большую часть ея на Кавказѣ и въ Ташкентѣ.

Въ его опытныхъ рукахъ это ополченіе скоро созрѣло; изъ братушекъ скоро получились настоящіе воины; не далѣе, какъ въ концѣ іюня, молодые дружины ополченія были присоединены къ отряду генерала І. В. Гурка и въ его первомъ забалканскомъ походѣ братушки, подъ командой генерала Столѣтова и русскихъ офицеровъ, дрались, какъ львы, при Карабунарѣ, Тырновѣ, Эски-Загрѣ, Энн-Загрѣ, Джуранлы.

Во время обратнаго перехода войскъ генерала Гурка черезъ Балканы ополченіе, подъ начальствомъ того же генерала Столѣтова, было оставлено на Шипкинскихъ высотахъ и самостоятельно, въ теченіе цѣлой недѣли, отражало, съ громадными для себя потерями, яростныя атаки Сулеймана-паши, явившагося слѣдомъ за войсками

Гурка къ подножію Шипки съ арміей совершенно свѣжихъ таборовъ. Стойко защищало юное ополченіе дорогой и крайне важный для всей нашей растянутой позиціи Шипкинскій переваль; несмотря на то, что врагъ превосходилъ это ополченіе числомъ во много разъ, — не уступило оно тотъ переваль, чѣмъ спасло дѣйствующую армію отъ ужасныхъ бѣдъ, нависшихъ тогда надъ ней и грозившихъ самой Россіи неисчислимыми бѣдствіями; себѣ ополченіе создало въ тѣ дни навсегда громкую славу,

Всѣ состоявшіе въ дѣйствующей арміи ясно и твердо помнятъ впечатлѣніе тягостныхъ первыхъ дней августа 1877 года, когда каждую минуту томительно и мучительно ожидалось полученіе извѣстія о томъ, что горсть храбрецовъ, засѣвшихъ на Шипкинскомъ перевалѣ, подъ командой начальника болгарскаго ополченія генерала Столѣтова, вотъ-вотъ вынуждена будетъ оставить свое гнѣздо, ставшее орлинымъ. Часъ за часомъ Сулейманъ-паша, спавшая свои свѣжія войска и опьяняя ихъ гашишемъ, посылалъ ихъ цѣлыми полчищами на жестокую схватку съ той горстью; въ ней за честь славной арміи нашей и всей Россіи стояли два уже растаявшихъ въ бояхъ полка корпуса О. О. Радецкаго—Брянскій и Орловскій—да молодое, только что созданное, болгарское ополченіе, казавшееся почти потѣшною арміей братушекъ.

Ни одной пяди земли не уступилъ разстрѣливавшійся со всѣхъ сторонъ Столѣтовъ. Какъ истинно и глубоко вѣрующій человекъ, онъ, съ полнымъ геройскимъ спокойствіемъ, возносилъ горячія молитвы благодаренія за каждый часъ, прожитый подъ градомъ свинца и чугуна, и съ тѣмъ же спокойствіемъ возсылалъ мольбы о дарованіи такого же благополучія и той же непреклонной отваги впредь, дабы предназначенное и ниспосланное испытаніе выдержать до конца...

Каково было состояніе духа на Шипкѣ, трудно себѣ и представить. Вдали же отъ нея, во всѣхъ мѣстахъ расположенія славной арміи, вѣруя въ мощь защищавшихся, начали все же отчаиваться за нихъ, за тягость, которую переживали храбрецы; имъ суждено было держать въ своихъ рукахъ участь всей арміи и судьбы Россіи, обнажившей мечъ въ защиту братьевъ-христіанъ. Стальными оказались эти руки, стальною же оказалась и закаленная твердость молодецъ-братушекъ, изумившихъ и весь міръ, и самого, не менѣе твердаго врага, неустанно лѣзшаго съ бѣшенствомъ на скалы...

Измученныя и обезсиленныя неимоверною убылью изъ строя чины всѣхъ ранговъ, войска Столѣтова были отведены назадъ верстъ за тридцать въ городъ Габровъ, когда на смѣну имъ пришелъ со своими молодецкими частями драгомировской дивизіи и со стрѣлками Крока Радецкаго; дальнѣйшая, уже обезпеченная слава защиты шипкинскаго оплота была передана въ опытные и вѣрные руки Оедора Оедоровича...

V.

Н. Г. Столѣтовъ въ послѣдній день 1877 года переходитъ съ дружинами черезъ Иметлійскій переваль.—Дм. Ал. Милютинъ призываетъ его къ новому дѣлу.—Одобреніе этому со стороны государя.—Докладъ Столѣтова у его величества.—Столѣтовъ, во главѣ чрезвычайнаго посольства, командированъ къ афганскому эмиру.—Пріѣздъ въ Ташкентъ.—Наставленія генерала-адъютанта-фонъ-Кауфмана.—Нѣкоторая странность ихъ.—Абдуррахманъ-ханъ.—Путешествіе по афганскимъ землямъ.—Пріѣздъ въ Кабуль.—Торжественный пріемъ у эмира.—Частныя бесѣды съ нимъ.—Внезапное отозваніе Столѣтова по телеграфу.—Предположенія Столѣтова о роли графа Шувалова въ этомъ.—Характеристика эмира Ширъ-Али-хана.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Представленіе государю.—Государь награждаетъ Столѣтова «за Ширъ-Али и за Сулеймана».—Графъ Шуваловъ въ дѣлѣ вторичной командировки Столѣтова.—Сонъ Столѣтова.—Извѣстія о смерти Ширъ-Али-хана.

Въ декабрѣ 1877 года болгарское ополченіе со своимъ начальникомъ Н. Г. Столѣтовымъ совершило переходъ Балканъ черезъ Иметлійскій переваль ¹⁾ въ отрядѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ М. Д. Скобелева; послѣдній же день 1877 года оно провело въ послѣднемъ бою подъ начальствомъ своего отца-командира—въ сраженіи подъ Шейновымъ, гдѣ вновь дрались рядомъ съ испытанными въ кровопролитныхъ бояхъ полками—на этотъ разъ съ полками Скобелевской дивизіи.

Дѣйствія Скобелева въ этомъ сраженіи оставили въ Столѣтовѣ, судя по его разсказамъ, недобрую память,—но объ этомъ когда-нибудь послѣ.

Средне-азиатскія отношенія наши приняли въ ту пору такой оборотъ, что Дм. Ал. Милютинъ, помня слова, сказанныя ему Н. Г. Столѣтовымъ передъ его отправленіемъ на Аму-Дарью, и сопоставляя ихъ съ тѣмъ, что узнавалъ изъ докладовъ, представлявшихся государю по министерству иностранныхъ дѣлъ, доложилъ его величеству въ началѣ 1878 года о своевременности командированія чрезвычайнаго посольства въ Афганистанъ; а когда государь согласился съ этимъ, то Дм. Ал. напомнилъ свой старый докладъ о необходимости поставить во главѣ посольства кого-либо изъ представителей военнаго вѣдомства; тогда государь вспомнилъ о Столѣтовѣ, только что покрывшемъ славою войска наши и имя свое изъ ряду выходящимъ подвигомъ защиты Шипкинской позиціи.

Было ясно видно, что собственно военныя дѣйствія уже пришли въ то время къ концу, а потому Столѣтовъ могъ быть свободно отозванъ изъ дѣйствующей арміи, для выполненія важной государственной командировки.

Явившись въ началѣ марта къ Дм. Ал. и услышавъ отъ него подтвержденіе того, что онъ вызванъ для отправленія къ Ширъ-

¹⁾ Ближайшій проходъ западнѣе Шипкинскаго перевала.

Али, Столѣтовъ доложилъ, что въ настоящее время имѣетъ обо всѣхъ средне-азиатскихъ дѣлахъ весьма смутное представленіе, боится, что все изученное имъ главнымъ образомъ въ Красноводскѣ и доложенное въ концѣ 1873 года уже совершенно измѣнилось, а также опасается, не поздно ли уже отправлять посольство, такъ какъ положеніе англичанъ за долгій промежутокъ времени стало совсѣмъ иное,—они оперились и опять набрались той наглости, которая обычно руководитъ ихъ дѣйствіями.

— Позвольте, ваше высокопревосходительство, мнѣ ознакомиться съ дѣлами, изучить теперешнее положеніе ихъ и тогда вновь явиться къ вамъ съ докладомъ,—сказалъ онъ Дм. Ал. Милютину.

— Да,—отвѣтилъ Дм. Ал.,—разсмотрите и изучите все не только въ азиатскомъ департаментѣ, куда вамъ будетъ открытъ безпрепятственный допускъ, но и въ главномъ штабѣ; а затѣмъ докладъ свой сдѣлаете не мнѣ, а государю императору; поторопитесь, его величество васъ на дняхъ приметъ...

Недѣли черезъ двѣ состоялся пріемъ, и Столѣтовъ, отвѣтивъ государю на все, что его величеству угодно было разспросить о театрѣ войны, затѣмъ, въ присутствіи военнаго министра, прямо доложилъ его величеству, что, по его мнѣнію, ходъ дѣлъ въ Средней Азій уже совсѣмъ не тотъ, посольство не осилитъ теперь того вліянія, которымъ англичане окрутили все въ Средней Азій, а особенно въ Афганистанѣ...

— Да, да, ты правъ,—сказалъ государь:—но ты все-таки поѣзжай и постарайся сдѣлать все, что возможно; помни, что я разсчитываю на тебя; собирайся въ путь, Богъ помочь; передъ твоимъ отъѣздомъ я еще тебя увидаю.

— Очень хорошо сдѣлали, что государю императору все такъ откровенно и чистосердечно доложили, даже съ нѣкоторымъ рискомъ вызвать отмѣну командировки,—сказалъ Дм. Ал. генералу Столѣтову, выходя съ нимъ изъ Зимняго дворца.—Собирайтесь же въ путь, 10-го апрѣля я буду васъ ждать къ 9 часамъ утра.

«Явившись въ назначенный часъ, я былъ вновь представленъ государю,—разсказывалъ Н. Г. Столѣтовъ.—Его величество поручилъ мнѣ передать Ширъ-Али-хану, что ему будетъ дана полная поддержка и что ему слѣдуетъ держать себя относительно англичанъ такъ же, какъ держалъ себя его гордый отецъ Достъ-Мохамедъ: «Скажи ему—продолжалъ государь:—что я вполне увѣренъ въ немъ и въ его умѣны, а потому, въ свою очередь, жду отъ него лишь той корректности, которая дастъ Кауфману полное спокойствіе относительно нашей границы. Ширъ-Али долженъ знать, что, при нынѣшнихъ условіяхъ, очень многое зависитъ отъ него самого; англичане не позволяютъ себѣ ничего по отношенію къ Афганистану не только изъ-за того, что будутъ видѣть мою поддержку,—они должны видѣть съ его стороны вполне увѣренный тонъ и отважное поведеніе,

въ которомъ онъ долженъ ясно показывать свою надежду на насъ; они прекрасно помнятъ урокъ, данный имъ Достъ-Мохамедомъ¹⁾ и его сыномъ Акбаромъ—братомъ Ширъ-Али. Все начертанное и условленное нами раньше въ прежнихъ нашихъ переговорахъ ему надлежитъ твердо соблюдать; я его поддерживаю нравственно и матеріально; новаго ты ему не везешь ничего, подтверждаешь лишь старое, подтверждаешь то, что охотно подтверждаю и я; надѣюсь, что это его ободритъ, пусть же онъ приложить столько старанія, сколько мы проявляемъ готовности некрепно напрячь всѣ усилія къ его пользѣ.

«Кланяйся же Кауфману и ему въ точности повтори все мною тебѣ сказанное. Поблизай съ Богомъ; пиши часто и подробно Дмитрію Алексѣевичу.

«— На этотъ счетъ я далъ подробныя указанія; генераль Кауфманъ ихъ обстоятельно дополнилъ,—доложилъ военный министръ.

«Послѣ того государь меня трижды перекрестилъ, поцѣловалъ и отпустилъ», перѣдко вспоминая Н. Г. Столѣтовъ.

Въ главномъ штабѣ и въ азіатскомъ департаментѣ выяснили Н. Г. Столѣтову, что больше всего надлежитъ убѣдить эмира, насколько для него выгодноѣ быть нашимъ союзникомъ; а разъ онъ въ этомъ убѣдится,—долженъ будетъ отказаться навсегда отъ привычки довѣрять англійской щедрости, которой всѣ стремленія направлены въ поработенію страны въ политическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Этой щедрости надо бояться; ею подрывается существующій порядокъ; изъ-за нея владѣтели понемногу обращаются сначала въ вассаловъ, а затѣмъ въ простыхъ пенсіонеровъ. Эмиръ долженъ задуматься надъ своей и государства своею будущностью; ему лично предстоптъ или быть поработеннымъ Англійей, или сдѣлаться черезъ Россію главою самаго могущественнаго мусульманскаго «султаната», стать преемникомъ турецкаго султана, котораго англичане уже почти стерли. Имъ легко было это сдѣлать, ибо и самъ султанъ и его сановники, а также ближайшіе совѣтники уже издавна отличаются страстью къ полученію подачекъ, бросааемыхъ отъ щедротъ правительства королевы Викторіи. Только въ тѣсной связи съ Россіей эмиръ можетъ вѣрнѣйшимъ путемъ оттолкнуть англичанъ отъ далыѣйшихъ посягательствъ на его самостоятельность.

¹⁾ Достъ-Мохамедъ, сынъ афганскаго министра Фетхъ-Али, въ смутное время двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, захвативъ въ свои руки власть, смѣло дѣйствовалъ противъ англичанъ; они взяли его въ плѣнъ. Тогда сынъ его Акбаръ-ханъ, возмущившись противъ британцевъ, перерѣзалъ ихъ офицеровъ и генераловъ въ 1841 году; армія же, гонимая имъ черезъ Хейберскій проходъ, потеряла въ бѣдственномъ отступленіи болѣе 16 тысячъ человекъ. Акбаръ передалъ власть отцу Достъ-Мохамеду, освобожденному имъ изъ плѣна; до 1863 года онъ продержался на престолѣ, а въ томъ году умеръ.

Связавъ все это въ одно цѣлое, Н. Г. выѣхалъ въ Ташкентъ, куда и прибылъ къ срединѣ мая.

Официально, — вѣроятно, для Англіи, — онъ считался командированнымъ въ распоряженіе генерала Кауфмана и какъ бы отъ него, частнымъ образомъ, направленнымъ въ Афганистанъ; но въ этомъ мы, кажется, обманули только себя; англичане слишкомъ хорошо понимали всю цѣль и весь характеръ изобрѣтенной, очевидно, по настоянію министерства иностранныхъ дѣлъ процедуры притворства и видѣли въ ней только проявленіе съ нашей стороны нѣкоторой доли трусости; все смѣлое говорится и дѣлается прямо, безъ лишнихъ обходовъ, безъ вылиній.

Въ Ташкентѣ генераль-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ, всегда издавна казавшійся Н. Г. Столѣтову крайне симпатичнымъ, давая ему инструкцію, просилъ тщательно ее записать; много эта инструкція содержала повтореній того, что уже довелось получить въ Петербургѣ.

— Вы отправляетесь въ столицу Афганистана — въ гор. Кабуль къ эмиру Ширъ-Али-хану, — сказалъ К. П. Кауфманъ: — дабы скрѣпить съ нимъ наши дружественныя отношенія, выяснить ему происходящія отъ того для него выгоды и, по возможности, заключить съ нимъ союзъ на случай вооруженнаго столкновенія нашего съ Англіей.

«Эмиръ возмущенъ насиліемъ англичанъ, занявшихъ Кветту и Келатъ; англичане же ссылаются на то, что ихъ беспокоятъ происки эмира къ восстановленію населенія всего Белуджистана противъ нихъ. На этомъ держится между ними вражда, грозящая сдѣлаться непримиримою; англичане считаютъ себя въ правѣ за все зло, причиняемое ими же Афганистану, требовать полнаго къ себѣ довѣрія со стороны Ширъ-Али-хана.

«Вамъ, — продолжалъ К. П. Кауфманъ, — предстоитъ, главнымъ образомъ, постараться укрѣпить въ эмирѣ это его недовѣріе къ дѣйствіямъ англичанъ и поощрить его къ оказанію имъ дальнѣйшаго сопротивленія, увѣривъ его, что возможно не только вытѣсненіе англичанъ изъ Кветты и Келата, но и возвращеніе ему всего Белуджистана ¹⁾).

«Онъ долженъ помнить, что правительство государя расположено идти съ нимъ рука объ руку, такъ какъ оно издавна смотритъ на Афганистанъ, какъ на оплотъ противъ посягательствъ англійской поли-

¹⁾ Ханство на юго-востокъ отъ Афганистана; главный городъ Келатъ; Кветта сильно укрѣпленный городъ, лежащій сѣвернѣе столицы на главномъ пути въ Кабуль черезъ Кандагаръ и Газни. За нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ событій Белуджистанъ, при помощи англичанъ, отдѣлился отъ владѣній Ширъ-Али-хана, а въ 1877 году англичане, подъ видомъ мирныхъ намереній, заняли столицу Келатъ и главную крѣпость Кветту. Конечно, Ширъ Али-ханъ горѣлъ злобой, и желаніе отнять у англичанъ все ими насильственно захваченное у него всегда стояло на первомъ планѣ.

тики на независимость средне-азіатскихъ владѣтелей. Въ мирное время мы всегда помогаемъ своимъ представленіямъ и совѣтамъ, даваемыми лондонскому кабинету, въ случаѣ же разлада съ Англіей мы окажемъ фактическую поддержку.

«Сосредоточеніе нашихъ войскъ на Аму-Дарьѣ не должно смущать эмира; это дружественная ему сила, которая во всякое время можетъ ему помочь положить предѣлъ всякимъ вмѣшательствамъ англичанъ въ его внутреннія дѣла.

«Развейте въ эмирѣ ясное понятіе о громадной разницѣ нашей политики на востокѣ и англійской. Мы, защищая свои предѣлы отъ хищниковъ, даемъ имъ почувствовать свою силу,—мирныхъ владѣтелей всесторонне поддерживаемъ, охраняя ихъ власть, англичане же все разстраиваютъ въ видахъ достиженія своихъ меркантильных цѣлей.

«Мы считаемъ унижительнымъ подкупать владѣтелей, но, въ случаѣ дѣйствительной нужды, можемъ съ полной готовностью помочь союзнику всякаго рода матеріальной и физической поддержкой, а также и денежными средствами. Нужно только, чтобы Ширъ-Алиханъ всецѣло отдался намъ, фактически и безповоротно заявивъ себя нашимъ другомъ и союзникомъ.

«Вообще,—сказалъ К. П. Кауфманъ,—выгоды, которыя эмиръ получитъ отъ союза съ нами, такъ велики, что ихъ не стоитъ и объяснять».

Затѣмъ К. П. порекомендовалъ Н. Г. Столѣтову основательно изучить все касающееся власти, силы эмира, его войскъ, средствъ, возможности заготовить для насъ провіантъ, фуражъ; далѣе: насколько онъ можетъ повелѣвать въ случаѣ, если, убѣжденный нами, рѣшится отдаться нашему вліянію; съ какой стороны и въ какой степени можно ожидать внутри сопротивленія ему. К. П. Кауфманъ совѣтовалъ также разузнать цѣны вообще, снять планы, намѣтить пункты различныхъ складовъ, кои можно было бы устроить для насъ, опредѣлить настроеніе населенія и войскъ, какъ регулярныхъ, такъ и милиціонныхъ, кадръ людей, которые были бы способны широко распространять враждебность противъ англичанъ. Но вотъ что замѣчательно:

«Въ случаѣ крайности и дѣйствительной рѣшимости эмира склониться на нашу сторону, вы можете «принять на себя завѣдываніе или командованіе тою частью средствъ или силъ», которыя вамъ, по соглашенію съ эмиромъ, покажутся болѣе важными въ оборонительномъ или наступательномъ противъ Англии отношеніи». Это Н. Г. Столѣтову тогда же показалось страннымъ. Какъ человѣку пунктуальному, ему показалось страннымъ, что не сказано: «частью войскъ».

Разсказывая именно объ этомъ, онъ самъ себя не разъ спрашивалъ: что это значить? Часто онъ впослѣдствіи проговаривался,

что тогда склоненъ былъ по поводу этого видѣть какую-то «перѣшительность въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ»; но болѣе всего больно было ему замѣчать, что умный и проникательный Ширъ-Али, не договаривая, высказывалъ сомнѣніе: не похоже ли все это на игрушку и могло ли случиться, чтобы англичане этого не узнали и не поняли?.. У него самого давно было затаено желаніе поставить во главѣ афганскихъ войскъ русскаго генерала, будь то Столѣтовъ или Черняевъ, все равно.

Изъ разговоръ съ лицами компетентными Н. Г. узналъ, будто бы въ военномъ министерствѣ кто-то, восхищенный ролью, только что тогда сыгранною имъ въ Болгаріи, нашелъ, что въ минуту принятія разныхъ рѣшительныхъ мѣръ въ Афганистанѣ тотъ же Столѣтовъ могъ бы стать начальникомъ какого-нибудь отряда, которому можно было бы поручить дѣйствія противъ англичанъ. Не найдя серьезнаго возраженія, мысль эта такъ и вышла изъ военного министерства опредѣленно выраженной, но въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ее исказили и, не рѣшившись, какъ опасную для дипломатическихъ сношеній, вовсе выбросить, обратили въ какую-то неясную, съ іезуитскимъ отбѣнкомъ фразу.

«Правда это или нѣтъ,—говорилъ Н. Г. Столѣтовъ:—я не знаю, но, во-первыхъ, она въ такомъ видѣ попала въ данное мнѣ генераломъ Кауфманомъ официальное предложеніе, а, во-вторыхъ, я много разъ слышалъ именно такое объясненіе происхожденія этой фразы».

«За нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Кабулъ К. П. Кауфманъ передалъ мнѣ списокъ лицъ, кои были предназначены для командирования со мной, а также ассигновать необходимыя для нашего дорожнаго довольствія денежныя средства» ¹⁾.

«Въ общемъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ объяснилъ, что, по свѣдѣніямъ, имѣющимся у него, Ширъ-Али крайне обрадованъ, ободренъ отправленіемъ къ нему миссіи и большимъ вниманіемъ, оказываемымъ ему государемъ. Затѣмъ К. П. сообщилъ, что посоль-

¹⁾ Въ составъ миссіи вошли: генеральнаго штаба полковникъ Конст. Іос. Разгоновъ (впослѣдствіи нач. шт. туркест. воен. округа, умеръ въ 1911 году въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи), врачъ Яворскій, подпоручикъ Пазировъ, классн. топографъ Бендерскій, переводчики Заманъ-Бекъ и тип. сов. Малевинскій, фельдшеръ, команда изъ 22-хъ казаковъ съ урядникомъ во главѣ.

Всѣмъ были пазначены суточные (отъ 30 коп. до 10 руб.), подъемныя (отъ 200 до 300 руб.) (кромѣ нижнихъ чиновъ, прогоныя деньги каждому по чину).

Въ распоряженіе генерала Столѣтова было отпущено особо 1000 руб. на покупку подарковъ для восточныхъ людей и 3000 руб. на экстраординарные расходы. Сверхъ того, топографу дано 30 руб. на покупку часовъ, а фельдшеру 80 руб. на обозаведеніе и снаряженіе.

ство это является совершенно кстати, ибо эмиръ упалъ было духомъ, какъ будто бы предвидя что-то зловѣщее во всемъ поведеніи англичанъ и видя въ обращеніи ихъ съ нимъ что-то недоброе; предчувствіямъ своимъ онъ даетъ особое значеніе и какъ восточный человѣкъ вообще и какъ человѣкъ, измучившійся за послѣднее время нервно. Англичане, дѣйствительно, какъ будто бы задались задачей травить его.

«Двѣнадцать лѣтъ проживаешь у насъ въ Самаркандѣ свергнутый и побѣжденный имъ—эмиромъ Ширъ-Али—племянникъ его Абдуррахманъ-ханъ; до сихъ поръ онъ какъ бы не давалъ повода думать, что способенъ чѣмъ-либо нарушить покой своего дяди; въ настоящее же время,—говорилъ К. П. фонъ-Кауфманъ,—хотя поведеніе его остается какъ будто попрежнему корректнымъ, но англичане, кажется, играютъ на той стрункѣ, что желаютъ запугать Ширъ-Али-хана, выставляя ему различными способами на каждомъ шагу племянника въ видѣ пугала; то они угрожаютъ отнятіемъ субсидій и передачей ея племяннику, то прямо, безъ обиняковъ, страшаютъ возведеніемъ племянника на престолъ; какъ то, такъ и другое является дѣломъ нешуточнымъ,—десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячнаго содержанія потерять, оставаясь на престолѣ, почти то же, что потерять престолъ, хотя бы при сохраненіи тѣхъ десяти тысячъ».

К. П. фонъ-Кауфманъ преподавалъ Н. Г. Столѣтову нѣсколько наставленій касательно поведенія его съ Ширъ-Али, а также объ обращеніи съ племянникомъ эмира, Абдуррахманомъ, на тотъ случай, если бы ему удалось, преодолевъши все препятствія, получить доступъ къ Н. Г. для свиданія, котораго Константинъ Петровичъ настойчиво совѣтовалъ ему ни въ какомъ случаѣ не давать.

— Совѣтъ Константина Петровича я исполнилъ въ точности,—говорилъ Н. Г. Столѣтовъ:—не только въ Самаркандѣ я не отозвался на подсылку ко мнѣ Абдуррахманомъ разныхъ лицъ, съ просьбой о назначеніи ему часа пріема, но не принялъ за нашей границей людей, которые пытались въ Гузарѣ подъѣхать ко мнѣ отъ него.

«Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было слышно о серьезныхъ намѣреніяхъ Абдуррахмана войти въ тѣсныя сношенія съ англичанами для устройства своихъ дѣлъ, подсылавшіеся имъ люди нашептывали окружающимъ меня лицамъ, что онъ, изъ уваженія ко мнѣ и ко всему русскому, желалъ бы довести до моего свѣдѣнія, въ какой степени его дядя, Ширъ-Али-ханъ, держитъ себя вѣроломно, обманываетъ наше правительство, и какъ онъ намѣренъ лукавить передо мной и передъ направлявшеюся къ нему, по волѣ царя, миссіей».

«Клевреты Абдуррахмана подобрались ко мнѣ и пресобавали мнѣ внушить, чтобы я не вѣрилъ ни одному слову друга англичанъ

Ширъ-Али-хана, который, кромѣ того, что обходить Россію, намѣренъ жестоко оговорить его—несчастливаго, обиженнаго имъ племянника» ¹⁾.

«Въ городѣ Гузарѣ меня ожидало цѣлое посольство эмира Ширъ-Али; онъ выслалъ конвой для сопровожденія меня и моихъ спутниковъ, а также, въ видѣ средствъ передвиженія, прислалъ для нашего обихода массу лошадей, верблюдовъ, нѣсколько экипажей и лично для меня слона,—разсказывалъ Столѣтовъ.—Этотъ способъ переѣзда считается у восточныхъ людей тѣхъ мѣстностей самымъ почетнымъ. Между массой лицъ, присланныхъ эмиромъ для встрѣчи и привѣтствованія меня, находилось три высокихъ сановника. Посольство меня сопровождало, при чемъ сановники по очереди смѣнялись, садясь для переѣзда со мной на спину слона, лицомъ ко мнѣ, а спиной къ вожаку, сидѣвшему на плечахъ слона лицомъ къ его хоботу; остальные двое сановниковъ ѣхали въ это время вмѣстѣ съ моими спутниками по бокамъ слона ²⁾ на прекрасныхъ коняхъ, эффектно убранныхъ золотой и серебряной сбруей, конскими принадлежностями и дорогими сѣдельными попонами, сотканными изъ шелка, съ золотымъ шитьемъ и съ бирюзовыми украшеніями. Такъ въ теченіе десяти или двѣнадцати дней нашего торжественнаго переѣзда до Кабула я имѣлъ удовольствіе видѣть въ дневныхъ переѣздахъ своимъ визави каждаго изъ этихъ сановниковъ по очереди. На половинѣ пути встрѣтили еще новые сановники и вошли также въ очередь для совмѣстнаго со мною путешествія. Народъ вездѣ высыпалъ въ нарядныхъ костюмахъ, очень интересуясь повидать посольство и показывая по-восточному полное уваженіе къ посланцу великаго Бѣлаго царя. Тишина ни разу нигдѣ не была нарушена; народъ, видимо, относился съ благоговѣніемъ, какъ бы проникнутый чувствами громаднаго уваженія къ своему повелителю и перенося это уваженіе на гостей, присылкой которыхъ его удостоилъ царь. Мѣстные власти во всѣхъ городкахъ встрѣчали и послѣ пышныхъ привѣтствій съ лстивыми рѣчами и пожеланіями спрашивали именемъ Ширъ-Али-хана, все ли въ дорогѣ было исправно, не встрѣтили ли мы какихъ-либо непріятностей, а тѣмъ болѣе, Аллахъ храни, притѣсненій, отъ кого бы то ни было, кто, если бы дерзнулъ на это, оказался бы измѣнникомъ, злѣйшимъ врагомъ Афганистана и его эмира. Фразы эти вездѣ произносились съ одними и тѣми же жестами и однимъ и тѣмъ же аффектированнымъ тономъ.

¹⁾ Послѣ смерти эмира Авзула-хана Ширъ-Али нанесъ сыну его Абдуррахману жестокое пораженіе и вступилъ на престолъ. Никакой обиды въ этомъ никто не видѣлъ, такъ какъ Авзуль-ханъ былъ братомъ Доста-Мохамеда, а Ширъ-Али—сыномъ; скорѣй считалось, что Ширъ-Али такими дѣйствіями возстановилъ свои права.

²⁾ Передвиженіе на слонѣ производится очень скоро: слона, идущаго спокойно большимъ шагомъ, едва можно догонять верхомъ рысью на здоровомъ конѣ.

Здѣсь я считаю необходимымъ сдѣлать небольшую оговорку о томъ, что вообще подробностей всей дѣятельности Н. Г. Столѣтова ни по одной его должноти я не привожу, ни за время бытности его начальникомъ Закатальскаго округа, правителемъ канцеляріи военнаго губернатора Туркестанской области, начальникомъ Красноводскаго отдѣла, ни за то время, когда онъ сталъ во главѣ экспедиціи на Аму-Дарью и чрезвычайной миссіи въ Афганистанъ; хотя въ подробномъ описаніи всѣхъ этихъ родовъ его службы содержится масса интереснаго, поучительнаго и цѣннаго для исторіи, но подробности эти увеличили бы размѣръ статьи и безъ того разросшейся до предѣловъ, трудно вмѣщающихся въ объемъ журнальнаго очерка; онѣ могли бы составить собою отдѣльную, крайне интересную книгу. Поэтому теперь я ограничиваюсь извлеченіемъ лишь общихъ мѣстъ.

Съ этихъ строкъ разсказъ идетъ почти сплошь отъ лица самого Н. Г. Столѣтова; изъ разговоровъ съ нимъ онъ былъ сплошь мною въ свое время записанъ.

«Уже Кабуль—столица Афганистана—былъ на виду, когда начались различныя еще болѣе пышныя встрѣчи. У вѣзда въ городъ наше посольство было встрѣчено министрами и другими высшими сановниками, а также военачальниками; на одной изъ улицъ встрѣтили разноцвѣтныя, пестрыя войсковыя конныя и пѣшія части, а затѣмъ войска стояли шалерами вплоть до малаго дворца, въ которомъ для посольства было отведено помѣщеніе. Это все произошло 18-го іюня; въ тотъ же день къ вечеру генераль Столѣтовъ былъ торжественно со всей миссіей принятъ эмиромъ. При этомъ всѣ сообщенія К. П. фонъ-Кауфмана живо представились ему, до такой степени ясно и искренно Ширъ-Али выражалъ свою радость и благодарность царю. На другой день въ дворцовой мечети состоялось большое моленіе о здравіи государя и о благополучіи его державы, а затѣмъ данъ былъ во дворцѣ торжественный обѣдъ.

«Пробылъ я собственно въ Кабулѣ пять недѣль и все время—гостемъ эмира, который показалъ массу радушія, гостепріимства, а подъ конецъ даже и дружбы,—разсказывать Столѣтовъ.—Почти каждый день я бывалъ у него; официальные разговоры велись черезъ присяжныхъ переводчиковъ, но наши простыя бесѣды, ставшія въ послѣдствіи дружескими, происходили на тюркскомъ нарѣчій, а то и просто на турецкомъ языкѣ. Мы бесѣдовали обо всемъ; эмиръ оказался очень свѣдущимъ въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ религіи, философіи; много онъ говорилъ о христіанствѣ, ясно различалъ другія христіанскія религіи отъ православной; много бесѣдовалъ объ Иисусѣ Христѣ, сопоставлялъ его и разныхъ пророковъ съ Магометомъ и Абубекромъ.

«Касаясь вопросов политики, онъ всегда съ большой симпатіей и съ глубокимъ уваженіемъ упоминалъ имя государя Александра Николаевича; относительно себя выразилъ сожалѣніе о томъ, что послѣ кончины отца своего очень скоро поддался вліянію, совѣтамъ и воздѣйствію англичанъ, которые его плѣнили главнымъ образомъ тѣмъ, что выказывали на каждомъ шагѣ и при каждомъ удобномъ случаѣ полнѣйшее и какъ будто самое искреннее уваженіе именно къ его отцу, Досту-Мохамеду; онъ каялся, что былъ оплетенъ и что лишь черезъ много лѣтъ понялъ, въ какую ловушку они его захватили въ своемъ стремленіи извлекать выгоды для себя, а тѣмъ самымъ поставили его во враждебное положеніе и къ другимъ народамъ Средней Азіи и къ Бѣлому царю; послѣднее составляетъ безутѣшнѣйшее горе всего его царствованія и всей его жизни.

«— Вы поймете,—говорилъ Ширъ-Али:—въ какой степени я долженъ быть безконечно благодаренъ царю Александру, виявшему моимъ домогательствамъ и протянувшему мнѣ руку; вѣдь для этого онъ долженъ былъ по-христіански подавить въ себѣ все чувства злобы и ненависти, отбросить мысль о мести, а затѣмъ сердечно, чисто простить мнѣ мои грѣхи, преступленія и заблужденія.

«Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ, перебивавшихся ученаго характера разсужденіями,—говорилъ Столѣтовъ:—проходили у насъ часы, дни, а иногда и ночи нашихъ свиданій, когда вдругъ я получилъ отъ К. П. Кауфмана депешу, въ которой было сказано, что, въ виду настояній нашего посла въ Лондонѣ о необходимости не доводить дѣла до полного разстройства нашихъ отношеній къ правительству королевы Викторіи,—государю императору благоугодно было повелѣть отозвать изъ Кабула наше чрезвычайное посольство, о чемъ предписывалось въ дружескихъ словахъ сообщить эмиру, а затѣмъ выбыть въ Ташкентъ.

«Въ тотъ день, когда была получена эта телеграмма, Ширъ-Али былъ занятъ празднованіемъ рожденія Абубекра, отца Аниши, считающейся пророчицей,—любимой жены Магомета.

«Въ телеграммѣ той я, грѣшный человѣкъ, увидѣлъ опять злостность руки, наложенной тѣмъ же самымъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ, который, незадолго передъ тѣмъ, такими же услугами не допустилъ насъ войти въ Константинополь и довелъ до оскорбленія Россіи берлинскими разсужденіями на собраніи, получившемъ названіе конгресса, а въ сущности явившемся «судомъ надъ державой царя».

«Эмиру я, конечно, не сказалъ о поводахъ отзыва меня, упомянувъ лишь просто, что «серьезныя дѣла того усиленно требуютъ». Онъ, несомнѣнно, догадался и если не былъ увѣренъ въ сути дѣла, то додумался до близкаго открытія причинъ внезапно послѣдовавшей перемѣны; съ момента полученія отъ меня извѣстія онъ изъ

веселаго и счастливаго сдѣлался угрюмымъ и задумчивымъ. Онъ особенно участилъ разговоры о политикѣ, о характерѣ полномочій и правъ представителей англійской королевы и ея подданныхъ вообще; это до очевидности указываетъ на то, что въ его хитромъ умѣ почти дословно сложилось представленіе объ истинныхъ причинахъ послѣдовавшаго распоряженія, столь тяжело отразившагося на немъ и разбиившаго все его мечты.

«На прощанье Ширъ-Али какъ будто бы усилилъ свою любезность по отношенію ко мнѣ, а также участилъ восхваленіе и выраженіе благодарности государю и признательности К. П. Кауфману, для котораго онъ изготовилъ и вручилъ мнѣ длинное письмо.

«— Это, будьте любезны, передайте моему дорогому, доброму сосѣду, каковымъ Аллахъ, видимо, избралъ его на мое и моего народа счастье,—сказалъ онъ.

«Мнѣ жаль было покидать этого человѣка; я къ нему привыкъ и успѣлъ привязаться; кромѣ того, что видна была какая-то безпомощность, угнетающая его, онъ показался мнѣ до крайности симпатичнымъ и чистымъ; если же когда-нибудь во мнѣ прорывалось какое-либо сомнѣніе, что все же рядомъ съ этимъ въ немъ есть лукавство, неискренность и хитрость, свойственныя восточному человѣку, то невольно и единственно лишь изъ-за того, что, какъ бы то ни было, восточнымъ человѣкомъ онъ по рожденію былъ и оставался. Но вообще ни въ чемъ онъ не далъ мнѣ повода видѣть въ немъ рѣзко обозначившимися какія бы то ни было качества восточныхъ людей.

«23-го мая 1879 года я возвратился изъ Ташкента въ Петербургъ и былъ встрѣченъ цѣлымъ рядомъ благодарностей, выраженныхъ мнѣ и военнымъ министромъ, и государемъ; я сознавалъ, что не заслужилъ тѣхъ благодарностей и похвалъ, которыми они меня осыпали за успѣшное и вполнѣ корректное исполненіе миссіи.

«Государь императоръ въ Царскомъ Селѣ, послѣ въ высшей степени милостиваго пріема, сказалъ мнѣ ласково и привѣтливо:

«— Изъ письма эмира Ширъ-Али на имя Кауфмана и изъ твоихъ сообщеній на имя графа Милютина ¹⁾ я вижу, какъ ты прекрасно понималъ и какъ безошибочно исполнилъ все тебѣ порученное и доверенное. Спасибо тебѣ. Мнѣ очень жаль было отозвать тебя, но обстоятельства такъ сложились; болѣе долгое пребываніе твое могло повредить эмпрѣ, поведение котораго не оставляетъ желать лучшаго. Авось все у него сладится, а я черезъ нѣсколько времени, когда поднятая въ Англій буря уляжется, вновь отправлю тебя

¹⁾ Во время пребыванія Столѣтова въ Кабулѣ военному министру было пожаловано графское достоинство.

туда; надо приучить англичанъ къ пребыванію при Ширъ-Али моего посланнаго. Съ тобой я буду имѣть случай еще поговорить объ эмирѣ подробнѣе; пока я почти все знаю отъ графа Дмитрія Алексѣевича.

«— А вотъ знаешь ли ты, что во время твоего отсутствія и великій князь и генераль Радецкій обнаружили и представили мнѣ о томъ, какъ ты былъ на Шипкѣ обойденъ?

«Когда я, въ отвѣтъ на эти слова, выказалъ выраженіемъ своего лица большое изумленіе, государь, какъ бы спохватившись, ласково разсмѣялся и сказалъ:—«Не Сулейманъ тебя обошелъ, а мы обошли наградою за твои особыя передъ Россіей заслуги; вижу и воплилъ цѣною то, что ты на это не въ претензіи; случиться этотъ пропускъ могъ только при особенностяхъ твоего подвига: онъ не былъ изъ числа такихъ обыкновенныхъ, которые, какъ ясно начинаются, такъ ясно и кончаются. Начавъ твою отважную защиту Шипки противъ Сулеймана, ты, вслѣдствіе большой убыли въ рядахъ молодецкаго ополченія твоего, не могъ закончить ее такъ же опредѣленно; ты долженъ былъ передать ее въ руки Радецкаго для дальнѣйшаго долгаго продолженія начатаго тобою подвига. Въ этой суматохѣ забыть тебя наградою было немудрено, хотя, конечно, непростительно; узнавъ отъ Дмитрія Алексѣевича объ отзывѣхъ брата моего и Радецкаго, я въ январѣ назначилъ тебѣ орденъ святой Анны 1-ой степ. съ мечами; теперь же, за примѣрное исполненіе тобою моего порученія, жалую тебѣ орденъ святого Владимира 2-ой степени, а припоминая вновь brave начало безпримѣрной защиты Шипки, добавляю къ этому ордену мечи; такъ что сегодня ты получаешь орденъ св. Владимира 2-й степени за Ширъ-Али-хана и мечи къ нему за Сулеймана пашу».

Вопросъ о вторичной послылкѣ чрезвычайнаго посольства къ Ширъ-Али былъ вскорѣ-таки вновь поднятъ, тѣмъ болѣе, что эмиръ написалъ государю длинное письмо, въ которомъ, изысканно выражая массу благодарностей, вспоминалъ о тѣхъ облегченіяхъ, которыя посѣяны были въ немъ и въ народѣ пребываніемъ въ его столицѣ достойнѣйшаго посланца Благо царя. Генералу Столѣтову было приказано вновь собраться въ путь и даже были отпущены прогоны на Ташкентъ и Кабулъ. Но прибывшій въ Петербургъ изъ Лондона графъ Шуваловъ просилъ государя отложить командированіе до полученія болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о ходѣ переговоровъ между индійскимъ правительствомъ королевы Викторіи и эмиромъ Ширъ-Али и до принятія правительствомъ ея величества болѣе опредѣленныхъ рѣшеній.

Графъ Шуваловъ уѣхалъ въ Лондонъ, а время тянулось.

«Прошло нѣсколько недѣль въ выжидательныхъ приготовленіяхъ. Среди томительныхъ ожиданій,—говорилъ Столѣтовъ,—я вижу вдругъ сонъ, что Ширъ-Али явился ко мнѣ и, послѣ многихъ разнообразныхъ разспросовъ, сказалъ:

«— Ну, теперь уже больше не ѣздите въ Кабуль; больше этого не надо.

«— Отчего?—спросилъ я.

«— Такъ, не надо.

«— Скажите отчего?—спросилъ я по-турецки.

«— Я вамъ по-русски говорю, что не надо, развѣ вы не обратили вниманія на то, что я съ вами говорю на нашемъ и Бѣлаго царя родномъ языкѣ?

«— Да, чувствую, но какъ же это вы говорите по-русски, вѣдь, до сихъ поръ вы не знали нашего языка?

«— Не зная, пока былъ живъ, теперь я здѣсь на небѣ, вижу Христа и Магомета и отца своего... я взять Аллахомъ,—сказалъ онъ:—объ этомъ и царю уже извѣстно... Я доволенъ и умиротворенъ...

«На другой день утромъ я былъ разбуженъ прибывшимъ ко мнѣ фельдъегеремъ, который доложилъ мнѣ, по приказанію военнаго министра, что государь императоръ приказалъ мнѣ представиться въ два часа пополудни.

«— Твоя поѣздка совсѣмъ отмѣняется,—сказалъ государь:—нашъ бѣдный Ширъ-Али скончался третьяго дня; вчера я получилъ объ этомъ телеграмму отъ графа Петра Андреевича Шувалова; печальная жизнь эмира прекращена несчастнымъ исходомъ злокачественнаго карбункула. Жаль его, что дѣлать. Теперь пойдетъ тамъ буря, и, кажется, нами пригрѣтый племянникъ его Абдуррахманъ готовится отплатить намъ самую черною неблагодарностью.

«— Кстати,—спросилъ государь:—тебѣ вѣдь не случилось въ Самаркандѣ видѣться съ нимъ?

«— Нѣтъ, ваше величество; когда онъ изъ Гузара получилъ отъ меня окончательный и твердый отвѣтъ о томъ, что я ни его, ни его служащихъ ни въ какомъ случаѣ не приму, одинъ изъ его приближенныхъ сказалъ мнѣ, будто бы по его приказанію, что мы напрасно ухаживаемъ за Ширъ-Али и потворствуемъ ему: онъ вѣрный поклонникъ англичанъ и скоро намъ это покажетъ какой-нибудь горькой развязкой...

«— Да,—сказалъ государь:—горькую развязку сдѣлали англичане для несчастнаго Шира-Али...

«Съ того дня и посейчасъ я искренно сожалѣю о томъ, что у меня не хватило рѣшимости рассказать государю о моемъ снѣ,—нерѣдко говорилъ Столѣтовъ.—Я видѣлъ тогда въ этомъ невольнѣйшую по отношенію къ государю фамильярность.

«Тогда же во дворцѣ передавались слухи о томъ, что получено извѣстіе, будто бы англичане подослали какого-то несовершеннолѣтняго перса и тотъ пырнулъ эмира ножомъ въ то время, когда онъ у себя въ дворцовой мечети возносилъ молитвы».

До мая 1899 года генераль Столѣтовъ прокомандовалъ сначала 1-ю стрѣлковою бригадою, потомъ 18-ой пѣхотной дивизіей, затѣмъ годъ 15-мъ армейскимъ корпусомъ, четыре съ половиною года 14-мъ армейскимъ корпусомъ; послѣ того пробылъ нѣсколько лѣтъ присутствующимъ и неприсутствующимъ членомъ военного совѣта, а съ 1-го января 1911 года по день кончины состоялъ въ должности члена Александровскаго комитета о раненыхъ.

Болгары постоянно чествуютъ его.

Лѣтомъ 1902 года начальникъ главнаго штаба сообщилъ Н. Г. Столѣтову письменно, что Государь Императоръ высочайше соизволилъ: предстоящею осенью на юбилейныя торжества двадцатипятилѣтія Освободительной войны командировать въ Болгарію депутаціи отъ нѣкоторыхъ частей войскъ, а также отдѣльныхъ представителей армій и въ числѣ послѣднихъ—непремѣнно генерала-отъ-инфантерій Столѣтова.

Тамъ при освященіи храма на Шипкѣ представители болгарскаго ополченія, и старъ и младъ, въ присутствіи и съ дозволенія великихъ князей нашихъ, бывшихъ участниковъ славной войны и князя Фердинанда, поднесли и всенародно прочли Н. Г. Столѣтову адресъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено:

«Мы безконечно счастливы, въ минуту освященія храма-памятника, видѣть здѣсь передъ собой славнаго своего учителя, храбраго и неустрашимаго воеводу, котораго подвиги совершены имъ во главѣ героевъ орловцевъ, брянцевъ и юнаковъ-ополченцевъ, сплотившихся въ одну желѣзную, оказавшуюся непроницаемою для варваровъ, стѣну.

«Ваше здѣсь среди насъ присутствіе мы считаемъ событіемъ историческимъ; оно живо воскресило въ нашей памяти день 6-го мая 1877 года, когда вы, принявъ изъ рукъ незабвеннѣйшаго главнокомандующаго, царева брата, самарское знамя, подъ сѣнью святыни этой двухъ народовъ колѣнопреклоненно съ нами принесли клятвенное обѣщаніе свято исполнить воинскій долгъ—лечь костями, мощно защищая святой крестъ, царя и наши отечества.

«Живо представляется намъ нашъ сорокачетырелѣтній отецъ-командиръ, уже украшенный тогда многими знаками военного отличія, кои напоминали въ немъ бойца 1854—1855 годовъ за севастопольскія твердыни, въ послѣдовавшее время за покореніе туркестанскихъ дикихъ мѣстъ и крѣпостей, послѣ того за поддержаніе боевой славы на восточномъ берегу Каспійскаго моря при осно-

ваніи имъ града Красноводска въ 1869 году, за военно-походное изученіе имъ Аму-Дарьинскаго края въ 1874 году; вотъ какой знатный воинъ, сынъ великой Россіи, сдѣлался тогда нашимъ полководцемъ, котораго царь намъ даровалъ по выбору славнаго главнокомандующаго нашего, на вѣчную славу нашей страны и нашей арміи. Память о немъ запечатлѣна въ нашихъ благодарныхъ сердцахъ навѣки; ни давность времени, ни древность возраста, успѣвшаго покрыть насъ сѣдиной, не измѣнила и не измѣнитъ этой памяти; она ненарушимо изъ вѣка въ вѣкъ будетъ передаваться нашимъ дѣтямъ, внукамъ и дальше грядущимъ поколѣніямъ сыновъ созданной волею царя и нашими усиліями Болгаріи.

«Съ гордостью вспоминаемъ мы, какъ вы велили насъ въ богатырской борьбѣ плечо въ плечо съ русскими братьями. Рядомъ съ ними и ихъ примѣромъ, подъ вашимъ воеводствомъ, мы, полные славныхъ надеждъ и идеальныхъ стремленій, волновавшихъ наши души и наполнявшихъ наши сердца, радостно проливали нашу кровь, бодро подходя къ закрѣпленію твердо принятаго всѣми нами съ первыхъ дней девиза: «свобода или смерть». Закрѣпленіе это свершилось, будучи куплено дорогою цѣною гибели нашихъ братій, 19-го іюля подъ Старой Загорой (Эски-Загра), а затѣмъ 9-го, 10-го и 11-го августа на Шипкѣ, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, на которое царь посылалъ насъ тогда проливать, подъ вашимъ начальствомъ и по вашимъ указаніямъ, кровь, а теперь мы собрались горячо молиться въ храмѣ объ упокоеніи его чистой, кроткой души, благородныхъ душъ его сына—царя Александра, его брата князя Николая, а также душъ всѣхъ славныхъ воиновъ, павшихъ за нашу свободу на полѣ битвы, а также—о здравіи великаго внука его Царя Николая.

«Славный нашъ полководецъ!

«Мы, ваши ученики-ополченцы, счастливы видѣть васъ здѣсь среди насъ и принести вамъ горячую благодарность за понесенные вами для нашего отечества старанія и труды, завершившіе созданіе нашей свободы и создавшіе нашу армію, являющуюся великою гордостью страны.

«Пусть отнынѣ объ этомъ и объ неизмѣнности нашихъ чувствъ безконечной признательности къ царю, нашему Освободителю, къ его близкимъ, къ Россіи—гордости славянъ, славнымъ генераламъ и воинамъ мощной русской арміи, къ вамъ, нашему учителю,—вѣчно всему міру возвѣщаетъ благородный величественный звонъ колокола, увѣнчавшаго вмѣстѣ съ православнымъ крестомъ на этомъ святомъ храмѣ верхушку горделиво возвышающейся Шипки—свидѣтельницами нашихъ ратныхъ трудовъ, подъ вашимъ скромнымъ, но несокрушимымъ для силъ пятивѣковаго врага-тирана, насъ сплотившимъ въ исторической борьбѣ, дорогимъ сердцу нашему отеческимъ начальствомъ».

Этот скромный,—приведенный здѣсь въ краткомъ извлеченіи,—адресъ былъ въ простой папкѣ, за подписями скромныхъ братьевъ, дравшихся въ славныхъ рядахъ дружинъ «столѣтовскаго ополченія», тогда же, 15-го сентября 1902 года, тамъ же у подножія храма-памятника врученъ генералу Н. Г. Столѣтову—маститому и незабвенному воеводѣ, вѣковѣчному герою юной Болгаріи.

Въ высшей степени скромно, съ большой кротостью, не разъ покойный Николай Григорьевичъ передавалъ простой рассказъ о своей жизни и службѣ. Никогда въ его повѣствованіи не прозвучала ни одна нота чего-либо похожаго на злобу при упоминаніи о постигавшихъ его ударахъ судьбы и не проглянуло ни малѣйшей тѣни бахвальства при воспоминаніи о выпадавшихъ на его долю удачахъ... Нельзя не отмѣтить, что въ немъ всегда жило отрадное чувство благоговѣнія, съ которымъ онъ вспоминалъ о непрестанномъ вниманіи къ нему Царя-Освободителя и Царя-Миротворца, цѣнившихъ его труды и заслуги, какъ цѣнили и то и другое великіе князья—его прямые въ разное время начальники—Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ.

Бывшій августѣйшій кавказскій намѣстникъ, наѣзжавшій въ послѣдніе годы изъ-за-границы для лѣтняго пребыванія въ свое Михайловское подѣ Стрѣльной, не разъ приглашалъ его туда «къ завтраку»,—въ сущности побесѣдовать; его высочество съ большимъ интересомъ возбуждалъ разговоръ объ его службѣ въ Закаталахъ, въ Тифлисѣ, въ Красноводскѣ; многое было выяснено въ тѣхъ бесѣдахъ.

«Ты сумѣлъ твердо и хорошо забыть вредъ, когда-то тебѣ причиненный; тѣмъ лучше будетъ всѣмъ сохраняться въ памяти польза, тобою въ такомъ изобиліи постоянно приносившаяся»...

«Эти слова великаго князя были послѣднія изъ обращенныхъ ко мнѣ, они неизгладимо врѣзались въ мою память и останутся въ моемъ сердцѣ до конца дней моихъ», говаривалъ Николай Григорьевичъ нерѣдко и повторилъ за нѣсколько часовъ до своей кончины...

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

I.

Появленіе въ Варшавѣ туркестанскаго героя П. Е. Кузьминскаго.—Ура-Тюбе и Джизакъ.—Отзывы знаменитыхъ инженеровъ о постройкѣ этихъ крѣпостей.—Роль генерала Романовскаго въ Средней Азій.—Взятіе Ура-Тюбе.—Приказъ генерала Крыжановскаго.—Прощальный приказъ генерала Романовскаго.—Характеристика этого генерала.

ВЪ НАЧАЛѢ 1874 года, послѣ неожиданной кончины намѣстника царства Польскаго и главнокомандующаго войскъ варшавскаго военного округа генераль-фельдмаршала графа Фёдора Фёдоровича Берга, въ Варшаву былъ назначенъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками округа генераль-адъютантъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу. До этого назначенія онъ занималъ постъ новороссійскаго генераль-губернатора и командующаго войсками одесскаго военного округа. Перемѣна эта вызвала появленіе въ польской столицѣ массы совершенно новыхъ лицъ—генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, гражданскихъ сановниковъ и чиновниковъ; между прочимъ, съ конца перваго же года пребыванія генерала Коцебу на новомъ посту началъ появляться въ Варшавѣ молодой, красивый, южнаго типа брюнетъ, офицеръ Волынскаго уланскаго полка Петръ Ефимовичъ Кузьминскій. Орденъ св. Георгія 4-ой степени украшалъ его грудь, а ко-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 37.
«Истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. СХХХ.

стыли, на которыхъ онъ едва передвигался, давали намекъ на то, что высокая награда эта досталась ему нелегко.

Варшава очень заинтересовалась появившимся «героемъ», въ особенности дамы, относящіяся, какъ извѣстно, всегда крайне участливо къ человѣку, которому въ жизни довелось пострадать. О томъ, что онъ былъ изъ числа таковыхъ, показывали не только поддерживавшіе его костыли, но давно зажившіе, слегка замѣтные шрамы, покрывавшіе его измученное, исхудалое, задумчивое лицо.

Довольно долго никто не зналъ, почему онъ вдругъ попалъ въ одинъ изъ полковъ варшавскаго военного округа; а такъ какъ полкъ былъ расположенъ внѣ Варшавы, то и не пришлось что-либо узнать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не начали, съ наступленіемъ лагернаго времени, появляться въ городѣ однополчане таинственнаго незнакомца, заинтересовавшаго всѣхъ.

Тогда же стало ходить много разсказовъ объ его прошломъ. Не имѣя ни претензій, ни нужды, ни возможности дать полную біографію этого заслуженнаго, особо отличившагося боевого офицера, я передаю въ возможно болѣе связномъ видѣ все то, что о немъ въ тѣ времена разсказывалось въ отрывочной формѣ.

Съ теченіемъ времени опредѣлилось, что Кузьминскій, начавъ службу юнкеромъ въ названномъ полку и опоздавъ попасть въ этомъ званіи въ своей части къ боевому времени—усмиренія польскаго мятежа 1863 года,—тотчасъ послѣ производства въ офицеры въ 1864 году временно отчислился отъ полка и полетѣлъ туда, куда неотступно звала его жажда кипучей дѣятельности—въ Среднюю Азію.

Тамъ, въ Туркестанѣ, отчаянно храбрый молодой человѣкъ очень скоро своими подвигами обратилъ на себя общее вниманіе и пріобрѣлъ репутацію отличнаго боевого офицера; во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ его посылали впередъ, и онъ всегда сложныя порученія исполнялъ съ той отвагой, которая свойственна выходящимъ изъ ряду храбрецамъ-головорѣзамъ; онъ нигдѣ, ни въ чемъ не зналъ преградь, а самопожертвованію его не было предѣловъ.

Послѣ многихъ крупныхъ дѣлъ и мелкихъ стычекъ съ туркменами поручику Кузьминскому довелось, осенью 1866 года, принять дѣятельнѣйшее участіе и сыграть очень важную, выдающуюся роль въ двухъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, дѣлахъ—взятія нашими войсками сильно укрѣпленныхъ пунктовъ Ура-Тюбе и Джизака.

Въ сущности, каждое изъ этихъ укрѣпленій представляло собой старинную крѣпость, раскинутую на прекрасно избранной въ боевомъ отношеніи, пересѣченной мѣстности; обѣ эти крѣпкія позиціи, каждая сама по себѣ, были снабжены высокими, отмѣнно прочно построенными стѣнами, внушительной профили валами и глубокими, прекрасно укрѣпленными рвами; все это въ нихъ было расположено съ замѣчательнымъ искусствомъ, по всѣмъ правиламъ старинной фортификаціи.

Не только преданія, но и тамошнія, считающіяся вполне достоверными свѣдѣнія говорятъ, что обѣ крѣпости построены въ концѣ XVII столѣтія по системѣ Вобана какимъ-то случайно забравшимся въ тѣ края путешественникомъ-французомъ, ученикомъ этого знаменитаго, крайне авторитетнаго военнаго инженера.

Извѣстный бельгійскій военный инженеръ и военный писатель Бріальмонъ, вскорѣ послѣ взятія русскими войсками цѣлаго ряда средне-азіатскихъ крѣпостей, каковы Нау, Ташкентъ, Чимкентъ, Ходжентъ, Чиназь, Аулія-Ата, Ура-Тюбе, Джизакъ, Самаркандъ и др., описывая ихъ, между прочимъ, выразилъ убѣжденіе, что нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, построены по системамъ европейскихъ инженеровъ XVI и XVII столѣтій.

Нашъ талантливый военный инженеръ генераль-адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, разсмотрѣвъ тогда представленные ему подвѣдомственными инженерами подробные планы Ура-Тюбе и Джизака и выслушавъ докладъ о томъ, что ходитъ молва, будто бы крѣпости тѣ построены французскимъ инженеромъ, придерживавшимся системы Вобана ¹⁾, сказалъ: «Судя по планамъ, я опровергать это предположеніе не взялся бы; полную же увѣренность въ этомъ имѣть нельзя только потому, что не имѣется удостоверяющихъ документовъ; все остальное можетъ говорить за утвержденіе справедливости такой легенды».

Весной 1866 года наши войска подъ главнымъ руководительствомъ оренбургскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго, при особо избранномъ имъ самимъ отрядномъ начальникѣ свиты его величества генераль-майорѣ генеральнаго штаба Романовскомъ, нанесли сильныя

¹⁾ Маршалъ Себастьянъ ле-Претръ-де-Вобанъ, гениальный французскій инженеръ, родился въ Бургундіи въ 1633 году. Всѣ сохранившіяся о немъ воспоминанія, а также его жизнеописанія—біографіи, некрологи, какъ изданные отдѣльно, такъ и помѣщенные въ различныхъ сборникахъ, газетахъ, журналахъ, энциклопедіяхъ, словаряхъ,—въ одинъ голосъ сообщаютъ, что онъ въ теченіе своей долгой жизни превосходно укрѣпилъ границы Франціи,—при этомъ ему пришлось совершенно перестроить до 300 старыхъ крѣпостей; онъ построилъ по своей системѣ и по своимъ собственнымъ планамъ до 40 новыхъ крѣпостей, участвовалъ на своемъ вѣку въ 140 сраженіяхъ, подъ его руководствомъ велось болѣе 50 осадъ большихъ крѣпостей. Людовикъ XIV возвелъ его въ маршалы Франціи. Признательное отечество поставило ему прекрасный памятникъ. Маршалъ Вобанъ умеръ въ Парижѣ въ 1707 году.

Авт.

4*

пораженія бухарскимъ полчищамъ въ долинь Сыръ-Дарьи, на Ирджарѣ при Нау и Ходжентѣ; вся эта мѣстность была тогда присоединена къ нашимъ владѣніямъ.

Хотя эмиръ бухарскій, сознавая невозможность продолженія дальнѣйшей борьбы съ войсками Бѣлаго царя, какъ будто бы выражалъ покорность, но въ сущности продолжалъ вооружаться и вель себя по отношенію къ намъ въ теченіе лѣта того года съ крайнимъ вѣроломствомъ. Поэтому, послѣ многихъ предостереженій и предупрежденій, русскія власти, по инициативѣ генерала Романовскаго и по его плану, рѣшили осенью двинуться дальше вглубь Средней Азіи, при чемъ намѣтили присоединить къ Россіи область, находящуюся между тогдашними русскими и бухарско-кокандскими владѣніями; этотъ районъ земли представлялъ собою для эмира бухарскаго послѣдній къ сторонѣ нашихъ владѣній оплотъ, укрѣпленный двумя вышеназванными крѣпостями—Ура-Тюбе и Джизакомъ (по мѣстному Ора-Тепе и Жузакъ); отнятіе этого района являлось для насъ чрезвычайно важнымъ,—оно должно было совершенно ослабить эмира, что было крайне существенно именно въ виду постоянно проявлявшагося съ его стороны по отношенію къ населенію сосѣднихъ съ нимъ нашихъ владѣній явнаго вѣроломства.

20-го сентября всѣ наши войска расположились лагеремъ въ семи верстахъ отъ Ходжента, а затѣмъ часть ихъ подъ командой генерала Романовскаго подошла къ Ура-Тюбе—укрѣпленію, которое всегда представляло собой главную опору владычества эмира бухарскаго въ долинь Сыръ-Дарьи. Оно расположено на сѣверной покатости снѣгового хребта Тянь-Шань, отдѣляющаго долину Сыръ-Дарьи отъ прочихъ бухарскихъ владѣній, кои расположены на Аму-Дарьѣ. Черезъ Ура-Тюбе проходитъ направляющійся вдоль подошвы горъ путь, который тогда вель изъ Бухары въ Кокандъ. Опираясь на эту крѣпость, властители Бухары не разъ успѣвали распространять свое владычество на Кокандъ, Ходжентъ и Ташкентъ. Все это побудило генерала Романовскаго предпринять осаду крѣпости Ура-Тюбе. Для этого сначала была произведена подробная рекогносцировка тѣми частями, которыми командовали флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ив. Илар. Воронцовъ-Дашковъ и подполковникъ Барановъ. Эти два штабъ-офицера оставались начальниками частей отрядовъ до 2-го октября—дня взятія этой крѣпости. 30-го сентября артиллерія подъ начальствомъ начальника артиллеріи оренбургскаго военного округа генералъ-майора Кондратьева произвела артиллерійскій обстрѣлъ крѣпости; съ брешь-батареи были пробиты бреши въ стѣнахъ той крѣпости; 1-го октября была произведена фальшивая атака южной стороны крѣпости, 2-го штурмовали ее съ этой стороны тремя колоннами и съ сѣверо-восточной—двумя.

Во главѣ штурмовыхъ колоннъ были поставлены съ южной стороны майоръ 5-го Туркестанскаго линейнаго батальона Назаровъ, бывшій офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, и причисленные къ генеральному штабу, только что окончившіе тогда курсъ академіи генеральнаго штаба штабсъ-ротмистры полковъ Его Величества—л.-гв. уланскаго Шауфусъ и л.-гв. кирасирскаго Глуховской; съ сѣверо-восточной стороны—поручикъ Морозовъ и штабсъ-капитанъ Конопельскій; резервами командовали съ южной стороны капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка Мантейфель, а съ сѣверо-восточной—Волынскаго уланскаго полка поручикъ Кузьминскій; на его обязанности лежало охранять позицію со стороны Джизака, въ который все время свободно прибывали войска, посылавшіяся эмиромъ бухарскимъ.

Начавшій штурмъ сѣверо-восточной стороны во главѣ авангарда, составленнаго изъ охотниковъ, капитанъ Плецъ въ самомъ началѣ боя былъ убитъ пулей въ голову наповаль; его мѣсто занялъ капитанъ Гриппенбергъ ¹⁾.

Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что къ концу боя въ стѣнахъ Ура-Тюбе оказались ранеными Шауфусъ, Глуховской, генеральнаго штаба поручикъ Комаровъ и молодые, только что произведенные изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища въ офицеры Оренбургскаго стрѣлковаго батальона подпоручики Плѣшковъ и Кончицъ; послѣдніе трое черезъ полтора часа умерли отъ ранъ. Позиція была взята; окрестности Ура-Тюбе были усыяны непріятельскими трупами, въ крѣпости ихъ было, кромѣ того, погребено болѣе двухъ тысячъ. У насъ, кромѣ названныхъ раненыхъ, были сильно контужены Барановъ, Шороховъ, Кузьминскій, пор. Аленичъ и кн. Барятинскій ²⁾, адъютантъ наслѣдника цесаревича; онъ состоялъ тогда въ чинѣ поручика Преображенскаго полка и командовалъ 1-ю казачьею Уральскою сотней. Въ каждомъ отрядѣ было изъ строя нижнихъ чиновъ около 25%.

Генераль-адъютантъ Крыжановскій, приказомъ по войскамъ Туркестанской области 3-го октября 1866 года, между прочимъ, объявилъ: «Вчера 2-го октября сильная бухарская крѣпость Ура-

¹⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ, извѣстный вообще, какъ боевой генералъ. Въ 1877 г., командуя л.-гв. Московскимъ полкомъ, онъ въ чинѣ полковника получилъ орденъ св. Георгія 3-ей степени за лихое отнятіе у очень сильнаго непріятеля взятой имъ наканунѣ отъ насъ съ боя позиціи—на Шандорникѣ въ Балканахъ въ отрядѣ генерала-адъютанта Гурко. Особую извѣстность генералъ Гриппенбергъ получилъ въ 1905 г. при Сандепу, состоя въ должности начальника одной изъ манчжурскихъ армій у генерала Куропаткина.

²⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ, состоитъ при Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

Тюбе, весьма важная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, послѣ восьмидневной осады взята штурмомъ. Ея гарнизонъ защищался упорно. У непріятеля отбито нами 5 знаменъ, 16 орудій, взято много плѣнныхъ и оружія. Крѣпостные рвы и окрестности завалены сотнями непріятельскихъ труповъ. Побѣда эта стоила намъ трехъ офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ убитыми».

Далѣе генералъ Крыжановскій благодаритъ полковника графа Воронцова - Дашкова, подполковника Баранова и начальника своего штаба подполковника Троцкого, который, какъ выражено въ приказѣ, «былъ главнымъ, прямымъ и ближайшимъ моимъ помощникомъ по отдаванію всѣхъ моихъ предварительныхъ распоряженій».

Свиты Его Величества генералъ-майоръ Романовскій благодарности вовсе не удостоился, и на это тогда же указывалось, такъ какъ войска искренно считали его и главнымъ руководителемъ, и главнымъ виновникомъ взятія той сильной крѣпости.

Среди офицеровъ и вообще въ частяхъ войскъ въ то время ходили толки, будто бы между генералами Крыжановскимъ и Романовскимъ возникли крупныя несогласія и, — какъ всегда у насъ въ подобныхъ случаяхъ на Руси водится, — изъ-за мелочей; а кто былъ правъ, кто виноватъ, — разобрать не было возможности.

Вскорѣ послѣ того генералъ Романовскій былъ отчисленъ отъ должности и вынужденъ былъ выѣхать въ Россію. Говорили, что его поразилъ ударъ; но осталось неизвѣстнымъ, было ли просто прямымъ послѣдствіемъ этого отставленіе его отъ должности, или же, наоборотъ, результатомъ несогласій и основанныхъ на нихъ несправедливостей, принятыхъ имъ близко къ сердцу, явилось пораженіе параличомъ, послѣ котораго онъ уже не могъ оставаться въ должности на боевомъ посту въ такое горячее время?

Приказъ, изданный генераломъ Романовскимъ 14-го апрѣля 1867 года, въ свою очередь, какъ рассказывали впослѣдствіи разсѣявшіеся по землѣ русской ташкентцы, показался нѣсколько страннымъ: въ немъ нашли очень мало того, что должно было отвѣчать боевому духу молодецкихъ войскъ и слишкомъ много личнаго; такъ, между прочимъ, подчеркивали, что, разставаясь съ бывшими боевыми товарищами своими, генералъ «просилъ всѣхъ и каждого принять его усердную благодарность за совершенныя ими боевыя отличія, которыя доставили ему много царскихъ наградъ»; въ заключеніе онъ говоритъ, что будетъ всегда съ гордостью вспоминать о времени своего начальствованія надъ храбрыми туркестанцами и будетъ себя считать счастливымъ, если Богъ когда-нибудь приведетъ его еще разъ покомандовать такими же молодцами.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ.

Въ бытность генерала Романовскаго командующимъ войсками въ покоренной тогда Черняевымъ Туркестанской области у него въ должности начальника штаба состоялъ подполковникъ Виталій Николаевичъ Троцкій, впоследствии генераль-адъютантъ, виленскій, ковенскій и гродненскій генераль-губернаторъ ¹⁾. Онъ вообще нерѣдко вспоминалъ Романовскаго и говорилъ о немъ; при чемъ, всегда отзываясь о немъ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, честномъ, добромъ и способномъ, не могъ не подчеркнуть одного—это черту, бросавшуюся въ глаза при первомъ знакомствѣ съ Романовскимъ: о чемъ онъ ни говорилъ, всегда умудрялся такъ обставить свой рассказъ, что самъ являлся исключительнымъ центромъ описываемаго.

Во всякой средѣ можно встрѣтить такихъ людей, которые какъ бы безсильны свести разговоръ съ собственной персоны; чего бы они ни коснулись, она всегда у нихъ на первомъ мѣстѣ; всякія событія, всевозможныя дѣйствующія лица заслоняются въ ихъ рассказѣ ею.

Черта, быть можетъ, и извинительная, говаривалъ В. Н. Троцкій, но не въ военномъ, а главное не въ полководцѣ; для него является болѣе чѣмъ обязательнымъ взять привычку отрѣшиться отъ своего «я», дабы имѣть возможность обращать сосредоточенное вниманіе свое на все, кромѣ себя.

По этому поводу вспоминается одинъ мелкій, но очень характерный эпизодъ, случившійся во время турецкой войны 1877—78 гг. Ординарецъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго штабсъ-ротмистръ Е. былъ командированъ въ отрядъ, дѣйстви-

¹⁾ Занимая съ 1870 года постъ начальника штаба войскъ туркестанскаго военнаго округа, при командовавшемъ тѣми войсками генераль-адъютантъ Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ, онъ при немъ же въ 1873 году исполнялъ должность начальника штаба отряда во время хивинскаго похода; вскорѣ послѣ смерти генерала Кауфмана былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказскаго военнаго округа, а затѣмъ перемѣщенъ на должность помощника генераль-адъютанта Михаила Ивановича Драгомирова по должности командующаго войсками кievскаго военнаго округа. М. И. Драгомировъ очень цѣнилъ его, какъ опытнаго, военновременнаго и боевого генерала, прекрасно знавшаго бытъ солдата и нужды частей войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, а также незамѣнимаго помощника вообще; отличалъ онъ въ немъ также основательность, положительность, устойчивость характера и рѣдкую тактичность. 25-го марта 1896 года на прощальномъ обѣдѣ, которымъ военное общество въ Кіевѣ чествовало генерала Троцкаго, провожая его изъ Кіева въ Вильну, куда онъ былъ назначенъ командующимъ войсками округа, Михаилъ Ивановичъ, протянувъ къ нему бокалъ свой, между прочимъ, сказалъ: «не завидую я тебѣ; ты будешь тамъ такъ же безъ помощника, какъ я остаюсь теперь здѣсь; я—потому что лишаюсь тебя, а ты по той причинѣ, что настоящаго помощника,—такого, какимъ самъ умѣешь быть, не найдешь; и не ищи, братъ,—не найдешь, развѣ когда-нибудь впоследствии наживешь, создашь»... Генераль Троцкій былъ моложе Драгомирова на шесть лѣтъ; онъ воспитывался въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ; скончался въ Вильнѣ весной 1901 года на 66-мъ году жизни.

А в т.

вавший на правомъ флангѣ общей позиціи, занятой противъ Мегмета-Али-паши, который только что наканунѣ учинилъ по всей линіи наступленіе на наши силы. Явившись къ начальнику отряда генералу Д.,—Е. спрашиваетъ, что прикажетъ генераль доложить главнокомандующему относительно выдержаннаго наканунѣ натиска, окончившагося отраженіемъ вражеской атаки.

«Двое сутокъ съ лишимъ я ожидалъ этой атаки, — началъ свой рассказъ генералъ Д., — всѣ свѣдѣнія, получавшіяся съ аванпостовъ, указывали мнѣ, что я долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ сильнаго наступленія врага; двѣ ночи я не спалъ вовсе; четыре раза мнѣ довелось обѣхать рѣшительно всѣ позиціи; въ день атаки я выѣхалъ вновь на позиціи въ пятомъ часу утра; дождь меня промочилъ насквозь; двухъ адъютантовъ своихъ я послалъ на лѣвый флангъ, самъ съ начальникомъ своего штаба оставался въ центрѣ, зорко присматриваясь къ тому, что происходило противъ него и наблюдая за правымъ флангомъ. Въ-время я замѣтилъ скопленіе турецкихъ войскъ противъ этого фланга и, если бы не случилось мнѣ быть въ этомъ пунктѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ окончилось бы дерзкое намѣреніе паши обойти насъ справа; я отдалъ тотчасъ распоряженіе о немедленномъ и быстромъ передвиженіи одной конной, именно 18-ой батареи изъ центра на крайній правый флангъ, правофланговую пѣхотную бригаду я въ-время подкрѣпилъ полкомъ изъ резерва, который вообще поспѣшилъ приблизить къ флангу, обезпечивъ его бригадой кавалеріи. Благодаря всему этому, непріятель вынужденъ былъ отступить съ громадными потерями. Вотъ все, что я могу вамъ рассказать для доклада его высочеству, а что будетъ дальше—обо всемъ я, въ связи съ этимъ, изложу въ реляціи. Поѣзжайте съ Богомъ».

— Слушаю, ваше пр—ство, — отвѣтилъ ординарецъ: — но не прикажете ли доложить великому князю что-нибудь и о войскахъ? Его высочество всегда о нихъ разспрашиваетъ въ большихъ подробностяхъ.

— Ну, конечно, и ъ войскахъ, конечно...

Этотъ рассказъ приводится, какъ курьезъ; онъ не имѣетъ цѣли умалить вообще боевыя и служебныя достоинства генерала Д., который всегда, еще съ молодыхъ лѣтъ, выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ; это былъ блестящій гвардейскій офицеръ, потомъ обращавшій на себя вниманіе эскадронный и полковой командиръ, а также замѣтный начальникъ дивизіи.

За время этой войны онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени; этимъ крестомъ было отмѣчено то самое дѣло, которое онъ, немного неловко, по-своему, типично описалъ въ рассказѣ ординарцу для доклада великому князю главнокомандующему. Кромѣ того, за другую, блестяще одержанную въ концѣ кампаніи побѣду онъ былъ награжденъ, какъ признавали всѣ, совершенно заслуженно, золотою, брильянтами украшенною саблей.

II.

Взятіе Джизака.—Геройскій подвигъ Кузьминскаго.—Роль графа И. И. Воронцова-Дашкова въ боевыхъ событіяхъ.—Его отношеніе къ подвигамъ Кузьминскаго.—Государь Александръ Николаевичъ обращаетъ особое вниманіе на судьбу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, раненныхъ въ Средней Азіи.—Особое участіе къ тяжело раненому Кузьминскому.—Отправленіе этого офицера, по волѣ государя, въ Парижъ для леченія.

Подвиги генерала Романовскаго такъ же, какъ и заслуги генерала Д., нисколько не уменьшаются въ своихъ достоинствахъ разсказомъ генерала Троцкаго о характерѣ свойственной имъ слабости,—довольно, впрочемъ, вообще распространенной.

Послѣ взятія генераломъ Романовскимъ крѣпости Ура-Тюбе, въ рукахъ эмира бухарскаго остался къ осени 1866 года лишь одинъ пунктъ, владѣя которымъ онъ могъ разсчитывать удерживать за собой долину рѣки Сыръ-Дарьи; это Джизакъ—крѣпость, расположенная въ ущельи на единственномъ пути, удобномъ для прохода къ Самарканду и къ Бухарѣ.

Блестяще окончивъ штурмъ Ура-Тюбе, отрядъ долженъ былъ приготовиться къ взятію Джизака. Эта крѣпость, болѣе сильная вообще, была гораздо лучше вооружена; она считалась въ тѣхъ краяхъ наиболѣе серьезною крѣпостью. Бекъ Джизакскій, подкрѣпленный въ концѣ лѣта десятью тысячами отборныхъ войскъ, присланныхъ эмиромъ бухарскимъ при 53-хъ орудіяхъ большого калибра, приготовился дать отчаянный, жесточайшій отпоръ.

Укрѣпленный съ давнихъ поръ цитаделью и городской стѣной, Джизакъ въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ передъ его осадой былъ много и искусно усиленъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ ежедневно работали на его укрѣпленіяхъ; они возвели тройной рядъ стѣнъ, одна надъ другою возвышавшихся; изъ нихъ наружная, въ томъ году вновь выстроенная, имѣла 3½ сажени вышины и 4 сажени толщины; ихъ же трудами крѣпость была усилена тройнымъ рядомъ рвовъ, изъ коихъ передній имѣлъ мѣстами 11 аршинъ глубины; ко всему этому въ этихъ старыхъ крѣпостяхъ, построенныхъ, какъ гласитъ преданіе, европейцами, въ послѣднее время было добавлено много такого, что дѣлало крѣпость грозною и совершенно неприступною.

Войска, присланные эмиромъ, были набраны изъ храбрѣйшихъ племенъ—афганцевъ, персіянъ и туркменъ; все ихъ вооруженіе, не исключая артиллерійскаго, напоминало европейское; для распоряженія обороною эмиръ высылалъ наиболѣе способныхъ и предприимчивыхъ сподвижниковъ своихъ—Перваначи-Аллаяра, бывшаго джизакскаго же бека Якуба и еще до 18 бековъ.

Понятно, почему русскіе сочли долгомъ поторопиться взятіемъ этого серьезнаго пункта и почему генералъ Романовскій, напрягая

всю свою энергію, тотчасъ послѣ взятія Ура-Тюбе, направилъ туда войска, успивъ и укомплектовавъ ихъ въ мѣрѣ возможности. Начальствованіе надъ передовыми частями было ввѣрено графу Воронцову-Дашкову.

Отъ Ура-Тюбе до Джизака считается 100 верстъ.

«Джизакская артиллерія во всѣхъ мелочахъ, болѣе существенныхъ, представляла собой типъ англійской»,—писалъ впослѣдствіи генералъ Крыжановскій въ своихъ официальныхъ донесеніяхъ. Самъ онъ былъ въ свое время выдающійся артиллеристъ и глубокоученый военный писатель; онъ считался специалистомъ по части артиллеріи; ему не трудно было опредѣлить, какого происхожденія вооруженіе и матеріальная часть была добыта и прислана эмиромъ. Но мы тогда еще пребывали въ наивномъ невѣдѣніи того, что тайное участіе коварныхъ англичанъ въ дѣлѣ оказанія помощи эмирамъ афганскому, бухарскому, хану хивинскому и другимъ правителямъ народовъ Средней Азіи,—было самое широкое, дѣятельное и постоянное.

Для самаго штурма войска были сосредоточены опять подъ общимъ начальствомъ генерала Романовскаго; самъ Крыжановскій произвелъ главную рекогносцировку; частныя же были сдѣланы Романовскимъ и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Колонны были назначены подъ начальствомъ подполковниковъ Михайлова и Григорьева, надъ устройствомъ брешъ-батарей старательно работали военные инженеры—подполковникъ Яблонскій, шт.-капит. Свищевскій и поручикъ Пріоровъ. Передъ началомъ боя графъ Воронцовъ-Дашковъ принялъ подъ свою команду резервъ.

По самому характеру своему Кузьминскій не могъ оставаться вообще спокойнымъ въ минуты приближенія боя; онъ вѣчно рыскалъ по окрестностямъ, тщательно осматривая все то, что нужно было осмотрѣть, а иногда и то, до чего ему вовсе не было никакого дѣла,—это ни въ какомъ случаѣ не исключало возможности во-время досмотрѣть что-либо чрезвычайно важное и существенное.

Вскорѣ послѣ взятія Ура-Тюбе, не успѣвъ еще оправиться отъ сильной контузіи, полученной въ этомъ дѣлѣ, онъ взялся всесторонне осмотрѣть укрѣпленія Джизака. Охотники знали его и всегда готовы были итти съ нимъ въ огонь и въ воду; онъ обыкновенно подбиралъ ихъ себѣ самъ и между ними старшимъ ставилъ обыкновенно унтеръ-офицера Теренія Соинава, безшабашнаго, удалого храбреца, котораго вообще охотники любили за предприимчивость, находчивость, неутомимость и за легкое отношеніе ко всему, не исключая и невзгодъ; его охотно слушались и исполнѣ ему подчинялись.

Сохранился рассказъ о томъ, что, отправившись на измѣреніе глубины рвовъ и высоты стѣнъ той стороны, съ которой предполагалась атака Джизака, лихой маленькій отрядъ Кузьминскаго

въ ночной тишинѣ наткнулся на непріятельскихъ лазутчиковъ выползшихъ изъ крѣпости; изъ нихъ двухъ удалось захватить и «хорошо допросить»; пойманные не дали много работы надъ собой, — они оказались не изъ очень упорныхъ: скоро они показали, что непріятелю было хорошо извѣстно о предстоящемъ штурмѣ, зналъ онъ, противъ какой стороны рѣшено было вести атаку, и эту сторону онъ крайне старательно минировалъ.

Окончивъ со своими удалъцами производство подробныхъ ночныхъ измѣреній, Кузьминскій въ большихъ подробностяхъ доложилъ обо всемъ графу Воронцову-Дашкову и генералу Романовскому, а затѣмъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы штурмъ Джизака былъ произведенъ со стороны ура-тюбинскихъ воротъ, откуда, по его убѣжденію, взять крѣпость было и легче и безопаснѣе въ отношеніи потерь, которыя предстояло понести. Графъ Воронцовъ-Дашковъ помогъ ему настоять на этомъ; самъ же Кузьминскій при этомъ просилъ разрѣшенія начать штурмъ лично во главѣ роты охотниковъ. Такъ и было рѣшено. Живо были отданы всѣ распоряженія и лишь вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, начать штурмъ рано утромъ, въ тѣ часы, когда восточные люди болѣе всего выказываютъ безопасность, постановлено было начать его въ 12 часовъ дня.

Это вышло къ лучшему еще съ одной стороны: непріятель, имѣвшій вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что штурмъ долженъ произойти 18-го октября, могъ быть увѣренъ въ томъ, что если въ обыкновенный ранній часъ штурмовать въ тотъ день не начали, то, значить, уже отложили до другого дня; врагъ успокоился на этомъ и такимъ образомъ совершенно прозѣвалъ послѣдовавшее въ тотъ же день начало боя.

Очевидцы этого дѣла такъ описываютъ его. Пропустивъ раннее утро 18-го числа, мы какъ бы неожиданно открыли штурмъ въ 12 часовъ дня; первымъ двинулся въ атаку уланскій поручикъ Кузьминскій со своей ротой охотниковъ. Красавицъ-командиръ своимъ лихимъ видомъ ободрялъ роту такихъ же удалъцовъ, какъ онъ самъ: начавшаяся сперва отъ артиллерійскаго огня, а потомъ отъ ружейныхъ пуль убыль не останавливала молодцовъ. Кузьминскій какъ будто кокетничалъ со смертью; вотъ онъ, въ уланской формѣ, молодцовато прошелъ самыя опасныя мѣста, вотъ спустился въ ровъ, — въ тотъ самый ровъ, который, быть можетъ, за 12 часовъ передъ тѣмъ, въ ночной мглѣ и тишинѣ, самъ онъ въ точности измѣрилъ; вотъ ровъ перейденъ, удалъцы стали подниматься на эскарпъ; только что поднялись, на гребнѣ эскарпа произошелъ взрывъ фугаса; штурмовавшихъ скрылъ густой дымъ, — казалось, не всѣ ли они погибли въ этомъ взрывѣ; однако дымъ разсѣялся, видно, что рота, оставивъ въ немъ двухъ-трехъ человекъ, быстро, съ уланскимъ киверомъ во главѣ поднялась на валъ. Но вотъ бодро поднявшійся первымъ Кузьминскій взлетаетъ на воздухъ, поднятый на вражескихъ пи-

кахъ; сброшенный со стѣны, онъ всталъ и попытался вновь ринуться на врага, но тутъ же упалъ приколотый: сартъ, нанося ему рану пикой, прокололъ его въ поясницу, — какъ тогда издали въ сумбуръ боя показалось и какъ поэтому изъ устъ въ уста передавалось, — насквозь; въ ротѣ это не произвело никакого смятенія; она вся, какъ одинъ, положивъ на мѣстѣ толпу сартовъ, кинувшихся было добывать ея командира, лежавшаго, повидимому безъ дыханія, прикрыла его собой и по разрушенной нашими снарядами стѣнѣ взобралась наверхъ, а тамъ начала жестокую рѣзню. Все снова закрылось дымомъ новаго взрыва фугаса и несмолкаемой пальбой ружейной, пистолетной, артиллерійской; въ одну минуту подошли всѣ штурмовыя колонны, пошла рукопашная схватка въ стѣнахъ крѣпости; тутъ же рядомъ со штурмомъ идутъ фальшивыя атаки для отвлеченія вниманія вошедшаго въ ражъ врага; его сотни валяются штыкомъ, пикой, саблей... адъ...

Къ двумъ часамъ дня въ крѣпость вошелъ и частный резервъ графа Воронцова-Дашкова; туго пришлось бы, если бы онъ не подошлъ: уже спѣшенные казаки и конно-артиллеристы отважно дрались въ пѣхотномъ строю, и далеко не стройнымъ началъ представляться этотъ строй.

Между тѣмъ джизакскій бекъ, увидѣвшій съ самаго начала лихо разгоравшагося боя, насколько ему довелось обмануться и во времени атаки и въ выборѣ фронта штурма, взбѣшенный тѣмъ, что не удался его адскій планъ сплошнаго взрыва всѣхъ штурмовыхъ колоннъ на подступахъ, приготовилъ всю свою энергію и все свое бѣшенство для отбитія атаки съ полнѣйшею азіатскою жестокостью: онъ заперъ всѣ ворота, объявивъ, что ни выхода изъ цитадели, ни отступленія не будетъ, всякъ долженъ самъ защищаться. Врагъ дрался геройски; изъ 18 бековъ 16 погибли, при чемъ 12 пали въ рукопашномъ бою.

Къ четыремъ часамъ дня вошелъ въ крѣпость генералъ Крыжановскій съ главнымъ резервомъ. Побѣда была полная. Показавшаяся верстахъ въ пяти свѣжая, вновь высланная эмиромъ изъ Бухары колонна въ 2,500 человекъ съ 18-ю орудіями, почувствовавъ огонь, направленный на нее, и узнавъ объ участи Джизака, разбѣжалась, спасаясь отъ насѣдавшихъ на нее резервовъ. Скоро къ генералу Крыжановскому явились двое посланныхъ отъ главнаго бека съ просьбой разрѣшить ему предстать передъ сердаремъ ¹⁾; онъ былъ раненъ тремя пулями и истекалъ кровью, при чемъ, умирая, успѣлъ лишь поздороваться и сказать: «послѣдняя твердыня наша, волею Аллаха, пала къ ногамъ Акъ-падишаха» (Бѣлаго царя).

Въ этомъ дѣлѣ намъ досталось болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ, много знаменъ, ружей, пикъ, пистолетовъ, 23 большихъ, 18 сред-

¹⁾ Сердарь—главнокомандующій.

нихъ и 30 малыхъ орудій; выбывшихъ изъ строя у насъ оказалось болѣе 30 процентовъ; много убитыхъ, между ними немало было такихъ, у которыхъ раны оказались отравленными.

Поздно вечеромъ опредѣлилось, что тяжело раненый, или, вѣрнѣе, израненный и пулями, и осколками гранатъ, и саблями, и пиками поручикъ Кузьминскій еще живъ, но находится въ агоніи или, какъ докладывали начальству и говорили между собой солдаты, «при послѣднемъ издыханіи».

Только черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ его жизнь, видимо, угасала, обозначилось, какая участь ожидала штурмовавшихъ, если бы онъ не настоялъ на томъ, чтобы штурмъ повели на ура-тюбинскія ворота, а не на тотъ фасъ, который атаковать предполагалось и съ котораго бекъ такъ тщательно приготовился не только дать отпоръ, но и погубить нашъ отрядъ; всѣ колонны были бы сметены взрывомъ—до такой степени искусно были устроены и приспособлены минныя горны подъ всѣми подступами, а въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ части войскъ должны были при веденіи штурма по расчету задерживаться и усиленнымъ дождемъ перекрестнаго огня, и свойствами препятствій, представлявшихся неприступностью фортификаціонныхъ приспособленій, возведенныхъ для усиленія крѣпости.

Такимъ образомъ, поручикъ П. Е. Кузьминскій не только геройски, всецѣло пожертвовалъ лично собой, но и предупредилъ неминуемую гибель отряда, чѣмъ спасъ его и обезпечилъ все дѣло захвата столь важнаго для врага опорнаго пункта. Онъ открылъ намъ глаза на эти мины.

Не скоро онъ очнулся и не скоро представилось возможнымъ получить хотя бы намекъ на то, что спасеніе его жизни не представлялось несбыточнымъ; только поэтому не скоро могло дойти до него, а главное до его сознанія горестное извѣстіе о томъ, что близкій ему боевой спутникъ Терентій Соиновъ, съ которымъ онъ въ неимоверныхъ опасностяхъ сроднился, былъ пиками приколотъ на смерть подлѣ него въ тотъ самый моментъ, когда врагъ считалъ и его, начальника грозной горсти храбрецовъ, скошеннымъ на смерть.

Вотъ за какое дѣло этотъ бравый штабъ-ротмистръ получилъ самый дорогой для каждаго офицера орденъ св. Георгія и вотъ какое недавнее боевое прошлое считалось за этимъ человѣкомъ въ то время, когда вся Варшава такъ сильно и живо заинтересовалась имъ.

Всѣ эти факты, освѣщавшіе все бурно пережитое имъ, становились извѣстными массѣ понемногу,—по мѣрѣ передачи ихъ изъ устъ въ уста. Можно себя представить, въ какой мѣрѣ то или другое въ нихъ прикрашивалось и преувеличивалось; однако достаточно было рассказывать сухую и чистую правду объ его подвигахъ для

того, чтобы онъ сталъ въ глазахъ толпы и публики героемъ; но по обыкновенію нѣкоторые находили нужнымъ, съ умысломъ или безъ него, прославить тѣ подвиги выше мѣры, чѣмъ, безъ сомнѣнія, достигали лишь умаленія его истинныхъ заслугъ; это, прежде всего, находилъ онъ самъ. И по привычкѣ, и по врожденной скромности, свойственной вообще героямъ, онъ о своихъ подвигахъ никогда ничего не говорилъ; если для освѣщенія тѣхъ или иныхъ событій ему приходилось касаться своихъ дѣяній или соприкасаться съ ними, онъ умѣлъ избѣгать излишнихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи,—надо отдать ему полную справедливость,—онъ, видимо, не былъ изъ числа тѣхъ выскочекъ, кои имѣютъ обычай выхваляться и, не ожидая оцѣнки своихъ дѣяній другими, сами какъ бы торопятся сдѣлать эту оцѣнку.

Изъ устъ Кузьминскаго лицамъ, съ коими болѣе всего приходилось мнѣ тогда сноситься, довелось слышать лишь довольно подробный разсказъ о томъ, какое близкое участіе въ его судьбѣ со времени его раненія принималъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ герой всегда говорилъ, что государь узналъ мельчайшія подробности,—и о состояніи его здоровья, и объ обстоятельствахъ происхожденія болѣзней,—очевидно, отъ графа Ив. Ил. Воронцова-Дашкова, который, проѣхавъ изъ Ташкента въ Петербургъ хотя бы на побывку, имѣлъ случай и былъ обязанъ доложить его величеству обо всемъ, что важнаго онъ видѣлъ и слышалъ, а главное—въ чемъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Болѣе важнымъ предметомъ доклада его представлялось, безъ сомнѣнія, взятіе крѣпостей Ура-Тюбе и Джизака, такъ какъ въ обоихъ дѣлахъ тѣхъ онъ явился однимъ изъ главнымъ дѣйствовавшихъ лицъ.

Каждый возвращающійся при подобныхъ обстоятельствахъ изъ командировки обязанъ представить государю полный докладъ обо всемъ стоящемъ вниманія съ различныхъ дѣловыхъ точекъ зрѣнія; помимо того графъ Воронцовъ-Дашковъ имѣлъ возможность сдѣлать это съ болѣею обстоятельностью, такъ какъ былъ то время однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу лицъ и пользовался полнѣйшимъ, дружескимъ довѣріемъ его высочества.

За дѣятельное участіе въ дѣлѣ взятія крѣпости Джизакъ и «за распорядительность, которая привела къ блестящей побѣдѣ», графъ Воронцовъ-Дашковъ также получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Нѣкоторое время онъ, произведенный въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту его величества, занималъ должность помощника начальника туркестанской области генерала Романовскаго, который съ тѣмъ вмѣстѣ командовалъ войсками области. Вскорѣ, однако, графъ былъ отозванъ въ Петербургъ и

тамъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго его величества полка, которымъ прокомандоваль съ 1867 года по 1874 годъ, когда былъ назначенъ на должность начальника штаба сформированнаго въ томъ году гвардейскаго корпуса, врученнаго тогда молодому командиру—наслѣднику цесаревичу.

Впослѣдствіи графъ Воронцовъ-Дашковъ, пробывъ нѣкоторое время начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, занялъ въ 1881 году постъ министра двора, а въ этой должности оставался все время царствованія покойнаго государя Александра III.

Нынѣ графъ состоитъ намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ, по выслушаніи словеснаго доклада, представленнаго графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ присутствіи наслѣдника цесаревича, приказалъ немедленно же телеграфировать командовавшему войсками оренбургскаго военнаго округа генераль-адъютанту Крыжановскому о томъ, чтобы на леченіе раненыхъ въ послѣднихъ брѣяхъ денежный отпускъ былъ увеличенъ; объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, требующихъ особаго ухода и вниманія къ ихъ тяжкому раненію, немедленно представить его величеству особые именныя списки и принять относительно тѣхъ лицъ всѣ тѣ чрезвычайныя мѣры, кои, по тщательномъ осмотрѣ, окажутся необходимыми. Къ этому государь велѣлъ добавить, что средства высылаются личнымъ его величества распоряженіемъ; въ той же телеграммѣ, посланной за подписью военнаго министра генераль-адъютанта Дмитрія Алексѣевича Милютина, было предписано: «нынѣ войти съ подробнымъ представленіемъ соображеній о томъ, что необходимо предпринять для вѣрнѣйшаго обезпеченія чиновъ, пострадавшихъ въ томъ отдаленномъ краѣ отъ ранъ и увѣчій и лишившихся возможности впредь зарабатывать средства личнымъ трудомъ и службой своей».

Вслѣдствіе этого, заботами генерала Крыжановскаго и непосредственнымъ трудомъ приставленнаго къ этому дѣлу генеральнаго штаба подполковника Виталія Николаевича Троцкаго, всѣ раненые были соединены въ различныхъ курортахъ, тогда же созданныхъ въ удобныхъ для того мѣстахъ и въ здоровой мѣстности, удовлетворявшей всѣмъ требованіямъ климатическихъ условій и, сообразно съ тѣмъ, отвѣчавшей условіямъ правильнаго леченія.

По мѣрѣ улучшенія состоянія здоровья въ отношеніи собственно хода заживленія ранъ, больные, въ цѣляхъ улучшенія питанія организма и ускоренія для каждаго изъ нихъ возможности окрѣпнуть, были направляемы въ наново устроенныя и разсѣянныя по вѣренному генералу Крыжановскому краю кумысолечебныя заведенія; они были оборудованы стараніями того же подполковника Троцкаго и имъ поставлены на такую ногу, что начавшійся пріѣздъ изъ Рос-

сін больныхъ—худосочныхъ, туберкулезныхъ, анемичныхъ и вообще истощенныхъ—очень скоро разслабилъ эти заведенія и успилилъ наплывъ въ нихъ лицъ, жаждавшихъ возстановленія силъ, потерянныхъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и условій жизни.

Благодаря тому, что генераль-адъютантъ Крыжановскій отнесся къ этому важному дѣлу съ особымъ горячимъ участіемъ и принялъ на себя близкое личное руководство имъ,—не была пропущена забота о своевременномъ пополненіи громаднаго недостатка во врачахъ; хлопотами этого генерала край наводнился массой докторовъ, между которыми оказалось не мало искусныхъ, а главное самоотверженныхъ хирурговъ, беззавѣтно и всецѣло отдавшихъ дѣлу спасенія людей, жестоко пострадавшихъ въ борьбѣ съ дикими озвѣрѣвшими племенами ¹⁾.

Крайне благотѣльными явились мѣры, принятыя тогда Дмтриемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ къ поощренію переѣзда молодыхъ врачей въ тотъ край и къ облегченію—дарованіемъ разнаго рода льготъ—ихъ служебнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жизненнаго положенія на той далекой окраинѣ.

Хотя болѣзненное состояніе изрѣзаннаго, исколотата, изрубленнаго и пронизаннаго пулями Кузьминскаго бросалось въ глаза, но все же онъ былъ особо выдѣленъ не сразу и не спроста; понадобились крайне участливыя хлопоты о немъ въ Петербургѣ очевидца его лихихъ подвиговъ графа Воронцова-Дашкова и неустанныя указанія на мѣстѣ врача, предавагося съ самозабвеніемъ и со всестороннимъ вниманіемъ заботамъ о леченіи молодого изувѣченнаго офицера-героя и объ уходѣ за нимъ. Врачъ этотъ безпрестанно представлялъ генералу Крыжановскому подробные доклады о ходѣ этого леченія; онъ обращалъ вниманіе генерала на то, что, какъ въ виду крайней сложности раненій, такъ и по ходу изнурявшей организмъ молодого человѣка болѣзни, болѣе и болѣе осложнявшейся, положеніе его являлось не только выходившимъ изъ ряду, но представлялось феноменальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, а между прочимъ и въ научномъ. Нельзя, по словамъ врача, не поражаться, какъ больной еще живъ, какъ переноситъ ужасную болѣзнь свою; онъ такъ израненъ пиками, саблями и пулями, что нѣтъ въ немъ положительно ни одного органа цѣлаго, не задѣтаго и не поврежден-

¹⁾ Среднеазиатскій народъ всегда выказывалъ отчаянную храбрость, обусловливанную фанатизмомъ и поддерживавшуюся фатализмомъ; онъ дрался стойко, доходя въ своемъ упорствѣ до безумія. А въ то время онъ понималъ и почувствовалъ, что съ потерей такого оплота и такого убѣжища, какимъ являлся Джизакъ, онъ обрекаетъ дорогой ему край отдачу на разореніе ненавистнымъ войскамъ державы Бѣлаго царя; понятенъ проснувшійся въ немъ звѣрь, яростно защищающій насиженное вѣками логовище свое.

наго; это обусловило параличъ рукъ и ногъ, и лишь одно питаніе крѣпкаго въ основѣ организма идетъ въ такой степени удовлетворительно, что, цѣпляясь за это показаніе, врачи считали себя въ правѣ дѣлать выводъ о нѣкоторомъ отдаленномъ намекѣ на возможность излеченія или, скорѣй, улучшенія.

Но и то и другое, докладывалъ врачъ, возможно, по мнѣнію медиковъ, лишь при наличности всѣхъ медициной доставляемыхъ средствъ и клиническихъ приспособленій; только при научно обставленномъ леченіи возможна надежда на облегченіе тяжкихъ страданій этого искалѣченнаго человѣка и на сохраненіе его жизни. Кстати, такое клиническое леченіе можетъ и самой наукѣ дать массу матерьяла,—такъ какъ это крайне рѣдкій и исключительный случай въ медицинской практикѣ многихъ десятковъ лѣтъ.

Генераль Крыжановскій представлялъ государю обо всемъ слышанномъ имъ офиціально отъ врачей, дѣлалъ это часто и, безъ сомнѣнія, широко пользовался для этого услугами телеграфа.

Получивъ массу донесеній, государь составилъ полное и ясное понятіе о томъ, что и какъ несчастный, угнетенный, изувѣченный больной, находившійся на краю гибели, переносить; а между тѣмъ еще возможно было его спасеніе.

Лучшіе петербургскіе врачи, съ которыми государь призналъ нужнымъ поговорить и приказалъ посовѣтоваться, доносили черезъ Дмитрія Алексѣевича Милютина свое заключеніе о томъ, что ни Москва, ни Петербургъ помочь бѣдѣ въ этомъ сложномъ дѣлѣ не смогутъ,—во-первыхъ, за неимѣніемъ того богатства, которое, въ клиническомъ отношеніи, могло бы дать гарантію возможности направленія хода болѣзни на путь благополучнаго теченія, а во-вторыхъ,—и это главное,—за невозможностью положиться на нашъ слишкомъ суровый и крайне измѣнчивый климатъ, который легко сразу, во всякую минуту можетъ въ конецъ испортить дѣло старательнаго, методическаго врачебнаго ухода. Все, по мнѣнію высказавшихся тогда врачей, должно было бы свестись къ тому, чтобы больной былъ перевезенъ въ Парижъ; въ этомъ можно было бы видѣть вѣрное ручательство спасенія его; но, не видя его, трудно что-либо заглазно сказать относительно возможности для него столь дальняго переѣзда. Поэтому надо въ этомъ дѣлѣ, для безошибочнаго рѣшенія его, положиться на врачей, имѣющихъ ближайшій за нимъ присмотръ, и предоставить имъ бережно перевезти несчастнаго пока хоть въ Вѣну, выяснивъ имъ, что желательнѣе всего было бы и конечною цѣлью должно явиться доставленіе страдальца въ Парижъ.

Въ началѣ января 1867 года послѣдовало приказаніе государя: «такъ и сдѣлать», тщательно принявъ при этомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности; «средствъ же вообще на это дѣло не жалѣть».

Разсказывая обо всемъ этомъ, Кузьминскій рѣшительно отказывался приложить даже малѣйшее стараніе къ тому, чтобы припомнить подробности своего длиннаго путешествія изъ Оренбургской губерніи въ Вѣну. Но онъ смутно припоминалъ себя въ Вѣнѣ, въ какой-то клиникѣ, въ которой ему довелось до нѣкоторой степени опомниться; съ этимъ, по его словамъ, совпало начало полученія чувствительнаго облегченія и прибавленія силъ; затѣмъ онъ также вспомнилъ то горькое чувство, которое овладѣло имъ, когда онъ, какъ-то случайно, узналъ о томъ, что вѣнскіе врачи ¹⁾ наотрѣзъ отказались взять его на свою отвѣтственность и порекомендовали отправиться въ Парижъ, гдѣ научная обстановка клиникъ, лечебницъ и госпиталей могла бы дать все то, о чемъ въ Вѣнѣ въ ту пору не было и намека. Отдохнувъ въ столицѣ Австріи нѣсколько дней, пока врачъ, сопровождавшій его, спеша телеграммами съ начальникомъ штаба оренбургскаго военного округа, несчастный вновь почувствовалъ всѣ муки тяжелаго путешествія; съ того дня онъ помнить одно свое искреннее желаніе: какъ можно скорѣй умереть. Доктору и тремъ фельдшерамъ, ѣхавшимъ съ нимъ, Кузьминскій отдастъ полную справедливость, — они ухаживали за нимъ съ полнѣйшимъ заботливымъ стараніемъ, предупреждая всякую малѣйшую случайность, которая могла бы нарушить его покой и такъ или иначе утягичить его путешествіе, крайне мучительное само по себѣ.

Уже позднѣе Кузьминскій узналъ, что въ Парижъ онъ прибылъ въ день Благовѣщенія 25-го марта 1867 года, и собственно съ этого дня пошло для него болѣе спокойное проживаніе, а затѣмъ началось правильное, основанное на глубокихъ научныхъ познаніяхъ тамошнихъ врачей леченіе его сложныхъ недуговъ. Врачи, пользовавшіеся міровою извѣстностью, съ первыхъ же дней приняли въ больномъ, чуждомъ имъ офицерѣ горячее участіе; они прилагали всю свою энергію и всѣ знанія къ тому, чтобы неустанно облегчать его страданія. Этого мало, они поставили для себя задачею и вопросомъ чести возможно скорѣе приведеніе нарушившей все въ его организмѣ сложной болѣзни къ благополучному исходу.

Все здѣсь приводимое я разсказываю со словъ самого Кузьминскаго, при этомъ не могу пропустить, что болѣзнь, само собой разумѣется, въ сильной мѣрѣ отняла у него память, которая если и возвратилась, то лишь отчасти и гораздо позднѣе, — уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ относительнаго излеченія. Этимъ объясняется проявленіе въ его разсказахъ отсутствія наблюдательности и точности; онъ вспоминалъ все лишь въ общихъ чертахъ и, по большей части, безсвязно. Представлялось бы, безъ сомнѣнія, очень интереснымъ

¹⁾ По нѣкоторымъ даннымъ, обозначившимся позже, представителемъ ихъ тогда явился докторъ Думмрейхеръ — вполнѣ знаменитый хирургъ.

знать фамиліи вѣнскихъ и парижскихъ знаменитостей, приставленныхъ къ нему; оказывается, что онъ ихъ фамилій вовсе не могъ называть, онѣ исчезли изъ его ослабѣвшей памяти; такъ же точно онъ не запомнилъ, а потому никогда не упоминалъ фамиліи того нашего врача, который спасалъ его своимъ болѣе чѣмъ внимательнымъ уходомъ со дня полученія имъ ранъ, а затѣмъ своею настойчивостью и своевременностью своихъ заботливыхъ донесеній и предстательствъ передъ генераломъ Крыжановскимъ, въ концѣ концовъ, спасъ его тогда отъ вѣрной гибели, сохранивъ его жизнь, державшуюся много мѣсяцевъ на волоскѣ.

По нѣкоторымъ мало, однако, обоснованнымъ даннымъ это былъ докторъ Суворовъ, впоследствии военно-медицинскій инспекторъ туркестанскаго военнаго округа.

III.

Пріѣздъ въ Парижъ государя въ 1867 году.—Покушеніе Березовскаго на его жизнь.— Недостойное поведеніе парижскихъ адвокатовъ и французской печати по отношенію къ высокому «гостю» Франціи.—Сужденіе врача, который лечилъ Кузьминскаго.— Отношеніе министровъ Наполеона къ событію.

Приведа это необходимое поясненіе, считаю долгомъ добавить, что и въ дальнѣйшемъ разскажъ своемъ я многое, касающееся Кузьминскаго, буду излагать прямо его словами, но, конечно, далеко не все.

Въ самомъ началѣ мая, когда онъ, хотя далеко еще не чувствовалъ себя здоровымъ, но какъ бы началъ уже ко многому относиться сознательно, болѣе и болѣе подвигаясь къ тому, чтобы отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ, докторъ-французъ, придя однажды къ нему для присутствованія при утренней перевязкѣ, сообщилъ съ первыхъ словъ, что, по свѣдѣніямъ, которыя онъ совершенно случайно получилъ изъ вполнѣ освѣдомленныхъ кружковъ, «ождается пріѣздъ въ Парижъ русскаго императора; его величество изъявилъ желаніе посмотрѣть всемірный городъ, взглянуть на нашу выставку и явиться гостемъ нашего императора».

Это сообщеніе произвело на больного такое впечатлѣніе, что самъ докторъ какъ будто испугался; внезапное полученіе разстроеннымъ человѣкомъ такого извѣстія, несказанно обрадовавшего его, чуть не явилось причиной новаго сильнаго расстройства, а потому, въ глазахъ доктора, чуть не рушились всѣ надежды, поданныя неустанными трудами, положенными въ основаніе леченія и начинавшими давать благіе результаты; докторъ, сочтя свой поступокъ неумѣстнымъ и легкомысленнымъ, очень пожалѣлъ о томъ, что проявилъ такую неосмотрительность,

Обыкновенно при сильных нервных расстройствахъ, изводящихъ организмъ, а также при болѣзняхъ сердца, одинаково гибельно можетъ подѣйствовать на страдающаго этими расстройствами,—и большое горе, внезапно возвѣщенное, и сильная радость, неожиданно обозначившаяся.

«Правая сторона, начавшая у меня приходить въ нѣкоторое, близкое къ нормальному, движеніе, —разсказывалъ Кузьминскій,—вдругъ опять отнялась отъ волненія, которое сначала какъ будто вовсе не показалось очень сильнымъ; надо было видѣть, въ какое отчаяніе впалъ докторъ при дальнѣйшихъ, ясно для него обозначившихся ухудшеніяхъ.

«Видимо, задавъ себѣ задачу во что бы то ни стало укрѣпить мой разбитый организмъ и, если не исцѣлить меня, то въ возможной скорости облегчить мои страданія, докторъ, дѣйствительно, горячо принялъ къ сердцу это ставшее для него обязательнымъ дѣло, считая, что тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ его онъ ставитъ, какъ въ вопросѣ чести, на карту все, независимо отъ какихъ бы то ни было формальныхъ къ тому побужденій, а тѣмъ болѣе понужденій.

«Съ большимъ любопытствомъ слушалъ я извѣстія и разговоры о предстоявшемъ пріѣздѣ государя въ Парижъ,—говорилъ Кузьминскій.—Докторъ сначала рѣшилъ не сообщать мнѣ дальнѣйшихъ новостей, такъ какъ боялся моихъ первовъ, которые были не только въ сильной степени разстроены, но, попросту сказать, истрепаны. Какъ-то въ разговорѣ, всегда съ его стороны любезномъ и ласковымъ, онъ сказалъ: «Напугали вы меня, а потому не хотѣлъ я вамъ ничего сообщать о вашемъ императорѣ; слишкомъ близко къ сердцу русскіе принимаютъ все касающееся ихъ царя, но боюсь, какъ бы не вышло хуже. О! я только теперь узналъ, какъ можно любить своего монарха и какъ любить его подданные, когда онъ дѣлаетъ все къ тому, чтобы имъ хорошо жилось, и когда онъ печется о нихъ неустанно,—какъ это дѣлаетъ на глазахъ всего міра императоръ Александръ II.

«Прежде всего этотъ докторъ былъ французъ до глубины души и до мозга костей; поэтому не въ его силахъ было удержаться отъ сообщенія всякихъ новостей и отъ свойственной этой націи привычки къ аффекту; во всемъ этомъ онъ не принадлежалъ себѣ.

«На третій или на четвертый день по пріѣздѣ государя во всемірную столицу докторъ съ большимъ оживленіемъ и волненіемъ сообщилъ о томъ, что государь собирается заѣхать въ больницу, дабы повидать «своего паціента».

«Иначе, какъ «паціентомъ царя», докторъ меня не называлъ.

«Скоро это извѣстіе заглушилось разными другими сообщеніями, главнымъ же образомъ и больше всего проникавшими съ улицы въ госпиталь разсказами о произведенномъ тогда покушеніи на жизнь государя. Все померкло передъ этимъ событіемъ; не

только мой докторъ, но и вообще всѣ врачи больницы, фельдшера, сестры милосердія и служители очень волновались, передавая разные подробности гнусной продѣлки безумнаго юноши, который оказался полякомъ, по фамиліи Березовскимъ. Докторъ, особенно возмущаясь поступкомъ мальчишки, съ тѣмъ вмѣстѣ по-своему преклонялся передъ величіемъ государя.

«—Знаете ли,—разсказывалъ докторъ на разные лады:—царь насколько не потерялся, ходитъ всюду одинъ, отказывается отъ какой бы то ни было охраны и старается только о томъ, чтобы сыновья его—цесаревичъ Александръ и великій князь Владимиръ, не были при немъ во время его прогулокъ по улицамъ и при посѣщеніи имъ общественныхъ мѣстъ; онъ опасается лишь того, что при новомъ покушеніи на его жизнь они могутъ вновь подвергнуться опасности. А можетъ ли быть новое покушеніе? Застрахованнымъ противъ этого царь, къ стыду нашему, врядъ ли можетъ себя считать. О! нѣтъ, нѣтъ,—горячился французъ:—помилуйте, наши министры представлялись ему въ Елисейскомъ дворцѣ и не нашли лучшаго разговора, какъ выражать царю въ глаза свое удивленіе по поводу того, что онъ рѣшается ходить по улицамъ Парижа одинъ, безъ всякой охраны!

«Наша судьба, какъ и все, находится въ рукахъ Промысла Божія», отвѣтилъ имъ царь.—И это очень поучительно. Да, —говорилъ докторъ съ большимъ воодушевленіемъ,—царь во всѣхъ отношеніяхъ поражаетъ своимъ величіемъ; ни на одинъ часъ онъ не сократилъ предназначеннаго имъ срока пребыванія своего въ гостяхъ у Наполеона и у насъ—у Франціи, ни на іоту не измѣнилъ намѣченнаго имъ строя своей жизни здѣсь. Мы не дали ему ни малѣйшаго основанія вѣрить въ насъ; но онъ съ великимъ, свойственнымъ ему благородствомъ души, старается вѣрить; если же это ему не удастся, то онъ, во всякомъ случаѣ, заглушаетъ это глубокою вѣрою въ охрану Промысла Божія. Онъ не нашелъ нужнымъ нисколько измѣнить въ себѣ ничего въ такую минуту и при тѣхъ обстоятельствахъ, когда гостепріимные хозяева столицы великой Франціи не могутъ приложить заботу къ огражденію такого гостя своего отъ оскорбленій, безпрестанно наносимыхъ ему не только малодушными людьми улицы, но и болѣе солидными, стыдно сказать, членами общества. Правда, все это представляется слишкомъ мелочнымъ для царя, который великъ своимъ снисхожденіемъ; онъ умѣетъ стать и стоитъ выше всего этого; но это никоимъ образомъ не возвышаетъ тѣхъ гражданъ, которые, встрѣчая дорогого и почетнаго гостя мирно входящимъ въ какой-либо музей, пантеонъ, во дворецъ юстиціи или во дворецъ, отведенный для его пребыванія,—съ озвѣрѣніемъ бросаютъ ему бессмысленный упрекъ въ видѣ избитой, стремящейся задѣть его фразы: «да здравствуетъ Польша!» Не простые уличные мальчишки дѣлаютъ это, —разсказывалъ докторъ,

а такіе люди, которые должны быть и считаются людьми дѣла, науки, идеи; уподобляясь уличнымъ бездѣльникамъ, они поносятъ, унижаютъ и грязнятъ оскорбленіемъ званіе французскаго гражданина и обликъ честнаго человѣка. Посмотрите, при входѣ императора всероссійскаго въ судъ, въ домъ правосудія (palais de justice), нѣсколько человѣкъ селятся оскорбить его этими возгласами, при чемъ оказываются они представителями высокаго, во всѣхъ странахъ пользующагося большимъ почетомъ сословія адвокатовъ! Можетъ ли служить намъ утѣшеніемъ то, что государь не подозреваетъ истиннаго общественнаго положенія ихъ и, быть можетъ, принимаетъ ихъ за какихъ-нибудь безпутныхъ людей, не тронутыхъ ни воспитаніемъ, ни образованіемъ, ни—главное—обязательностью и для нихъ честью!»

«Такими и подобными простыми сужденіями почтенный докторъ пересыпалъ свои ежедневные разговоры и бесѣды въ часы осмотра и перевязыванья больныхъ.

«— А печать,—говорилъ онъ;—загляните въ наши журналы и газеты, какъ и чѣмъ они угощаютъ гостя! Ихъ понятія представляются совершенно низменными; они не могутъ постичь настоящаго положенія, не понимаютъ того, что въ настоящую минуту царь является гостемъ великой націи французской; а вѣдь печать обязана являться отголоскомъ понятій, сужденій и чувствъ народа. Какого сорта благородство по отношенію къ царю проявляютъ органы этой печати! Вспоминая слова государя о томъ, что Промысломъ Божиимъ охраняются правители народовъ такъ же, какъ и всѣ и все, можно выразить пожеланіе, чтобы этотъ же Божій Промыселъ, въ премудрости своей, не допустилъ на его свѣтлыя царскія очи нашихъ газетъ, роняющихъ себя до уровня простыхъ уличныхъ листовъ, вовсе не отличающихся даже намекомъ на нравственную чистоту, ужъ не говоря о солидности и рыцарствѣ!

«Какимъ живымъ укоромъ служить имъ то, что сыны той самой Польши, именемъ которой они селятся оскорбить царя, сами отъ себя, по своей благородной инициативѣ, представили Наполеону адресъ съ живымъ протестомъ противъ преступнаго покушенія Березовскаго, котораго они искренно считаютъ отщепенцемъ, а себя стыдятся считать солидарными не только съ его продѣлкой, но и съ нимъ вообще. Будьте добры, прочтите въ «Moniteur» имена этихъ благородныхъ людей—имена сыновъ Польши, — продолжалъ докторъ:—сердца ихъ немало наболѣли и продолжаютъ болѣть изъ-за того положенія, которое досталось въ удѣлъ ихъ великой родинѣ,—однако они успѣли въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ съ полнымъ разумомъ разграничить, что такое историческій ходъ событій, приведшихъ ихъ отчизну къ печальному положенію, и что такое представляетъ собой образъ великаго царя, только что

снявшаго оковы съ миллионовъ населенія своей державы, а въ данный моментъ явившагося гостемъ Франціи. Прочтите имена представителей Польши, далеко не довершившей своего прекраснаго прошлаго, своей прекрасной исторіи и далеко не отказывающейся отъ дальнѣйшаго хода ея. Вотъ списокъ этихъ именъ: Платеръ, Лангевичъ, Александровичъ, Рупрехтъ, Савинскій, Веромскій, Анборскій, Кисенловскій, Получисскій; съ какимъ открытымъ благородствомъ они довели о своемъ протестѣ до свѣдѣнія хозяина Франціи—Наполеона!

«Съ другой стороны, какъ благородно они выражаютъ свой протестъ черезъ посредство газеты «Temps». Съ какою ясностью они укоризненно подчеркиваютъ въ обращеніи своемъ къ ней то обстоятельство, что она, вмѣстѣ съ такими органами печати, какъ «Opinion», «Nationale», «Siècle», умалчивая о самомъ актѣ покушенія безголоватаго мальчишки, поддерживаетъ и не только оправдываетъ, но и восхваляетъ поведеніе наглецовъ, рѣшающихся дѣлать царю дерзкую встрѣчу, чуть ли не въ минуту входа его въ православную церковь для принесенія молитвы передъ престоломъ Всевышняго, къ Которому онъ съ горячею вѣрой обращается и съ неимовѣрной трогательностью отдаетъ всего себя.

Вспомниая всѣ эти рассказы своего доктора, Кузьминскій приходилъ въ восторгъ и умиленіе отъ такого благороднаго отношенія его къ Россіи и къ нашему великому государю. Цѣня въ докторѣ симпатичныя и сочувственныя заключенія его, онъ не могъ, однако, сладить съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, насколько вообще благожелательныя Россіи и ея царю сужденія доктора были вѣрны съ фактической стороны: проболѣвъ столько времени, онъ не сумѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило; газетъ ему давно не доводилось читать, а все прочитанное когда-нибудь прежде, несомнѣнно, оказалось позабытымъ.

Поэтому поверхностно выхваченные французомъ-докторомъ факты онъ считалъ непреложно вѣрными; не замѣчая ихъ дѣтской наивности, онъ принималъ на вѣру, будто бы ионименованные въ рассказѣ доктора полячки были изъ числа такихъ представителей, подписи которыхъ подъ адресомъ имѣли какое-либо значеніе, а самый текстъ адреса могъ оказаться цѣннымъ выраженіемъ правдивыхъ чувствъ сыновъ Польши.

Онъ восторгался, но такъ же, какъ и докторъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, что настоящіе, вліятельные поляки передъ прибытіемъ ихъ законнаго государя въ столицу Франціи демонстративно скрылись изъ нея, посѣявъ ту позорную программу, которая во время ихъ отсутствія исполнялась въ мелочахъ противъ особы цря по ихъ настоянію. Ни докторъ, ни Кузьминскій не

знали и рѣшительно не могли сообразить того, что люди, подписавшіеся подъ адресомъ и подъ письмомъ къ редактору газеты «Temps», были отчасти сжившіеся съ Франціей профессора, учителя и вообще дѣятели польскихъ школъ, открытыхъ въ Парижѣ на счетъ мутившихъ противъ Россіи французскихъ состоятельныхъ людей, — остальные же въ большинствѣ пройдохи, собравшіеся подъ крыло бывшаго самозваннаго диктатора Лангевича, соучастники только что тогда усмиреннаго послѣдняго мятежа, чуть ли не жандармы-вѣшатели, благополучно ускользнувшіе въ свое время отъ нашихъ войскъ, преслѣдовавшихъ и разбивавшихъ крамольно дѣйствовавшія мятежныя шайки.

Не получивъ ни малѣйшей возможности дать себѣ отчетъ во всемъ этомъ, ни Кузьминскій, ни докторъ, ни многіе другіе, искренно и наивно вѣрившіе тому, будто бы тѣ люди являлись честными и правдивыми сынами Польши, не могли добраться и до смысла самаго адреса, а между тѣмъ въ немъ тѣ сыны, въ сущности, опять дерзко подносили и царю и его здравомыслящимъ подданнымъ старое, избитое, порожденное ихъ тупоуміемъ оскорбленіе, подчеркивавшее долгъ и обязанности Россіи возвратить вѣроломной, мятежной Польшѣ ни больше, ни меньше, какъ всѣ земли, заключавшіяся когда-то въ границахъ «крулевства» между Балтійскимъ и Черными морями... ¹⁾.

Ясно было, что наводнявшіе Францію поляки, своими несолидными и имѣвшими мало общаго съ честию искательствами, проявили тогда большое умѣнье и искусство въ дѣлѣ возбужденія сочувствія къ своимъ поступкамъ, какъ будто выражавшимъ передъ Наполеономъ брезгливость по отношенію къ тому, что взялъ на себя юный безмозглый полячокъ; эти поляки, лукаво упоминая о томъ, что ни царь, ни Россія не хотятъ внимать покаянію ихъ, привлекали будто бы вниманіе сочувствовавшихъ намъ сердецъ, а въ сущности, черезъ ихъ посредство, вербовали большее и большее число враговъ державы царя.

Навсегда останется непонятнымъ, какъ среди французовъ, ополчившихся противъ Россіи въ защиту поляковъ, почти не находилось людей, которые, по зрѣломъ размышленіи о томъ, чѣмъ собственно Польша заслуживала ломанья копій изъ-за нея, могли бы понять ужасъ противорѣчія, въ которое сами они впадали: защищая Польшу, они поощряли и поддерживали принципы, отвергнутые, затоптанные и забраккованные людьми 89-го и 93-го годовъ, а силиясь оскорбить царя—гостя Франціи—въ сущности дѣлали это по отношенію къ царю-человѣку, только что передъ тѣмъ добровольно и великодушно разорвавшему такіа самыя рабскія цѣпи,

¹⁾ Пресловутыя границы 1772 года.

какія ихъ предки въ тѣ годы хода великой революціи усиливались разорвать, проливая на баррикадахъ свою «дорогую» кровь.

И вотъ эта Франція второй половины XIX столѣтія, со своимъ проходимцемъ императоромъ, упрямо брала подъ свою защиту топтанье «великихъ» принциповъ, топтанье, которое открыто, но крайне лукаво, практиковала польская нація, закусившая удила «въ придавливаньи личности вообще, на основахъ сословныхъ привилегій и широкаго «ультрамонтанства».

Какъ прекрасно все это чувствовалъ и сознавалъ императоръ Александръ II и какъ терпѣливо, по-христіански онъ сносилъ все это передъ лицомъ всего міра! Кому неизвѣстно, какъ онъ былъ готовъ каждую минуту снизойти къ примиренію съ этой націей и какъ тщетно онъ ожидалъ въ пей замѣны вѣроломства чистою искренностью, подобною той, которая переполняла всѣ помысленія и чувства его высокоблагородной натуры.

Продолжаю разсказъ Кузьминскаго о наивныхъ, но не менѣе честныхъ, разговорахъ французъ-доктора.

Равнодушно и хладнокровно офиціозная трибунальная газета сообщила о дерзости господъ адвокатовъ и подтвердила, что совершить ее они вышли «въ присвоенной имъ судебной формѣ». Оказывается, что они не погнушались для своей малодушной продѣлки надѣтъ на себя атрибуты своихъ присяжныхъ, священныхъ обязанностей.

Одна лишь газета «*Paus*», на другой день послѣ покушенія, нашла нужнымъ и сумѣла сказать гостю Франціи нѣсколько благородныхъ и въ высшей степени симпатичныхъ словъ утѣшенія; она обратилась къ царю съ такой просьбой: «Государь, не судите Франціи по тому, что происходило здѣсь вчера!»

Если государь, хотя немного вдавался въ огорченіе по поводу тѣхъ оскорбленій, которыми безумцы, съ назойливостью мелкой мошки усиливались ему досадить и отравить время пребыванія въ нашей столицѣ, то онъ все-таки увидѣлъ не мало утѣшенія во многомъ, что проявлялось со стороны благомыслящихъ людей, умѣвшихъ уважать себя и относиться съ достоинствомъ ко всему, касавшемуся великаго царя великой державы.

— Завтра, о! завтра будетъ для насъ особый день,—сообщилъ докторъ 28-го мая со свойственнымъ французамъ азартомъ:—завтра императоръ россійскій посѣтитъ нашу больницу; онъ выразилъ желаніе навѣстить своего паціента, дабы не только повидать его вообще, но и посмотреть, какъ мы его оберегаемъ и лечимъ.

IV.

Осмотръ государемъ больницъ и казармъ въ Парижѣ.—Посѣщеніе раненаго Кузьминскаго.—Упущеніе, обнаружившееся передъ тѣмъ.—Нашъ посолъ Будбергъ.—Военный агентъ князь Витгенштейнъ.—Разсказъ его помощника Джуліани.—Наши заграничныя миссіи сорокъ лѣтъ назадъ.

Во всѣхъ большихъ русскихъ газетахъ послѣднихъ дней мая 1867 года была напечатана изъ Парижа отъ 29-го числа телеграмма, въ которой Сѣверное агентство сообщало о томъ, что «государь императоръ Александръ Николаевичъ въ тотъ день осматривалъ парижскія больницы и казармы».

Это случилось черезъ три дня послѣ покушенія Березовскаго на жизнь государя; поэтому русская публика, ловившая въ печати подробности извѣстій объ ужаснувшемъ Россію и весь міръ событіи, врядъ ли обратила вниманіе на сообщеніе объ осмотрѣ больницъ; она не показала интереса къ этой вѣсти, тѣмъ болѣе, что на краткомъ сообщеніи объ этомъ посѣщеніи всѣ свѣдѣнія рѣшительно оборвались; подробностей не было дано ни тогда, ни послѣ.

«29-го мая, среди дня, императоръ Александръ Николаевичъ дѣйствительно доставилъ намъ счастье посѣщеніемъ нашей больницы,—разсказывалъ Кузьминскій:—я ожидалъ этого посѣщенія не только съ большимъ нетерпѣніемъ, съ большой радостью, но и съ большимъ смущеніемъ; меня, между прочимъ, неотступно занимала мысль о томъ, какъ я, въ моментъ этого посѣщенія, не встану передъ государемъ; меня просто беспокоило то, что я принужденъ буду оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь по цѣлымъ днямъ уже съ самаго начала леченія; дѣло въ томъ, что особенности моихъ ранъ, поразившихъ, главнымъ образомъ, спинной хребетъ, обусловили необходимость такъ называемаго подвѣшенія меня на обручахъ; это единственное положеніе, при которомъ, въ подобныхъ случаяхъ, всѣ манипуляціи хирургическаго леченія могли производиться совершенно свободно и безпрепятственно. Смущеніе, овладѣвшее мною, конечно, зависѣло отъ угнетенности нервнаго состоянія моего; будь я здоровъ, я понималъ бы, что государь, всегда въ самой высокой степени снисходительный, найдетъ бы возможнымъ оказать снисхожденіе и той позѣ, въ которой я вынужденъ былъ его встрѣтить при его посѣщеніи.

«Смутно припоминаю я,—разсказывалъ Кузьминскій:—какъ государь, котораго я привыкъ видѣть только въ военной формѣ, вошелъ къ намъ въ штатскомъ сюртукѣ; его сопровождали нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ двое-трое были одѣты во французскіе мундиры, остальные пришли также въ штатскомъ платьѣ. Я никого изъ нихъ не зналъ и потому рѣшительно на всѣхъ смотрѣлъ безразлично;

это, впрочемъ, не могло быть иначе даже и въ томъ случаѣ, если бы я кого-нибудь изъ нихъ и зналъ,—государь, конечно, всѣхъ затмевалъ, и мое вниманіе всецѣло приковывалъ къ своей фигурѣ; не до разсматриванья другихъ было мнѣ въ тѣ незабвенныя минуты.

«Поздоровавшись съ докторомъ, котораго одинъ изъ военныхъ французовъ представилъ, государь, со своей безконечно привѣтливой улыбкой, сказалъ ему:

«— Я пришелъ осмотрѣть ваше заведеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ прошу дозволенія взглянуть на раненаго офицера, котораго я направилъ въ столицу Франціи искать чудеснаго исцѣленія во всемірномъ городѣ чудесъ.

«Докторъ тотчасъ же разсыпался въ массѣ поклоновъ; видимо, государь, сразу очаровалъ француза.

«— Поддается ли мой больной вашему искусству?—спросилъ государь и, получивъ кучу отвѣтныхъ фразъ, сказалъ:

«— Я очень радъ случаю васъ лично поблагодарить; а теперь, повидавъ васъ, больного и всю обстановку, въ которую онъ здѣсь попалъ, могу сказать вамъ, что я выйду отсюда вполне спокойнымъ за дальнѣйшую участь моего израненнаго героя. Я также очень доволенъ тѣмъ, что удалось повидать тебя; я непременно хотѣлъ также лично поблагодарить тебя за твою службу, которая завершилась геройскимъ подвигомъ, во всѣхъ подробностяхъ мнѣ извѣстнымъ и меня много порадовавшимъ. Помогни, Господи, тебѣ поправиться

«Помолчавъ немного, государь спросилъ: «Чего ты желалъ бы въ дальнѣйшемъ?» При этомъ государь протянулъ мнѣ руку, а въ отвѣтъ на мои несвязно произнесенныя слова о томъ, что у меня есть одно лишь желаніе; имѣть счастье до конца жизни служить ему беззавѣтно, государь нагнулся, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ:

«— Конечно, это такъ и будетъ; повторяю, далъ бы Господь тебѣ только скорѣе выздороветь; объ этомъ докторъ, въ руки котораго тебѣ посчастливилось попасть, приложить всѣ свои мудрыя заботы, а мы вмѣстѣ съ тобой будемъ молить Всевышняго.

«Сказавъ это, государь опять обратился къ доктору и, снова пожавъ ему руку, произнесъ:

«— Я боюсь обезсилить больного и потому долго оставаться у васъ не буду; теперь вы покажете мнѣ ваше заведеніе, а потомъ кто-нибудь изъ моихъ объяснитъ вамъ все, что я здѣсь вынужденъ былъ говорить на своемъ, непонятномъ для васъ, языкѣ.

«— Джуліани,—сказалъ государь, обратившись къ одному изъ находившихся при немъ, совершенно молодому человѣку,—ты расскажешь доктору дословно обо всемъ, что я здѣсь говорилъ и что случится мнѣ еще говорить по-русски при осмотрѣ больницы.

«— Благословить тебя Господь, — сказалъ государь, вновь подавъ мнѣ руку, а затѣмъ перекрестилъ меня и поцѣловалъ въ голову.

«Докторъ, видя все это, расчувствовался и, какъ потомъ не разъ со слезами на глазахъ говорилъ, едва удержался отъ того, чтобы не разрыдаться».

Вотъ все, что сохранилось у Кузьминскаго сравнительно въ связной формѣ изъ его воспоминаній объ этомъ, какъ онъ всегда говорилъ, «великомъ въ его жизни днѣ».

Много онъ еще рассказывалъ отрывочнаго; кое-что я постараюсь привести при случаѣ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь нахожу болѣе подходящимъ изложить, въ возможно сжатомъ видѣ, то, что мнѣ довелось впоследствии не разъ слышать именно отъ того самаго Джуліани, которому государь, движимый всегда и во всемъ высокою степенью деликатности, заботливо поручилъ поставить доктора въ извѣстность обо всемъ произнесенномъ имъ въ больницѣ.

Джуліани, Владимиръ Юліевичъ, въ то время былъ поручикомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады и состоялъ въ прикомандированіи къ нашей миссіи въ Парижѣ въ качествѣ помощника нашего военнаго агента; должность агента въ то время занималъ флигель-адъютантъ полковникъ свѣтлѣйшій князь Эмануилъ Людвиговичъ Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; за время пребыванія государя въ Парижѣ онъ получилъ орденъ св. Владимира 3-ей степени и произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества, а Джуліани былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владимира 4-ой степени.

Я лично въ то время, только что выпущенный (1866 г.) изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, служилъ въ арміи—подпоручикомъ въ третьей конно-артиллерійской бригадѣ, стоявшей въ царствѣ Польскомъ въ городѣ Радинѣ Сѣдлецкой губерніи; черезъ два съ половиною года послѣ того я былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерию (1868 г.)—въ третью батарею, которая, со времени польскаго возстанія 1863 года, была расположена въ Варшавѣ въ Лазенкахъ. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ сдѣлаться сослуживцемъ В. Ю. Джуліани по бригадѣ; хотя онъ собственно въ строю въ то время уже не состоялъ, но числился въ бригадѣ, носилъ ея славный мундиръ, бывалъ въ ней въ Петербургѣ и связи съ сослуживцами не терялъ, а при частыхъ, по дѣламъ службы, изъ Франціи въ Россію поѣздкахъ неизмѣнно каждый разъ оставался въ Варшавѣ у нихъ.

Прошли года; Джуліани, оставивъ военную службу, занимался обширными частными дѣлами своими; мнѣ случалось съ нимъ нерѣдко встрѣчаться, при чемъ онъ не разъ въ своихъ разсказахъ касался всегда занимавшаго меня трогательнаго эпизода посѣщенія

императоромъ Александромъ Николаевичемъ больницы въ Парижѣ и пребыванія государя въ этомъ чудномъ городѣ вообще.

Джуліани, къ слову сказать, вообще говорилъ очень красно, отличался большою наблюдательностью, начитанностью и считался человѣкомъ прекрасно образованнымъ. Языки французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій онъ зналъ въ совершенствѣ.

Вотъ, съ нѣкоторыми пропусками, рассказъ, записанный мною тогда за нимъ:

«20-го мая 1867 года государь пріѣхалъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ на дебаркадерѣ Сѣверной желѣзной дороги Наполеономъ III, который прибылъ на вокзалъ въ сопровожденіи маршала Канробера, всѣхъ министровъ, съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Реньо во главѣ, а также начальника города Парижа барона Османа (Haussmann) и другихъ лицъ

«Занимавшій тогда постъ руссійскаго посла въ Парижѣ баронъ Андрей Ѳеодоровичъ Будбергъ выѣзжалъ для встрѣчи государя на границу Французской имперіи. На Сѣверный вокзалъ выѣзжалъ также весь составъ высшихъ чиновъ нашего посольства вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ въ Парижъ за два дня до пріѣзда его величества шефомъ жандармовъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ; къ этимъ лицамъ присоединился военный агентъ князь Витгенштейнъ, пригласившій съ собой и меня.

«Съ государемъ прибыли также великіе князья: наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и Владимиръ Александровичъ, а также министръ двора, командовавшій императорской главной квартирой, завѣдывавшій военно-походной государевой канцеляріей генераль-адъютантъ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ.

«Въ тотъ же день мы представлялись государю въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ его величеству и великимъ князьямъ были отведены апартаменты.

«Здѣсь случилось нѣчто такое, что потомъ долго оставалось крайне непріятнымъ для барона Будберга, а отчасти и для князя Витгенштейна. Государь спросилъ:

«— Гдѣ лечится уланскій офицеръ Кузьминскій, присланный сюда по моему распоряженію оренбургскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ?

«Ни тотъ, ни другой не могли дать на это отвѣта; я тоже не имѣлъ объ этомъ понятія. Государь, видя общее смущеніе, сказалъ со всегдашнею, отличавшею его лаской:

«— Вѣрно, еще не успѣли дать вамъ о немъ свѣдѣній. Ты узнай,— обратился государь ко мнѣ,—и доложи подробно барону.

«Не прошло и получаса, какъ я уже имѣлъ всѣ свѣдѣнія черезъ Османа; очень досадно было, что раньше эти обстоятельства оста-

лись неизвѣстными намъ. Еще больше мы досадовали, когда оказалось, что въ посольствѣ имѣлись свѣдѣнія объ этомъ отъ врача, по фамиліи, насколько я припоминаю,—сказалъ Джуліани,—Суворова, сопровождавшаго раненаго и сдавшаго его въ больницу на излеченіе. Онъ, явившись весной въ посольство, оставилъ объ этомъ увѣдомленіе, которому, къ сожалѣнію, не дали значенія. Ничего не всплыло бы до тѣхъ поръ, пока у бѣдняги раненаго не явилась бы какая-либо нужда, съ которой ему пришлось бы обратиться въ посольство. Нужно полагать, что тогда ее удовлетворили бы съ грѣхомъ пополамъ, а затѣмъ забыли бы или спохватились бы объ ней только въ случаѣ его смерти, когда мѣстные власти, поневолѣ, принуждены были бы искать содѣйствія посольства въ столь важный моментъ по такому серьезному дѣлу.

«Что дѣлать, надо признаться, въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ вообще, если служащіе, быть можетъ, и переживаютъ съ большимъ вниманіемъ все относящееся до лежащихъ на нихъ обязанностей по части служебно-дипломатической, то ко всему касающемуся нуждъ частныхъ лицъ русскихъ поданныхъ вниманія искать не приходится, такъ какъ все равно его не найти. Правда, для этихъ нуждъ и дѣлъ должно быть по закону приспособлено не само посольство, а подвѣдомственное и частью подчиненное ему консульство, но и въ немъ вообще тщательнаго удовлетворенія всевозможныхъ частныхъ искательствъ по нуждамъ, нерѣдко вопіющимъ, врядъ ли можно спрашивать съ надеждами на полученіе болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ съ смысломъ успѣшности».

Такое мнѣніе и такія сужденія сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не стѣсняясь высказывалъ человѣкъ, которому, такъ или иначе, пришлось окунуться въ жизнь нашего заграничнаго представительства и нѣсколько лѣтъ прожить въ средѣ лицъ, служившихъ въ немъ. Не хотѣлось бы вѣрить, чтобы могло быть такъ, а не вѣрить нельзя. Непріятность этого случая совершенно загладилась и прошла безслѣдно, конечно, лишь благодаря безконечной снисходительности государя.

Когда ему доложили, гдѣ и въ какой обстановкѣ находится раненый, его величество сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ къ числу мѣстъ, которыя намѣчено мнѣ показать, надо добавить больницы; передайте объ этомъ Канроберу, онъ, въ полной мѣрѣ любезно, предложилъ мнѣ посѣтить казармы,—это будетъ кстати.

Такъ вышло, что государь рѣшилъ сдѣлать осмотръ больницъ; днемъ же осмотра его величество назначилъ 29-ое число.

Больница, о которой идетъ рѣчь, помѣщается недалеко отъ Университетской набережной, въ Латинскомъ кварталѣ, въ улицѣ Бакъ. Не мало удивило всѣхъ то обстоятельство, что въ назначен-

ный день и часть государь, съ полнѣйшей довѣрчивостью, пріѣхалъ туда одинъ, въ то время, когда всѣ лица, коимъ было назначено присутствовать при осмотрѣ, уже собрались и ожидали на мѣстѣ.

Въ числѣ этихъ лицъ были: занимавшій постъ парижскаго военного генераль-губернатора маршалъ Канроберъ, префектъ парижской полиціи Пьетри, префектъ департамента Сены баронъ Гаусманъ, старшій медицинскій инспекторъ городскихъ врачебныхъ заведеній, одинъ изъ высшихъ чиновъ полиціи Латинскаго квартала, а также наши — посолъ баронъ Будбергъ, графъ Адлербергъ, графъ Шуваловъ, князь Витгенштейнъ и я.

Государь съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ въ тотъ день три больницы и пять казармъ, при чемъ, — несмотря на то, что очень утомился, — сдѣлалъ массу замѣчаній обо всемъ найденномъ имъ достойнымъ вниманія и не прекратилъ своихъ посѣщеній до тѣхъ поръ, пока не осмотрѣлъ все намѣченное. Послѣ осмотра первой казармы государь сказалъ князю Витгенштейну:

— Запиши все, на что мы обратимъ вниманіе, не пропусти ничего, здѣсь очень много поучительнаго можно заимствовать; надо будетъ потомъ переслать, вмѣстѣ съ другими твоими донесеніями, въ главный штабъ для передачи Дмитрію Алексѣвичу ¹⁾.

V.

Посѣщеніе государемъ оперы.—Допросъ Березовскаго слѣдователемъ.—Участіе въ немъ французскихъ министровъ—Руэра и Бароша.—Приглашеніе графа П. А. Шувалова къ участію.—Поведеніе Наполеона III.—Балъ, данный государемъ въ русскомъ посольствѣ.—Разсказъ шталмейстера Фирлона Рембо.—Награжденіе его государемъ и Наполеономъ.—Заботы государя о Кузьминскомъ.—Государь объ умѣтности и своевременности коронованія Франца-Иосифа венгерскою короною.—Государь о судьбѣ Максимилиана и о вмѣшательствѣ Наполеона въ дѣла Мексики.—Рембо о Чисельерстѣ.

Дня черезъ два послѣ осмотра казармъ и больницъ былъ назначенъ отъѣздъ государя изъ Парижа. Со всегдашнимъ громаднымъ вниманіемъ своимъ, государь, — какъ рассказывалъ Джуліани, — не упустилъ назначить и посольству, и чинамъ военного представительства часы прощанія передъ отъѣздомъ. Приблизительно за часъ до времени, назначеннаго для прощальнаго представленія, всѣ собрались въ Елисейскомъ дворцѣ и сгруппировались возлѣ шефа жандармовъ графа Петра Андреевича Шувалова. Онъ долженъ былъ сопровождать государя въ его обратномъ путешествіи и хотѣлъ въ дорогѣ представить его величеству докладъ обо всемъ,

¹⁾ Военному министру генераль-адъютанту Милютину, продолжавшему въ тѣ времена заниматься усиленной передѣлкой всего нашего въ военной системѣ на французскій ладъ,

что оказалось по дѣлу покушенія, но за два дня до отъѣзда государь сказалъ ему:

— Обо всемъ этомъ ты мнѣ Расскажи лучше здѣсь передъ моимъ отъѣздомъ на вокзалъ; можетъ быть, представится необходимымъ сказать что-нибудь императору Наполеону.

Слѣдователь дѣлалъ допросъ Березовскому въ присутствіи министровъ Руэра и Бароша; графъ Шуваловъ, конечно, не могъ считать себя въ правѣ въ это дѣло вмѣшиваться, но министры предложили ему присутствовать при допросѣ, а во время производства самаго вопроса не разъ обращались къ нему съ предложеніемъ,—не пожелаетъ ли и онъ спросить что-либо.

Извѣстно, что государь черезъ день послѣ пріѣзда въ Парижъ посѣтилъ оперу, при чемъ находился въ императорской ложѣ, куда прибылъ пѣшкомъ одинъ къ девяти съ половиною часамъ, за полчаса до прибытія императрицы Евгеніи и Наполеона. Березовскій, между прочимъ, далъ показаніе о томъ, что намѣтилъ выстрѣлить въ государя въ оперѣ и, передъ прибытіемъ государя туда, встрѣтилъ его величество.

Царь на меня взглянулъ такъ презрительно, какъ будто бы въ умѣ его сложилась мысль: вотъ одинъ изъ поляковъ.

Это, очевидно, горячечный бредъ больного юноши, задумавшаго ужасное преступленіе, и, какъ по нѣкоторымъ даннымъ вопроса можно заключить, не рѣшившагося произвести выстрѣлъ подъ впечатлѣніемъ взгляда государя.

— Взглядомъ этимъ онъ, видимо, былъ очень смущенъ и обезкураженъ,—сказалъ графъ Шуваловъ, вспоминая и перебирая эпизоды, происходившіе при допросѣ.

Графъ Шуваловъ рассказывалъ, что Наполеонъ очень взволновался покушеніемъ; до момента выстрѣла, не подозрѣвая предстоявшаго, онъ держалъ себя съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и даже съ достоинствомъ.

Покушеніе, какъ извѣстно, было произведено у каскада въ аллеѣ Булонскаго лѣса, близъ Лоншана, на пути слѣдованія императорскаго кортежа со смотра войскъ, которыя Наполеонъ заранѣе намѣтилъ показать во всемъ блескѣ нашему государю и прусскому королю; онъ былъ очень доволенъ исходомъ блестящаго парада. Съ нимъ въ четырехмѣстномъ экипажѣ ѣхали государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владимиръ Александровичъ; король Вильгельмъ ѣхалъ за ними поодаль въ экипажѣ съ императрицей Евгеніей. Наполеонъ, послѣ выстрѣла, слѣдовавшаго съ его стороны, сразу засуетился; пуля Березовскаго попала въ морду лошади шталмейстера Рембо, ѣхавшаго рядомъ съ экипажемъ подлѣ Наполеона; много крови отъ

лошади попало въ экипажъ; обиліе крови объяснялось и тѣмъ, что пистолеть въ рукахъ преступника разорвался и у безумца оторвало два или три пальца правой руки. Наполеонъ каждому изъ своихъ гостей-спутниковъ задалъ вопросъ: у васъ кровь, не ранены ли вы? А убѣдившись, что всѣ невредимы, поднялся въ экипажъ и объявилъ объ этомъ стоявшей по пути публикѣ; послѣ этого онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что стрѣлялъ непременно итальянецъ въ него; когда же государь отвѣтилъ категорически, что, вѣрнѣе, полякъ въ него, — Наполеонъ не возразилъ, но какъ-то суетливо сказалъ: «Ваше величество, мы вмѣстѣ были въ огнѣ». На это государь совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Благодарю Бога, что онъ васъ сохранялъ; вотъ, однако, до какой степени никому нельзя ни на минуту быть увѣреннымъ въ цѣлости своей жизни, — все въ рукахъ Божіихъ...

При допросѣ очень хорошо держалъ себя приглашенный для представленія своихъ показаній шталмейстеръ Наполеона Фирлонъ Рембо. По всѣмъ даннымъ онъ, прослышавъ ранѣе о томъ, что готовится какое-то покушеніе, во все время сопровожденія императорскаго экипажа былъ на чеку; увидѣвъ въ Березовскомъ что-то подозрительное, онъ налетѣлъ на него всѣмъ грузомъ своего коня. Березовскій былъ сбитъ съ ногъ, отъ этого послѣдовалъ въ тотъ же моментъ выстрѣлъ, но зарядъ попалъ въ морду лошади Фирлона Рембо и такимъ образомъ оказался безопаснымъ для тѣхъ или для того, кому предназначался и въ кого былъ направленъ.

Это самое можно было заключить изъ несвязнаго разсказа преступника; давая свое показаніе, онъ со злобой сказалъ:

— Если бы сѣдокъ, ѣхавшій съ лѣвой стороны экипажа, не наскочилъ на меня, — результатъ былъ бы совсѣмъ иной, чортъ возьми, но вотъ что, къ несчастію, вышло; объ этомъ мнѣ остается только пожалѣть; это обидно, но непоправимо.

Фирлонъ Рембо, видимо, былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что все это произошло именно такъ; изъ скромности онъ, однако, не говорилъ объ этомъ вполне ясно.

— Я хотѣлъ этого челоуѣка сбить или подмять, дабы онъ не произвелъ выстрѣла, но это мнѣ не удалось, — твердилъ онъ.

Императоръ Наполеонъ сидѣлъ въ экипажѣ съ лѣвой стороны, противъ него находился послѣдникъ русскаго престола; государь, сидя съ правой стороны, имѣлъ противъ себя великаго князя Владимира. Рембо ѣхалъ со стороны Наполеона: исполняя приказанія своего императора, онъ устремился отдать распоряженіе о томъ, чтобы, въ виду страшной давки, экипажъ свернулъ на боковую аллею; въ эту-то минуту онъ замѣтилъ показавшуюся ему подозрительною фигуру и въ одинъ мигъ рѣшилъ направить своего коня на нее.

Грянувшій выстрѣлъ скорѣй напоминалъ какой-то взрывъ; Рембо думалъ, что взорвалась бомба; эскортъ въ паническомъ испугѣ остановился; у наслѣдника цесаревича виднѣлась кровь на бѣлыхъ перчаткахъ; взглянувъ на кровавое пятно, его высочество сказалъ Фирлону Рембо: «Это отъ вашей лошади, посмотрите, она ранена въ ноздри». У царя была обрызгана кровью голубая орденская лента.

— Въ самый моментъ выстрѣла, — говорилъ Рембо, — я почувствовалъ ожогъ шеи; лошадь моя долго бѣжать не могла, я принужденъ былъ ее оставить, почему и передалъ одному изъ солдатъ; меня же, въ то время уже спѣшившагося, пригласилъ къ себѣ въ коляску ѣхавшій за экипажемъ Евгеніи и короля прусскаго Вильгельма племянникъ императора Александра принцъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, старшій сынъ сестры его величества Маріи Николаевны, состоявшей въ замужествѣ за герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

— Мнѣ лично, — говорилъ Джуліани, — пришлось въ послѣдствіи нерѣдко въ Парижѣ встрѣчаться съ Рембо; это былъ скромный, набожный человѣкъ и вѣчный труженикъ; онъ съ особенной трогательностью вспоминалъ все здѣсь рассказанное и вообще весь этотъ ставшій, несомнѣнно, достояніемъ исторіи эпизодъ изъ его немудреной жизни.

— Происходя изъ старой дворянской фамиліи, — рассказывалъ онъ, — я служилъ во время крымской кампаніи простымъ рядовымъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ въ корпусѣ генерала Канробера и лишь къ концу войны дослужился до званія унтеръ-офицера; императоръ Наполеонъ, возведя меня въ свои шталмейстеры, не забывалъ того, что я въ военной службѣ дальше званія нижняго чина не пошелъ; даже пожелавъ наградить меня въ этотъ день ужаснаго покушенія, произведеннаго голоднымъ безумцемъ - полякомъ, онъ предназначилъ мнѣ пятую степень ордена Почетнаго Легіона, — кавалерскій крестъ, полагающійся для награжденія лицъ неофицерскаго званія.

Извѣстно, что государь заранѣе, на дни своего пребыванія въ столицы Франціи, назначилъ балъ въ посольствѣ; когда оказалось, что въ день бала утромъ случилось покушеніе Березовскаго, Наполеонъ просилъ объ отмѣнѣ этого бала, но государь не призналъ нужнымъ отмѣнять что-либо; все должно было идти въ томъ порядкѣ, какъ было намѣчено; поэтому балъ въ тотъ день вечеромъ состоялся; императоръ Александръ поражалъ всѣхъ своимъ полнымъ спокойствіемъ и необычайною привѣтливостью гостепріимнаго хозяина, — это въ одинъ голосъ сообщали со словъ своихъ рецензентовъ газеты всѣхъ партій, фракцій и отбѣнковъ,

— Императоръ Александръ, приказавъ пригласить меня на балъ, — говорилъ Рембо, — тронулъ и меня и всѣхъ необыкновенною сердечностью своего ко мнѣ отношенія.

«Прибывъ на балъ за полчаса до прибытія Наполеона и Евгеніи, я былъ встрѣченъ въ первомъ залѣ министромъ двора графомъ Адлербергомъ; онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ пожалованный русскимъ императоромъ орденъ св. Станислава съ короною; я его тотчасъ, по указанію графа, надѣлъ на себя. Въ слѣдующей комнатѣ царь, поздоровавшись со мною, забросалъ меня такой массой благодарностей, что мнѣ оставалось только смущаться и конфузиться; но императоръ Александръ какъ будто бы задался задачей больше и больше вводить меня въ смущеніе: его величество, взявъ меня подъ руку, провелъ черезъ помѣщеніе посольства, видимо, съ тою цѣлью, чтобы для разговоровъ со мною посадить меня возлѣ себя на виду у всѣхъ кавалеровъ, уже находившихся въ залѣ, и покинуть меня лишь черезъ нѣсколько минутъ, когда было доложено, что начали прѣзжать дамы.

«Императоръ Наполеонъ, узнавъ обо всемъ этомъ, не пожелалъ сдѣлать неловкости противъ своего высокаго гостя и въ тотъ же вечеръ, вмѣсто предназначенной, но еще не переданной мнѣ пятой степени ордена, передалъ четвертую, т. е. офицерскій крестъ».

Наполеонъ никогда не разлучался съ этимъ своимъ слугою, которому въслѣдствіи довелось въ числѣ другихъ выдержать большое испытаніе: онъ сопровождалъ императора изъ Седана въ Вильгельмсгезъ; правда, это было соединено съ большимъ для него счастьемъ—продолжать служить Наполеону и въ этомъ замкѣ во время плѣненія и долго еще послѣ того—во время тяжелаго, по неволѣ бездѣльнаго, проживанія въ Англіи—въ Числьгёрстѣ.

— Приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ мы собрались,—разсказывалъ Джуліани,—государь потребовалъ къ себѣ князя Витгенштейна и меня.

«Поблагодаривъ насъ и сообщивъ о назначенныхъ намъ наградахъ, государь сказалъ, обращаясь къ намъ обоимъ:

«— Вы, конечно, не будете забывать Кузьминскаго; навѣщайте его; тебѣ, Витгенштейнъ, я поручаю сообщать мнѣ о ходѣ его леченія, о всѣхъ нуждахъ, какія у него могутъ оказаться, а также о средствахъ, какія надо будетъ ему назначить пожизненно; онъ искалѣченъ совершенно, лечиться ему придется всю жизнь; я полагаю назначить ему аренду въ 1000 рублей ежемѣсячнаго дохода; но окажется ли этого достаточно для будущаго,—присмотришь и мнѣ сообщи при первомъ же удобномъ случаѣ».

«Князь Витгенштейнъ, по своему происхожденію, считался въ родствѣ съ императрицей Маріей Александровной; государь относился къ нему очень хорошо и съ большимъ довѣріемъ.

«Среди разговора о пребываніи своемъ въ Парижѣ государь съ грустнымъ видомъ упомянулъ о томъ, что, посѣтивъ сестру свою

Марію Николаевну въ «Грандъ-Отелѣ», онъ вспомнилъ съ ней о происходившихъ въ тѣ дни въ Пештѣ торжествахъ коронаванія австрійскаго императора Франца-Иосифа короною короля Венгріи.

«Какимъ фатальнымъ является совпаденіе этихъ празднествъ съ ужаснымъ концомъ только что въ эти же дни трагически разрѣшившейся въ Мексикѣ участи младшаго брата его — австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, котораго наполеоновскія продѣлки сдѣлали императоромъ.

«— Я много объ этомъ говорилъ съ императоромъ Наполеономъ,—сказалъ государь:—зачѣмъ было ему вмѣшиваться въ эту аферу? Наше ли дѣло было непрошено стремиться осчастливить мало-вѣдомую, шедшую своей собственной жизнью заокеанскую республику. Въ императорѣ Наполеонѣ это похоже на какое-то влеченіе подражать своему дядѣ въ дѣлѣ могущественной раздачи коронъ и троновъ. Теперь, когда Наполеону пришлось «созданнаго императора» оставить, затѣмъ забросить безъ поддержки на произволъ судьбы и полудикихъ властей,—сколько придется ему имѣть на совѣсти самаго тяжелаго, угнетающаго чувства!»

«Этотъ весь разговоръ,—говорилъ Джуліани,—рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти; послѣднія слова государь произнесъ со слезами на добрыхъ, привѣтливыхъ глазахъ».

Послѣ смерти Наполеона Рембо возвратился въ Парижъ, гдѣ Джуліани и встрѣчался съ нимъ въ концѣ 1873 года. Много рассказывая о жизни своихъ повелителей, совершенно состарившійся шталмейстеръ всегда особо подчеркивалъ то, что оба они—Наполеонъ съ большой грустью, а Евгенія съ досадой,—во время частыхъ ссоръ своихъ, въ одинаковой степени признавали одною изъ самыхъ важныхъ и грубыхъ ошибокъ своего, только что тогда минувшаго прошлаго, громадное пренебреженіе, съ которымъ они во все время своего царствованія ¹⁾ относились къ Россіи, къ ея правительству, а главное къ ея великому, благороднѣйшему императору.

Рембо воспроизводитъ происходившія перѣдко между супругами сцены, которыхъ ему приходилось быть свидѣтелемъ или о которыхъ онъ слышалъ отъ людей еще болѣе приближенныхъ и интимныхъ.

Стоило Евгеніи отъ чего бы то ни было прійти хотя бы въ малѣйшее первное раздраженіе,—а это съ самаго начала ихъ жизни въ Англіи стало дѣломъ обыденнымъ,—она немедленно, съ одина-

¹⁾ «Царствовали они оба вмѣстѣ», говаривалъ простякъ Рембо.

ковой злобой и почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, начинала преназойливо выставлять мужу своему упреки въ томъ, съ какимъ тупымъ упорствомъ (*entêtement stupide*) онъ нападалъ и всѣхъ, съ какой-либо стороны причастныхъ къ дѣлу управленія несчастной Франціей, увлекалъ къ бессмысленнымъ нападкамъ на императора Александра II.

Наполеонъ обыкновенно усиливался возражать съ полной сдержанностью; онъ спокойно стоялъ на томъ, что вообще не нападалъ, а если говорилъ,—не противъ императора Александра, а противъ Россіи,—то меньше всего говорилъ безъ государственной къ тому нужды, вызывавшейся явнымъ со стороны правительства той державы стремленіемъ портить хорошія отношенія съ Франціей.— «Нельзя,—говорилъ ех-императоръ,—ставить мнѣ въ укоръ то, что приходилось говорить и дѣлать въ минуты разлада добрыхъ отношеній съ Александромъ II и при явномъ проявленіи со стороны его правительства отсутствія корректности въ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Франціей».

Подробностямъ одной изъ такихъ ссоръ суждено было навсегда вѣрзаться въ память и остаться въ сердцѣ крайне впечатлительнаго шталмейстера. Это произошло въ концѣ ноября 1872 года.

— Нѣтъ, нѣтъ,—не слушая спокойныхъ возраженій мужа, вдругъ злобно затвердила Евгенія въ тотъ день:—вы всегда бессмысленно нападали на царя,—это впечатлѣніе моихъ первыхъ дней знакомства съ вами, тѣхъ дней, въ которые я, въ свою очередь, относилась къ вамъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ, какъ къ повелителю Франціи; вы одинаково, безъ разбора относились и въ тяжелые для Россіи дни нашихъ предсвадебныхъ компіенскихъ торжествъ¹⁾, и позже, въ дни появленія на свѣтъ нашего Лулу,—когда Россія усиливалась, хоть сколько-нибудь успокоившись, воспользоваться плодами только что заключеннаго съ Франціей мира²⁾. Еще мать моя говорила, что вы одинаково жестоко на-

¹⁾ Въ 1852 г. императоръ Наполеонъ на одной изъ большихъ охотъ какъ будто случайно встрѣтилъ семью маркиза Монтихо гр. де Теба и сразу былъ обвороженъ молодой графиней Евгеніей: онъ не хотѣлъ допустить мысли о томъ, что она не будетъ ему принадлежать. Все это было подстроено крайне искусно. Въ 1853 г. происходили на охотахъ въ Компіенѣ пиры, которые Евгенія въ передаваемомъ разговорѣ назвала предсвадебными торжествами; въ томъ же году Наполеонъ сочетался съ нею бракомъ. Это былъ годъ начала турецкой войны, скоро обратившейся въ Крымскую кампанію.

Авт.

²⁾ Въ 1856 г., въ годъ заключенія парижскаго мира у французской императорской четы родился сынъ Наполеонъ-Людовикъ-Евгеній; въ 1874 г. бонапартисты объявили его императоромъ подъ именемъ Наполеона IV, а въ 1879 году императрица, жаждавшая карьеры, согласилась отправить сына въ африканскую экспедицію англичанъ противъ зулусовъ; въ этой войнѣ онъ былъ убитъ, причемъ официально было объявлено, что Лулу не могли уберечь, на самомъ же дѣлѣ врядъ ли кто и старался его беречь.

Авт.

падали на своего врага, когда онъ, послѣ геройской защиты своего отечества, былъ притиснутъ, прижатъ вами, такъ же, какъ и тогда, когда, отдавши вамъ все, онъ имѣлъ полное право отдохнуть отъ тяготы своихъ печалей; моя мать изумлялась вашей безтактности и отсутствію въ васъ благороднаго великодушія къ врагу, когда вы, послѣ заключенія съ нимъ мира, продолжали издѣваться надъ нимъ воспоминаніями о томъ, какъ вы разгромили сѣвернаго колосса, притомъ увѣряли, что готовитесь его вновь разгромить, дабы совсѣмъ уничтожить, стереть съ лица земли—шутка сказать—кого! великую, мощную Россію!...

Вдругъ Наполеонъ, всегда спокойный, гнѣвно засверкала своими обычно тусклыми глазами, а затѣмъ, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, громко, но отрывисто произнесъ:

— Недоставало еще, чтобы вы приписывали мнѣ то, въ чемъ виновата была именно ваша мать; эта женщина съ какимъ-то необъяснимымъ безуміемъ, свойственнымъ сынамъ легкомысленной испанской націи, нападала не только на Александра II и Россію, на Вильгельма и Пруссію, но и на всѣхъ, съ кѣмъ моя страна приходила или въ конфликтъ или въ какія бы то ни было частныя сношенія. Я васъ разъ навсегда приглашаю не думать впредь сваливать на меня результаты всѣхъ тѣхъ безтактностей, которыя графинѣ Монтихо де-Теба угодно было себѣ позволять въ ея малодушныхъ порывахъ. Она, всю жизнью своей при моемъ дворѣ, заслужила полную ненависть и презрѣніе французовъ; теперь вамъ, только вамъ, слѣдовало бы если не уничтожить,—такъ какъ уничтожить это уже невозможно,—то, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь умѣрить или смягчить въ близкихъ людяхъ эту ненависть, а ужъ никакъ не разжигать ее больше и больше; слушать ваши бредни я вовсе не расположенъ и не буду,—закончилъ Наполеонъ свою рѣчь и рѣзко вышелъ изъ зала.

Не ожидала ея-императрица такого крутого и грубаго поворота, а потому въ истерикѣ вдругъ свалилась въ обморокъ, послѣ котораго была врачами уложена въ постель и окружена самымъ заботливымъ уходомъ.

И въ ней и въ ея мужѣ, какъ видно, все дошло до той крайности, которая должна была вызвать ужасный кризисъ. Послѣ того они вовсе не видѣлись больше мѣсяца. Евгенія лежала, Наполеонъ въ теченіе этого времени старался бодриться, но его силы, видимо, угасали, бодрость болѣе и болѣе покидала его, и въ то время, когда все вниманіе врачей было обращено на состояніе здоровья слабой императрицы,—сахарная и каменная болѣзнь императора совершенно неожиданно для всѣхъ, а для докторовъ болѣе, чѣмъ для кого-либо, сдѣлала сразу большіе успѣхи, и 9-го января 1873 года Наполеона не стало. Послѣ Седана онъ прожилъ три года, пять мѣсяцевъ и три дня.

Бесплодные споры привели къ такому печальному концу; Евгенія раньше не думала, что потеря мужа для нея была потерей всего; только тогда она это сознала, когда его не стало,—тогда она поняла, что пропала и та надежда, которой, впрочемъ, ни у кого, кромѣ нея, не было—надежда вернуть престолъ.

— Спорить было поздно, и о чемъ было спорить?—говорилъ Рембо:—нужно было раньше думать о томъ, чтобы не испортить къ концу свои отношенія именно съ повелителемъ той державы, которая одна могла укрѣпить навсегда положеніе Франціи и императора французовъ; императрица спорила съ императоромъ, забывая, что собственнаго локтя не укусишь.

— Изъ всѣхъ разсказовъ Рембо,—говорилъ Джуліани,—видно было, что онъ больше держалъ сторону Наполеона, чѣмъ Евгенія; это было вполнѣ естественно; а вообще этотъ преданный ех-императору слуга съ полнѣйшей, свойственной ему простотой какъ бы застылъ на чувствѣ самой глубокой и почтительно-признательной преданности нашему государю; иначе о немъ онъ не упоминалъ, какъ именуя его: гуманнѣйшій рыцарь, царь-освободитель и благодѣтель своего народа.

Всю жизнь Рембо выражалъ желаніе во что бы то ни стало побывать въ Россіи, но это у него такъ и осталось навсегда мечтой.

VI.

Отъѣздъ государя изъ Парижа.—Молва объ его отношеніи къ Березовскому и къ покушенію.—Защитникъ Араго и обвинитель де-Марна.—Роль Жюль Фавра въ дѣлѣ Орени.—Французскія газеты о законахъ, карающихъ покушеніе на жизнь главы государства.—Частный отзывъ Виктора Гюго.—Полковникъ Гальяръ.—Воспоминанія Джуліани объ адресѣ проживавшихъ въ Парижѣ поляковъ.—Маневры 1878 г. во Франціи.—Маршалъ Канроберъ.—Отзывъ государя о немъ и о сенскомъ префектѣ Гаусманѣ.

«Прощаясь съ нами,—продолжалъ Джуліани свой разсказъ,—государь, между прочимъ, сказалъ:

«— Передайте Кузьминскому мое пожеланіе ему скорого выздоровленія; пусть продолжаетъ имѣть то же терпѣніе, какимъ до сихъ поръ отличался, и пусть бережетъ себя. Доктору я назначилъ крестъ въ награду; Наполеонъ далъ согласіе на награжденіе этого симпатичнаго, самоотверженнаго и дѣльнаго врача; барону Будбергу я передалъ объ этомъ, онъ распорядится».

«По отъѣздѣ государя до насъ дошла, распространившаяся въ столицѣ Франціи молва о томъ, будто бы при прощаньи онъ обратился къ Наполеону съ просьбой,—въ случаѣ, если Березовскому судомъ будетъ назначена смертная казнь,—оказать съ своей стороны мощное содѣйствіе тому, чтобы онъ отъ нея былъ избавленъ.

Трудно вѣрится этому, — весьма вѣроятно, что государь не желалъ казни этого преступника-безумца, но ходатайствовать за прохо́ду не сталъ бы; молва добавляла, что Наполеонъ обѣщалъ и будто бы «несомнѣнно искренно».

Однако подпольныя интриги революціонныхъ элементовъ приготовили изъ этого дѣла совсѣмъ другое: несомнѣнно, въ насмѣшку, ходъ судебного разбирательства былъ такъ подстроенъ, что Березовскаго какъ будто бы хотѣли приговорить къ особой наградѣ за это дѣло; оно ему было поставлено почти въ заслугу; обвиняемымъ чуть ли не явился нашъ государь, а Наполеонъ, конечно, былъ и безсиленъ противъ этого и слишкомъ равнодушенъ вообще ко всему, что, съ какой бы то ни было стороны, касалось хотя бы такого его гостя.

Всѣмъ памятна рѣчи Араго, Флоке и другихъ рисовавшихся въ этомъ процессѣ своими крайними убѣжденіями и безумно бравировавшихъ всѣмъ тѣмъ, что было всегда дорого для христіанина, а также для людей разума и чести.

Не въ одной изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ того времени было сообщено, что, къ прискорбному удивленію, и государственнѣйшій генеральнѣйшій прокуроръ де-Марна, обвинявшій Березовскаго въ судѣ, скорѣй вторилъ защитникамъ, чѣмъ исполнялъ свой святой долгъ безпристрастнаго обвинителя.

Защитникъ Березовскаго Араго, какъ бы возражая людямъ, пытавшимся признать дѣяніе этого безумца преступнымъ, прямо съ наглостью говорилъ, что онъ ни одной секунды не считаетъ себя въ правѣ думать о какихъ-то смягчающихъ вину обстоятельствахъ или надѣяться на нихъ: «вины нѣтъ, я ея не вижу; въ дѣйствіяхъ Березовскаго, — этого патріота Польши, — нѣтъ ничего такого, что даже можно было бы смягчать, а потому я, какъ защитникъ, требую полного оправданія, — не говорю и не нахожу нужнымъ сказать — виновнаго, нѣтъ, не виновнаго, а просто моего кліента, случайно, по какому-то произволу, попавшаго въ обвиняемые. Не знаю, доколѣ еще во Франціи будутъ возможны и терпимы эти и подобныя насмѣшки надъ людьми!..» воскликнулъ съ пафосомъ этотъ слуга сплошнаго беззаконія. Печать, почти сплошь вся, вторила этому, она не видѣла преступленія въ дѣйствіяхъ полячка, записавшагося въ спасители «ойчизны». Присяжные, также не признававшіе слишкомъ криминальнымъ поступокъ его, не рѣшились, однако, высказать то, что Араго имъ старательно внушалъ, — они все-таки, съ нѣкоторымъ намекомъ на участіе въ этомъ дѣлѣ совѣсти, въ окончательномъ словѣ признали смягчающія вину обстоятельства, значить, нашли эту вину.

Араго много потомъ писалъ объ этомъ, изливая желчь и извергая ругательства на этихъ, по его словамъ, тупоумныхъ присяжныхъ.

Тогда же многіе вспоминали, что за девять лѣтъ передъ тѣмъ знаменитый Жюль Фавръ ¹⁾, такой же, въ сущности, республиканецъ-адвокатъ, какъ и Араго, защищая извѣстнаго Орсини, бросившаго въ 1858 году бомбу подъ экипажъ Наполеона, взялъ такую середину въ дѣлѣ защиты, что вся тогдашняя печать признала его слова за «простой пріемъ, стремившійся увелічить витіеватость адвокатской рѣчи»; онъ упомянулъ въ ней, что его кліенту надлежитъ рядомъ съ эшафотомъ поставить навѣки его статую, т.-е. воздвигнуть памятникъ. Памятника этому Орсини рядомъ съ эшафотомъ не воздвигли, а то обстоятельство, что эшафотъ былъ поставленъ, дало каждому право сказать, что адвокатъ, какъ бы то ни было, высказался, въ согласіи съ прокуроромъ, за смертную казнь, которая и постигла этого преступника.

Нѣкоторыя газеты живо припомнили этотъ случай и, комментируя его въ дни горячихъ разговоровъ о дѣлѣ Березовскаго, отважились высказать, что, выстрѣливъ въ царя, онъ явился преступникомъ, заслужившимъ высшую кару по закону. Къ этому, однако, какъ бы сговорившись, всѣ онѣ спѣшили добавлять массу фразъ, разсужденій и оговорокъ о томъ, что во всякомъ случаѣ законы Франціи не позволяютъ за такое преступленіе примѣнять кару, которая подходила бы подъ понятіе о высшей мѣрѣ наказаній вообще. Все это продѣлывалось чисто въ духѣ французовъ: съ тою отмѣнною, изворотливою фальшью, которую въ этой славной націи всѣ ненавидятъ.

Одна лишь газета «*Paus*» однажды попробовала смѣло высказать совершенно прямой взглядъ на это дѣло, заклеививъ продѣлку безумца; но ее заставили замолчать и много тяжелаго она перенесла отъ тѣхъ самыхъ властей, которыя должны были бы благородно стоять на стражѣ въ такое время общей распушенности.

Многія изъ газетъ, стоявшихъ на томъ, что законъ не позволяетъ къ дѣянію Березовскаго примѣнить высшую кару, ядовито добавляли: «къ сожалѣнію».

¹⁾ Тотъ самый Жюль Фавръ, который послѣ Седана явился въ германскую главную квартиру уполномоченнымъ уже отъ правительства установившейся наканунѣ республики для переговоровъ объ условіяхъ мира и пережившій всю жестокость предложеній побѣдителя въ лицѣ безжалостнѣйшаго Бисмарка. Рассказывали, что настойчивостью желѣзнаго канцлера и насмѣшливостью его тона было со стороны Жюль Фавра вызвано замѣчаніе, произнесенное сквозь горькія слезы: «Вы болѣе жестоки, чѣмъ былъ въ свое время жестокъ членъ конвента Жозефъ Лебонъ...» На это Бисмаркъ будто бы съ презрительностью въ тонѣ отвѣтилъ: «Я вашихъ членовъ конвента не знаю, не знаю и знать не хочу; время не ждетъ, будемъ говорить о дѣлѣ, или разойдемся».

Упомянутый членъ конвента, терроризируя Аррасъ, главный городъ департамента Па-де-Кала на сѣверѣ Франціи въ Нормандіи, отправлялъ на эшафотъ безъ разбора всѣхъ, кто ему попадался подъ руку, и дошелъ въ своемъ звѣрствѣ до того, что, получивъ доносъ о нахожденіи въ одномъ семействѣ того города полугая, который выкрикивалъ слова: «*vive le roi*»,—велѣлъ казнить всю семью и непременно вмѣстѣ съ преступной птицей.

А в т.

Всѣ онѣ, во всякомъ случаѣ, дозволили себѣ передержку и умышленную подтасовку: не могли же всѣ онѣ забыть о томъ, что за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ казнень покушавшійся на жизнь Наполеона итальянецъ ПIANORI (1855 г.); очевидно, помнили онѣ и приведенный ими же по поводу воспоминанія о рѣчи Жюли Фавра фактъ казни тоже итальянца—Орсини (1858 г.).

«Законы съ тѣхъ поръ не были измѣнены», напомнила тогда нѣсколько разъ газета «*Paus*».

Надо помнить, что большая часть статей, появлявшихся тогда во французской печати, предназначалась, съ одной стороны, для назиданія нашей отечественной печати, единодушно ополчившейся, а съ другой—для поднесенія пріятнаго букета правительству Наполеона, котораго власть въ тотъ годъ поднялась на зенитъ, какъ бы собираясь съ силами къ 1870 году для совершенія болѣе эффектнаго спуска, т.-е. попросту позорнаго паденія...

Не только интересно, но и поучительно вспомнить исторію закона, на который такъ робко ссылалась часть печати. Эта исторія должна до нѣкоторой степени выяснить, какимъ образомъ газеты могли найти себѣ лазейку для обхода здравости взгляда на все это дѣло,—печальное само по себѣ и ставшее рѣшительно прискорбнымъ въ виду проявленнаго всѣми слоями общества Франціи стремленія «отвернуться отъ добрыхъ указаній совѣсти».

Вотъ краткое изложеніе этой исторіи.

Послѣ революціи 1789 года, при введеніи во Франціи въ 1791 году конституціи, въ законѣ было отмѣнено особое дѣлопроизводство по дѣламъ о преступленіяхъ противъ особы государя ¹⁾ и уничтожена исключительность наказаній за такія преступленія. Въ 1810 году Наполеонъ I возстановилъ полностью прежніе законы на этотъ счетъ, поставивъ, однако, тѣ преступленія наравнѣ съ отцеубійствомъ. Правительство Людовика-Филиппа въ 1832 году приравняло цареубійство къ обыкновеннымъ убійствамъ.

Наполеонъ III, тотчасъ по укрѣпленіи своей власти, попытался въ 1853 году возстановить все установленное на этотъ счетъ его дядей; но законодательное собраніе отвергло правительственное предложеніе объ этомъ. Не взирая на то, правительство тотчасъ же «велѣло» судамъ «ввести въ практику дѣйствій своихъ часть распоряженій 1810 года и признавать покушеніе на убійство государя равносильнымъ отцеубійству.

Покорный Наполеону III судъ безпрекословно подчинился этому велѣнію. И вотъ два покушенія на жизнь императора Наполеона,—въ 1855 году покушеніе итальянца ПIANORI, который,

¹⁾ Или вообще главы государствъ.

въ исходѣ суда надъ нимъ, оказался графомъ Винерани, и въ 1858 году итальянца же Орсини,—кончаются смертною казнью обоихъ преступниковъ.

Раздавались во Франціи смѣлые, хотя п одинокіе голоса, поучавшіе тому, что съ одинаковымъ правомъ можно было бы примѣнить это наказаніе къ русскому поляку, какъ и къ тѣмъ итальянцамъ-льемонтцамъ; разницы не было, хотя полякъ стрѣлялъ во Франціи въ чужого для нея государя —однако въ своего...

Но безумцы, а главное люди безсовѣстные, не придерживались того, чтобы эти разсужденія оспаривать или опровергать,—они просто, забывъ честь, кричали и повторяли, что покушеніе именно на жизнь русскаго императора не есть преступленіе.

Въ то время одинъ считавшійся и считающійся крайне достойнымъ высокаго уваженія человѣкъ, «гражданинъ французской республики», эмигрантъ, замѣтилъ изъ своего изгнанія, что такое беззаконіе, какое было учинено надъ Орсини и надъ Піанори-Винерани, скорѣе могло бы найти—не снисхожденіе, нѣтъ, но нѣкоторое объясненіе «безправности права» для примѣненія къ дѣянію русскаго подданнаго Березовскаго, стрѣлявшаго во Франціи, во-первыхъ, въ своего законнаго государя, во-вторыхъ, въ почетнаго гостя Франціи, въ-третьихъ, въ царя великой души—Освободителя; тогда какъ оба итальянца стрѣляли въ нашей странѣ въ чужого имъ государя, а для самой страны нашей незаконнаго, узурпировавшаго власть и основавшаго въ 1851 году какъ эту власть, такъ и всю силу свою на фундаментъ, обильно—вслѣдствіе переданныхъ черезъ Сентъ-Арно ¹⁾ его велѣній,—пропитанномъ кровью честныхъ сыновъ нашего отечества.

Съ начала семидесятыхъ годовъ въ теченіе почти десяти лѣтъ у насъ въ Россіи пребывалъ въ качествѣ военнаго агента Французской республики полковникъ Гальяръ, очень сжившійся съ нашимъ отечествомъ и отъ всей души его полюбившій. Однажды, во время войны за освобожденіе Болгаріи, случилось мнѣ, по порученію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, выѣхать изъ главной квартиры, находившейся въ Горномъ Студнѣ,—на Плевну, изъ-за которой тогда началась усиленная

¹⁾ Маршалъ Сентъ-Арно—тотъ самый, который не далѣе, какъ черезъ два года послѣ вѣроломнаго подвига 2-го декабря 1851 года былъ назначенъ главнокомандующимъ французской арміи, дѣйствовавшей противъ насъ въ Крыму; тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Въ 1851 году онъ занималъ постъ начальника парижскаго гарнизона и въ ночь на второе декабря дѣйствовалъ крайне энергично, какъ противъ революціонеровъ, укрѣпившихся на баррикадахъ, такъ и противъ членовъ національнаго собранія при роспускѣ и арестованіи ихъ. Наполеонъ III считалъ его своимъ «благодѣтелемъ», вынесшимъ на своихъ плечахъ весь переворотъ и помогшимъ ему провозгласить Францію имперіей, а себя императоромъ.

А в т.

борьба между сосредоточивавшейся въ ту пору у этого пункта арміей Османа-паши и нашимъ девятымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ командой генералъ-лейтенанта Криденера. Къ нему я, какъ ординарецъ главнокомандующаго, и былъ командированъ ¹⁾).

Только что я успѣлъ проѣхать пять-шесть верстъ,—меня нагналъ ѣхавшій въ коляскѣ Гальяръ.

— Какъ я радъ, что мнѣ удалось догнать васъ,—сказалъ онъ любезно:—услышавъ, что вы выѣхали, я поторопился за вами.— Теперь у меня большая просьба къ вамъ,—если бы вы были добры обождать нѣсколько минутъ, пока подойдутъ мои верховыя лошади, я пересею на коня и тогда буду вамъ спутникомъ въ болѣе пріятномъ путешествіи—верхомъ; погода чудная,—восторгался французъ,—можно, ею наслаждаясь, наговориться вдоволь.

Я съ большимъ удовольствіемъ согласился обождать, сошелъ съ коня, и мы, въ ожиданіи конвоя и лошадей полковника, пошли пѣшкомъ, а затѣмъ стали скоро продолжать свой путь на коняхъ.

Разговорившись въ пути и бесѣдуя о нашемъ государѣ, котораго Гальяръ обожалъ, мы затронули время и обстоятельства пребыванія его въ Парижѣ въ 1867 году; цѣлый десятокъ лѣтъ отдѣлялъ насъ отъ того года. Мало-по-малу я разсказалъ многое изъ того, что здѣсь изложено; не успѣлъ я окончить разсказъ объ отзывѣ «гражданина-республиканца», какъ симпатичный «colonel» приподнялся на стремена и съ крайнею живостью произнесъ:

— Mais oui, oui, justement; c'était bien Victor Hugo qui l'a dit; et ces paroles de notre grand homme,—ne sont elles pas la vérité même?...²⁾

Глубже вдумываясь въ это сообщеніе, не приходится ли давать этимъ словамъ большее и большее значеніе при воспоминаніи о томъ, что произнесъ ихъ старецъ-поэтъ, не столько осуждавшій

¹⁾ Именно во время этой командировки мнѣ довелось, временно состоя при генералѣ Криденерѣ, участвовать въ большомъ сраженіи, которое тогда въ дѣйствующей арміи получило оставшееся за нимъ названіе «вторая Плевна» (18-го іюля).

Тогда при генералѣ Криденерѣ состояли, между прочимъ, свиты его величества генералъ-майоры свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій и графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ. Предвидя по ходу дѣла или, быть можетъ, получивъ въ главной квартирѣ свѣдѣнія о томъ, что сраженіе это должно было состояться,—ко дню его съѣхались въ корпусъ генерала Криденера почти всѣ состоявшіе при главной квартирѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго иностранные военные агенты; такъ, во время хода этого боя съ нами находились: французскій агентъ полковникъ Гальяръ, прусскіе подполковникъ графъ Ведель и майоръ Вельомъ, австрійскій подполковникъ фонъ-Болла, румынскій генералъ Зефкаръ, черногорскій воевода Станко Радовичъ, японскій Ямазава, къ вечеру того дня прибылъ и засталъ конечные эпизоды боя претендентъ на испанскій престолъ инфантъ донъ-Карлосъ.

Авт.

²⁾ Да, да, именно; Викторъ Гюго сказалъ это; и эти слова нашего великаго чело-вѣка—не являются ли они самбою правдою?..

примѣненіе смертной казни, сколько отвергавшій право людей произвольно отнимать, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, жизнь у подобныхъ себѣ; онъ отвергалъ то, что съ такою наглостью уже давно присвоили себѣ террористы.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, что слышалъ Джуліани въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ ему приходилось вращаться въ Парижѣ, и о чемъ онъ не разъ рассказывалъ среди своихъ знакомыхъ и товарищей по поводу адреса, поданнаго проживавшими въ Парижѣ поляками.

Лечившій Кузьминскаго докторъ, восторгаясь съ искренностью простого человѣка поступкомъ поляковъ, подписавшихся подъ адресомъ, и восхваляя ихъ благородство, перечислялъ ихъ по фамиліямъ, которыя онъ могъ, нѣсколько коверкая и переименовая, позаимствовать и изъ газетъ и изъ устной передачи молвы, ходившей тогда въ Парижѣ. Почти всѣ эти фамиліи были переданы также въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ.

Находилось, однако, въ столицѣ Франціи не мало лицъ, которыя, вслѣдствіе своей освѣдомленности, имѣли на это дѣло совершенно иной взглядъ. Джуліани, по версіямъ, слышаннымъ имъ тогда, былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что, во-первыхъ, адресъ, поданный Наполеону, имѣлъ въ виду обезпеченіе подписавшихъ его лицъ отъ какихъ бы то ни было обвиненій на случай возникновенія таковыхъ въ посягательствахъ Березовскаго на Наполеона и въ солидарности тѣхъ лицъ съ этимъ безумцемъ. Составителямъ адреса хотѣлось лишь подладиться подъ тонъ того, будто бы они осуждаютъ покушеніе на жизнь нашего государя; поэтому адресъ былъ составленъ изъ такихъ выраженій, будто бы онъ имѣлъ въ виду выставить овладѣвшее подавшими его чувство возмущенія по поводу покушенія, котораго цѣль выяснилась изъ показаній Березовскаго при слѣдствіи, т.-е. покушенія на жизнь царя. Въ адресѣ это было не досказано, но могло быть такъ понято; конечно, двусмысленностью большинство вводилось въ обманъ, а потому видѣло и признавало въ томъ адресѣ порицаніе именно этого покушенія; во-вторыхъ, весь адресъ, отъ начала до конца, представлялся иезуитскимъ, смѣшливаго характера, измышленіемъ и наивно было бы въ немъ искать хоть каплю искренности, такъ какъ о трехъ изъ числа лицъ, подписавшихъ его, объ Рупрехтѣ, Кисенловскомъ и Получисскомъ, было извѣстно всѣмъ и каждому, что они издавна принадлежали къ составившемуся въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Швейцаріи, имѣвшему массу приверженцевъ въ Италіи и во Франціи «обществу изведенія коронованныхъ особъ» (въ Женевѣ, въ Цюрихѣ, въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ, въ Страсбургѣ, въ Ліонѣ и т. д.).

Всѣмъ памятенъ вышедшій вскорѣ послѣ покушенія Березовскаго, воззванія извѣстнаго французскаго эмигранта-революціонера Феликса Піа (Pyat), который въ Лондонѣ, въ воспоминаніе славныхъ дней 1848 года, между прочимъ, поставилъ и объявилъ Наполеона III внѣ закона, «предоставивъ каждому право лишить его жизни».

Тогда же газета «Paus», которая, какъ сказано выше, одна рѣшилась обратиться къ императору Александру, гостю Франціи, съ теплыми, симпатичными словами, если не оправданія всего того, что происходило тогда въ Парижѣ, то нѣкотораго смятченія,—эта газета съ ужасомъ привела по поводу сообщеній о воззваніи Феликса Піа извѣстія о воззваніяхъ другихъ демагоговъ; они восхваляли Каракозова, Орсини, Березовскаго, Зифелогэ ¹⁾, Любени ²⁾, Піанори ³⁾, Белламоге ⁴⁾, Беккера ⁵⁾, а также убійцъ сербскаго князя Михаила Обреновича въ саду топчидерскаго дворца, и при всемъ этомъ разстрѣлъ императора Максимилиана они выставили, какъ особый, высокій подвигъ мексиканскаго президента Хуареса, зачтя ему его въ громадную заслугу.

Если Феликса Піа и другихъ авторовъ этихъ «оцѣнокъ» считали дѣятельными членами «общества изведенія коронованныхъ особъ», а Рупрехтъ стоялъ съ ними въ однихъ рядахъ, то какое же значеніе могла имѣть его подпись подъ адресомъ, о которомъ идетъ рѣчь!

Присутствовавшіе на первоначальномъ слѣдствіи министры Руэръ и Баронъ поразились, увидѣвъ между прочей перепиской, найденной у Березовскаго во время обыска, записку, въ которой кто-то его увѣдомляетъ, что въ 1865 году на конгрессѣ въ Дрезденѣ созрѣло рѣшеніе отправить въ три страны убійцъ и поручить имъ убійство коронованныхъ правителей тѣхъ странъ.

Въ какія государства были назначены тѣ наемники, а также кто авторъ той записки,—осталось не выясненнымъ; председательствовалъ на дрезденскомъ конгрессѣ князь Сапѣга, по всѣмъ даннымъ тотъ самый, который проживалъ въ Парижѣ и, въ числѣ другихъ польскихъ аристократовъ, выѣхалъ изъ этого города чуть ли не наканунѣ прибытія туда нашего государя.

Кромѣ разныхъ записокъ и рукописей, у Березовскаго были подвергнуты выемкѣ нѣсколько книгъ, дававшихъ цѣлое ученіе

¹⁾ Баварецъ артиллеристъ, ранившій въ Берлинѣ короля Фридриха-Вильгельма IV въ правую руку выстрѣломъ изъ пистолета въ 1857 году.

²⁾ Венгерецъ, ранившій въ 1853 году въ Прессбургѣ австрійскаго императора Франца-Иосифа въ шею.

³⁾ Въ 1855 году въ апрѣлѣ на Монмартрѣ далъ два выстрѣла въ Наполеона III.

⁴⁾ Въ томъ же году 8-го сентября выстрѣлили въ Наполеона III.

⁵⁾ Выстрѣлили два раза изъ ружья въ только что вступившаго на престолъ короля Вильгельма I, при чемъ король былъ легко раненъ въ затылокъ (въ Баденѣ-Баденѣ 1861 года).

о цареубійствѣ. Такимъ образомъ, господа министры знали объ этомъ обстоятельствѣ, но ни они, ни слѣдователи, ни судьи не дали значенія ему, хотя, казалось бы, оно могло съ достаточною опредѣленностью выяснить, какое участіе въ дѣлѣ направленія полуголоднаго, полоумнаго мальчика-неврастеника на гнусное преступленіе принимали тѣ, отъ кого онъ получилъ эти изданія, судя по виду и по содержанію, стоившія не дешево; на деньги, полученные отъ заклада рваного пальто, Березовскій не могъ ихъ купить; бѣдные родители также не имѣли возможности ему ихъ подарить; очевидно, вручили ему ихъ кто-то во всемірной столицѣ при окончательной отполировкѣ этого юноши-идіота, жаждавшаго сдѣлаться спасителемъ отечества и искавшаго возможности этого спасенія въ покушеніи на жизнь монарха, у котораго одинъ за другимъ назрѣвали рыцарскіе планы самыхъ разнообразныхъ освобожденій.

Одного не могли взять себѣ въ толкъ и не взяли эти «добрые люди», занявшіеся обработкой своего несчастнаго земляка, — что, желая навредить Россіи и стремясь принести ей самое большое горе и несчастье — лишить ее благороднѣйшаго царя, — они вредили гораздо больше и, конечно, больше всего, — своей «отчизнѣ», которая, по свойственной сынамъ ея фальши, съ фальшью понимала и свои пользы и пользы великой братской державы, своей сосѣдки, уже имѣвшей громадное несчастье въ томъ, что она получила во владѣніе «крулеводство», вѣчно мутившее Россію и вѣчно тѣмъ самымъ въ конецъ портившее больше всего свою же собственную исторію.

Джуліани, приводя свои полныя интереса воспоминанія о малѣйшихъ подробностяхъ пребыванія государя въ Парижѣ, между прочимъ, рассказывалъ о томъ, какъ его величество отнесся къ Канроберу, которому, благодаря занимавшемуся имъ высокому посту — начальника парижскаго гарнизона, — счастливый случай далъ возможность приблизиться къ «великодушнѣйшему монарху», какъ самъ Канроберъ называлъ государя.

Услышавъ предложеніе маршала сопровождать его величество при осмотрѣ казармъ и другихъ учрежденій, государь принялъ это предложеніе; оно ему показалось простымъ, безхитростнымъ и искреннимъ, и онъ остался имъ «въ полной мѣрѣ» довольнымъ. Во время производства осмотра государь былъ крайне любезенъ съ маршаломъ, а по окончаніи осмотра сказалъ ему:

— Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы — военный хозяинъ Парижа, какъ начальникъ его гарнизона, — сочли возможнымъ занять меня на цѣлый день осмотромъ въ высшей степени интересныхъ статей подвѣдомственной вамъ части; съ истиннымъ удивленіемъ осмотрѣвъ все, благодарю васъ за то, что вы не задумались пожертвовать мнѣ свое время; я очень заинтересовался всѣмъ видѣннымъ;

искренно сожалѣю, что въ настоящую минуту мое истинное наслажденіе окончилось и что я долженъ разстаться съ такимъ дорогимъ спутникомъ, какимъ вы сумѣли сдѣлаться для меня!»

Старый воинъ былъ крайне тронутъ этой любезностью государя, и, низко поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, изъ моей благодарной памяти никогда не изгладится этотъ счастливый день высокомиловитой ласки вашей ко мнѣ и ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ; позвольте мнѣ засвидѣтельствовать то, что я глубоко чувствую своимъ тронутымъ сердцемъ: на всю жизнь я останусь почтительнѣйше преданнымъ и приверженнымъ вамъ слугою....

— А я только что сейчасъ подумалъ и приготовился сказать вамъ, что я никогда этого всего не забуду и что мы навсегда останемся друзьями,—почти перебилъ государь слова старика-маршала.

Канроберъ ¹⁾ былъ на девять лѣтъ старше государя, но на видъ онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ и разницу въ ихъ годахъ можно было признать лѣтъ въ двадцать.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого эпизода, въ 1878 году, мнѣ случилось, по волѣ государя Александра Николаевича, находиться на маневрахъ во Франціи. Прибывъ въ Везуль—главный городъ департамента Верхней Соны (Haute Saone), мы, иностранные офицеры, послѣ представленія командиру корпуса герцогу Омальскому, пожелали представиться прибывшему туда на маневры по приглашенію герцога маршалу Канроберу. Старика это очень тронуло; выйдя къ намъ въ садъ герцогскаго дома въ старенькомъ, заношенномъ мундирѣ и въ запыленной маршальской шляпѣ, какъ будто прямо изъ траншеи, онъ былъ со всѣми нами въ высшей

¹⁾ Франсуа-де-Канроберъ—маршалъ имперіи Наполеона III; это былъ очень способный и храбрый боевой генералъ; практической школой для него, какъ и для многихъ видныхъ французскихъ генераловъ тѣхъ временъ, служилъ Алжиръ. Случается слышать, что этотъ маршалъ во время Крымской войны былъ главнокомандующимъ французской, дѣйствовавшей противъ насъ арміи; на самомъ дѣлѣ онъ лишь временно принялъ командованіе арміей по случаю смерти главнокомандующаго Сентъ-Арно; по пріѣздѣ же новаго начальника арміи Пелиссье сдалъ ему должность и остался попрежнему командиромъ 3-го корпуса; какъ при Сентъ-Арно, такъ и при Пелиссье на Канробера было возложено выполненіе въ деталяхъ дѣла осады Севастополя.

Всей французской арміи извѣстенъ воспроизведенный тогда въ средѣ иностранныхъ офицеровъ прусскимъ артиллерійскимъ капитаномъ фонъ-Генцгофомъ рассказъ объ этомъ маршалѣ. Однажды, во время обхода имъ рядовъ арміи, одинъ кавалерійскій солдатъ, приставивъ ему двустольный пистолетъ почти въ упоръ, спустил курокъ. «Ну, дальше», остановился и произнесъ Канроберъ, услышавъ осѣчку. Когда раздался звукъ второй осѣчки, онъ сказалъ: «Судь, въ свое время, скажетъ рѣшеніе, а пока за неисправность оружія выдержать этого бездѣльника недѣлю на хлѣбѣ и водѣ въ темномъ подвалѣ».

Авт.

степенн любезенъ и пропзвелъ на всѣхъ, не исключая и пруссаковъ, очень хорошее впечатлѣніе.

Въ тотъ годъ пруссаки были въ первый разъ послѣ войны 1870 года приглашены во Францію для присутствованія на маневрахъ; этотъ тактичный, вполне оцѣненный и императоромъ Вильгельмомъ и германской арміей шагъ былъ предпринятъ по твердому настоянію тогдашняго президента республики маршала Макъ-Магона, герцога Маджентскаго, который на своемъ посту замѣстилъ, какъ извѣстно, Тьера.

Обходя во время нашего представленія въ Везулѣ офицеровъ всѣхъ армій, Канроберъ подошелъ особо ко мнѣ и сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно позжать руку молодому представителю арміи всѣмъ сердцемъ глубокопочитаемаго мною императора все-россійскаго; я ни на минуту не забываю и никогда не забуду того высокомиловитоваго отношенія, которое его величеству, великодушнѣйшему монарху, угодно было проявить по моему адресу уже болѣе десятка лѣтъ тому назадъ, когда государь, какъ гость покойнаго императора Наполеона, осчастливилъ Парижъ своимъ въ немъ пребываніемъ; не буду вспоминать, какъ болѣзненно отозвалось въ сердцѣ всѣхъ благородныхъ людей ужасное преступленіе, которымъ для парижанъ было отравлено пребываніе у нихъ высокопочитаемаго гостя, царя-Освободителя!

Затѣмъ маршаль отъ слова до слова воспроизвелъ приведенный выше со словъ Джуліани рассказъ объ эпизодѣ, столь тронувшемъ и осчастливившемъ его, маршала,—лично.

Когда, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, мнѣ довелось доложить объ этомъ государю, его величество, милостиво выслушавъ, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ сказалъ относительно Канробера:

— Достойный человѣкъ, честный, умный старикъ и, главное, въ полной мѣрѣ скромный; я такъ и буду всегда къ нему относиться неизмѣнно дружески. Кромѣ того, что онъ доставилъ мнѣ много хорошихъ минутъ при осмотрѣ мною показанныхъ имъ мнѣ учрежденій, онъ много порадовалъ меня тѣмъ, что не забылъ моего больного, тяжело раненаго героя взятія Джизака—Кузьминскаго; по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа онъ нѣсколько разъ навѣстилъ его; это, съ его стороны, высокоблагородный поступокъ.

— Ты помнишь ли Кузьминскаго?—спросилъ затѣмъ государь и, на мой утвердительный отвѣтъ, немного помолчавъ, добавилъ съ большой печалью въ голосѣ и въ выраженіи лица:—Очень грустно кончилъ бѣдняга свою жизнь уже въ Молдавіи въ прошедшемъ году, во время моего проѣзда черезъ Яссы въ Плоэшти¹⁾.

При этомъ государь набожно перекрестился.

¹⁾ См. дальше, гл. VIII.

«ИСТОР. ВѢСТН.», НОЯБРЬ 1912 Г., Т. СХХХ.

По должности префекта Сенскаго департамента, къ которому принадлежит Парижъ, государя сопровождалъ при осмотрѣ больницъ баронъ Георгъ Гаусманъ. Должность эту онъ занималъ съ 1853 по 1870 годъ. Во время управленія этимъ департаментомъ онъ энергично занимался перестройкой города Парижа по планамъ и непосредственнымъ указаніямъ Наполеона; всю древнюю часть города, съ узкими улицами и проулками, они, какъ бы по волшебству, обратили въ роскошную столицу съ широкими, длинными, прямыми улицами, авеню, бульварами, обширными площадями; несомнѣнно, съ точки зрѣнія навѣщающаго эту столицу обывателя это было прекрасно; самый прїѣздъ въ нее и простое краткое обозрѣніе ея доставляетъ громадное удовольствіе и наслажденіе. Но сколькихъ небогатыхъ домовладѣльцевъ эта перестройка разорила и пустила по міру; Наполеонъ, а по его волѣ и Гаусманъ, руководились, повидимому, тѣмъ и придерживались того, что «гдѣ рубятъ, тамъ и щепки летятъ». Между прочимъ городское хозяйство приведено было этими милліардными перестройками въ полное разореніе; городъ былъ втянутъ въ баснословные, рѣшительно неплатные долги.

По нѣкоторымъ даннымъ, Гаусманъ происходилъ изъ нѣмецкой семьи, процвѣтавшей въ эльзасъ-лотарингскихъ провинціяхъ; это былъ офранцузившійся нѣмецъ, фамилію котораго французы произносили Османъ (Haussmann); названный въ честь его большой бульваръ, идущій отъ Большой оперы къ Триумфальной аркѣ, такъ до сихъ поръ и величается «Бульваръ Османъ» ¹⁾.

Парижъ, доставшійся весной 1871 года на разграбленіе коммунаровъ, безъ сомнѣнія, былъ ими «доразоренъ»; они разрушили безъ разбора и часть случайныхъ остатковъ древняго «темнаго» города и многое изъ построеннаго Гаусманомъ. Когда, по усмирении коммуны, пришлось все приводить въ порядокъ, этотъ дѣлецъ, уже не состоявшій въ должности префекта, былъ, какъ извѣстно, уполномоченъ оказать своимъ громаднымъ опытомъ содѣйствіе «достройкѣ» всемірной столицы: правительство третьей республики, съ президентомъ Тьеромъ во главѣ, оказало ему столько довѣрія, что рѣшилось привлечь его къ участию въ производствѣ необходимыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ теченіе этого времени сумѣлъ пристроиться къ службѣ по кредитнобанковой части, явившейся чувствительно необходимою въ ту именно пору—изысканія возможности скорѣйшей уплаты чудовищнаго бисмарковскаго пяти-милліарднаго штрафа, наложеннаго «за слишкомъ смѣлые шаги Наполеона и его клеветовъ въ дѣлѣ вызова войны и за робость, проявленную этими авантюристами въ дѣлѣ веденія той войны».

¹⁾ Перестройка города не была закончена къ моменту начала войны 1870 года.

Впослѣдствіи Гаусманъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ попадалъ въ палату депутатовъ; многіе объясняли это тѣмъ, что, давая массѣ народа громадныя заработки по перестройкѣ города, онъ являлся благодѣтелемъ немущаго класса и такимъ образомъ привлекалъ большое расположеніе лично къ себѣ, а также преданность къ проходивцу Наполеону. Выставляя цѣлью производства этихъ работъ всевозможныя удобства населенія столицы, а отчасти и доставляя такія удобства (хорошая вода, ширь движенія по улицамъ, улучшенный воздухъ), въ сущности Наполеонъ и Гаусманъ, главнымъ образомъ, достигали при этомъ того, что держали въ рукахъ успокоенное населеніе, такъ какъ сотни тысячъ ремесленниковъ и поденщиковъ, обеспеченные заработкомъ, почти два десятка лѣтъ кричали «vive l'Empereur», и смута имъ не лѣзла въ голову; кстати, большія, прямая, широкія улицы, авеню, проспекты затрудняли возможность хода уличныхъ возстаній, которымъ всегда помогаетъ тѣснота и загроможденность. Несомнѣнно, проведеніемъ хорошей воды и освѣженіемъ воздуха былъ сильно пониженъ процентъ смертности въ городѣ.

Вотъ почему избраніе депутатомъ явилось для Гаусмана вознагражденіемъ послѣ паденія имперіи; а въ какой степени много оставалось сторонниковъ у нея,—это многіе усматривали въ томъ, что въ депутаты Гаусманъ при республикѣ попадалъ по избирательному округу бонапартистовъ,—по городу Аяччіо на островѣ Корсикѣ. Этимъ, въ нѣкоторой степени, подтверждались слухи, ходившіе насчетъ того, что Гаусманъ вообще издавна пристроился къ семьѣ Бонапартовъ и ихъ средствами прокармливался; это дало ему случай особо прислужиться Наполеону III 2-го декабря 1851 года. Немало остатковъ силы низвергнутаго императора многіе видѣли въ томъ, что съ первыхъ же дней водворенія республики изъ года въ годъ по его «лейбъ-округу» избирался нѣсколько лѣтъ угодный ему прислужникъ—уроженецъ Лотарингіи.

Когда маршалъ Макъ-Магонъ, послѣ итальянской войны 1859 года, за одержанную побѣду былъ возведенъ въ герцоги ¹⁾ (duc), нѣкоторые балагуры, очевидно, изъ его завистниковъ, говорили при дворѣ, что скорѣй слѣдовало дать этотъ высокій титулъ Гаусману.

— За что?—спросилъ самъ Гаусманъ.

— За украшенія и преобразованія всемірной столицы.

— Какимъ же герцогомъ вы меня прочили бы сдѣлать?

— Парижскимъ.

— Нѣтъ, Парижъ не герцогство, а лишь графство; вы знаете, что уже имѣется принцъ крови, которому присвоенъ титулъ графа Парижскаго...

¹⁾ Онъ, какъ извѣстно, получилъ титулъ герцога Маджентскаго за побѣду, одержанную при Маджентѣ.

— Ну, все равно, васъ можно сдѣлать герцогомъ Булонскимъ или Венсенскимъ, или, наконецъ, еще болѣе по достоинству—«герцогомъ Дюисскимъ».

Дюиссъ—названіе небольшой, но крайне быстрой рѣчки, протекающей въ окрестностяхъ Парижа; изъ нея Гаусманъ снабдилъ водой бѣднѣйшія части города; эта вода, будучи взята изъ самыхъ холодныхъ ключей рѣки Дюисса, была самою чистою и здоровою для питья.

Вспоминая объ этой своей заслугѣ, Гаусманъ говорилъ:

— Если искать награды за Дюиссъ, то мнѣ мало одного титула герцога (duc).

— Чего же вы хотите еще,—князя, что ли?

— Нѣтъ, я объ этомъ не помышляю, а горю нетерпѣніемъ скорѣй получить aqueduc (водопроводъ).

Наполеону эта шутка показалась очень находчивою и остроумною; онъ много смѣялся; кромѣ того, онъ изъ нея заключилъ, будто Гаусманъ, не думая о себѣ и о своихъ благахъ, помышляетъ лишь о нуждахъ общественныхъ и о благосостояніи города; поэтому, обратившись къ нему, онъ сказалъ:

— При всей похвальности вашихъ заботъ о городѣ, я не могу вамъ предоставить придуманной вами награды, не могу дать вамъ титулъ акведука; съ вашимъ умѣньемъ, несомнѣнно, вы его доставите Парижу, я же вамъ придумалъ другое: отнынѣ пусть самый большой бульваръ, идущій отъ Оперы до Триумфальной арки, носитъ ваше имя на память.

Вотъ какъ объясняютъ парижане происхожденіе этого названія, оставшагося за бульваромъ и понынѣ, и, повидимому, закрѣпленнаго за нимъ навсегда, несмотря на то, что были моменты, когда злоба, кипѣвшая въ націи противъ Евгенія и Наполеона, не въ меньшей степени изливалась противъ ихъ слуги—Гаусмана (Османа)¹⁾.

Императоръ Александръ II, повидавъ нѣсколько разъ Гаусмана, при специальныхъ представленіяхъ и аудіенціяхъ, а также при осмотрѣ больницъ, когда съ нимъ, какъ съ гражданскимъ хозяиномъ города, приходилось вести бесѣды, высказалъ впослѣдствіи о немъ такое заключеніе: энергіей онъ кипитъ, человѣкъ способный и распорядительный; при этомъ ясно видно, что въ его жилахъ течетъ много семитской крови.

Дѣйствительно, можно было про него прямо сказать, что во всемъ его существѣ было видно много не только еврейскаго, но и

¹⁾ Французы, какъ извѣстно, не могутъ произносить иностранныя слова и фамиліи такъ, какъ они произносятся на томъ языкѣ, которому принадлежать. Изъ насъ четверыхъ, посланныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое удостоились того, что ихъ фамиліи были исковерканы: вмѣсто графа Игнатъевъ французы говорили Инъятевъ, а вмѣсто Энденъ—Анданъ (colonel Enden).

жидовскаго. Несмотря на это, а, можетъ быть, именно благодаря этому, онъ окончилъ свою, полную превратностей и изворотливости жизнь въ высокомъ званіи сенатора.

— Ни въ чемъ у него нельзя усмотрѣть ничего общаго съ Канроберомъ,—сказалъ государь:—а меньше всего въ присущей маршалу скромности.

VII.

Маневры 1878 года во Франціи.—Герцогъ Омальскій.—Его жизнь и служба.—Разсказы, характеризующіе его отношенія къ Наполеону III, къ бонапартистамъ, къ Франціи, къ Россіи и къ императору Александру II.—Герцогъ Омальскій, какъ командиръ корпуса.—Пріѣздъ Кузьминскаго изъ Парижа въ Петербургъ ко дню столѣтняго юбилея ордена св. Георгія.—Вниманіе государя къ нему; отправленіе его въ Крымъ.—Государь широко, по-царски обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи.—Непріятности въ Варшавѣ.—Своеобразная американская дуэль.

Изъ лицъ, командированныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое — командиръ Кавалергардскаго его величества полка свиты его величества ген.-майоръ графъ А. П. Игнатьевъ и л.-гв. Павловскаго полка полковникъ флигель-адъютантъ П. П. Энденъ — должны были пробывать въ два срока по двѣ недѣли въ двухъ корпусахъ, а начальникъ 29-ой пѣхотной дивизіи, бывшій воспитатель великаго князя Николая Константиновича ген.-лейт. А. Ф. Мирковичъ 1-й и я въ двухъ другихъ корпусахъ. На нашу долю выпало пробывать вторую половину августа въ Везулѣ въ VII корпусѣ герцога Омальскаго, а первую половину сентября въ Аррасѣ, въ I корпусѣ генерала Кленшана (Klinchan). Генералъ Мирковичъ опоздалъ прибытіемъ во Францію и попалъ только въ корпусъ генерала Кленшана; въ корпусъ же герцога прибылъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ замѣставшій свѣтлѣйшаго князя Витгенштейна въ должности нашего военного агента въ Парижѣ генеральнаго штаба полковникъ баронъ Л. А. Фредериксъ.

Принцъ Евгеній-Людовикъ Орлеанскій герцогъ Омальскій былъ четвертый сынъ Луи-Филиппа I, короля Франціи (1830—1848); онъ родился въ 1822 году, съ юныхъ лѣтъ служилъ въ Алжирѣ, гдѣ стяжалъ себѣ славу прекраснаго боевого офицера. Когда въ 1847 году алжирскому военному губернатору Ламорисьеру сдался знаменитый предводитель арабскихъ племенъ Абдъ-эль-кадэръ, въ теченіе многихъ лѣтъ упорно сопротивлявшійся французамъ,—двадцатипятилѣтній командиръ полка и полковникъ генеральнаго штаба герцогъ Омальскій былъ признанъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ блестящей побѣды; герой былъ награжденъ чиномъ генерала, командорскимъ крестомъ ордена Почетнаго Лёгіона, назначенъ бригаднымъ генераломъ, а затѣмъ вскорѣ замѣстилъ Ламорисьера. Рассказываютъ, что онъ съ большимъ упорствомъ и съ

не меньшею искренностью отказывался отъ наградъ, выставляя прямо и откровенно, что является крайне неловкимъ сыну короля получать сразу столько боевыхъ отличій; потребовалось вмѣшательство отца его для того, чтобы устранить возникшія затрудненія.

Вспыхнувшая въ слѣдующемъ 1848 году революція заставила Луи-Филиппа отказаться отъ престола; вслѣдъ затѣмъ и сынъ его, покинувъ свой постъ, удалился въ Англію, гдѣ занялся литературой.

Это былъ очень способный, высокообразованный, начитанный человѣкъ; онъ отличался гуманностью взглядовъ и крайнимъ благородствомъ души. Написанная имъ въ 1861-мъ году противъ сенатской рѣчи Наполеона III рѣзкая статья, изданная въ видѣ отдѣльной брошюры «Lettre sur l'histoire de France», въ свое время произвела большую сенсацію во Франціи и долго шумѣла; другое рѣзкое сочиненіе его «Qu'a-t-on fait de la France» увидѣло очень мало свѣта во Франціи: какъ запрещенное и преслѣдовавшееся судебнымъ порядкомъ въ имперіи, оно было сразу «при вѣздѣ» конфисковано и предано уничтоженію.

Находившійся въ 1878 году между прочими иностранными офицерами въ Везулѣ на маневрахъ отъ Пруссіи капитанъ Генцгофъ, очень способный и серьезно образованный артиллеристъ, рассказывалъ, что Наполеонъ III, снаряжая въ 1853 году свою армію въ Крымъ, предложилъ герцогу Омальскому, котораго способности были ему хорошо извѣстны, должность командира одного изъ корпусовъ. Многіе французскіе офицеры и нѣкоторые генералы, изъ числа находившихся въ Везулѣ, подтверждали это сообщеніе. Состоявшій же при насъ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ французскаго генеральнаго штаба майоръ Кардо, не опровергая въ цѣломъ сообщенія Генцгофа, далъ подробное освѣщеніе этой исторіи.

Извѣстно, что Наполеонъ былъ большой руки фокусникъ и интриганъ; у него дѣйствительно могла созрѣть всякая продѣлка, имѣющая въ основѣ что-либо дурное и низменное; его вообще направленный къ низкому умъ могъ додуматься до предложенія—ввѣрить командованіе бонапартовскими войсками во время войны одному изъ самыхъ видныхъ представителей Орлеанскаго дома. Пустивъ украдкой слухъ объ этомъ своемъ планѣ, онъ его нигдѣ не рѣшился сразу поддержать, такъ какъ долженъ былъ чувствовать и предвидѣть, что такое предложеніе было заранѣе обречено на полный провалъ. Не такой былъ человѣкъ герцогъ Омальскій, чтобы повѣрить въ искренность чего бы то ни было, исходившаго отъ «булонско-гаврскаго заговорщика и арестанта»; герцогъ отказался бы, о чемъ прямо и говорилъ, слыша вѣсти о пущенномъ тайкомъ слухѣ, добавляя, что во всякомъ предложеніи этого «узурпатора» всегда можно заподозрѣть какую угодно ловушку и западню.

Капитанъ Генцгофъ увѣрялъ, будто бы Наполеонъ все-таки сдѣлалъ предложеніе герцогу Омальскому черезъ кого-то изъ своихъ приближенныхъ и будто бы герцогъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что предложеніе командовать корпусомъ онъ счелъ бы лестнымъ, какъ отданіе долга его военнымъ заслугамъ; для Франціи онъ готовъ всегда беззавѣтно и всецѣло жертвовать собой и, конечно, охотно взялся бы за оружіе, но никогда не рѣшился бы стать въ ряды бонапартовской арміи, въ особенности противъ Россіи.

— Кто не знаетъ, — добавилъ Генцгофъ: — что и Орлеаны и Бурбоны считаютъ себя обязанными Россіи за 1814 годъ, когда императоръ Александръ I, послѣ сверженія Наполеона I, не только посадилъ на французскій престолъ Людовика XVIII, но совершенно дружески руководилъ имъ, а затѣмъ оказалъ ему мощную поддержку въ 1815 году, когда Наполеонъ, поднявшись съ острова Эльбы и высадившись на берегъ въ Провансѣ, пошелъ на Парижъ.

Выслушавъ все рассказанное пруссакомъ, майоръ Кардо вскопчилъ и горячо, съ нѣкоторою запальчивостью возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, герцогъ Омальскій вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые не понимаютъ всей громадности разбѣдающаго Францію несчастья, держащагося на томъ, что «всѣ отношенія у насъ теперь складываются мелочами политики», подмѣниваемой нами во все безъ разбора и въ ущербъ всякому, самому серьезному дѣлу. Герцогъ лучше всѣхъ понимаетъ, что все орлеанское, бонапартистское, бурбонское и всякое иное должно сглаживаться, стираться и уничтожаться, когда вопросъ идетъ о чести отечества. Я уже слышалъ раньше о томъ, что Наполеонъ нашелъ-таки способъ дойти со своимъ предложеніемъ до герцога, — сказалъ дальше Кардо: — и я знаю и то, что не такой отвѣтъ далъ герцогъ, рѣзко указавшій Наполеону въ своемъ отпорѣ на то, чего Наполеонъ никакъ не ожидалъ услышать, въ особенности отъ него; вотъ его отвѣтъ:

«Я никогда не стану во главѣ какой бы то ни было части и не стану въ ряды арміи, — будь она бонапартовская или какая бы то ни было иная, когда, толкаемая своимъ представителемъ, она позорно идетъ противъ святого дѣла, предпринятаго великой державой и ея цѣремъ въ защиту христіанъ, угнетаемыхъ грубою силою полумѣсца. Изъ-за чего, въ сущности, армія сыновъ Франціи идетъ на эту борьбу? Она поневолѣ топчетъ честь отечества исключительно изъ-за меркантильныхъ расчетовъ людей, которымъ посчастливилось 2-го декабря захватить власть, получивъ такимъ образомъ возможность заглушать, давить, уничтожать и душить все чистое, честное, великое для осуществленія того, что обуславливается ихъ мелкими вождѣніями...».

— Вотъ что отвѣтилъ герцогъ Омальскій, если вы хотите знать истину, — пояснилъ Кардо: — ничто узкое бонапартовско-орлеанское тутъ значенія не имѣло и роли не играло. Чести Франціи и за-

щитѣ благородныхъ порывовъ Россіи съ царемъ во главѣ дать первое мѣсто благородный принцъ...

Такъ майоръ Кардо закончилъ свое возраженіе, ярко охарактеризовавшее герцога Омальскаго.

Въ 1871 году, послѣ отмѣны правительствомъ третьей республики изданнаго въ 1848 году декрета объ изгнаніи изъ Франціи Бурбоновъ и Орлеановъ, герцогъ Омальскій возвратился во Францію, призналъ республику и былъ допущенъ въ національное собраніе; въ 1873 году онъ председательствовалъ въ засѣдавшемъ въ Трианонѣ судѣ надъ маршаломъ Базеномъ; съ 1875 года—командовалъ VII корпусомъ въ Везулѣ.

Иностранныхъ офицеровъ, прибывшихъ къ нему въ 1878 году, онъ очаровалъ своею любезностью; эта ровная серьезная любезность, общительность, деликатнѣйшее обращеніе герцога, непринужденность простоты этого обращенія были тогда отмѣчены и подчеркнуты всѣми иностранными офицерами, даже чопорно-грубые пруссаки приходили въ восторгъ, насколько вообще способность восторгаться доступна ихъ характеру и праву.

Его крайне привлекательная любезность изобличала въ немъ человѣка самаго высшаго круга прежнихъ французскихъ салоновъ; тончайшею обходительностью своею онъ дѣлалъ то, что каждому казалось, будто онъ именно къ нему относится съ особымъ расположеніемъ; а между тѣмъ въ его обращеніи не было видно ни особаго старанія быть любезнымъ, ни даже усиленія какой-либо ласки; еще меньше проявлялось чего-либо дѣланнаго или фальшиваго, словомъ, такого, что, не будучи способно привлечь, обманываетъ лишь самого расточающаго фальшь и полагающаго вызвать ею чувства расположенія къ себѣ, въ сущности же достигающаго совершенно противоположныхъ результатовъ.

Во все время нашего десятидневнаго пребыванія въ Везулѣ мы пользовались широкимъ гостепріимствомъ герцога; ежедневно рано утромъ мы выѣзжали на маневры въ его разнообразныхъ экипажахъ до намѣченнаго пункта, на которомъ герцогъ, его начальникъ штаба, лица свиты и всѣ мы пересаживались на коней.

Тамъ въ полѣ, около полудня, въ боевой обстановкѣ, среди войскъ, которымъ на это время давался перерывъ, мы у него завтракали, располагаясь для этого въ шатрѣ или просто въ прохладѣ лѣса на чистомъ воздухѣ. По возвращеніи съ маневровъ, обыкновенно около восьми часовъ вечера, обѣдали у него въ домѣ; затѣмъ онъ насъ приглашалъ къ разбору происшедшихъ за день движеній и дѣйствій войскъ, при чемъ просилъ каждого высказываться просто, прямо, откровенно обо всемъ, что было замѣчено относительно войскъ.

Нѣсколько разъ, въ общемъ разговорѣ, герцогъ Омальскій обращался къ своимъ воспоминаніямъ о государѣ Александрѣ Николаевичѣ, которому давно, «въ юности своей, въ Лондонѣ, имѣлъ счастливый случай и высокую честь представиться—тогда еще наслѣднику престола».

Однажды среди обѣда герцогъ совершенно неожиданно всталъ и, провозгласивъ тостъ за здоровье государя императора, сказалъ:

— Я знаю, что сегодня день тезоименитства его величества, и помню это со дня лондонскаго представленія моего; оно случилось въ этотъ же день 30-го августа стараго стиля; это день святого, имя котораго носить царь.

Занявъ послѣ тоста свое мѣсто, герцогъ снова разговаривалъ объ государѣ, вселившемъ въ немъ самыя лучшія воспоминанія, «постоянно согрѣвающіяся, по словамъ герцога, непрерывными извѣстіями о реформахъ, которыя вызываютъ сплошное преклоненіе передъ гуманнымъ царемъ, такъ легко и неустанно во все время своего царствованія осчастливливающимъ свой народъ и свою необъятную страну. Богъ дастъ, мнѣ удастся осуществить свое задушевнѣйшее желаніе—еще разъ представиться «этому великому человѣку и величайшему изъ государей нынѣшняго вѣка».

Сидѣвшій рядомъ съ герцогомъ маршалъ Канроберъ сказалъ:

— Ваше высочество испытаете совершенно особое, не поддающееся описанію чувство, которымъ чаруетъ сердечная мягкость обращенія государя.

— Я прошу васъ, если это возможно, вмѣстѣ съ представленіемъ его величеству чувствъ просившаго васъ объ этомъ достоуважаемаго маршала, представить также засвидѣтельствованіе моей почтительнѣйшей преданности.

Эти слова герцогу невольно пришлось обратить ко мнѣ, такъ какъ нигде тамъ больше не находилось, кто вскорѣ долженъ былъ возвращаться въ Россію.

Герцогъ наговорилъ столько любезностей и такъ много занялся государемъ и Россіей, что поневолѣ приходилось озираться,—не задѣнетъ ли это кого-либо; но ни одинъ баварецъ, ни одинъ пруссакъ и даже ни одинъ австріецъ нисколько не насупилъ бровей...

При герцогѣ въ теченіе всего времени маневровъ состоялъ и исполнялъ службу ординарца его племянникъ—старшій сынъ его старшаго брата, уже тогда покойнаго герцога Орлеанскаго, графъ Парижскій, къ которому дядя относился какъ къ нѣжно любимому сыну. Графъ въ то время считался самымъ старшимъ представителемъ Орлеанскаго дома, имѣлъ всѣ права на занятіе французскаго королевскаго престола, а въ семьѣ и среди партіи считался кандидатомъ на него.

Представивъ государю кратко то, о чемъ просилъ герцогъ Омальскій, я выслушалъ отъ государя въ высшей степени привѣтливый слова:

— Я очень радъ, что ты вспомнилъ объ этомъ,—сказалъ государь:—герцогъ меня тогда же очень тронулъ своей телеграммой, а затѣмъ и письмомъ; я отвѣтилъ ему, прося его списаться со мной о томъ, гдѣ и когда намъ удобнѣе было бы свидѣться; я очень радъ былъ бы его повидать.

Свиданію, однако, не суждено было состояться: въ слѣдующемъ 1879 году интриги выставили противъ герцога подозрѣніе въ честолюбивыхъ проискахъ и въ концѣ того года онъ былъ уволенъ отъ службы на 57-мъ году жизни; это такъ удручило его, что онъ очень долго проболѣлъ тяжелою болѣзнію; а затѣмъ всякія надежды оборвались 1-мъ марта 1881 года.

Герцогъ Омальскій былъ на пять лѣтъ моложе государя; онъ умеръ въ 1897 году 75-ти лѣтъ отъ роду.

Послѣ длиннаго перерыва продолжаю разсказъ о Кузьминскомъ.

По отѣздѣ государя онъ оставался на излеченіи въ Парижѣ до конца мая 1868 года; лѣтомъ его отправили въ предѣлахъ Франціи на воды; въ теченіе зимы 1868—9 продолжали лечить въ той же больницѣ улицы Бакъ; лѣто 1869 года ему пришлось провести на водахъ, сначала во Франціи, а потомъ въ Теплицѣ.

Какова была его радость, когда къ столѣтію со дня учрежденія великою Екатериною ордена св. Георгія онъ получилъ возможность прибыть въ Петербургъ и, хотя на костыляхъ, представиться государю въ самый день принятія царемъ званія гроссмейстера ордена и возложенія имъ на себя ленты св. Георгія 1-й степени, согласно статута, установленнаго учредительницей.

Пребываніе въ сѣверной столицѣ, рѣзкость переменъ погоды, различныя пиршества, вызывавшіяся чествованіями при встрѣчахъ со старыми знакомыми, съ товарищами и друзьями, а также необходимость подвергать себя вліянію жестокихъ морозовъ,—все это обусловило большое и замѣтное ухудшеніе здоровья израненнаго страдальца.

Государь, узнавъ о послѣдовавшемъ ухудшеніи, огорчился и очень заботливо поручилъ лейбъ-медикамъ Эдекауэру, Цицурину и Боткину, осмотрѣвъ его внимательно, избрать ему мѣсто жительства. Доктора склонялись къ тому, чтобы отправить его въ Каиръ, но онъ взмолился и просилъ, въ видѣ милости, оставить его въ Россіи.

— Истосковавшись по родинѣ,—сказалъ онъ:—я отъ одной тоски могу умереть на чужбинѣ.

Это было доложено государю съ приложеніемъ того мѣнія, что, если выбрать мѣстность въ Россіи, то лучше всего остановиться на назначеніи южнаго берега Крыма.

Тогда государь велѣлъ немедленно отправить его въ Крымъ, тамъ начать правильно производить ему ту ренту, о которой его величество говорилъ въ Парижѣ князю Витгенштейну и которую велѣлъ пазначить ему пожизненно, отпустивъ разомъ всю сумму, причитающуюся ему по расчету со дня полученія имъ ужасныхъ въ конецъ искалѣчившихъ его ранъ, т. е. со дня совершенія имъ геройскаго подвига.

Не остановившись на этомъ, государь, съ тѣмъ вмѣстѣ, велѣлъ сохранить ему тотъ мундиръ, въ которомъ онъ былъ въ моментъ совершенія подвига—мундиръ Волынскаго уланскаго полка, а командующему войсками одесскаго военнаго округа генераль-адъютанту П. Е. Коцебу лично приказалъ считать Кузьминскаго состоящимъ при немъ, оберегать его и обо всѣхъ нуждахъ его, когда такія окажутся, всеподданнѣйше доносить.

Послѣ того Кузьминскій пробылъ пять лѣтъ въ Крыму, пользуясь въ лѣтніе мѣсяцы то сакскими грязями, то одесскимъ лиманомъ, то водами липецкими или старорусскими.

Вотъ послѣ чего онъ, надумавъ вернуться въ свой полкъ, появился лѣтомъ 1874 года въ привѣтливой Варшавѣ. Оставленіе ему дорогаго мундира славнаго Волынскаго полка онъ считалъ самою высокою царскою милостію и самою большою, послѣ георгіевскаго креста, наградою.

Ходилъ онъ при помощи костылей, однако по временамъ позволялъ себѣ, съ разрѣшенія врачей, ѣздить верхомъ; при этомъ лишь было поставлено условіемъ стараться избѣгать очень большихъ переходовъ и не утомлять себя движеніемъ крушной рысью.

Вообще можно сказать, житье его было полуздоровое, а здоровье полукрѣпкое; хотя оно съ теченіемъ времени физически укрѣплялось, но въ первомъ отношеніи — сильно ухудшалось; болъной дошелъ почти до той высшей степени раздражительности, какая у него замѣчалась только во времена начала постановки правильнаго научнаго метода леченія въ парижской больницѣ улицы де-Бакъ.

Ко времени, о которомъ предстоитъ рѣчь, со дня раненія прошло болѣе восьми лѣтъ; года эти Кузьминскій прожилъ почти въ полномъ одиночествѣ, отъ людей отвыкъ, одичалъ и огрубѣлъ. Первый годъ его пребыванія въ Варшавѣ прошелъ, можно сказать, почти благополучно, но слѣдующій годъ сразу сталъ чревать разнообразными непріятностями, или, вѣрнѣе сказать, «исторіями», изъ которыхъ каждая представляла собой нѣчто подобное тому, что можно назвать «уличнымъ скандаломъ».

Вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Кузьминскій изъ-за какой-то мелочи задрался съ какимъ-то очень мелкимъ обывателемъ во время обычнаго концерта Штрауса «въ Швейцарской долигѣ», при чемъ онъ пригрозилъ какому-то «пану добрдзію» костылями; въ другой разъ, когда бравому офицеру случилось, промчавшись на великолѣпной русской тройкѣ своей, кого-то сшибленнаго ею съ ногъ переѣхать, онъ, на требованіе городского назвать себя для составленія протокола, опять отвѣтилъ обѣщаніемъ познакомить съ расправой костылями; по счастію, оба раза это осталось простой угрозой.

Однако третье столкновеніе прямо началось съ костылей. Кузьминскій на той же своей бросавшейся въ глаза и славившейся среди варшавянъ тройкѣ подѣхалъ къ одному изъ театровъ и, подходя къ каскѣ, спросилъ себѣ нѣсколько билетовъ въ кресла.

— Кресла всѣ распроданы, — отвѣтилъ кассиръ.

— Неправда, я вижу, что билеты еще остались.

— Эти уже запроданы по особому заказу.

— Сейчасъ подай! — потребовалъ онъ грозно и громко.

— Нѣтъ, я не могу ихъ дать, не смѣю...

— Не можешь, не смѣешь! Повторяю: подай сію секунду, негодяй.

— А лежъ не, нѣдамъ, — имѣлъ кассиръ неосторожность отвѣтить по-польски.

— Какъ! ты осмѣливаешься отвѣчать мнѣ не на томъ языкѣ, на которомъ я съ тобой говорю!..

Опершись крѣпко на одинъ костыль, Кузьминскій просунулъ другой въ маленькое окошко кассы и прижалъ имъ бѣднягу кассира, припиливавъ его къ стѣнѣ на манеръ того, какъ припиливаютъ бабочекъ и жучковъ при составленіи коллекціи насекомыхъ.

Несчастный кассиръ отдѣлался отъ большой бѣды, но какъ вышло, что онъ остался живъ, цѣлъ и невредимъ, — это одинъ Богъ вѣдаетъ. Черезъ нѣсколько дней произошло подъ рядъ нѣсколько исторій, относительно которыхъ приходилось удивляться тому, какъ самъ Кузьминскій оставался въ нихъ цѣлымъ. Натолкнувшись въ комендантскомъ управленіи на отказъ или на промедленіе въ выдачѣ ему какого-то документа или въ помѣщеніи спѣшной отлѣтки въ таковомъ, онъ схватилъ со стола довольно увѣсистую хрустальную песочницу и бросилъ ее писцу въ голову; этотъ чиновникъ управленія получилъ разсѣченную рану и едва отдѣлался отъ сильныхъ припадковъ нервнаго расстройства. Генераль-адъютантъ Коцебу, не признавъ возможнымъ оставить этотъ случай безъ вниманія, велѣлъ арестовать Кузьминскаго и продержать его трое сутокъ на гауптвахтѣ; тамъ онъ придрался къ сторожу и побилъ его костылемъ.

Отбывъ это наказаніе, герой Ура-Тюбе и Джизака уѣхалъ въ началѣ лѣта сравнительно на долгій срокъ въ какой-то курортъ, изъ котораго вернулся лишь осенью.

Надо замѣтить, что онъ особенно любилъ поухаживать за хорошенькими дамами и никакъ не могъ себѣ представить, чтобы противъ его обаятельной, мужественной красоты можно было устоять. Случилась ему на пути очень молодая, красивая, миниатюрная, въ видѣ прелестной куколки, брюнетка, русская, за годъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ и поселившаяся въ Варшавѣ съ мужемъ, также чисто русскимъ человѣкомъ, только что начавшимъ тогда свою ученую карьеру; она съ такимъ твердымъ упорствомъ показывала полнѣйшее равнодушіе въ отвѣтъ на начатыя имъ съ весны ухаживанья за ней и увиванья возлѣ нея, что его это стало серьезно озабочивать; выказывалъ онъ свою озабоченность первнымъ раздраженіемъ, легко переходившимъ въ ражъ; онъ злобствовалъ и безумствовалъ въ такой степени, что всѣ его исторіи можно было приписать этому неудачному ходу его романическаго похаживанія. Спокойствіе молоденькой красавицы его бѣсило; онъ готовъ былъ ея индифферентное къ нему отношеніе приписать чему угодно, но не могъ постичь того, что она могла питать къ мужу тѣ чувства, которыхъ онъ, герой, требовалъ по отношенію къ себѣ, и, кромѣ того, что она могла просто держаться прежде и больше всего чувства долга. Ни она, ни ея мужъ не усмотрѣли необходимости какъ-либо отдѣлаться отъ такого знакомаго, тѣмъ болѣе, что, вымещая свои неудачи на другихъ, онъ умѣлъ держать себя въ ихъ домѣ совершенно корректно и прилично. Что въ его поведеніи имѣлась какая-то неловкость, всѣмъ близкимъ къ дому пришлось почувствовать только тогда, когда всѣ увидѣли, насколько съ его отъѣздомъ изъ Варшавы всѣмъ сразу стало легче и какъ-то свободнѣе, — точно всѣ избавились отъ тяжелаго стѣсненія.

По своемъ возвращеніи Кузьминскій не могъ ни въ толкъ себѣ взять, ни простить дамѣ, когда увидѣлъ, что она не только продолжала упорствовать въ своемъ нежеланіи отвѣчать ему взаимностью, но какъ будто за время его отсутствія усвоила себѣ привычку отъ него совершенно отворачиваться и его персону рѣшительно игнорировать.

Испробовавъ все, чтобы вернуть хотя бы прежнюю степень ея внимательности къ нему, — если ужъ исканіе расположенія являлось невозможнымъ, — Кузьминскій съ досадой увидѣлъ безуспѣшность предпринятаго и потому совершенно просто рѣшилъ, что происходитъ все изъ-за ея чувствъ къ какому-нибудь другому, болѣе счастливому ухаживателю.

Такъ рисовалось дѣло въ его больномъ, разстроенномъ воображеніи.

Сложнаго въ этой исторіи онъ не усмотрѣлъ ничего, а, понаблюдая въ тоскѣ дня три-четыре, подкараулилъ незнакомаго ему молодого гвардейскаго офицера при выходѣ его изъ квартиры красавицы и, остановивъ его, предъявилъ ему обвиненіе въ томъ, что, заходя къ дамѣ во время отсутствія ея мужа, офицеръ компрометируетъ ее и

оскорбляетъ мужа, — онъ же, Кузьминскій, какъ другъ мужа, обязанъ оберегать его честь, почему требуетъ отъ офицера удовлетворенія.

Нечего было вдумываться въ то, чтобы усмотрѣть, насколько разстроилась въ несчастномъ способность думать и разсуждать; измышленіе такого поворота дѣла дало ему полный аттестатъ; несмотря на это, не далѣе, какъ черезъ два-три часа, секунданты гвардейскаго офицера явились въ назначенное мѣсто. Не найдя секундантовъ Кузьминскаго и прождавъ ихъ напрасно до вечера, они рѣшили разойтись по домамъ и увѣдомить объ этомъ уполномочившаго ихъ товарища.

Оказалось, что тѣмъ временемъ какъ бы разыгралось продолженіе этой «исторіи». Молодой гвардеецъ, прождавъ напрасно возвращенія своихъ пріятелей-секундантовъ, отправился искать ихъ, а кстати рѣшилъ зайти куда-либо наскоро пообѣдать. Дома денщику своему онъ объяснилъ, что очень скоро возвратится, а если, до своего возвращенія, онъ понадобится кому бы то ни было, то искать его въ ресторанѣ Стемпковскаго на Театральной площади.

Только что онъ началъ обѣдать, какъ въ залъ небольшого ресторана вошелъ Кузьминскій и, оглядѣвшись, направился прямо къ своему сопернику съ видимымъ намѣреніемъ заговорить, при чемъ смущенно произнесъ:

— Я къ вамъ...

— Что вамъ угодно? — сказалъ офицеръ, какъ бы перебивъ подошедшаго: — дѣло свое мы передали секундантамъ, а потому никакихъ разговоровъ между нами быть не можетъ и не должно.

— Я васъ очень прошу, — запинаясь проговорилъ Кузьминскій: — выслушайте меня; я весь день старался найти секундантовъ, но это мнѣ не удалось; прошу васъ, возьмите одинъ изъ этихъ билетовъ.

Онъ раскрылъ руку; на его ладони оказались двѣ тщательно свернутыя въ трубочку записки, очевидно, нарочно заготовленныя раньше.

Гвардейскій офицеръ, совершенно машинально, взялъ одинъ изъ билетовъ и развернулъ; онъ оказался чистымъ; на другомъ билетѣ, который развернулъ Кузьминскій, было крупно написано какое-то слово, — онъ какъ бы поторопился скомкать его и спрятать въ карманъ съ очевидною цѣлью не дать никому разобрать это слово...

— Ну, — сказалъ онъ въ растерянномъ раздумьи: — мнѣ, по обыкновенію, одинъ удѣлъ...

Тутъ только молодой офицеръ догадался, что создалось нѣчто подобное американской дуэли.

— Нѣтъ, нѣтъ, — торопливо произнесъ онъ: — это напрасно; если бы мнѣ достался вашъ билетъ, я не исполнилъ бы никакой надписи, говорю и утверждаю прямо; наше дѣло передано въ руки довѣренныхъ лицъ — секундантовъ, и мы должны ожидать окончанія ихъ переговоровъ; надо надѣяться, что вы наконецъ найдете секундантовъ...

— Прощайте,—грубо перебилъ Кузьминскій:—живите счастливо, а ей скажите, что я за нее погибаю совершенно спокойно; мнѣ не въ первой...

Онъ быстро вышелъ, сѣлъ на извозчика и умчался.

Случайно присутствовавшіе при этой сценѣ два артиллерійскихъ офицера и одинъ пѣхотный, а также трое штатскихъ ничего не поняли въ ней, тѣмъ не менѣе всѣмъ она показалась какою-то дѣланною, театранною, аффектированою, или, просто сказать, похожею на пошлую комедію.

Секунданты, которымъ ихъ довѣритель поторопился рассказать все происшедшее, нашли въ этомъ много смѣшного и, сопоставляя случившееся съ тѣмъ, что секунданты джизакскаго героя въ теченіи цѣлаго дня не были присланы для переговоровъ,—сочли всю эту выходку его за ясный признакъ исчезновенія въ немъ мощнаго духа, когда-то подвигавшаго его на подвиги богатырскаго мужества и колоссальнаго молодечества.

— Духъ героизма,—говорили они,—пропалъ въ Кузьминскомъ.

— Нельзя такъ просто осуждать, надо знать всю суть дѣла; можетъ быть, оно не такое простое, мало ли что можетъ въ немъ скрываться,—возражалъ молодой гвардейскій офицеръ, но самъ чувствовалъ, что возраженіе его не имѣетъ твердаго основанія.

Казалось, что вообще все продѣланное Кузьминскимъ за послѣднее время въ Варшавѣ было подчинено тому мозговому расслабленію, которое людямъ свѣдущимъ могло указать на ясные признаки явившагося у несчастнаго героя самой сложной формы разжиженія мозга и прогрессивнаго паралича.

Въ теченіе слѣдовавшаго за этимъ вечеромъ дня вся Варшава была занята толками о подвигѣ героя и пересудами объ этой странной исторіи съ бѣгствомъ его.

Среди разговоровъ, между прочимъ, громко объяснялось, что тяжкія раненія, вынесенныя въ свое время страдальцемъ, лишили его, какъ тогда выражались, радостей жизни; говорили, будто бы парижскій врачъ, ясно видѣвшій все безжалостно произведенное въ организмѣ ужаснымъ искалѣченіемъ, съ грустью констатировалъ полную безвозвратную импотенцію, о которой, взывая къ благоразумію своего пациента, прямо и честно освѣдомилъ его.

Обо всемъ, что произошло въ теченіе дня вызова, было подлежащею властью формально доведено до свѣдѣнія генераль-адъютанта графа Коцебу; онъ призналъ нужнымъ взять и съ гвардейскаго офицера и съ Кузьминскаго подписку въ томъ, что они обязуются честнымъ словомъ ничего не предпринимать для осуществленія какой бы то ни было дуэли—«настоящей или хотя бы изобрѣтенной кѣмъ-либо изъ нихъ». Давъ коменданту генераль-лейтенанту графу Развадовскому распоряженіе объ исполненіи этого, П. Е. Коцебу, однако, при всей своей серьезности, много смѣялся, когда до его

свѣдѣнія было доведено обо всемъ томъ, что произошло вечеромъ, въ особенности, когда тотъ же графъ Развадовскій послѣднюю сцену разсказалъ въ шутливомъ и забавномъ тонѣ, съ дополненіемъ заключенія о театральности, проявленной Кузьминскимъ.

— Совсѣмъ развинулся бѣдный Кузьминскій,—добавилъ графъ Коцебу серьезно:—вѣдь это все въ немъ творять болѣзни; онѣ его извели и совершенно исковеркали; надо непремѣнно поручить врачамъ внимательно освидѣтельствовать его и слѣдить за состояніемъ его здоровья; оно совершенно пропадаетъ.

Сколько внослѣдствіи случаевъ представилось всѣмъ знавшимъ джизакскаго героя пожалѣть о томъ, что эти слова остались не исполненными; комендантъ графъ Развадовскій за дряхлостью и разбитостью могъ не разслышать ихъ или не взять въ толкъ; самому же командующему войсками, графу Коцебу, входить во всѣ подобныя мелочи не представлялось возможнымъ. Такъ все и осталось втуне.

Можно себѣ представить, какъ всѣ много толковавшіе обо всей этой исторіи были поражены, когда на другой день къ вечеру графъ Коцебу получилъ изъ мѣстечка, въ которомъ стоялъ Волинскій уланскій полкъ, телеграмму съ официальнымъ донесеніемъ о томъ, что «штабъ-ротмистръ Кузьминскій, желая лишить себя жизни, выстрѣлилъ изъ револьвера себѣ въ лѣвое легкое; пуля, пройдя насквозь, пробила легкое и вышла въ спину подъ лопаткой; положеніе его признано крайне тяжкимъ и опаснымъ».

Это произошло въ концѣ октября 1875 года, а въ первый день новаго 1876 года раненый уже бодро развѣзжалъ по Петербургу. Этотъ случай еще разъ съ полной несомнѣнностью доказалъ, въ какой степени отъ природы натура этого человѣка отличалась живучестью и могучей силой.

Пробывъ въ Петербургѣ мѣсяца два, Кузьминскій возвратился въ полкъ, гдѣ въ отношеніи службы вообще, а въ особенности верховой ѣзды сталъ проявлять гораздо больше выносливости, чѣмъ до случая съ прострѣломъ легкаго. Мозговые затменія, однако, у него въ сильной степени стали увеличиваться.

VIII.

Болѣзнь подточила организмъ Кузьминскаго.—Изъ ряду выходящее воинское преступленіе его.—Арестъ.—Побѣгъ съ гауптвахты.—Кузьминскій на сербскомъ театрѣ войны 1876 г.—Новый подвигъ.—Яссы 1877 г.—Ходатайство передъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.—Обращеніе къ государю.—Расчетъ съ жизнью.

Всѣ эти исторіи достаточно выяснили, что жестокія раненія оставили большой слѣдъ въ организмѣ этого человѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе въ немъ развивалась та ненормальность, которая въ дальнѣйшемъ привела его къ гибели. Всѣ, знавшіе его, замѣчали,

что онъ сдѣлался до невозможности раздражительнымъ, мелочно-обидчивымъ, болѣзненно-щепетильнымъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ сталъ неузнаваемъ. Не всѣ его столкновенія здѣсь разсказаны; массу его «исторій» не стоило запоминать, а тѣмъ болѣе записывать; въ частыхъ столкновеніяхъ многое ему извинялось, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, на которыхъ онъ наталкивался, знали его прошлое въ отношеніи здоровья. Но вотъ случилась исторія, которая ни въ какомъ случаѣ не могла пройти безслѣдно; она, въ сущности, его и погубила.

Выше сказано, что онъ иногда ѣздилъ верхомъ; вообще въ полку онъ несъ фронтową службу очень старательно. Случалось иногда его избавлять отъ этой службы,—когда заранѣе предвидѣлись трудные походы; дѣлать это, однако, надо было какъ-нибудь незамѣтно и осторожно съ тѣмъ, чтобы онъ этого не уловилъ, на это не обратилъ бы вниманія и не обидѣлся бы—иначе, Боже избави,—изъ-за пустяка онъ могъ прійти въ бѣшенство и трудно было предвидѣть все то, что могло произойти, во что могла обратиться его внутренняя буря.

Весной 1876 года въ мѣсто расположенія полка прибылъ начальникъ 6-й кавалерійской дивизіи свиты его величества генералъ-майоръ Э—нъ; это былъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, всю собственно строевую службу прослужившій въ гвардіи на виду и окончившій ее въ Петергофѣ въ должности командира лейбъ-гвардіи уланскаго полка, котораго шефомъ состоялъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

Вообще въ командиры гвардейскихъ полковъ, какъ извѣстно, выбираются лучшіе штабъ-офицеры. Генералъ-инспекторъ кавалеріи, несомнѣнно, въ должность командира своего шефскаго полка обычно избиралъ совершенно особо того, кого хорошо, близко зналъ и признавалъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ.

И вотъ на такомъ прекрасномъ командирѣ Кузьминскому довелось жестоко и безбожно сорвать свой безразсудный гнѣвъ.

Генералъ Э—нъ считалъ для себя за особую честь поддерживать ту репутацію, которую стяжала принятая имъ кавалерійская дивизія; поэтому онъ во всемъ, касавшемся службы, проявлялъ особую требовательность и безъ строгихъ указаній не оставлялъ ничего изъ того, что случалось ему замѣчать. Въ тотъ разъ, о которомъ идетъ разсказъ, дѣлая смотръ Волынскому уланскому полку въ конномъ строю, онъ увидѣлъ, что одинъ офицеръ, стоявшій передъ своимъ взводомъ въ первомъ эскадронѣ, обернулся къ фронту и дѣлаетъ замѣчанія нижнимъ чинамъ. Начальникъ дивизіи спросилъ громко полковаго командира, какъ фамилія офицера, который вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ стоять смирно, позволяетъ себѣ оборачиваться къ фронту и потому встрѣчаетъ начальника чуть не спиной? Получивъ отъ командира полка отвѣтъ, онъ обратился издали къ офицеру и замѣтилъ ему:

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

— Штабъ-ротмистръ Кузьминскій, вы не знаете, какъ надо стоять, когда скомандовано смирно; какой примѣръ вы подаете нижнимъ чинамъ?

Тогда Кузьминскій, несомнѣнно, застигнутый въ ту минуту однимъ изъ тѣхъ припадковъ, которые въ послѣднее время стали его одолѣвать чаще и чаще, повернулся въ сторону начальника дивизіи и, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, громко произнесъ:

— Я вотъ тебѣ покажу примѣръ.. мнѣ передъ фронтомъ замѣчаній никогда не приходилось выслушивать, я ихъ никогда не заслуживалъ; вишь, нашелся ..

Несомнѣнно, продолжалъ онъ это въ припадкѣ нашедшаго на него помѣшательства. Телеграммой было донесено объ этомъ случаѣ генераль-адъютанту Коцебу, и Кузьминскій получилъ приказъ явиться въ Варшаву; тамъ онъ былъ посаженъ на главную гауптвахту (на Саксонской площади), послѣ чего ему было объявлено, что онъ предается суду.

Въ дивизіи генералъ Э—нъ былъ совершенно новый человѣкъ, офицеровъ онъ не зналъ; о болѣзни Кузьминскаго слышалъ, но не успѣлъ узнать силы этой болѣзни; узнавъ же офиціально о чудовищно-болѣзненномъ состояніи его здоровья, онъ, какъ тогда рассказывали, пытался просить командующаго войсками оказать этому офицеру снисхожденіе; но генераль-адъютантъ графъ Коцебу отвѣтилъ, что никакимъ образомъ не волея въ этомъ по закону и просьбу генерала считаетъ неудобоисполнимою, такъ какъ, если онъ «Н. А.» Э—нъ лично находитъ въ себѣ внутреннюю силу и право, погасивъ всякія другія чувства, простить въ душѣ офицеру его въ высшей степени дерзкую, оказанную передъ фронтомъ продѣлку, то раздѣльно — «генераль» Э—нъ на это не имѣетъ никакого права.

Хотя генераль-адъютантъ Коцебу высказалъ все это въ мягкой, деликатной формѣ, но для генерала Э—на урокъ тотъ явился очень тяжелымъ; онъ даже вознамѣрился тотчасъ же выйти въ отставку; и только одинъ изъ добрыхъ, старыхъ друзей уговорилъ его забыть объ этой исторіи, въ которой онъ не былъ виноватъ, такъ какъ причиной послужило сумасбродство находившагося дѣйствительно въ убійственно-болѣзненномъ состояніи, тяжело раненаго и изувѣченнаго офицера.

— Что касается отзыва генерала Коцебу, то думаю, что его взглядъ ты самъ считаешь вполне правильнымъ и обиднаго для себя въ немъ видѣть, конечно, ничего не можешь, — отечески пояснилъ генералу Э—ну его другъ ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь будетъ ксати замѣтить въ скобкахъ, что такимъ другомъ для генерала Э—на явился великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Такъ умѣлъ онъ своимъ отеческимъ наставленіемъ придти на помощь подчиненнымъ.

Продѣлка Кузьминскаго, или, вѣрнѣе, печальная исторія съ Э—номъ, поразила, огорчила и возмутила тогда всѣхъ офицеровъ не только подчиненной генералу Э—ну кавалерійской дивизіи и всего варшавскаго военнаго округа, но и всей арміи.

Не долго виновный просидѣлъ подъ арестомъ: не далѣе, какъ черезъ недѣлю, онъ вдругъ ночью сбѣжалъ съ гауптвахты и неизвѣстно куда исчезъ.

Съ точки зрѣнія чисто военной, онъ совершилъ громадное преступленіе, оскорбивъ такимъ образомъ начальника дивизіи передъ фронтомъ и усугубивъ вину бѣгствомъ изъ-подъ ареста, съ явнымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ суда и наказанія; тяжкое наказаніе ожидало его по суду, въ случаѣ поимки или даже явки. Конечно, можно было надѣяться на участіе суда къ состоянію его здоровья; съ этой стороны судъ могъ взглянуть на дѣло такъ, что все преступленіе было обусловлено неизлечимою, тяжкою, болѣе и болѣе развивавшеюся болѣзнью и исключительно ею было вызвано; судъ, — но только судъ, — могъ взяться за то, чтобы облегчить его участь; только судъ могъ направить дѣло сначала къ врачебно-медицинскому испытанію обвиняемаго, а потомъ къ новому леченію, которое остановило бы дальнѣйшее разстройство его организма и только судъ же могъ въ концѣ концовъ обратить дѣло къ монаршему милосердію. Но именно того, что въ данномъ случаѣ единственно могло оказаться благотѣльнымъ, — суда, — больной герой постарался избѣжать и тѣмъ самымъ пресѣкъ себѣ путь къ чему-либо иному, кромѣ гибели. Сдѣлалъ онъ это, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе безумія, имъ въ послѣднее время безысходно овладѣвавшаго.

Толки по поводу этого пошли повсюду громадныя; несчастный же, вызвавшій ихъ цѣлымъ рядомъ не менѣе нашумѣвшихъ поступковъ, исчезъ безслѣдно; не представлялось никакой надежды привлечь его къ суду и тѣмъ спасти.

Въ тотъ годъ лѣтомъ возгорѣлась война Турціи съ Сербіей; главное командованіе надъ сербской арміей принялъ на себя нашъ боевой генералъ Черняевъ, самостоятельно и самоотверженно въ 60-хъ годахъ положившій смѣлое начало завоеванію обширнаго Туркестанскаго края и, въ сущности, присоединившій его къ владѣніямъ имперіи Бѣлаго царя. Со всей Россіи въ Бѣлградъ, столицу Сербіи, подъ его начальство стекались большія массы добровольцевъ.

Какъ-то среди хода сербской кампаніи въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что одною изъ дружинъ подъ Дзюнишемъ командуетъ Кузьминскій, что онъ играетъ видную роль въ этой неравной борьбѣ мелкаго сербскаго княжества съ гигантской Оттоманской имперіей, отличается большой храбростью, предприимчивостью и

туркамъ очень досаждаеть; прошелъ слухъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ, въ разгарѣ боя, взялся взорвать мостъ, который бдительно караулили и защищали сильные турецкіе отряды; невозможнаго для него попрежнему не было, онъ блестяще исполнилъ намѣченное; туркамъ была отрѣзана всякая возможность отступленія, и они въ томъ мѣстѣ потерпѣли сильное пораженіе. Вскорѣ, однако, тѣ же газеты стали настойчиво утверждать, будто бы это былъ вовсе не тотъ Кузьминскій, не уланскій офицеръ, не герой Джизака.

Оказалось, что въ этомъ опроверженіи было проявлено стремленіе не обнаружить мѣсто его пребыванія.

Прошли мѣсяцы; наступила пора нашей мобилизаціи; въ Кишиневѣ помѣстилась главная квартира арміи великаго князя Николая Николаевича; пошла кипучая работа подготовки этой арміи; наконецъ, послѣ долгаго выжиданія, послѣдовало объявленіе войны, и потянулись наши войска за границу. Въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая многіе изъ направлявшихся къ Дунаю встрѣчали на желѣзнодорожной станціи Яссы вооруженнаго съ ногъ до головы красиваго bruneta-черкеса съ окладистой черной бородой, сурово, недружелюбно взирающаго на всѣхъ большими, естественно увеличенными зрачками своихъ черныхъ, лихорадочныхъ глазъ.

При проѣздѣ великаго князя главнокомандующаго этотъ черкесь протиснулся сквозь толпу и прямо сталъ на томъ пути, которымъ его высочество пошелъ по выходѣ изъ вагона; когда главнокомандующій остановился, онъ сказалъ:

— Ваше высочество, позвольте мнѣ просить васъ неходатайствовать мнѣ помилованіе, я хочу драться съ врагомъ, буду служить вѣрой и правдой...

— Кто ты такой?

— Кузьминскій, штабъ-ротмистръ Волынскаго уланскаго полка...

Великій князь, какъ прямой начальникъ всей кавалеріи, безъ сомнѣнія, зналъ исторію Кузьминскаго; кромѣ того, онъ зналъ ее, какъ начальникъ, благоволившій къ генералу Э—ну; да и кто ее тогда не зналъ.

— А! Кузьминскій, вотъ ты гдѣ; тебя такъ ищутъ вездѣ... Ну, братъ, немного еще подожди; здѣсь скоро проѣдетъ государь; обратишься къ нему съ просьбой. Жаль, жаль, что ты такъ оплошалъ и именно въ строю, а затѣмъ на такой долгій срокъ затянулъ свое дѣло; уже ему давно было бы пора окончиться; проси государя, онъ, конечно, помнитъ твои заслуги, можетъ быть, и смилуется; жаль, что ты такъ много напортилъ себѣ...

24-го мая государь переѣхалъ границу Россіи въ Бессарабін, въ Унгенахъ; царскій поѣздъ на нѣсколько минутъ остановился въ Яссахъ. Выйдя на платформу, государь былъ встрѣченъ черкесомъ, въ которомъ, конечно, такъ же, какъ и великій князь, не могъ сразу

признать хорошо ему извѣстнаго Кузьминскаго, составлявшаго такъ долго предметъ его заботъ. Прошло уже много лѣтъ съ того времени, когда государь его видѣлъ. Въ послѣдній разъ Кузьминскій представлялся его величеству случайно въ Ливадіи черезъ годъ послѣ франко-прусской войны; на чистомъ лицѣ его красовались лишь черные, красиваго рисунка усы; а тутъ предсталъ и опустился передъ государемъ на колѣни загорѣлый, обросшій окладистой, почти сѣдой бородой, огрубѣвшій мужчина въ черкескѣ.

— Что это? Кто ты?—спросилъ государь, разглядывая его лицо почти въ упоръ...

— Я Кузьминскій... виновать, простите, государь...

Можетъ быть, великій князь и написалъ государю о немъ послѣ своей съ нимъ встрѣчи; несомнѣнно, однако, государь и такъ не забылъ о немъ.

— Я помню твои подвиги и отличія, но дѣло твое должно быть разсмотрѣно судомъ,—сказалъ государь:—когда судъ опредѣлитъ свое рѣшеніе, тогда я скажу свое слово; теперь же ты отправишься въ Кишиневъ и будешь судиться.

Сказавъ это, государь направился въ вагонъ. Кузьминскій же, не поднимаясь на ноги, выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и пырнулъ имъ въ наболѣвшее сердце свое. Государю уже на одной изъ слѣдующихъ станцій доложили телеграмму о томъ, что несчастный послѣ этого скончался на мѣстѣ...

— Жаль его,—сказалъ государь, получивъ печальное извѣстіе:—могъ бы еще показать себя молодцомъ въ дѣлахъ, и я очень радъ былъ бы слышать объ его боевыхъ успѣхахъ; но рѣшить его дѣло безъ того, чтобы судъ сказалъ свое слово, не приходилось: слишкомъ много онъ самъ себѣ натворилъ бѣдъ. Жаль, что же дѣлать, — такъ же дурно кончилъ жизнь, какъ, къ сожалѣнію, велъ ее въ послѣдніе годы... Царствіе ему небесное,—сказалъ государь, проследившись и осѣнивъ себя знаменіемъ креста.

Рѣшительно никто раньше не догадался доложить подробно ни государю, ни великому князю и не поддержалъ блеснувшую у генерала Коцебу мысль о томъ, что не Кузьминскій продѣлывалъ такіе nepoзвoлитeльныe поступки, а болѣзнь, гнѣздившаяся въ немъ, заѣдавшая всѣ его соображенія, помыслы и всю работу его мозга... Обо всемъ этомъ нельзя было не пожалѣть.

Быть можетъ, удалось бы спасти его и изъ его боевыхъ качествъ извлечь громадную пользу, если бы представилось возможнымъ продолжить его лихую, незамѣнимую службу противъ врага.

Разсказываютъ, что главнокомандующій сербскою арміею генералъ Черняевъ, обративъ вниманіе на подвиги этого героя и узнавъ о прошлыхъ его дѣйствіяхъ въ дорогѣ его сердцу Турке-

станскомъ краѣ, пригласилъ его къ себѣ. Тамъ, подъ Алексипацемъ, вручая ему крестъ Такова, онъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо въ Варшаву, явиться съ повинной, итти подъ судъ и ожидать милостей царя-батюшки. Взялъ онъ благому совѣту родного русскаго вождя, поѣхалъ съ повинной, но не нашелъ никого, кто могъ бы, настаивая надъ его больной, истрепавшейся волей, свезти его прямо къ цѣли—къ суду. Самъ же онъ предпочелъ иной путь, показавшійся ему болѣе вѣрнымъ, но оказавшійся менѣе правильнымъ и болѣе медленнымъ, а также скользкимъ.

Такъ погибъ истинный герой; сгорѣла его жизнь, погибла его много набурлившая и накинѣвшая натура.

Сколько такихъ героевъ-богатырей родишь ты, матушка Русь! Не даетъ имъ жизнь прямого и гладкаго пути; сворачиваетъ она ихъ, гибнуть они не отъ того, такъ отъ другого, подвертывающагося подъ ихъ могучія ноги и разбивающаго ихъ крѣпкія неистомимыя силы!..

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПСОКЪ ЗА Сорокъ семь лѣтъ ¹⁾.

ІХ.

Поручикъ Н. Н. Сполатбогъ; его увлеченіе Кузьминскимъ; служба въ Туркестанѣ; большой промахъ.—М. Д. Скобелевъ выручилъ.—Переводъ на Дунай; боевыя отличія. Отзывъ Скобелева о Кузьминскомъ и объ Аленичѣ.—Унтеръ-офицеръ Терентій Сонновъ.—Служба Сполатбога въ болгарской арміи; большія непріятности.—Записки Сполатбога.

КОЛО того времени, когда Кузьминскій проявилъ себя въ изобрѣтенной имъ самимъ, особой формы американской дуэли, надѣлавъ ею въ Варшавѣ и въ варшавскомъ военномъ округѣ массу шума,—изъ расположеннаго въ Варшавѣ л.-гв. Литовскаго полка переходилъ на службу въ Туркестанъ поручикъ Николай Николаевичъ Сполатбогъ; разныя дѣла, главнымъ образомъ имущественныя, привели его къ тому. Это былъ воспитанный, дѣльный, полный энергіи офицеръ, подававшій съ самаго начала очень большія надежды; но судьбѣ угодно было свернуть его съ прямой дороги; онъ не пилъ, не кутилъ, не дебошичалъ,—что, однако, среди тогдашнихъ офицеровъ было въ большомъ ходу,—но ударился въ картежную игру, неподволь пристрастившись къ ней, и это его погубило; съ полнымъ сохраненіемъ своего достоинства и чести онъ, какъ въ высшей степени самолюбивый человѣкъ, не считая возможнымъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 495.

оставаться въ той средѣ и обстановкѣ, въ которой онъ въ одинъ зло-счастный вечеръ проигралъ все свое состояніе, самъ рѣшилъ свою участь, честно разрубивъ узелъ.

Задумавъ свой переводъ и твердо рѣшивъ вопросъ о немъ, онъ познакомился очень близко съ Кузьминскимъ; разспрашивая его подробно о службѣ въ тѣхъ далекихъ краяхъ, онъ хотѣлъ изучить все до мелочей и жалѣлъ, что новое знакомство, по временамъ, прерывалось отъѣздами этого полнаго боевого опыта, лихого офицера. Въ 1875 году, осенью, въ тѣ дни, когда Кузьминскій прострѣлилъ себѣ легкое, состоялся переводъ поручика Сполатбога въ одинъ изъ туркестанскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ капитаномъ, а въ концѣ декабря онъ уѣхалъ въ Ташкентъ, причемъ, какъ самъ не разъ говорилъ, типъ, характеръ и нравъ Кузьминскаго оставили въ немъ большое и неизгладимое впечатлѣніе.

Въ Туркестанѣ Сполатбогъ—исполнительный офицеръ и образцовый ротный командиръ—на первыхъ же порахъ попался въ томъ, что, будучи со своей ротой назначенъ въ передовую отрядъ, а изъ него отправленъ для поисковъ и преслѣдованія появившихся въ нашихъ предѣлахъ шаекъ киргизовъ и туркменъ, слишкомъ пона-дѣялся на молодецкую лихость своей роты, вошелъ въ азартъ и углубился въ дѣло преслѣдованія врага безъ тѣхъ строжайшихъ предосторожностей, которыя въ столкновеніяхъ съ разбойниками и вообще съ непріателемъ тамошнія наши войска привычно принимали и обязательно соблюдали; поэтому въ одной перестрѣлкѣ въ горахъ онъ изъ наличнаго состава своей роты въ 250 человекъ потерялъ болѣе тридцати нижнихъ чиновъ ранеными, убитыми и безъ вѣсти пропавшими.

Такое дѣло туркестанскіе порядки считали преступнымъ, безъ наказанія не оставляли, и Сполатбогу грозила большая отвѣтственность; неизвѣстно, какъ пришлось бы ему пострадать, если бы его не взялъ подъ свою защиту Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, въ ту пору его лишь узнавшій и такимъ образомъ пришедшій ему на выручку совершенно случайно; онъ въ немъ увидѣлъ простого, честнаго, прямого офицера, не жалѣвшаго себя и попавшагося исключительно по крайней неопытности; ни распушенности, ни карьеризма въ его дѣйствіяхъ Скобелевъ не усмотрѣлъ, а этого было вполне достаточно для того, чтобы онъ, замолвивъ о немъ доброе слово передъ генераль-адъютантомъ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ, взялъ его подъ свое начальство и покровительство. Съ тѣхъ поръ Скобелевъ съ нимъ почти не разставался. Въ отрядѣ Скобелева, на виду у этой восходившей тогда боевой звѣзды, онъ провелъ цѣлый годъ въ дѣлахъ.

М. Д. Скобелевъ съ удовольствіемъ слушалъ восторженные рассказы Сполатбога Кузьминскомъ, котораго онъ лично не зналъ. Въ увлеченіи Сполатбога подвигами этого полудикаго «героя Джи-

зака» онъ видѣлъ залогъ того, что, вмѣстѣ съ памятью объ немъ, будетъ въ молодежи развиваться желаніе ему подражать. Въ описаніяхъ Сполатбога и ближайшихъ сослуживцевъ Кузьминскаго онъ видѣлъ много легендарнаго и всегда говоритъ: это настоящій типъ удалыца-туркестанца; не будь онъ «такъ рано выведенъ изъ строя»—это былъ бы изъ ряду выходящій лихой начальникъ партизанскихъ отрядовъ, которые въ этихъ краяхъ должны сослужить громадную службу.

Обо многихъ подвигахъ Кузьминскаго стоустая молва, по словамъ Скобелева, умалчивала, но не потому, что ей хотѣлось ихъ утаить, иѣтъ; въ этомъ сказывалась та хорошая сторона нашей арміи, которая показывала, что въ ней большіе подвиги нипочемъ, они считаются дѣломъ зауряднымъ.

Въ Джизакскомъ дѣлѣ Кузьминскій совершенно просто, подробнымъ ночнымъ осмотромъ, опредѣлилъ, что на намѣченномъ нами къ атакѣ фасѣ присланные эмиромъ бухарскимъ англійскіе мастера и инженеры устроили по послѣднему слову науки мины-торпедо и камнемётные фугасы, на которые джизакскій бей вполне рассчитывалъ, носясь съ ними, какъ съ залогомъ побѣды. Представивъ объ этомъ подробное донесеніе генералу Романовскому, Кузьминскій настойчиво посовѣтовалъ перемѣнить фронтъ и тѣмъ сохранить атакующія колонны отъ явной гибели.

Въ лицѣ Кузьминскаго генералъ Романовскій имѣлъ настоящаго драгоценнаго лазутчика, богатаго боевымъ чутьемъ регулярнаго развѣдчика.

Такія расточавшіяся Скобелевымъ по адресу Кузьминскаго похвалы Сполатбогъ, видимо, съ особымъ удовольствіемъ приводилъ въ своихъ запискахъ и повторялъ въ своихъ разсказахъ.

Но не только этимъ восторгался Скобелевъ.

— Миѣ довелось,—говорилъ онъ,—прочестъ въ живомъ, прекрасномъ изложеніи описаніе того, какъ въ Джизакскомъ дѣлѣ Кузьминскій шелъ богатыремъ на приступъ.—Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, при встрѣчѣ съ авторомъ описанія, Михаиломъ Алексѣевичемъ Зиновьевымъ ¹⁾, я спросилъ его,—разсказывалъ Скобелевъ:—почему онъ не сказалъ ни слова о той части подвига, которая собственно спасла отрядъ и въ сущности создала намъ побѣду при Джизакѣ?

— Я не зналъ тогда объ истинныхъ причинахъ отсрочки штурма и перемѣны фронта,—отвѣтилъ Зиновьевъ:—теперь же, узнавъ о нихъ отъ васъ, нахожу, что не фронтъ перемѣнить слѣдовало, а прибѣгнуть къ правильному употребленію артиллеріи; подведенныя, хотя бы и англичанами, мины не могли бы устоять противъ

¹⁾ См. «Русскій Вѣстникъ» 1867 г., статья М. Зиновьева, тогда артиллеріи поручика, принимавшаго участіе во взятіи Ура-Тюбе и Джизака.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

хорошаго обстрѣла подходящими снарядами; можно было бы все минированное пространство взорвать передъ штурмомъ.

— Но тогда артиллерія наша только что начала перевооружаться, обращаясь въ нарѣзную,—возразилъ Скобелевъ;—а простая, здравая сметка Кузьминскаго, съ безшабашною смѣлостью раскрывшаго тайну подземнаго снабженія крѣпостныхъ подступовъ смертоносными зарядами,—навсегда останется подвигомъ; онъ передалъ вамъ свои свѣдѣнія и выставилъ вамъ свои безхитростные совѣты, вы были вольны выбрать примѣненіе его совѣтовъ или нормальное употребленіе артиллеріи. Такимъ образомъ, перемѣна фронта штурма осталась его громадной, рѣдкой заслугой; эта заслуга раскрытія тайны врага не умалилась бы даже и въ томъ случаѣ, если бы вы своевременно приняли рѣшеніе «раскопать артиллеріей инженерное искусство».

— Я видѣлъ нѣсколько отчетовъ, представленныхъ Кузьминскимъ генералу Романовскому въ разное время объ рекогносцировкахъ,—говорилъ Скобелевъ:—съ формальной, нашей, регулярной стороны это образецъ всего самаго необходимаго и съ чудеснымъ искусствомъ выполненнаго; каждый изъ насъ, заработавшихъ аксельбанты у Николаевского моста, позавидовалъ бы,—до такой степени все въ нихъ изложено кратко, разумно, опредѣленно. Съ точки же зрѣнія туркестанской, сколько въ нихъ видно самобытной умѣлости,—углубиться во вражьи мѣста на десятки верстъ, пройти въ ночной темнотѣ и тишинѣ вдвоемъ съ какимъ-нибудь безшабашнымъ унтеръ-офицеромъ Терентіемъ Соиновымъ, довѣрившись взятому по чутью и довѣрію проводнику изъ мѣстныхъ жителей, и выйти оттуда съ массой такихъ свѣдѣній, какихъ и ожидать отъ простого смертнаго невозможно; воистину тѣ сокровенныя свѣдѣнія набираются чутьемъ, умомъ и оцущью; научить этому никакая академія не возьмется.

Почувствительно то, что Кузьминскій, этотъ отмѣнный самородокъ, имѣвшій и выказавшій такъ много боевыхъ задатковъ, развилъ въ себѣ ихъ благодаря дружбѣ съ боевымъ товарищемъ своимъ Самсономъ Георгіевичемъ Аленичемъ ¹⁾. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ этотъ офицеръ началъ свою кипучую дѣятельность на Кавказѣ, а затѣмъ перешелъ въ Туркестанъ въ ту самую минуту, когда Кузьминскій жадно хватался за начатіе своей боевой жизни. Георгіевскій кавалеръ, подпоручикъ Аленичъ спокойными

¹⁾ Во время празднованія столѣтія учрежденія ордена св. Георгія, 26 ноября 1869 года, Аленичъ обратилъ на себя вниманія государя и былъ переведенъ въ л.-гв. Атаманскій наслѣдника цесаревича полкъ. Двѣ тяжкія контузіи въ голову совершенно измѣнили способности, характеръ и нравъ этого боевого офицера, отнявъ у него часть врожденной энергіи. Онъ скончался въ октябрѣ 1909 года отъ артеріальнаго склероза, при чемъ послѣдніе годы служба его проходила совершенно незамѣтно. Беззавѣтно жертвуя собой въ молодости, онъ тогдаже отдалъ этой службѣ все.

разказами своими о безконечныхъ подвигахъ кавказцевъ воспалилъ и безъ того пылкое воображеніе Кузьминскаго, приурочивъ его къ безотчетному стремленію искать случая выдѣлиться подвигомъ. Аленичъ, сначала разказами, а потомъ совмѣстнымъ участіемъ въ бояхъ и въ подвигахъ, увлекъ Кузьминскаго и довершилъ образованіе изъ него героя. Нерѣдко, по словамъ самого Кузьминскаго, этотъ добрый, хорошій, энергичный, мужественный и отважный человѣкъ, увлекаая его, ободрялъ на тѣ подвиги, которые, по силѣ обстоятельствъ войны, являлось для него обязательнымъ предпринять; часто рѣшимость, вообще не покидавшая Кузьминскаго, дѣлалась еще болѣе отважною въ немъ подъ впечатлѣніемъ какого-то особаго на него вліянія Аленича; часто доводилось имъ, ошастливленнымъ благополучнымъ окончаніемъ и вполне успѣшнымъ исполненіемъ совмѣстнаго подвига безумной храбрости въ отчаянной опасности, соединять въ одно свои глубоко-религіозныя чувства и мысли и осѣнять крестнымъ знаменіемъ Кузьминскому Аленича, а Аленичу Кузьминскаго съ вознесеніемъ горячей благодарственной молитвы Всевышнему. Слушая такіе рассказы Сполатбога, нерѣдко приводившіеся со словъ Кузьминскаго, М. Д. Скобелевъ, человѣкъ вообще далеко не экспансивный, но успѣвшій отъ души полюбить отличеннаго имъ и вырученнаго изъ большой бѣды офицера-сподвижника, говаривалъ ему: «Какъ Кузьминскій набрался боевой опытности и отмѣнной отваги отъ Аленича,—такъ вы часто показываете въ себѣ задатки не меньшаго мужества, перешедшаго къ вамъ и усвоеннаго вами по внушенію изъ разказовъ Кузьминскаго, закалившагося прежде всего впечатлѣніями, навѣянными на него правдивой передачей Аленичемъ кавказскихъ вліяній, глубоко зацѣпившихъ и вѣдрившихъ въ немъ».

Вставленная сюда небольшая выдержка изъ имѣющихся въ мои х запискахъ разказовъ объ Аленичѣ введена въ извлеченіи для дополненія свѣдѣній о личности изображеннаго въ прошломъ очеркѣ ¹⁾ героя П. Е. Кузьминскаго, всегда твердившаго: «Аленичъ служилъ такимъ же дополненіемъ мнѣ, какъ я дополнялъ его».

Жаль, что этотъ товарищъ Кузьминскаго не находился при немъ въ тѣ минуты его жизни, когда ему, привыкшему пользоваться своей энергіей для совершенія подвиговъ, доводилось расходовать ее на проявленіе того озорства, которое должно было бы довести его до психіатрической больницы и привело къ самоубійству, совершенному при такой ужасной обстановкѣ.

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ», 1912 г. ноябрь.

Передъ началомъ войны 1877 года Скобелевъ, помимо своихъ плановъ, перешелъ на службу въ дѣйствующую армію подъ команду великаго князя Николая Николаевича Старшаго; вскорѣ послѣ того, какъ онъ, ставъ лично во главѣ кавалерійскаго полка у Зимницы, переплылъ верхомъ Дунай и началъ въ служебномъ отношеніи снова становиться на ноги при такихъ обстоятельствахъ, когда «друзья» хотѣли его принизить и придавить,—онъ озаботился переводомъ изъ Туркестана въ дѣйствующую армію нѣсколькихъ человѣкъ достойныхъ офицеровъ ¹⁾ и въ числѣ ихъ Сполатбога, въ которомъ успѣлъ замѣтить массу боевыхъ задатковъ. Тамъ, въ Болгаріи этотъ, офицеръ своей ретивой службой поставилъ себя въ боевомъ отношеніи такъ хорошо, что, по представленію Скобелева же, за особое отличіе, проявленное на глазахъ Вѣлаго генерала на Зеленыхъ Горахъ подъ Кришинскимъ редутомъ, былъ произведенъ въ майоры. Онъ состоялъ въ первомъ (Владимирскомъ) полку шестнадцатой пѣхотной дивизіи, выдѣлившейся за время войны, получившей большую извѣстность и стяжавшей названіе «Скобелевской»; въ этомъ же полку онъ сдѣлалъ весь боевой походъ до конца кампаніи, пройдя за Балканы; тамъ онъ былъ довольно серьезно контуженъ въ голову. По заключеніи мира въ С.-Стефанѣ полкъ со всей дивизіей былъ оставленъ въ Болгаріи въ составѣ отряда, назначеннаго для оккупации страны подъ общимъ начальствомъ командира девятого армейскаго корпуса генерал-лейтенанта Столыпина ²⁾; при этомъ майору Сполатбогу было ввѣрено командованіе однимъ изъ батальоновъ полка.

Вскорѣ, однако, онъ попалъ въ инструкторы въ числѣ лучшихъ штабъ-офицеровъ, избранныхъ для обученія юной болгарской

¹⁾ Между ними были герои туркестанскихъ боевъ: Куропаткинъ, Масловъ (Владимиръ), Кусонскій, Грекъ, Бородаевскій, Оедоровъ, Галитинъ; послѣдніе двое пали геройскою смертію подъ Эски-Загрой въ первомъ забалканскомъ походѣ генерала Гурко; майоръ Горгаловъ палъ у Скобелева при вторичномъ отпяти у турокъ Кришинскаго редута 30-го августа (во время третьей «Плевны»). Авт.

²⁾ Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, отецъ покойнаго предѣдателя совѣта министровъ, съ начала сороковыхъ годовъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи; состоялъ въ должности адъютанта при генералъ-адъютантѣ князѣ Горчаковѣ въ Севастополѣ; занималъ должность уральскаго военнаго губернатора и атамана Уральскаго казачьяго войска. По возникновеніи войны 1877 года онъ былъ причисленъ къ штабу дѣйствующей арміи и одно время находился въ распоряженіи начальника артиллеріи—генералъ-адъютанта князя Н. О. Масальскаго; затѣмъ, по взятіи Никополя генераломъ Криденеромъ былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости, а затѣмъ принялъ отъ Криденера IX корпусъ. Онъ выказалъ громадную, энергичную распорядительность, требовавшуюся въ дѣлѣ благоустройства города и окрестностей, главное же въ удовлетвореніи нуждъ проходившихъ черезъ крѣпость войскъ дѣйствующей арміи, а также союзной арміи румынской и, кромѣ того, массы плѣнныхъ турокъ, направлявшихся въ Россію черезъ крѣпость и задерживавшихся въ ней до открытія возможности дальнѣйшаго движенія черезъ Дунай. Впослѣдствіи—командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ-адъютантъ, а затѣмъ управляющій дворцовой частью въ Москвѣ. Авт.

арміи, создавшейся тогда, или, вѣрнѣе сказать, разворачивавшейся изъ собраннаго—еще до объявленія войны—въ Кишиневѣ кадра болгарскаго ополченія.

Сполатбогъ образцово поставилъ дружину, которою ему довелось прокомандовать почти полтора года, когда надъ нимъ и надъ его всегда корректной службой вдругъ стряслась неожиданная, лично для него громадная по послѣдствіямъ бѣда.

Наскоро и отрывочно составленные записки, оставшіяся послѣ чего, довольно связно и вполне ясно рассказываютъ, какими причинами была вызвана вопіющая бѣда; но записки говорятъ лишь о видѣвшихся причинахъ; очевидно, для того, чтобы направить всю исторію по тому пути, на который она, волею начальника, была выведена, должны были имѣться причины внутреннія, скрытыя; объ нихъ въ запискахъ, вѣроятно, случайно, умолчано, а, можетъ быть, не упомянуто изъ чувства деликатности, дабы не была выставлена слишкомъ большимъ пятномъ ложкающаяся на требовательнаго начальника его продѣлка, увлекавшая его на путь произвола.

Судя по тому, что изложено въ запискахъ Н. Н. Сполатбога, надъ нимъ была учинена одна изъ тѣхъ вопіющихъ несправедливостей, которыхъ жертвою обычно становится подчиненный въ тѣхъ случаяхъ, когда высшій начальникъ,—изъ упрямства, но большей части, имѣющаго въ основѣ лишь свое собственное ложное самолюбіе,—не только отказывается перерѣшить то, что онъ совершенно неправильно постановилъ, или сторяча въ минуту вспышки, или просто не давши себѣ труда отнестись къ дѣлу съ достаточною обдуманностью, но и не допускаетъ мысли о возможности такого перерѣшенія. Обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ такъ, что давать указанія или открывать глаза на правду никто изъ окружающихъ начальника не считаетъ себя въ правѣ,—это въ лучшемъ случаѣ; а то и просто всякій сторонится, лишь бы не побеспокоиться самому или не вызвать нареканія по отношенію къ себѣ; въ иныхъ случаяхъ начальникъ подвергаетъ себя большимъ непріятностямъ, когда, послѣ настоятельныхъ просьбъ и указаній подчиненнаго, выслушиваетъ отъ него доводы—правдивые, но съ тѣмъ вмѣстѣ самые рѣзкіе; такіе доводы, въ большинствѣ случаевъ, приводятъ лишь къ тому, чтобы обозлить начальника, и, думается, не встрѣчалось «въ природѣ» случая, чтобы они его, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, образумили; тутъ вѣдь и потерпѣвшій идетъ на то, что ужъ рискнетъ все потерять, а «правду отрѣжетъ», хотя обыкновенно безъ пользы для себя.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, первый начальникъ болгарскаго ополченія, вполне кроткій и въ высшей степени справедливый, Н. Г. Столѣтовъ уже сдалъ свою должность и былъ откомандированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Афганистанъ, какъ особо довѣрен-

ное лицо, къ эмиру Ширъ-Али-хану ¹⁾). О немъ уже остались лишь воспоминанія, въ одинъ голосъ говорившія, что онъ и въ самой большой строгости, которую приходилось ему иногда проявлять, всегда помнилъ и на первый планъ ставилъ осторожность по отношенію къ судьбѣ и къ карьерѣ каждаго подчиненнаго. Онъ и въ дѣлѣ сужденія о службѣ лицъ подвѣдомственныхъ ему не забывалъ сказать себѣ самому излюбленную имъ поговорку: «la critique est aisée, mais l'art est difficile», простымъ людямъ онъ неизмѣнно говорилъ: «знаю, понимаю, братъ, что мнѣ охаетъ легко, каково-то тебѣ исполнить, а ты все же старайся». Фактически высшее начальствованіе надъ болгарскими войсками въ то время находилось въ рукахъ генерала Педене, который и нашелъ себя въ правѣ учинить подполковнику Сюлатбогу громадную непріятность, въ сущности медленно отравившую все его существованіе.

Этотъ генералъ, слывшій за человѣка воспитаннаго и порядочнаго, не могъ усвоить себѣ того, что, въ случаѣ ошибки, сдѣланной въ управленіи или въ командованіи, честь состоитъ не столько въ настояніи на непремѣнномъ исполненіи отданнаго распоряженія, сколько въ томъ, чтобы, въ-время сознавшись въ замѣченной ошибкѣ, отмѣнить все причиненное ею, въ особенности если ею вызвана хотя бы малѣйшая несправедливость относительно кого-либо изъ подчиненныхъ и его судьбы. Педене не могъ понять, что это, собственно говоря, пропись и что этого держаться велитъ азбука дѣла служебныхъ отношеній къ подчиненнымъ.

Считаю необходимымъ рассказать вкратцѣ самый тотъ эпизодъ, немало взбудоражившій въ свое время и братушекъ, служившихъ тогда въ юной, только что созданной арміи, и нашихъ офицеровъ, поставленныхъ въ ней руководителями тѣхъ братушекъ ²⁾).

Во время войны части войскъ очень рѣдко довольствуются горячей пищей изъ общаго котла; по большей части нижніе чины варятъ себѣ щи и кашу или похлебку въ маленькихъ ручныхъ котелкахъ. Такъ какъ болгарское ополченіе формировалось во время военнаго похода, то въ дружинахъ сразу котловъ и не было заведено; лишь послѣ войны онѣ, обзаведясь хозяйствомъ, приобрѣли большіе чугунные котлы, купивъ ихъ на базарахъ въ городахъ, или получивъ изъ частей нашей арміи. Мало-по-малу нѣкоторые изъ командировъ дружинъ нашли нужнымъ обзавестись дорогими мѣдными котлами; самое обзаведеніе, въ связи съ необходимостью періодическаго возобновленія полуды, обходилось сравнительно дорого, но дружины щеголяли этимъ одна передъ другой, и каждая

¹⁾ См. главу V этихъ записокъ; «Историческій Вѣстникъ», октябрь, стр. 67.

²⁾ Нынѣ въ Киръ-Килисѣ, Чатаджѣ и подъ Адрианополемъ они показываютъ, до какой степени тогда все наше и все то, что они видѣли у насъ, — твердо усвоилось ими.

изъ нихъ при первой же возможности какъ бы торопилась приобрести роскошную новинку.

Однимъ изъ первыхъ продѣлалъ это бывший гвардеецъ Сполатбогъ.

Однажды въслѣдствіи явился къ нему капитанъ Кехли и заявилъ, что, прибывъ въ городъ и представившись полковому командиру полковнику К—ву, онъ получилъ отъ него распоряженіе—для продовольствія его, капитана, команды, съ которою онъ, отправляясь за покупкой ремонтныхъ для артиллеріи лошадей, находился на дневкѣ въ томъ городѣ ¹⁾, принять отъ майора Сполатбога котель, въ которомъ и начать немедленно варку пищи. При этомъ капитанъ Кехли предъявилъ майору паскоро набросанное на его имя предписаніе полковника К—ва, который, написавъ собственноручно это предписаніе, выѣхалъ въ Разградъ навѣщать генералу Педепе.

— Я не могу передать вамъ котель, — сказалъ Сполатбогъ капитану Кехли; — моя дружина останется безъ горячей пищи, а люди уже и безъ того нѣсколько дней подвергаются гастрическимъ заболѣваніямъ.

— Полковникъ сказалъ мнѣ, что у васъ два котла; что еще въ прошломъ году вы приобрѣли большой мѣдный котель, значить, можете передать мнѣ малый чугунный; у меня рѣшительно ничего нѣтъ, люди пятый день довольствуются сухой пищей.

— Полковникъ, вѣрно, забылъ, что въ прошломъ же году онъ приказалъ мнѣ чугунный котель передать въ Рушукъ артиллерійской же командѣ; я говорилъ полковнику еще недавно, что во время полудки мѣднаго котла вышла задержка въ изготовленіи горячей пищи. Чтобы отчасти выручить васъ, я могу вамъ передать ручные котелки, но ихъ у меня осталось всего лишь тридцать штукъ, — больше я не могу ничего сдѣлать; попробуйте, поищите въ городѣ на базарѣ чугунный котель, можетъ быть, найдете возможнымъ приобрести его покупкой. Тутъ вышло, очевидно, недоразумѣніе, его надо выяснить.

Вотъ все, что между Сполатбогомъ и Кехли произошло.

Какъ съ этимъ дѣломъ справился капитанъ Кехли, неизвѣстно; но вышла подъ Разградомъ же или подъ Рушукъ совершенно случайная встрѣча его команды съ генераломъ Педепе, который, прибывъ въ сопровожденіи полковника К—ва на бивакъ, пожелалъ получить понятіе о качествахъ изготавливаемой для команды пищи, а потому потребовалъ пробную порцію изъ котла. На объясненіе капитана Кехли, что въ его командѣ имѣется лишь небольшое число ручныхъ котелковъ, генералъ тутъ же обратился съ вопросомъ къ полковнику К—ву. Словомъ, вся исторія о котлѣ всплыла

¹⁾ Въ Шумлѣ.

и сдѣлалась извѣстною генералу; Сполатбогъ оказался не исполнившимъ категорически отданнаго ему приказанія.

— Я давно замѣчаю,—сказалъ сурово Педепе:—что этотъ штабъ-офицеръ отличается строптивостью, не вяжущееся съ дисциплиной, мало внимателенъ къ приказаніямъ прямого начальства и служить плохимъ примѣромъ для подчиненнымъ ему чиновъ дружины; передайте ему мое приказаніе подать отчисленіе отъ должности командира дружины; нахожу, что этотъ случай переполнить чашу... Быть можетъ, майоръ Сполатбогъ съ большимъ рвеніемъ примется за несеніе службы въ Россіи, а здѣсь я не признаю возможнымъ дозволить ему попирать на глазахъ молодой арміи дисциплину и коверкать все заводимое нами съ такимъ большимъ стараніемъ.

Полковникъ К—въ «попробовалъ было замолвить слово», но сдѣлалъ это по-своему и очень слабо.

— Я сказалъ и требую исполненія,—съ запальчивою горячностью отвѣтилъ Педепе, а затѣмъ перевелъ разговоръ на другіе предметы.

Такъ дѣло сразу и рѣшилось.

Сполатбогъ всегда съ особою горечью вспоминалъ этотъ эпизодъ, заставившій его оторваться отъ излюбленнаго имъ дѣла—воспитанія и обученія юныхъ воиновъ-болгаръ; тяжело ему было вспоминать сломавшую его жизнь несправедливость одного изъ высшихъ военныхъ чиновъ, начальствовавшихъ тогда въ юной Болгаріи.

— Положительно въ поступкахъ моихъ,—говорилъ онъ,—не было ничего такого, что могло бы вызвать по отношенію ко мнѣ такую, по истинѣ жестокую, кару, изобрѣтенную въ минуту вспышки и рѣшенную безъ суда, слѣдствія и какого бы то ни было разбора. Я просилъ и даже требовалъ того, другого и третьяго, но тщетно: произволъ надменнаго начальника доходилъ до того, что мои просьбы и настоянія оставлялись безъ отвѣта.

Все это происходило на глазахъ тѣхъ самыхъ воиновъ, которымъ, ко всему, между прочимъ, надлежало вселить и привычку къ строгой законности. Думается, что подобными эпизодами врядъ ли дисциплина оставалась не попрашною и врядъ ли не коверкалось «все заводившееся, хотя бы и самимъ генераломъ, съ такимъ, какъ онъ выражался, большимъ стараніемъ».

— Мало назвать дѣйствія генерала Педепе въ этомъ дѣлѣ пристрастными,—говаривалъ нерѣдко Сполатбогъ; это же онъ повторилъ и въ оставленныхъ имъ посмертныхъ запискахъ своихъ:—въ этихъ поступкахъ генералъ отважился отвернуться отъ доброй совѣсти и затопталъ въ себѣ всякій намекъ на порядочность. Если, положя руку на сердце, онъ находилъ меня виновнымъ вообще, то остаюсь твердо убѣжденнымъ, что и въ мысляхъ своихъ онъ никогда не могъ имѣть, по чистой совѣсти, оправданія для себя въ

чемъ-либо такомъ, что могло вызвать больше выговора мнѣ по службѣ, а онъ, съ большою жестокостью, увлекся до исключенія меня изъ числа инструкторовъ, наравнѣ съ тѣми двумя офицерами, изъ коихъ, на глазахъ у всѣхъ, одинъ проявилъ большое и упорное нерадѣніе по службѣ, а другой даже недобросовѣстное отношеніе къ служебному долгу и къ казенному имуществу.

— Будучи всѣми засвидѣтельствованнымъ пристрастіемъ «генерала» поставленъ на одну доску съ этими двумя лицами, я не выдержалъ и, послѣ долгаго, настойчиваго, но оказавшагося тщетнымъ исканія суда и правды въ своемъ мелкомъ дѣлѣ, вызвавшемъ такія опозорившія меня послѣдствія,—при прощаніи съ генераломъ сорвался фразой, въ которой крайне запальчиво, почти не помня себя, порекомендовалъ ему твердо помнить, что я не желаю срамить дорогое каждому изъ насъ званіе русскаго офицера и лишь потому щажу его, генерала, здѣсь, на глазахъ освобожденныхъ нами братьевъ и въ ихъ странѣ, а въ Россіи, при первой же встрѣчѣ, я сумѣю свести съ нимъ счеты; пусть онъ знаетъ это и считаетъ меня въ долгу.

— Не собирався я метить лично за себя,—говорилъ Снолатъ-богъ: — дороги мнѣ были и принципы и честь оскорбленнаго въ моемъ лицѣ штабъ-офицера; сказанныя генералу въ присутствіи другихъ русскихъ офицеровъ слова всегда я считалъ съ своей стороны преступными и не разъ приходилъ къ тому заключенію, что напрасно не далъ себѣ труда твердо сдержаться.

«Впослѣдствіи же на родинѣ я, дошедши въ душѣ до полнаго раскаянія въ произнесеніи тѣхъ словъ, поражался, когда при встрѣчахъ съ тѣмъ генераломъ имѣлъ непріятность видѣть, какъ онъ, блѣднѣя и дрожа отъ страха, старался, нисколько не стѣняясь присутствіемъ другихъ, отъ меня не только спѣшно уходить или попросту убѣгать, но даже прятаться. Только тогда довелось мнѣ понять, какого сорта былъ этотъ врагъ и какимъ избыткомъ малодушія, ему присущаго, былъ вызванъ несправедливый по отношенію ко мнѣ поступокъ, немало поломавшій мою и безъ того не особенно счастливую карьеру, которою я, однако, дорожилъ и былъ въ то время счастливъ. Весь начальникъ тотъ, съ головы до ногъ, не стоилъ никакого вниманія; онъ лишь умѣлъ показать въ своихъ дѣйствіяхъ товаръ лицомъ. Все въ немъ было напускное, фальшивое, и большинство офицеровъ, служившихъ дорогой родинѣ и царю дѣломъ подготовки молодой братской арміи въ отвоеванномъ краѣ, сходилось въ томъ убѣжденіи, что не такого слабаго въ дѣлахъ справедливости и доблести представителя имъ нужно было передъ лицомъ воспитывавшагося ими въ духѣ воинскаго благородства молодого поколѣнія братушекъ—офицеровъ и солдатъ.

«Такъ думалось намъ тогда.

«Впослѣдствіи я, по-христіански, забылъ этому генералу все сдѣланное имъ мнѣ зло; мало того, я тщательно много разъ пересмотрѣлъ всѣ свои записки съ тѣмъ, чтобы нигдѣ не проскользнуло имя этого генерала; пусть знаютъ его только тѣ офицеры, коимъ довелось быть невольными свидѣтелями моихъ несчастій и тогда же видѣть, отъ кого эти мои невзгоды произошли; я не хочу,—говорить Сполатбогъ въ своей пространной запискѣ,—предавать имя этого генерала, тѣмъ болѣе, что и за нимъ, быть можетъ, имѣются большія заслуги, дающія ему право на полученіе такой пощady, какой мнѣ онъ не нашелъ нужнымъ дать, хотя не могъ не вѣдать, что онъ творилъ, когда чинилъ надо мной Шемякинъ судъ.

«Такъ думается мнѣ теперь.

«Совершенно расходясь съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые, разбирая заслуги этого генерала, приписывали ихъ другимъ,—именно тѣмъ, коихъ руками онъ будто бы загребалъ жаръ,—я всегда повторяю то, на чемъ стоялъ въ горячихъ спорахъ съ товарищами о томъ, что отдавать справедливость заслугамъ каждаго, даже и врага, нашъ святой долгъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ я никогда не замолчу того, что такіе слабые, бездушные люди, какимъ представился этотъ человѣкъ, безжалостно потоптавшій все, имѣвшее даже малѣйшій намекъ на безпристрастіе,—такіе люди неспособны понимать и чувствовать, что большая легкость прощенія ихъ вины не засчитывается въ заслугу ни имъ, ни ихъ чести. Бѣда въ томъ, что на русской службѣ онъ находился, да не былъ въ полномъ смыслѣ слова русскій, чистый человѣкъ».

Эта выдержка изъ записокъ, которыя Н. Н. Сполатбогъ велъ,—очевидно, въ минуты просвѣтлѣнія,—позднѣе, въ ту пору, когда онъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни находился на излеченіи въ одной изъ кіевскихъ больницъ для душевно-больныхъ и нервно-разстроенныхъ людей, много обрисовываетъ и опредѣляетъ черты его характера и благородство его натуры.

Возвратясь въ Россію отщепленнымъ отъ состава товарищей, оставшихся при счастьи продолжать свою плодотворную дѣятельность на пользу братскаго народа, освобожденного волею великаго царя,—Сполатбогъ пережилъ много тяжелыхъ дней угнетеннаго состоянія и Богъ знаетъ, до чего дошелъ бы, если бы опять не пришелъ ему на выручку тотъ же М. Д. Скобелевъ, ставшій его добрымъ геніемъ.

Но объ этомъ впереди.

Х.

Сватовство Н. Н. Сполатбога въ Болгаріи.—Отъѣздъ его въ Петербургъ.—Генераль-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.—Пріѣздъ невѣсты въ столицу.—Посѣщеніе Д. И. Скобелева (отца).—Телеграмма М. Д. Скобелева (сына).—Хлопоты о вѣнчаніи во время поста.—А. А. Боголюбовъ, К. П. Побѣдоносцевъ.—Митрополитъ Исидоръ, о. В. Б. Баженовъ, о. Менчицъ, священникъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора; кончина его.

Во время своей службы въ болгарскомъ ополченіи майоръ Сполатбогъ, посѣщая во время служебныхъ досуговъ семью одного хорошаго, добраго, довольно зажиточнаго болгарина-патріота, задумалъ жениться на его единственной дочери, очень развитой, быстроглазой, жизнерадостной дѣвушкѣ. Родители сначала дали обѣщаніе поступить въ этомъ такъ, какъ пожелаетъ сама безумно любимая ими Фроса. Но мать, не желая разстаться съ любимымъ, единственнымъ дѣтищемъ, выставляла массу различныхъ причинъ, которыми, видимо, старалась склонить дѣвушку, если не къ отказу, то къ проволочкѣ дѣла, въ томъ расчетѣ, чтобы оставленіе ею родительскаго дома затянулось и дальнѣйшій ходъ всего затормозился.

Прежде всего мать находила, что такъ какъ дѣвушкѣ едва исполнилось пятнадцать лѣтъ, то нечего и думать о скоромъ рѣшеніи этого вопроса въ положительную сторону; затѣмъ добрая женщина прямо и просто высказывала, что не вынесетъ разлуки со своимъ ребенкомъ. Женихъ возражалъ, что видитъ въ краѣ обычай выдавать замужъ не только пятнадцати, но и тринадцатилѣтнихъ дѣвушекъ; далѣе онъ говорилъ, что разлуки не предстоитъ, такъ какъ онъ служить въ Болгаріи, объ оставленіи службы не думаетъ, будетъ себѣ жить съ Фросой возлѣ родителей, стараясь, на радость имъ, устроить ея счастье. На это мать отвѣчала очень горячо, что не желаетъ и не признаетъ возможнымъ допускать глупости, которыя поддерживаются и допускаются въ другихъ семьяхъ; она уже видѣла много браковъ, коихъ несчастье обусловливалось именно тѣмъ, что они были ранніе.

— Относительно же разлуки развѣ вы вольны?—говорила она:—Великій бѣлый царь, какъ послалъ васъ сюда на наше счастье, такъ можетъ признать, что довольно вы здѣсь уже потрудились и отзоветъ васъ всѣхъ; развѣ вы скажете хоть одно слово противъ его приказа; грѣхъ былъ бы великій, вы должны точно исполнять его волю, а потому уѣдете «на Руссію та», нашу Фросу возьмете съ собой, а мы здѣсь на кого останемся?

Затѣмъ слѣдовали нескончаемыя слезы; на нихъ разговоръ прекращался. Когда Сполатбогъ возобновлялъ его, со стороны матери неизмѣнно получались тѣ же отвѣты; но съ теченіемъ времени заботливая обожавшая свое дѣтище женщина перестала дѣ-

латъ свои возраженія, у нея такъ наболѣло на сердцѣ, что на всѣ просьбы, требованія, уговариванія и доводы она отвѣчала лишь слезами и просьбой «асаамъ гурката» (пожалуйте меня, пожалуйста).

Дѣвушка, видимо, хотѣла бы со своей стороны настаивать на уступкахъ для окончанія дѣла, но и не подумала дать хоть малѣйшій намекъ на то, что она могла бы пойти противъ желанія матери, которая съ безконечной любовью вырастила ее въ тяжелой жизни во время самаго разгара жестокаго ига, давившаго страну. Отецъ—суровый воинъ, раньше времени состарившійся въ бояхъ и стычкахъ, вѣчно отбиваясь отъ нападавшихъ черкесовъ и башибузуковъ, какъ будто не принималъ участія въ этомъ, вдругъ съ неба свалившемся, семейномъ эпизодѣ; онъ думалъ совсѣмъ другую думу, онъ ждалъ, когда-то и какъ окончится святое дѣло, задуманное царемъ-Освободителемъ, и всѣ его помыслы, всѣ чувства была заняты лишь желаніемъ и ожиданіемъ скорѣйшаго, благополучнаго окончанія этого дѣла; онъ думалъ о женѣ, о дочери, вообще о семьѣ лишь настолько, насколько семья эта выглядывала для него изъ-за другой, громадной семьи—родины¹⁾.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, опасенія матери, хотя и не въ полной точности, сбылись скорѣе, чѣмъ она могла предполагать; будущему зятю, котораго ее дочь любила до безумія, а потому и она успѣла полюбить, какъ сына,—пришлось скоро дожить до того, что надо было оставить насиженное въ странѣ освобожденных братушекъ дѣло, пришлось уѣзжать «на Руссію та».

Съ большой твердостью и крайне серьезно взялся за это дѣло самъ Сполатбогъ; онъ видѣлъ, что отъѣздомъ, вызваннымъ громадной непріятностью, причиненной ему, обуславливалось лишеніе средствъ, а это вызвало необходимость заняться устройствомъ своей судьбы; понадобится много времени, энергій, силъ и усиленныхъ хлопотъ; все можно было сдѣлать лишь на свободѣ, не втягивая въ это дѣло дѣвушку и оставляя до поры, до времени ее судьбу совершенно отдѣленною отъ него; только установивши и опредѣливши свое дальнѣйшее служебное положеніе, можно было подуматъ о рѣшеніи положенія жизненнаго и семейнаго.

Въ отвѣтъ на раздиравшія душу слезы и мольбы, съ которыми пришла къ нему мать, прослышавшая о происшедшемъ, Сполатбогъ прямо серьезно объяснилъ ей, что рѣшаетъ ѣхать въ Россію одинъ и, когда все приведетъ къ порядку, тогда или немедленно пріѣдетъ самъ въ Тырновъ, или попроситъ ихъ пріѣхать къ нему въ Россію; а до тѣхъ поръ все оставляетъ неизмѣннымъ. Для матери это рѣшеніе вышло до такой степени неожиданнымъ, что она долго

¹⁾ Какъ ясно слова эти рисуютъ теперешнее положеніе братушекъ, призванныхъ тогда царемъ-Освободителемъ къ кипучей жизни, имъ, очевидно, предопредѣленной!

не только не хотѣла, но и не могла вѣрить въ дѣйствительность происшедшаго; она была счастлива тѣмъ, что срокъ разлуки съ дочерью откладывался на неопредѣленное время.

Въ назначенный день съ грустью, съ тяжелыми чувствами уѣхалъ майоръ на родину; при разлукѣ въ первый разъ довелось ему увидѣть горькія слезы, которыя тихо проливала не дрогнувшая до послѣдняго момента умная, сердечная и твердая Фроста.

По приѣздѣ въ Петербургъ пошли у Сполатбога представленія самому разнообразному начальству; вездѣ хотѣлось ему объяснить свое положеніе и доказать свою правоту; хотѣлось не проронить обвиненія противъ кого бы то ни было, но не всегда это удавалось. Нѣкоторые изъ выслушивавшихъ его лицъ находили его правымъ, другія виновнымъ, третьи, находя его правымъ, не менѣе правымъ признавали и «генерала», обрушившагося на него всею своею силою, суетно работавшаю изъ-за мелкаго желанія, во что бы то ни стало, сломить волю и сорвать карьеру маленькаго дружиннаго командира, осмѣливашагося имѣть свое сужденіе и твердо его держаться.

Выбиваясь вездѣ изъ силъ, волнуясь, горячась, онъ имѣлъ лишь нѣкоторое утѣшеніе выслушать безусловное оправданіе своихъ дѣйствій со стороны бывшаго прямого начальника своего, генераль-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова.

Почтенный генераль, какъ извѣстно, раньше, т. е. тотчасъ по заключеніи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, занималъ постъ генеральнаго комиссара Болгаріи и игралъ роль государева намѣстника; онъ вводилъ управленіе молодой страной и учреждалъ армію.

Несмотря на громадную массу серьезныхъ занятій и дѣлъ по проведенію въ странѣ царскихъ начертаній, онъ, этотъ старый опытный кавказецъ, умѣлъ соединять въ себѣ дѣятельность гражданскую съ военной; онъ слѣдилъ за образованіемъ учредительнаго собранія, за установленіемъ гражданскихъ властей, не пропуская мельчайшихъ подробностей всего касавшагося юной арміи.

Когда Сполатбогъ представился ему въ Петербургѣ, онъ встрѣтилъ его ласково, какъ стараго знакомаго, котораго старательная, энергичная и плодотворная дѣятельность по службѣ на поприщѣ устроенія арміи братушекъ была ему вполне извѣстна.

Выслушавъ его, онъ изумился.

— Что сдѣлалось съ генераломъ, — говорилъ онъ: — это на него вовсе не похоже; видно, изнервничался онъ на своемъ посту; вѣдь я его знаю хорошо и никогда не повѣрилъ бы, что онъ могъ все это продѣлать, если бы не выслушалъ разсказа о немъ отъ васъ и не видѣлъ бы документовъ, ясно говорившихъ за правоту вашихъ дѣйствій. Я напишу ему и передамъ вамъ письмо, въ которомъ по-

прошу его сдѣлать то, о чемъ вы его просили и что является совершенно справедливымъ, т. е. дать вамъ возможность оправдаться судомъ.

Сполатбогъ былъ безконечно благодаренъ справедливому, разумному и великодушному начальнику, но въ волненіи не сразу сообразилъ, что изъ этого не выйдетъ ничего, такъ какъ онъ уже не былъ подчиненъ «генералу» и судить его въ Болгаріи никоимъ образомъ не могли; ему надо было просить содѣйствія князя къ опредѣленію его на какую-либо военную должность въ предѣлахъ Россіи. Упустивъ это, онъ уже не рѣшался, совѣстился вторично беспокоить крайне занятого князя. Съ другой стороны, князь могъ искать содѣйствія, быть можетъ, только черезъ тѣхъ лицъ, кои, въ сущности, не имѣли ничего общаго съ нимъ во взглядахъ на всю исторію столкновенія Сполатбога.

Вообще, вся неприглядность этого дѣла угнетала майора; онъ всегда зналъ и понималъ, что, разъ потерявъ свое положеніе, нелегко возстановить его; теперь пришлось ему это самое съ горечью почувствовать на своемъ дѣлѣ; бывали дни, часы и минуты, когда онъ предавался полному отчаянію, при чемъ не могъ отдѣлаться отъ него, несмотря на то, что самъ себя укорялъ въ малодушіи. Поддержкой ему служили лишь чувства его къ юному, чистому созданію, съ которымъ онъ стремился и надѣялся соединить свою судьбу.

Вдругъ среди мрака тяжелаго угнетенія сверкнулъ для него лучъ свѣта: дѣвушка, занявшая всѣ его мысли и все его существо, почувствовала, поняла изъ писемъ безысходность его положенія и, уговоривши мать свою ѣхать къ нему, на далекой, холодной сѣверъ, неожиданно появилась въ непривѣтливой столицѣ великой «Руссіи».

Можно себѣ представить, какъ обрадовался этому появленію измученный Николай Николаевичъ и какъ оно ободрило его.

Видя радость его и счастье своей ненаглядной Фросы, которая въ Петербургѣ какъ бы ожила и переродилась, мать дала обѣщаніе больше не разстраиваться самой и не нервить другихъ; рѣшено было безъ промедленія повѣнчаться, зажить семейною жизнью и тогда спокойно продолжать тѣ хлопоты, успѣху которыхъ неопредѣленность семейнаго положенія, безъ сомнѣнія, должна была также служить непреодолимой помѣхой.

Суета помѣшала всѣмъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что уже наступилъ Рождественскій постъ и что съ вѣнчаніемъ придется обождать больше шести недѣль. Потужили немного и поневолѣ рѣшили назначить днемъ свадьбы 8-е января.

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ Н. Н. Сполатбогъ узналъ, что М. Д. Скобелевъ пріѣзжалъ въ столицу и что уѣхалъ лишь за нѣсколько дней до его пріѣзда. Онъ поспѣшилъ разыскать его отца Дмитрія Ивановича, былъ имъ принятъ ласково, при чемъ узналъ лишь, что сынъ вновь пріѣдетъ не скоро.

Узнавъ адресъ Бѣлаго генерала, Н. Н. написалъ ему длинное письмо, въ которомъ изложилъ все случившееся съ нимъ на службѣ въ Болгаріи. Радость прибытія невѣсты омрачилась тѣмъ, что отъ М. Д. не приходилъ отвѣтъ; грусть объ этомъ по временамъ смѣнялась сожалѣніемъ о своей рѣшимости написать; Сполатбогу часто приходило на умъ, что не слѣдовало тревожить М. Д. своимъ дѣломъ оно, навѣрное, ему показалось мелкимъ, мизернымъ...

Велика же была радость, когда въ ночь на день своихъ именинъ, онъ получилъ отъ М. Д. телеграмму:

«Увѣренъ, что не поддаетесь, остаетесь твердымъ; дѣло ничего не стоитъ, еще меньше стоитъ начальникъ, такъ легко губящій заслуженныхъ подчиненныхъ; приготовляйтесь прибыть ко мнѣ по первому зову; тронемся вмѣстѣ въ походъ. Скобелевъ».

Не утерпѣлъ Николай Николаевичъ, и снова отправился къ Дмитрію Ивановичу, причемъ показалъ ему телеграмму:

— Ну, вотъ, Миша ужъ и трезвонить,—сказалъ старикъ:—еще только разговоръ одинъ идетъ о назначеніи его командующимъ, если будетъ рѣшена новая экспедиція въ Текинскій край, а онъ уже разглашаетъ.

Затѣмъ добрый старецъ самъ, видимо, не утерпѣлъ и рассказалъ обо всѣхъ назрѣвшихъ предположеніяхъ.

Оказалось, что,—какъ въ послѣдствіи сообщалъ въ своей книжкѣ лѣтописецъ ахаль-текинской экспедиціи и дѣяній Скобелева, молодой инженеръ А. Н. Масловъ ¹⁾,—осенью 1879 г., во время пріѣзда М. Д. Скобелева въ Петербургъ, государь самъ поднялъ вопросъ о необходимости снаряженія въ 1880-мъ году новой экспедиціи, которая покрыла бы неудачи похода генерала Ломакина, принявшаго отрядъ послѣ смерти генераль-адъютанта Лазарева. Узнавъ объ отказѣ Тергукасова отъ командованія отрядомъ, государь намѣтилъ назначеніе М. Д. Какъ только Бѣлый генералъ узналъ объ этомъ полуофициально, онъ тотчасъ же горячо «принялся ковать желѣзо»; дѣятельную работу надъ этимъ важнымъ дѣломъ и самыя разнообразныя приготовленія, соображенія, распоряженія онъ началъ задолго до выхода высочайшаго приказа объ его назначеніи; вотъ почему онъ, безъ всякаго стѣсненія, разсылалъ по телеграфу вызовы, приглашенія разнымъ лицамъ, которыхъ исподволь подбиралъ себѣ въ составъ служащихъ и отъ которыхъ, въ дѣлѣ под-

¹⁾ См. его «Завоеваніе Ахаль-Теке», 2-ое изд. 1887 г., изд. А. С. Суворина.

готовки, надѣялся получить энергичное содѣйствіе; многихъ онъ сразу намѣтилъ и, рѣшивъ ихъ призвать, увѣдомилъ объ этомъ; въ числѣ такихъ лицъ состояли между прочимъ генеральнаго штаба полковникъ Гродековъ, продѣлавшій походъ съ Ломакинымъ, старшій адъютантъ штаба скобелевской дивизіи Баранокъ, адъютантъ Ушаковъ, майоръ Сполатбогъ и другіе, изъ труда которыхъ онъ рассчитывалъ извлечь возможно большую пользу.

Ни одной минуты Сполатбогъ не задумался надъ тѣмъ, чтобы остановиться дать или не дать свое согласіе; объ этомъ не могло быть ни рѣчи, ни мысли; онъ прямо предложеніе Михаила Дмитриевича счелъ для себя за рѣшеніе немедленно собраться и тотчасъ же пуститься въ путь, куда бы ни призвалъ Михаилъ Дмитриевичъ.

Начавшіяся усиленныя и, безъ сомнѣнія, суетливыя приготовленія къ свадьбѣ, днемъ которой былъ назначенъ день 8-го января, оборвались полученною отъ Бѣлаго генерала телеграммой; отсрочка до 8-го января не могла быть допущена; пришлось поневолѣ столкнуться съ положеніемъ невозможнымъ къ исполненію: выѣхать непременно надо было до Рождества, а между тѣмъ наступившій постъ снова выступилъ, какъ досадное препятствіе къ совершенію вѣнчанія.

Разговорамъ и размышленіямъ не было конца; чтобы не послѣдовало какого бы то ни было разстройства въ предпринятомъ дѣлѣ соединенія ихъ судьбы, женихъ и невѣста раньше рѣшили во что бы то ни стало принять мѣры къ скорѣйшему принятію вѣнца, поэтому и послѣдовали у нихъ одно за другимъ рѣшенія—вѣнчаться немедленно, вѣнчаться скоро, вѣнчаться послѣ окончанія рождественскихъ праздниковъ:—все это рухнуло, и, что предстояло предпринять, никто не могъ себѣ этого представить.

Мать, какъ будто бы умышленно, воздерживалась отъ выраженія какихъ бы то ни было предложеній къ разрѣшенію вопроса; женихъ, если и не колебался, то и твердо на что-либо рѣшающимся въ началѣ не казался; все какъ будто затихло, замерло. Скоро, однако, невѣста начала ясно настаивать на томъ, чтобы женихъ бросилъ все, кромѣ энергичныхъ приготовленій, и выѣхалъ бы немедленно, какъ того требовалъ и желалъ Бѣлый генералъ, призывавшій къ боевой службѣ.

— Что дѣлать,—говорила она:—если Богъ рѣшитъ сохранить тебя въ бояхъ, успѣемъ составить свое счастье послѣ твоего возвращенія изъ труднаго похода, а если нѣтъ,—значить, не судьба, исполненіе же долга выше всего.

Такъ говорила дѣвушка, выросшая среди невзгодъ вѣчно боевого положенія на родинѣ и привыкшая знать, что достиженіе счастья возможно лишь при полнѣйшей точности въ дѣлѣ самаго добросовѣстнаго исполненія святого долга передъ отечествомъ.

Самсонъ Георгіевичъ Аленичъ.

Мать вторила дочери; но не долгъ службы жениха ставила она на первый планъ; со дня принятія рѣшенія покориться силѣ обстоятельствъ, не давая воли своей нервности и открыть просторъ спокойному теченію событій, которыя, по словамъ окружающихъ, должны были привести къ устройству счастья ея дочери, — она нѣтъ-нѣтъ, да всплакнетъ горько наединѣ, тщательно стараясь скрыть отъ всѣхъ проявленіе такой слабости; а тутъ материнское

«истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

5

чувство находило успокоеніе въ предвидѣннй возможности дальнѣйшаго, по отъѣздѣ жениха, продолженія совмѣстной жизни съ дочерью; это порождало въ ней радость эгоизма, и она, не отдавая себѣ хорошо отчета во всемъ, готова была успокоиться на такой радости.

Не такъ сложилось рѣшеніе этого вопроса у самого Н. Н. Сполатбога. При помощи своихъ друзей и товарищей онъ немедленно началъ энергичныя хлопоты о невозможномъ, а именно о томъ, чтобы ему было дано разрѣшеніе, не взирая на постъ, повѣнчаться. Въ кружкѣ пріятелей рѣшено было обратиться съ просьбой по этому трудному дѣлу къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Константину Петровичу Побѣдоносцеву.

Навелъ на эту мысль полковникъ генеральнаго штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ, очень способный офицеръ, подававшій въ свое время большія надежды. Окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, онъ съ 1868 года служилъ на Кавказѣ въ гренадерской великаго князя Михаила Николаевича артиллерійской бригадѣ, а въ 1872 году перешелъ на службу въ Варшаву въ третью батарею гвардейской конной артиллеріи; въ 1876 году онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба; затѣмъ, командуя во время войны 1877 года въ чинѣ подполковника батальономъ Подольскаго, драгомировской дивизіи, полка, былъ тяжело раненъ на Шипкѣ; пуля, пущенная съ горы св. Николая, попала ему въ правый бокъ и, пролетѣвъ насквозь, вышла изъ лѣваго, при чемъ задѣла спинной хребетъ съ внутренней стороны.

Перевезенный съ Шипки въ Габрово, онъ пролежалъ тамъ сравнительно долго въ параличѣ; только голова его оставалась совершенно свѣжею и здоровою. Года черезъ два онъ поправился настолько, что началъ ѣздить верхомъ, поднимался по лѣстницѣ, немало ходилъ и опредѣлился на службу въ должность начальника таможеннаго округа на Кавказѣ. Исцѣленіемъ своимъ онъ былъ всецѣло обязанъ сестрѣ милосердія Н. А. Энгельгардтъ, которая съ рѣдкимъ самоотверженіемъ положила душу свою и отдала всѣ силы дѣлу ухода за молодымъ штабъ-офицеромъ; она, какъ онъ говорилъ, выходила его и спасла.

Первымъ дѣломъ его по возвращеніи въ Россію было жениться на ней; свадьба состоялась лѣтомъ 1879 года, при чемъ родная сестра ея, Екатерина Александровна Побѣдоносцева, была посаженной матерью ея жениха.

А. А. Боголюбовъ въ занятой имъ на Кавказѣ должности, проживъ нѣсколько лѣтъ, скончался совершенно независимо отъ раны, — его сразилъ пятнистый тифъ.

Хотя вообще К. П. Побѣдоносцевъ, этотъ серьезный государственный человѣкъ, считался въ достаточной степени доступнымъ, но, несомнѣнно, дружескія отношенія съ Боголюбовымъ дали Сполатбогу болѣе легкій доступъ къ этому рулю въ направленіи теченія жизни и службы святѣйшаго синода.

Хорошо изучивъ характеръ, нравъ и обычаи Константина Петровича, Боголюбовъ съ твердостью посовѣтовалъ не обращаться къ нему по этому дѣлу съ просьбой, а лишь попросить у него на этотъ счетъ совѣта и спросить, какъ можно вообще столь затруднительное дѣло разрѣшить и можно ли надѣяться его разрѣшить успѣшно.

Выслушавъ все съ большимъ вниманіемъ, К. П. спросилъ: «Нельзя ли обойтись безъ такого важнаго нарушенія правилъ церкви православной? Не лучше ли,—сказалъ онъ,—воспользоваться въ высшей степени благоразумнымъ совѣтомъ невѣсты-болгарки и поступить согласно этому мудрому совѣту?»

— Несомнѣнно, что если Господь захочетъ помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, то сохранить васъ и дать вамъ возможность вернуться; тогда вы получите все къ тому, чтобы приступить къ устройству своей судьбы и судьбы этой умной дѣвушки, такъ свѣтло смотрящей въ глаза будущему,—вамъ не понадобится ломать принятые нашею церковью обычаи, нарушать законы и обходить постановленія, которыхъ она вообще старается строго держаться.

— Я твердо рѣшилъ сдѣлать этотъ шагъ до своего отъѣзда въ скобелевскій военный походъ,—отвѣтилъ Сполатбогъ:—конечно, дѣвушка, невѣста моя, во всякомъ случаѣ останется вѣрно нашему соглашенію, но если мнѣ суждено не вернуться,—я буду болѣе спокоенъ и спокойно умру, зная, что наши взаимныя чувства скрѣплены тою же святою церковью, о правилахъ которой вы говорите и которую я почитаю...

Эти и подобные разговоры происходили ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Болѣе всего дѣйствовалъ на К. П. Боголюбовъ; К. П. велъ разговоръ въ мягкой, иногда полухуливейной формѣ, но, казалось, не было видно вѣроятности уступокъ съ его стороны; къ тому же дѣло это онъ все же принималъ, не какъ обращеніе за совѣтомъ, а какъ просьбу дать формально какой-либо исходъ.

Въ концѣ концовъ К. П., пересылая свои рѣчи нескончаемыми разъясненіями того, что онъ въ подобномъ дѣлѣ вовсе не компетентенъ, а еще менѣе властенъ, посовѣтовалъ съѣздить къ митрополиту Исидору и прямо его попросить дѣло это, такъ или иначе, «благословить къ доброму исходу», если это окажется возможнымъ.

На поставленный Боголюбовымъ прямо вопросъ, позволяетъ ли К. П. сослаться на него, онъ отвѣтилъ, что рекомендуетъ сдѣлать такъ, какъ обстоятельства дѣла покажутъ.

— Вѣдь надо,—сказалъ онъ, какъ бы стараясь выставить свою прямоту,—добиться достиженія цѣли, которою вы задались, тре-

буется доведеніе дѣла до вполне удовлетворительнаго результата; вѣдь не затѣмъ вы поѣдете, чтобы завѣдомо вернуться ни съ чѣмъ; поэтому попробуйте сначала обратиться также за совѣтомъ, а если увидите малую податливость митрополита или колебаніе съ его стороны, то скажите ему, что спрашивали моего совѣта и я направилъ васъ къ нему за совѣтомъ же».

Нельзя сказать, чтобы владыка Исидоръ встрѣтилъ вполне благодушно и дружелюбно прибывшихъ къ нему въ довольно поздній вечерній часъ неожиданныхъ гостей-просителей. Сполатбогъ какъ бы игнорировалъ сдержанность благоразумныхъ товарищей, взявшихся сопровождать его въ поѣздкѣ, вызванной такими непривычными обстоятельствами и создавшейся при такой странной обстановкѣ; онъ очень много волновался, горячился и нервничалъ. Все это было причиной того, что когда, при первой встрѣчѣ, митрополитъ «служка» объявилъ, что владыка въ такіе часы не принимаетъ, Сполатбогъ пробовалъ спокойно заговорить о томъ, нельзя ли все-таки доложить о нихъ; они должны передать очень важное дѣло; но не долго выдержалъ онъ этотъ тонъ и на повторенный служкой отказъ тутъ же, совершенно не помня себя, выболталъ, что пріѣхали, молъ, мы всѣ отъ оберъ-прокурора. Это, должно быть, подвинуло служку отважиться доложить.

Просители были приняты митрополитомъ, быть можетъ, и не вслѣдствіе этого указанія, но, по всеѣмъ вѣроятіямъ, именно оно было главной причиной недружелюбія со стороны владыки. Потомъ самъ Сполатбогъ говорилъ, что, какъ рѣшительно неопытный въ дѣлахъ сношенія съ высшими духовными лицами, онъ въ отвѣтъ на благословеніе, данное ему владыкой, просто пожалъ его руку, чего не можетъ себѣ простить; а затѣмъ, какъ опытности не набравшійся, онъ и послѣ этого, приписывая неудачу мелочамъ, прибавлялъ: «оттого и все не удалось».

Выслушавъ совершенно спокойно рассказъ одного изъ прибывшихъ, митрополитъ сухо спросилъ:

— Чего же вы отъ меня въ этомъ дѣлѣ ожидаете?

— Можетъ быть, ваше преосвященство разрѣшите одному изъ священниковъ вашей паствы повѣнчать меня во время текущаго поста,— нетерпѣливо вставилъ или, попросту сказать, сболтнулъ Сполатбогъ.

— То-есть какъ это разрѣшите; развѣ у васъ уже есть на примѣтѣ одинъ изъ священниковъ, которому я могъ бы разрѣшить сдѣлать это?—спросилъ владыка не безъ ядовитости.

— Нѣтъ, у насъ такого священника нѣтъ, но вы можете разрѣшить...

— Попробовали ли вы сначала поговорить о такомъ дѣлѣ въ средѣ духовенства? Знаете ли вы, что ни одинъ изъ священниковъ не рѣшится пойти на такое дѣло, хотя бы я и взялъ на себя ему это поручить или, какъ вы выражаетесь, разрѣшить?

— Мы не были ни у одного священника и вообще съ духовными лицами объ этомъ говорить намъ еще не пришлось,—заговорилъ одинъ изъ товарищей:—но, ѣхавши къ вашему высокопреосвященству, мы надѣялись, что вы благословите насъ выслушать отъ васъ такой совѣтъ, который вывелъ бы изъ затруднительнаго положенія нашего товарища; этому товарищу необходимо теперь же устроить свое семейное дѣло и ѣхать къ исполненію долга на полѣ брани совершенно свободнымъ отъ этой мірской заботы...

— Какой вамъ совѣтъ?—почти перебилъ владыка:—Весь совѣтъ все тотъ же: твердо во всемъ держаться религіи, вѣры и указній православной нашей церкви, а потому не думать о такихъ не-суразностяхъ и не затѣвать ихъ ни подъ какимъ видомъ; экое дѣло придумали,—развѣ это возможно!...

— Что же придумали?! Насъ не осудить за это оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, онъ и далъ совѣтъ просить вашего рѣшенія,—вдругъ совершенно недержанно и почти запальчиво бухнулъ Сполатбогъ, поддавшись громадному волненію, одолѣвшему его.

Видя все неприличіе принятаго тона съ высокой особой уважаемаго архипастыря, товарищи встали, дабы прекратить разговоръ и оставить владыку, не тревожить его больше.

— Оберъ-прокуроръ,—сказалъ въ раздумьи митрополитъ, не вставая съ дивана:—вотъ вы не подумали поговорить съ духовенствомъ, а прямо пошли въ бесѣду съ оберъ-прокуроромъ; да что тутъ оберъ-прокуроръ можетъ сдѣлать или хотя бы посовѣтовать? Какой тутъ совѣтъ? Вотъ вамъ еще совѣтъ, выслушайте его: какъ вамъ не стыдно беспокоить начальство такими неподходящими дѣлами; вы должны бы знать, что за всякою прихотью нельзя идти по верхамъ; вѣдь вы хотите не только нарушенія законовъ и установленной обрядности, но требуете и забвенія святой вѣры нашей.

Владыка всталъ, каждого молча благословилъ и направился, насколько можно скоро, въ свои внутренніе покои.

Такъ эта добрая компанія и отошла отъ владыки далеко не съ миромъ.

К. П. Побѣдоносцевъ, видимо, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидавшій ихъ возвращенія, не измѣнивъ ни одной черты лица своего, выслушалъ весь отъ слова до слова переданный ему А. А. Боголюбовымъ разговоръ, происшедшій у митрополита, и сказалъ:

— Да, онъ такой, ни на іоту не поддастся ни въ чемъ ни при какихъ обстоятельствахъ; не даромъ онъ считается столпомъ, твердымъ устоемъ нашей церкви; я только не думалъ, что онъ будетъ съ вами такъ рѣзокъ; вѣдь все же для него вы представляли собой овецъ его обширной паствы, а онъ являлся для васъ пастыремъ добрымъ... Ну, что дѣлать, больше ужъ ничего и сдѣлать нельзя; я не могу придумать ничего, кромѣ того, что и сначала сказалъ:

надо послушать мудраго совѣта невѣсты, на томъ и рѣшить; поѣзжайте съ Богомъ къ безшабашному Скобелеву, воюйте тамъ храбро, какъ полагается, а объ узахъ Гименея подумаете по возвращеніи; дай Богъ вамъ успѣха; больше горя было бы, если бы невѣста не понимала этого; а съ такой болгарской, богатой военными доблестями дѣвушкой все дѣло ваше представляеть собой полбѣды.

Не оставилъ, однако, этого дѣла Сполатбогъ и продолжалъ со своими товарищами выискивать возможность завершить его такъ, какъ оно было имъ намѣчено тотчасъ по полученіи телеграммы Скобелева.

Больше всего онъ помнилъ, что дѣло это не можетъ длиться; оно должно быть окончено въ теченіе двухъ, самое большое трехъ дней; поэтому, посовѣтовавшись коротко съ друзьями и выслушавъ отъ нихъ разныя предложенія и предположенія, онъ въ тотъ же вечеръ слеталъ къ какому-то морского вѣдомства (флотскому) священнику отцу К., который, какъ говорили, никому не отказывалъ ни при какихъ обстоятельствахъ въ услугѣ повѣнчать. Къ сожалѣнію, Сполатбогъ не засталъ его, а на дому у него сказали, будто бы онъ только что началъ отбывать при одномъ изъ монастырей «покаяніе» за незаконное повѣнчаніе какого-то моряка, женившася такимъ образомъ на женѣ своего родного брата при жизни послѣдняго.

Затѣмъ, на общемъ совѣтѣ друзей было рѣшено отправиться къ протопресвитеру Бажанову, главному священнику гвардіи и арміи. Онъ не былъ подчиненъ митрополиту и потому, разсуждали друзья, могъ дать какое-либо самостоятельное рѣшеніе ¹⁾.

Семидесятидевятилѣтній старецъ принялъ прибывшихъ къ нему ласково и любезно, но съ первыхъ же словъ объяснилъ, что дѣло это невозможное; въ дальнѣйшей бесѣдѣ, однако, онъ смягчился, вошелъ въ положеніе воина, отъѣзжавшаго на поле брани, и сказалъ: «Врядъ ли кто-либо изъ священниковъ возьмется сдѣлать это; кромѣ большой ответственности, вѣдь въ этомъ самъ по себѣ таится грѣхъ большой противъ церкви нашей православной; я вполне понимаю ваше положеніе и радъ бы вамъ помочь совѣтомъ, да ничего

¹⁾ Протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ, управляя придворнымъ духовенствомъ, занималъ постъ главнаго священника гвардіи, арміи и гренадеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ состоялъ духовникомъ ихъ императорскихъ величествъ и царской семьи; это былъ высокообразованный человѣкъ; по окончаніи курса ученія въ петербургской духовной академіи онъ былъ оставленъ бакалавромъ, преподавателемъ англійскаго языка; родился онъ въ 1800 году, скончался 31-го іюля 1883 года, наканунѣ пятидесятилѣтняго юбилея своей плодотворной службы; онъ былъ инициаторомъ и главнымъ участникомъ перевода евангелія на русскій языкъ.

Авт.

не подѣлаешь; приказать или поручить, или разрѣшить я никакъ не могу, объ этомъ и слова нѣтъ...»

— Ужъ какъ-нибудь надумайте, ваше высокопреосвященство, — возвеличилъ его Сполатбогъ, все время пребывавшій въ нетерпѣливомъ желаніи, во что бы ни то ни стало, добиться благополучнаго разрѣшенія наболѣвшаго вопроса: — какъ-нибудь изыщите путь...

Василій Борисовичъ, углубившись въ свои мысли, какъ будто бы не слышалъ просьбъ и моленій, расточавшихся болѣзненно разстроеннымъ человѣкомъ, заладившимъ одно и не видѣвшимъ передъ собой ничего, кромѣ этого.

Нѣсколько минутъ казалось, что старикъ заснулъ надъ своими мыслями. Вдругъ онъ широко раскрылъ свои глаза, потухшій взоръ его просвѣтлѣлъ, и онъ произнесъ:

— Одно могу я вамъ сказать: въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ имѣется молодой священникъ отецъ Менчицъ; онъ поступилъ изъ уніатовъ; можетъ быть, поэтому ему было бы сподручнѣе это сдѣлать; идите къ нему, живетъ онъ недалеко — на углу этой улицы ¹⁾ и Литейнаго проспекта. Идите, спросите; но если укажете, что пришли отъ меня, все дѣло испортите, уніаты мнительный народъ: онъ можетъ подумать, что я дѣлаю ему какое-нибудь испытаніе.

Отправившись къ нему, застали его дома, но — онъ боленъ и лежитъ въ постели, — сказалъ случайно или не случайно оказавшійся въ квартирѣ его молодой причетникъ или понамаръ.

— Пожалуйста, доложите, что на одну минуту пришли два офицера по дѣлу, по очень важному дѣлу, долго не задержимъ, — подступилъ къ нему вкрадчиво Сполатбогъ.

— Нельзя, очень крѣпко боленъ, не могу и доложить...

Вышла пожилая женщина. Выслушала.

— Видите ли, господа, батюшка очень нездоровъ, раньше, какъ черезъ недѣлю, ихъ тревожить нельзя...

— Попробуйте, матушка, — настаивалъ Сполатбогъ: — пожалуйста, доложите, спросите, вѣдь на минуту, только два слова сказать...

Старушка усердоболилась, подалась, пошла доложить.

Войдя въ спальню больного, оба посѣтителя пожалѣли о своей настойчивости: передъ ними лежалъ, разметавши свою постель, больной, изможденный, глубокой старикъ...

— Извините, — сказалъ товарищъ Сполатбога — мы, вѣрно, не туда попали; мы хотѣли видѣть молодого священника Сергіевского собора отца Менчица.

— Да, да, это я; а что вы говорите «молодого», такъ у насъ принято называть молодымъ «новаго», — я недавно сюда опредѣленъ, —

¹⁾ Въ то время В. П. Бажановъ жилъ на Сергіевской улицѣ, въ небольшомъ одноэтажномъ казенномъ деревянномъ особнякѣ.

глухимъ, дребезжащимъ голосомъ произнесъ старикъ съ большою разстановкой, которую, очевидно, вызывала одышка.

— Нѣтъ, ужъ мы не будемъ васъ беспокоить, лучше въ другой разъ...

— Ничего, ничего, ужъ зашли, нечего дѣлать,—проговорилъ онъ, силясь приподнять голову съ низко лежавшей подушки.

— Почему же не будемъ?—сказалъ съ большимъ азартомъ Сполатбогъ, какъ бы спохватившись:—и [какой другой разъ...

— Да вѣдь батюшкѣ же нельзя, ты видишь, какъ онъ слабъ, гдѣ же ему...

— А, можетъ быть, онъ найдетъ другого, посоветуетъ, укажетъ, къ кому обратиться,—безжалостно продолжалъ свою настойчивость Сполатбогъ...

— Въ чемъ же могу быть полезнымъ, господа? Скажите.

Наскоро рассказавъ все дѣло, офицеры видѣли, какъ отецъ Менчицъ, изображая ужасъ на своемъ исхудаломъ лицѣ, болѣе и болѣе опускался въ подушку и закрывалъ свои старческіе, глубоко сидѣвшіе глаза.

— Что это вы, господа, какъ это можно; вѣдь я старикъ, мнѣ семьдесятъ восемь лѣтъ минуло, я вѣдь одной ногой уже стою въ гробу; какъ же я, сдѣлавъ такое дѣло, предсталъ бы передъ Всевышнимъ, который меня уже призываетъ къ себѣ; Боже сохрани и избави; «невозможное» дѣло затѣяли вы, господа,—сквозь силу едва произнесъ старецъ.

Сполатбогъ думалъ было все-таки спросить его, не укажетъ ли онъ, къ кому можно обратиться, но товарищъ его, извинившись передъ старцемъ, попросилъ его благословенія, пожелалъ ему скорѣе поправиться и, попрощавшись, направился вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ, помимо своей воли, за нимъ къ выходу женихомъ, измученнымъ неудачами, постигавшими ихъ въ теченіе дня всюду. Изъ передней страшные гости послали добрую женщину къ старцу-священнику, который впалъ, повидимому, въ глубокое забытѣе, близкое къ обмороку.

Въ ночь на понедѣльникъ, т.-е. ровно черезъ трое сутокъ послѣ этого и часа черезъ четыре послѣ-таки состоявшагося вѣнчанія Сполатбога, почтенный старецъ отецъ Менчицъ тихо скончался, а въ четвергъ, въ день отбѣзда Сполатбога изъ Петербурга въ первую ахаль-текинскую экспедицію, къ Михаилу Дмитріевичу Скобелеву, состоялись похороны старца.

Поневолѣ вспомнишь:

«Мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій».

XI.

Случайная встрѣча Сполатбога съ С. Н. Меллеромъ-Закомельскимъ; какъ онъ помогъ бѣдѣ.—Кавалергардскаго полка священникъ А. А. Желобовскій; вѣнчаніе въ посту; болгарскіе друзья Сполатбога—Кисяковъ и Пановъ.—Позорное поведеніе Александра Баттенбергскаго; гибель Панова при стамбуловскомъ режимѣ.

Такъ окончился второй день хлопотъ о дѣлѣ, которое начало принимать видъ злополучной неудачи; женихъ уже терялся, больно было смотрѣть на него. Въ тотъ же день, въ пятницу вечеромъ, онъ встрѣтился съ однимъ старымъ знакомымъ, полковникомъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Меллеромъ-Закомельскимъ, котораго отецъ, генераль-адъютантъ, довольно долго былъ начальникомъ Сполатбога, командуя въ Варшавѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіей.

Флигель-адъютантъ С. Н. Меллеръ-Закомельскій, другъ, товарищъ и соратникъ М. Д. Скобелева, за ужиномъ въ модномъ ресторанѣ Палкина поразилъ всѣхъ совѣтомъ обратиться къ священнику Кавалергардскаго полка отцу А. А. Желобовскому; онъ будто бы возьмется повѣнчать; при этомъ Меллеръ добавилъ:

— Не ради выгоды, а изъ участія къ положенію твоему; это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова; ужъ если онъ не возьмется, то не ищи, не найдешь никого и тогда безъ дальнѣйшихъ хлопотъ поѣзжай въ Ахалъ-теке невѣнчаннымъ; шуточное ли дѣло: отъ Миши двѣ телеграммы! Надо, братъ, скорѣй уѣзжать—торопись

— Откуда ты знаешь, Сережа, объ Желобовскомъ, кто тебѣ скажетъ; вѣдь это похоже на сказку, или ты шутишь?—началь нервно допрашивать Сполатбога.

— Знаю все; сегодня уже поздно, а завтра, чѣмъ свѣтъ, поѣзжай, и участь твоя рѣшится; завтра же, или, самое позднее, послѣзавтра, свадьбу сыграешь, меня зови въ число шаферовъ; повѣнчается, а деньги, которые возьметъ съ тебя, употребить на бѣдныхъ; ужъ это всѣ знаютъ тверже твердаго.

Съ большимъ недовѣріемъ слушали присутствовавшіе все это.

Каково же было общее удивленіе, когда на другой день почтенный отецъ Желобовскій, выслушавъ всю исторію, безъ разговоровъ изъявилъ согласіе повѣнчать «хоть сейчасъ», и поставилъ лишь одно условіе къ исполненію: не въ церкви Кавалергардскаго полка и не въ какой либо приходской церкви.

— Найдите какую-нибудь частную, домовую церковь, укажите мнѣ ее, тогда я самъ переговорю со священникомъ и отвѣчаю; не услужить нельзя, дѣло такое.

На вопросъ Сполатбога о томъ, что будетъ необходимо заплатить, отецъ Желобовскій отвѣтилъ:

— Это ваше дѣло, не мое,—сами подумайте, сами и рѣшите.

— А если я не могу дать болѣе ста рублей?—нерѣшительно спросилъ Сполатбогъ.

— Сто рублей большія деньги,—отвѣтилъ онъ:—если можете ихъ заплатить, заплатите, но только если дѣйствительно можете; вамъ вѣдь теперь въ походъ-то деньги нужны. А Скобелеву отъ меня поклонъ снесите, онъ ко мнѣ всякій разъ обязательно заѣзжаетъ, когда бываетъ въ Петербургъ; я, говорить, началъ военную службу подъ сѣнью вашего храма, юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку. Ну, торопитесь, времени-то немного, мѣшкать нельзя, поищите храмъ да вашъ адресъ запишите мнѣ на особую записочку, мало ли на что можетъ понадобится, дамъ вамъ знать; а свадьбу, имѣйте въ виду, по возможности, назначить на завтра—воскресенье; изъ документовъ, главное, представьте, что не женаты и что она не замужняя, чтобы не случилось завѣдомаго двоебрачія, а остальное прочее все послѣ передадите мнѣ.

Весь день Сполатбогъ и товарищи его просновали по Петербургу въ розыскахъ церкви, которая могла бы принять къ себѣ пару, «ищущую счастья».

Когда они къ пяти часамъ съѣхались на квартиру Сполатбога, въ Парижскую гостиницу, то застали на его имя записку, въ которой отецъ Желобовскій извѣщалъ, что церковь имъ благополучно найдена—церковь во дворцѣ графа Шереметева по Фонтанкѣ. «Больше вамъ не о чемъ хлопотать, пріѣзжайте ко мнѣ,—писалъ онъ далѣе:—условимся обо всемъ остальномъ».

Въ воскресенье 14-го декабря, къ 6^{1/2} часамъ вечера, въ освѣщенную а гогно церковь дома графа Шереметева съѣхалось нѣсколько человекъ, и отецъ Желобовскій совершилъ вѣнчаніе Сполатбога, который назначилъ свой выѣздъ на кавказскій берегъ Каспійскаго моря въ четвергъ 18-го декабря.

Маленькая задержка, происшедшая въ минуту, назначенную для вѣнчанія, произвела на жениха самое отчаянное впечатлѣніе: тотъ самый пріятель, который такъ хорошо разрубилъ безнадежный узелъ, С. Н. Меллеръ-Закомельскій, не явился въ качествѣ шафера и явиться не могъ, о чемъ, съ получасовымъ опозданіемъ, была получена отъ него записка. Не будь Сполатбогъ уже рѣшительно разстроенъ нервами, онъ взглянулъ бы на это совершенно просто, но, при его состояніи духа, это на него подѣйствовало удручающе. Очень скоро, однако, вызванное его нервностью смятеніе прошло, и все устроилось: отецъ Желобовскій объяснилъ, что роль шафера не возбраняется исполнять и женатому человѣку, поэтому находившійся въ церкви въ числѣ немногихъ приглашенныхъ А. А. Боголюбовъ замѣнилъ Меллера, и дѣло сладилось,

а такъ какъ онъ не могъ стоять, то шаферъ невѣсты держалъ два вѣнца ¹⁾).

«Посаженными родителями», какъ выражался Н. Н. Сполатбогъ, были баронесса и баронъ Д—ны. Къ вѣнцу вѣнчанія подъѣхали неизвѣстно почему запоздавшіе гости: находившійся на болгарской службѣ нашъ полковникъ Кисяковъ (уроженецъ Болгаріи) и молодой болгаринъ, временно проживавшій въ столицѣ и проходившій тогда курсъ академіи генеральнаго штаба, капитанъ Пановъ.

Кисяковъ, отбывъ кампанію 1877—8 гг., вмѣстѣ съ другими нашими офицерами въ «столѣтовскомъ» болгарскомъ ополченіи, удостоенъ былъ нѣсколькихъ наградъ за боевыя отличія, а послѣ кампаніи такъ же, какъ Сполатбогъ, въ качествѣ инструктора молодой болгарской арміи, былъ назначенъ командиромъ одной изъ дружинъ и прокомандовалъ ею до тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ III не счелъ нужнымъ въ 1886 году отозвать изъ Болгаріи нашихъ офицеровъ въ наказаніе Александру Баттенбергскому, занимавшему тогда, по милости Царя-Освободителя, болгарскій княжескій престолъ. Этотъ князь, оказавшійся полуидіотомъ ²⁾, пренебрегъ, по наущенію враговъ Россіи, вниманіемъ царя и въ поведеніи своемъ проявилъ неслыханно-дерзкое противорѣчіе всему тому, что, согласно волѣ государя, долженъ былъ въ точности исполнить.

Впослѣдствіи онъ почувствовалъ весь позоръ своего положенія; онъ понималъ, что оказался игрушкой въ рукахъ тѣхъ враговъ и куклой въ глазахъ своихъ подданныхъ; позднее раскаяніе его не привело ни къ чему; онъ поселился въ Австріи и, поступивъ тамъ на службу въ кавалерію, женился, при чемъ наружно старался выказывать себя составившимъ свое счастье, котораго, въ сущности, никакъ не могъ до самой смерти своей обрѣсть, ибо его душило, мучило и угнетало презрѣніе, окружавшее его; имъ дарили

¹⁾ Протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій много лѣтъ состоялъ священникомъ Кавалергардскаго полка и настоятелемъ полковой Захарія и Елизаветы церкви. Въ 1880 году онъ получилъ повышение, будучи переведенъ старшимъ священникомъ въ Сергіевскій всей артиллеріи соборъ, а въ 1883 году занялъ мѣсто В. Б. Бажанова; на этомъ мѣстѣ онъ пробылъ въ энергичной работѣ на пользу церкви, а также военнаго и морского духовенства—26 лѣтъ. Съ высокою образованностью онъ соединялъ благородство души и истинно-христіанскую готовность всегда каждому прійти въ серьезномъ дѣлѣ на помощь, каждаго поддержать; онъ славился, какъ чловѣкъ, умѣвшій все примирить и во всякой бѣдѣ найти успокоеніе и самое высокое утѣшеніе. Описанный случай ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ; матеріально онъ всегда широко поддерживалъ бѣдныхъ и дѣлалъ это, совершенно не выставляя и не показывая на видъ. Онъ скончался въ концѣ 1909 года; у свѣжей могилы его еще недавно было со всѣхъ сторонъ высказано о немъ очень много такого, что подтверждало отзывъ барона С. Н. Меллера-Закомельскаго, коротко сказавшаго: «это чловѣкъ въ полномъ смыслѣ слова».

Авт.

²⁾ Случайная замѣтка: когда кто-то сказалъ про него въ присутствіи Драгомирова: «Это полуидіотъ»,—М. И., со свойственной ему шутиливостью, возразилъ: «Что это ты, другъ мой, и въ этомъ скуписься отдать ему полный чинъ!»

его всѣ честные люди, видѣвшіе и знавшіе, при какихъ обстоятельствахъ онъ втерся въ довѣріе великодушнаго монарха и съ какой беззастѣнчивой наглостью обманулъ какъ это высокое довѣріе, такъ и горячія надежды народа, который въ минуты обновленія своей жизни тщетно искалъ въ немъ благородной защиты и честной поддержки.

А между тѣмъ къ устроению своей жизни юная страна была призвана мощнымъ словомъ облагодѣтельствовавшего ее царя.

Откомандовавъ послѣ 1886 года полкомъ въ Россіи, Кисяковъ умеръ въ чинѣ генерала-майора, занимая должность бригаднаго командира въ одной изъ пѣхотныхъ дивизій.

Пановъ же, блестяще начавъ свою военную службу въ Болгаріи, явился однимъ изъ славныхъ, наиболѣе храбрыхъ и способныхъ участниковъ печальной памяти сербско-болгарской войны; онъ быстро поднялся въ чинахъ и въ должностяхъ, но скоро карьера его была пресѣчена преждевременной насильственной смертью. Онъ былъ другомъ Н. Н. Сполатбога и находился въ постоянной перепискѣ съ нимъ. Какъ болѣе знавшій русскую жизнь и еще на школьной скамьѣ изучившій всю доведенную до утонченности фальшивость вѣчно жидовствующихъ кадетъ, онъ явился для болгарскаго деспота Стамбулова бѣльмомъ на глазу, а потому палъ одною изъ первыхъ жертвъ его предательскаго режима. Вслѣдствіе отданнаго лично Стамбуловымъ приказа во что бы то ни стало арестовать его при первомъ же случаѣ нахожденія въ какой-либо толпѣ или въ сборищѣ услужливые клеветы не замедлили воспользоваться этимъ приказомъ; они захватили Панова въ ту минуту, когда онъ, какъ очень много занимавшійся вообще распространеніемъ военно-научнаго образованія между офицерами молодой болгарской арміи, читалъ въ одинъ изъ вечеровъ въ Рушукѣ лекцію при полномъ собраніи офицеровъ рушукскаго гарнизона. Онъ былъ тогда вооруженъ лишь карандашами, циркулемъ, линейкой и планами, по коимъ преподавалъ своей аудиторіи обратное изъ Россіи движеніе наполеоновской арміи черезъ Смоленскую губернію и Березину. Никто не думалъ, что этотъ захватъ лектора послужитъ къ его гибели, погубить его; однако, немедленно «преданный только суду безсовѣстности Стамбулова», онъ былъ обвиненъ въ вооруженномъ сопротивленіи и въ ту же ночь казненъ въ тѣхъ самыхъ равелинахъ, надъ болѣе совершеннымъ укрѣпленіемъ и вооруженіемъ которыхъ въ то время работалъ на пользу родины по порученію болгарскаго военнаго министерства, получившаго на этотъ предметъ подробныя, поучительнаго характера указанія отъ нашего правительства.

Такъ этотъ молодой, блестящій офицеръ, учитель и наставникъ юной арміи братушекъ, былъ Стамбуловымъ разстрѣлянъ въ Рушукѣ вмѣстѣ съ шестью другими патріотами, коихъ, какъ и его, вся вина заключалась въ томъ, что они оставались твердыми въ са-

мой вѣрной приверженности и признательности своей освободительницѣ Россіи и ея великому царю.

Память этихъ семи мучениковъ, подвергнутыхъ казни извергомъ, Болгарія такъ же вѣрно чтить, какъ помнитъ то, что негодяй этотъ получилъ свое образованіе и всю закваску своихъ вѣроломныхъ убѣжденій въ средѣ русскихъ жидо-кадетъ, тайно практиковавшихъ уже тогда все то, что впослѣдствіи они не разъ пытались развернуть и чуть не сдѣлали открыто исповѣдываемымъ на Руси и свободно творимымъ.

ХІІ.

Отношенія офицеровъ къ Сполатбогу.—Маленькое приключеніе съ нимъ въ варшавскомъ магазинѣ.—Служба его при Скобелевѣ въ Закаспійскомъ краѣ во время и послѣ взятія Геокъ-тепе.—Опять князь Дондуковъ-Корсаковъ.—Переводъ на Кавказъ.—Командованіе стрѣлковымъ батальономъ въ Мервѣ.—Административная служба Сполатбога.—Его чрезвычайная энергія.—Взглядъ Скобелева на него, какъ на боевого офицера.—Кончина его.

Съ молодыхъ лѣтъ, еще будучи юнкеромъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, а затѣмъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, Н. Н. Сполатбогъ былъ хорошо извѣстенъ между офицерами не только гарнизона гор. Варшавы, но и войскъ варшавскаго военного округа, и пользовался общеою любовью, какъ веселый, открытый, жизнерадостный, доброжелательный, честный и остроумный человѣкъ.

Одинъ старый уланскаго полка штабъ-офицеръ нѣмецкаго происхожденія, плохо говорившій по-русски, изошряясь въ пустынькихъ остротахъ (вицахъ), коверкалъ его фамилію и, въ сущности, не придавая этому никакого значенія, говорилъ: «вотъ какая странная фамилія—«помилуй Богъ», «Господи помилуй»; никто, кромѣ самого хохотавшаго остряка, не смѣялся на эту его остроту, но это дало поводъ другимъ варьировать измѣненіе фамиліи на разные лады и, если нѣкоторые, очевидно, изъ недруговъ носителя ея, полусути, называли его за глаза «избави Богъ», то громадное большинство всегда и вездѣ совершенно искренно говорило: подай, Боже.

Здѣсь будетъ кстати рассказать объ одномъ эпизодѣ, который случился съ нимъ въ первые годы его службы.

Въ тѣ времена между русскими, служившими въ Варшавѣ, завелось обыкновеніе—обзаводиться лавочками или небольшими магазинами, въ которыхъ дамы ихъ сердца сидѣли, ведя, для развлеченія, а отчасти и для увеличенія средствъ къ жизни, торговлю. Такъ, князь Им—ій, молодой, блестящій полковникъ генеральнаго штаба, учредилъ на главной улицѣ—Новый Свѣтъ—табачную лавочку и подарилъ ее прехорошенькому розанчику, изъ мѣстныхъ

сильфидъ—«Юзѣ», которая съ распушенной густой косой, отропченной буквально до пятокъ, сидѣла въ своей лавочкѣ, привлекая въ нее молодыхъ ухаживателей изъ числа блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Военный инженеръ Г. открылъ на той же улицѣ очень хорошій магазинъ косметическихъ товаровъ; въ немъ принялась торговать его жена, молодая, красивая, изящная брюнетка-москвичка. Однажды въ этотъ магазинъ зашли три юныхъ офицера; одинъ изъ нихъ спросилъ себѣ два куска мыла мѣстной, славящейся, кажется, и понынѣ своимъ производствомъ фабрики Пульса, а затѣмъ сказалъ:

— И дайте мнѣ кстати какихъ-нибудь духовъ.

— Какихъ же вамъ духовъ?—спросила красавица.

— Все равно, какихъ-нибудь, только модныхъ,—отвѣтилъ онъ, быть можетъ, приглядываясь къ ней болѣе, чѣмъ было нужно и можно.

— Я не знаю, какіе модные, вы потрудитесь сказать, какихъ вы желали бы,—не то запальчиво, не то сконфуженно отвѣтила она.

— Кисъ ми квикъ ¹⁾),—вдругъ произнесъ офицеръ, слыша под-сказыванье хихикавшихъ товарищей; при этомъ всѣ трое, совершенно невинно, рассмѣялись.

— Если вы пришли въ магазинъ покупать, то покупайте, а если хотите заниматься вышучиваньемъ, такъ лучше уйдите,—въ смущеніи рѣзко сказала дама, выказывая тѣмъ, что сидѣнье за торговлей является для нея дѣломъ непривычнымъ.

— Ого,—сказалъ офицеръ:—вы насъ выпроваживаете, а имѣете ли право на то?

— Прошу васъ сказать мнѣ вашу фамилію, я передамъ мужу о вашихъ неумѣстныхъ продѣлкахъ...—начала было она, уже совершенно растерявшись.

— Очень жаль будетъ, если вы дойдете до того, что рѣшитесь такъ подводить вашего супруга; не знаю, будетъ ли это умѣстно,—а фамилія моя Сполатбогъ.

— Ну, ужъ это совсѣмъ глупо,—сорвалась она, не представляя себѣ, что такая фамилія встрѣчается:—я прошу васъ серьезно отвѣтить на вопросъ, какъ ваша фамилія, и лишнихъ шутокъ себѣ не позволять...

— Какъ вамъ угодно, я же, съ своей стороны, прошу васъ передать вашему супругу вотъ эту мою визитную карточку, онъ прочтетъ и увидитъ, какія это шутки.

Съ этими словами Сполатбогъ передалъ ей свою карточку, на которой было прописано его имя, отчество, фамилія, чинъ и мѣсто

¹⁾ «Kiss me quick»—по-англійски значить «поцѣлуй меня скорѣй»; такое названіе посятъ очень хорошіе, модные до сихъ поръ еще съ тѣхъ временъ духи; кажется, ни того ни другого значенія этой фразы Сполатбогъ не зналъ.

служенія; затѣмъ всѣ три офицера вышли изъ магазина, не дождав-
шись ни того ни другаго «кисъ ми квика».

Инженеръ Г., видимо, смутился выходкой своей жены; онъ на
другой же день утромъ пріѣхалъ къ Сполатбогу съ извиненіями.

— Помилуйте,—сказалъ Сполатбогъ:—вы напрасно беспокоились;
супруга ваша, видимо, чѣмъ-нибудь раздражилась, или
вообще была не въ духѣ...

Съ тѣхъ поръ Сполатбогъ бывалъ въ домѣ этой пары, такъ какъ
на пріѣздъ Г. онъ считалъ долгомъ отвѣтить ему визитомъ.

Жена инженера капитана Г. оказалась очень милой, образован-
ной и свѣтской особой; она объяснила, что сама не понимаетъ
своей выходки и не можетъ уяснить себѣ, что съ ней случилось въ
тотъ день, когда она такъ рѣзко обошлась со своими ни въ чемъ не-
повинными покупателями.

Такъ составилось доброе знакомство, не прекратившееся за все
время пребыванія Сполатбога въ Варшавѣ, до самаго отъѣзда его
въ Ташкентъ.

Больше всего офицеры цѣнили въ немъ то, что, состоя въ чинѣ
прапорщика лейбъ-гвардіи Литовскаго полка и помѣщаясь въ
теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ квартирѣ родного дяди своего,
полкового командира генерала Каталея, онъ никогда не проявилъ
никакой безтактности, которая могла бы вызвать хотя бы тѣнь на-
мека на недоразумѣніе между командиромъ и офицерской средой;
а между тѣмъ въ ней молодой человѣкъ проводилъ цѣлые дни во
время службы и внѣслужебные часы.

Василій Васильевичъ Каталей—съ виду очень суровый хохоль;
честнѣйшій и справедливѣйшій человѣкъ и начальникъ. Въ концѣ
шестидесятихъ годовъ онъ командовалъ лейбъ-гвардіи Литов-
скимъ полкомъ, потомъ состоялъ въ должности начальника мѣст-
ныхъ войскъ петербургскаго военного округа, а по объявленіи моби-
лизации, 3-го ноября 1876 года былъ назначенъ начальникомъ тыла
дѣйствующей арміи, по особому выбору великаго князя главнокоман-
дующаго Николая Николаевича Старшаго; въ августѣ слѣдующаго
года, по такому же выбору, получилъ назначеніе командовать 3-ею
гвардейскою пѣхотною дивизіей. Геройски откомандовавъ ея въ
теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ въ декабрѣ того года былъ
убитъ при переходѣ черезъ Малые Балканы ¹⁾.

¹⁾ Рассказываютъ, что на другой день послѣ очень лихого и горячаго дѣла, въ ко-
торомъ турки потерпѣли большой уронъ и были отгнаны, генералъ Каталей, высту-
пивъ во главѣ подчиненныхъ ему частей войскъ, шелъ впереди всѣхъ верхомъ во главѣ
авангардной колонны, забывъ всякія предосторожности военновременнаго движенія.
Съ нимъ двигался бригадный командиръ той дивизіи—генералъ-майоръ Философовъ
(бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича); онъ будто бы пытался на-

Одну мечту лелѣялъ Н. Н. Сполатбогъ: отбывъ скобелевскій походъ, съ честью возвратиться въ Петербургъ, а потомъ зажить семейною жизнью тамъ, куда судьба его пошлетъ; ему хотѣлось отдохнуть отъ тревоженій, которыхъ послала ему жизнь слишкомъ много; а затѣмъ, посвятить себя всецѣло семьѣ, всесторонне заняться ею. Но судьбѣ и тутъ угодно было распорядиться по отношенію къ нему иначе.

М. Д. Скобелевъ проводилъ въ началѣ 1880 года время въ отдахъ разнообразѣйшихъ распоряженій по дѣламъ энергичной подготовки къ предстоявшему грандіозному походу; онъ уже продвинулся на западный берегъ Каспія, когда къ нему явился Н. Н. Сполатбогъ.

М. Д. принялъ его очень дружелюбно.

— Спасибо вамъ за то, что вы съ такой готовностью и спѣшностью прилетѣли ко мнѣ,—сказалъ бѣлый генералъ въ отвѣтъ на раздавшіяся со стороны майора извиненія въ томъ, что онъ не сразу могъ выбраться и промедлил нѣсколько дней со времени полученія приглашенія.

Когда М. Д. замѣтилъ ему, что явиться исправнѣе было бы не только трудно, но и невозможно, Н. Н. сказалъ, что не простить себѣ происшедшаго промедленія, при чемъ рассказалъ все происшедшее съ нимъ съ момента полученія первой телеграммы.

— Ну, слава Богу,—отвѣтилъ Бѣлый генералъ:—у насъ теперь дѣло не такъ горитъ и имѣется запасное время до нашего передвиженія за Каспійское море и за Копетдагскія горы. Поэтому я васъ теперь же посылаю за пріобрѣтеніемъ разныхъ запасовъ; вамъ придется обратно проѣхать весь сдѣланный вами сюда путь, и вы доѣдете до самаго Петрограда; теперь немного здѣсь отдохнете и двинетесь, а пока разузнайте здѣсь, какія заготовленія требуютъ болѣе напряженнаго вниманія, а также большаго времени.

— Видно было, что у Мих. Дм. давно явилась потребность командировать нѣсколькихъ человѣкъ,—говорилъ потомъ Сполатбогъ:—намѣреніе же отправить меня созрѣло въ ту минуту, когда я ему рассказалъ о своей свадьбѣ и о спѣшности, съ которою пришлось ее отпраздновать; это такъ; хотя вообще въ дѣлахъ семейнаго характера нѣжностей отъ него ждать было трудно. Изъ заготовленій врядъ ли можно остановиться на такихъ, которыхъ не требовалъ

помнить Каталею, что они опередили не только авангардъ, но и развѣды. Генералъ Каталей ничего не отвѣтилъ, быть можетъ, потому, что онъ имѣлъ привычку такъ двигаться всегда. Въ то время, когда они, мирно бесѣдуя, входили въ темное ущелье, обрѣзанное крутыми скалами, сверху раздался залпъ; вмѣсто обоихъ генераловъ остались ихъ трупы; убитыми также оказались сопровождавшіе ихъ два трубача и тяжело ранеными три казака. Съ большимъ сожалѣніемъ можно сказать, что все это были совершенно напрасныя жертвы излишней и неблагоприятной храбрости начальника.

Авт.

М. Д. Всевозможные консервы, полушубки, валенки, овесъ, бочки для пороха, инструменты, кибитки, закупка верблюдовъ, лошадей, ремни, вьюки, вьючныя сѣдла, мѣшки для земли, теплыя рубашки, фуфайки и много, много другого самаго разнообразнаго.

Многое изъ этого было поручено одному Сполатбогу, кое-что и другимъ офицерамъ. Всѣ приказанія Скобелевъ вообще отдавалъ лично.

Когда Сполатбогъ представился ему черезъ двѣ недѣли, онъ, отправляя его, сказалъ:

— Поѣзжайте и благополучно возвращайтесь, времени у васъ недѣль десять-двѣнадцать; я буду васъ освѣдомлять о себѣ, вы узнаете, когда я тронусь отсюда; надо приспособить ваше возвращеніе ко времени начала моего движенія къ Бами.

Возвратясь въ-время, Сполатбогъ принялъ, такимъ образомъ, участіе собственно въ двухъ ахаль-текинскихъ экспедиціяхъ: одна лѣтняя 1880 года, закончившаяся крупной, крайне рискованной рекогносцировкой, другая зимняя, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ взятія крѣпости Денгиль-тепе и покореніемъ ахаль-текинскаго оазиса Геокъ-тепе ¹⁾, названнаго Закаспійскимъ краемъ.

Какихъ только порученій, должностей, назначеній и командировокъ не исполнялъ Сполатбогъ въ теченіе этихъ двухъ походовъ.

Послѣ взятія Денгиль-тепе, какъ бы облеченный особымъ личнымъ довѣріемъ Скобелева, онъ былъ поставленъ къ разбору и разрѣшенію мірады жалобъ, посылавшихся изъ среды побѣжденныхъ на своихъ и на побѣдителей. Скобелевъ поставилъ себѣ въ особую честь умиротворить населеніе.

— Только этотъ путь обѣщаетъ поставить насъ здѣсь совершенно прочно,—говорилъ онъ:—я это твердо изучилъ долгими сношеніями съ азіатами. Жалобы женщинъ и людей слабыхъ вообще должны быть разобраны, разъяснены; жалующіеся должны быть успокоены; для этого нужна твердость, повелительность и, главное, справедливость.

М. Д. прямо объявилъ, что, довѣряясь вполнѣ Сполатбогу, онъ разсчитываетъ черезъ него устроить особенно прочно судьбу массы вдовъ, оставшихся съ дѣтьми, а также судьбу сотенъ тысячъ раненыхъ, больныхъ и всѣхъ тѣхъ, кои вынуждены были бѣжать безъ имущества; ихъ надо вернуть, водворить, снабдить вещами изъ всего захваченнаго нами подъ видомъ скарга; имъ надо возвратитъ кибитки, часть скота и зерна, какъ кормового, такъ и посѣвнаго.

Разоружая населеніе, дабы оно явилось безопаснымъ для арміи, необходимо смотрѣть сквозь пальцы на оставленіе у него части оружія,—въ предѣлахъ лишь того, чтобы народъ, привыкшій носить

¹⁾ Между прочимъ А. И. Масловъ въ этомъ сочиненіи прямо указываетъ, что крѣпость, взятая 12-го января 1881 года, называлась Денгиль-тепе, а вся область—Геокъ-тепе.

оружіе, не испытывалъ чувства позора въ безоружномъ видѣ; возвращеніе ему, какъ бы невзначай, части отобраннаго оружія играетъ важную роль въ дѣлѣ сношенія съ азіатами,—оно показываетъ имъ то довѣріе, которымъ поддерживается уваженіе къ намъ: надо свободно давать восточному человѣку возможность вооружаться, при этомъ отнюдь не показывая какого бы то ни было слабаго чувства и не давая этому народу обнаружить въ насъ мысль о превосходствѣ его вооруженія передъ нашимъ, котораго у насъ всегда имѣется вдоволь усовершенствованнаго, надежнаго и превосходнаго. Безконечной массы такихъ и подобныхъ наставленій наслушался майоръ Сполатбогъ отъ М. Д.; а онъ могъ широко ими снабжать вслѣдствіе богатства опыта, набраннаго имъ при покореніи Кокана, Андижана, Маргелана, Ферганы, а также въ пройденныхъ имъ походахъ—хивинскомъ 1873 года и турецкомъ 1877—8 годовъ.

За особое отличіе въ дѣлѣхъ подъ Денгиль-тепе этотъ расторопный, живой, распорядительный и храбрый майоръ былъ, согласно личнаго представленія М. Д., произведенъ въ подполковники, затѣмъ получилъ широкую власть и большія полномочія. Самостоятельно распорядаясь во всемъ порученномъ ему, быстро рѣшая спорныя дѣла, иногда очень сложныя, и подводя ихъ разъ навсегда ко взаимному удовлетворенію спорящихъ и къ удовольствію обижаемыхъ, онъ имѣлъ въ свое время доступъ къ Бѣлому генералу, который, при всей массѣ дѣлъ, заботъ и хлопотъ, находилъ время выслушивать и самолично рѣшать дѣла, особо своею запутанностью выдававшіяся, или давать указанія по дѣламъ, взятымъ на выдержку въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по ходу своему, могли требовать его особаго участія и отдѣльной санкціи.

Очень скоро Мих. Дм. Скобелевъ, присмотрѣвшись ко всему, что дѣлалъ, исполнялъ и какъ ему помогалъ Н. Н. Сполатбогъ, отличилъ его назначеніемъ ¹⁾ на должность уже совершенно самостоятельнаго начальника военно-народнаго управленія въ ближайшей къ Каспійскому морю и къ Кавказу части вновь завоеваннаго края.

¹⁾ См. А. Н. Маслова «Завоеваніе Ахаль-теке», изданіе (второе) А. С. Суворина 1887 года. Все изображенное у него (между прочимъ на страницахъ 193—195) вполнѣ сходится съ тѣмъ, что содержатъ на этотъ счетъ записки Н. Н. Сполатбога. Неизвѣстно только, почему талантливый писатель фамилію этого штабъ-офицера пишетъ «Сполатбокъ»; во всѣхъ документахъ она изображалась и изображается «Сполатбогъ», также и говоромъ при склоненіи показывается въ концѣ *гъ*, а не *къ*—Сполатбогъ, Сполатбогу, о Сполатбогѣ, Сполатбогомъ. Въ общемъ, можетъ быть, въ этомъ важно только указаніе писанія на случай опредѣленія правильности тѣхъ или иныхъ документовъ послѣдственныхъ. Я прекрасно помню, что у покойнаго была собрана небольшая бібліотека, въ которой онъ особо выдѣлялъ и цѣнилъ все касавшееся какъ Ахаль-теке, такъ и вообще скобелевской боевой жизни, скобелевскаго воеводства; онъ не разъ говорилъ мнѣ, что собирается попросить Алексѣя Николаевича Маслова исправить мелкую ошибку, неизвѣстно какъ вкравшуюся въ его сочиненіе. Авт.

Выбравъ его на эту должность, какъ человѣка разумнаго и въ высшей степени энергичнаго, Михаилъ Дмитріевичъ не ошибся въ своемъ выборѣ, о чемъ самъ не разъ говорилъ. Сполатбогъ блестяще исполнилъ трудное дѣло: ему удалось скоро привести все въ порядокъ послѣ разгрома, неизбежнаго при покореніи дикаго края, установить въ немъ отношенія между мѣстнымъ населеніемъ и нахлынувшимъ въ край чуждымъ элементомъ, а также урегулировать взаимныя отношенія въ средѣ самого населенія; прошло нѣсколько лѣтъ въ сложной, крайне утомительной работѣ. Производство въ полковники явилось для него наградой за эти труды.

Служебными успѣхами своими Сполатбогъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе генераль-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, который въ тѣ времена былъ назначенъ на мѣсто великаго князя Михаила Николаевича въ должность по управленію Кавказомъ ¹⁾. Князь самъ, безъ постороннихъ ходатайствъ, лишь вспоминая прежнія заслуги полковника, призналъ нужнымъ, по уходѣ Скобелева, назначить этого штабъ-офицера въ Кутанскую губернію начальникомъ отдѣла въ Зугдидахъ; тамъ способности его были тоже примѣнены къ дѣлу съ рѣдкимъ успѣхомъ; населеніе сразу почувствовало въ своемъ начальникѣ ту силу, которая, направляя все и всѣхъ къ законности, упраздняетъ возможность какого бы то ни было попятнаго движенія къ проявленію привычной разнузданности.

Но годы неустанной дѣятельности на окраинахъ, полныхъ безпокойнаго элемента въ населеніи, сломили его здоровье, надорвали его силы и въ конецъ разстроили его нервы; между прочимъ, кромѣ дававшей себя знать контузіи, этому много способствовала необходимость долгаго періодическаго проживанія въ разлукѣ съ горячо любимой семьей.

Онъ задумалъ уйти на покой и просилъ уволить его въ отставку; но вполне оцѣнившій способности и энергію этого въ высшей степени дѣльнаго помощника своего князь Дондуковъ-Корсаковъ, очевидно, рѣшилъ оставаться до конца покровителемъ его; онъ далъ ему совѣтъ перемѣнить родъ дѣятельности, для этого нѣкоторое время отдохнуть, а затѣмъ посвятить себя службѣ въ войскахъ, при чемъ, какъ командующій войсками кавказскаго военнаго округа, предложилъ принять командованіе одною изъ подвѣдомственныхъ ему строевыхъ частей.

¹⁾ Въ то время должность намѣстника его императорскаго величества на Кавказѣ была упразднена и генераль-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ замѣнилъ великаго князя Михаила Николаевича, при чемъ получилъ званіе главноначальствующаго и командующаго войсками на Кавказѣ. Ахаль-текинскій оазисъ, т. е. Закаспійскій край, въ первое время послѣ его завоеванія, былъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиненъ кавказскому начальству.

Полковникъ Сполатбогъ согласился и, такимъ образомъ, скоро оказался командиромъ 7-го Закаспійскаго стрѣлковаго батальона, который былъ тогда расположенъ въ Мервѣ, только что незадолго передъ тѣмъ покоренномъ искусными боевыми дѣйствіями генерала Александра Виссаріоновича Комарова, а волею императора Александра III присоединенномъ къ нашимъ владѣніямъ.

Какъ извѣстно, Комаровъ своими подвигами надѣлалъ большого шума и поразилъ Европу, а главнымъ образомъ устрасилъ Англію. Но еще больше можно назвать въ этомъ дѣлѣ подвигомъ всемудрое по поводу этой исторіи обращеніе государя съ завистниками Россіи и съ ея врагами того времени.

И вотъ Сполатбогу пришлось покомандовать отдѣльною частью, состоявшею въ боевой готовности и ожидавшею движенія въ боевой походъ «на Индію», какъ тогда говорили полушутя. Не больше года стоялъ во главѣ стрѣлковаго батальона достойный служака; проболѣвъ затѣмъ слѣдующій цѣлый годъ, онъ умеръ,—лѣтъ черезъ восемь послѣ ахалъ-текинской экспедиціи, на сорокъ второмъ году своей дѣятельной, полной боевыхъ и служебныхъ тревогъ жизни,—въ присутствіи нѣжно любившей его молодой, уже извѣдавшей много горя жены и малютокъ—двухъ сыновей.

Многіе, вспоминая Н. Н. Сполатбога, высказывали, между прочимъ, сожалѣніе о томъ, что этотъ дѣятельный администраторъ практиковалъ въ сильной мѣрѣ нагайку; ему ее ставили въ упрекъ. Самъ онъ объ этой своей слабости прямо высказывалъ:

— Здѣсь, на дикой окраинѣ, состоя на военномъ положеніи и дѣйствуя около дикаго народа, безъ этого инструмента никакъ нельзя обойтись; только въ немъ и помощь; лишь бы онъ прохаживался справедливо и крѣпко по спинамъ негодяевъ, заслуживающихъ его; я широко употребляю это руссійское издѣліе, но никогда не практикую его противъ мирнаго населенія,—оно у меня въ ходу только противъ тѣхъ, кто дерзаетъ безжалостно и безъ зазрѣнія совѣсти притѣснять, обманывать да грабить безпомощный, темный народъ; а ужъ на нихъ его дѣйствіе очень старательно упражняю тѣмъ болѣе, что противъ здѣшняго дикаго народа нагайку можно зачастую считать такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ, какимъ въ другихъ краяхъ считается огнестрѣльное оружіе; вооруженная съ ногъ до головы толпа, поднявшая свирѣпый бунтъ гдѣ-нибудь на базарѣ, быстро разсѣивается, завидѣвъ десятокъ казаковъ, налетающихъ на нее съ нагайками; та же толпа не отступить передъ сотней казаковъ, открывающихъ по ней огонь: видъ пролитой крови озвѣряетъ ее, она, не думая ни о чемъ, остервенѣлая, очертѣвшая, лѣзетъ на смерть. Я такъ и смотрѣлъ,—говоритъ Н. Н. Сполатбогъ въ своихъ запискахъ:—что употреблять оружіе противъ мирныхъ

горцевъ значить губить ихъ иногда попусту; употребленіе же нагайки нерѣдко охраняло ихъ отъ гибели; тамъ, гдѣ одинъ выстрѣлъ могъ вызвать кровавое побоище и потерю въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ, нагайка лишь разгоняла бушевавшихъ туноумцевъ. Лица, хорошо изучившія кавказскую жизнь и кавказскіе нравы, знали, что для горца вообще является крайне тяжкимъ и страшнымъ чувство срама, наносимаго нагаечной расправой. Это я всегда помнилъ и, принявъ за правило не раздражать гусей, часто выходилъ въ вооруженную толпу въ шюртукъ не при оружіи, а при нагайкѣ; толпа видѣла, что убивать мнѣ было нечѣмъ, нагайкой же я задѣть могъ и потому, не желая подвергнуть себя сраму, смирялась,—разсказывалъ не разъ Сполатбогъ.

Сослуживцы и подчиненные Н. Н. Сполатбога говорили, что у него дѣло никогда не расходилось со словомъ; какъ онъ говорилъ, такъ и дѣлалъ; чего онъ держался на словахъ, то въ точности исполнялъ на дѣлѣ.

Народъ считалъ его въ высшей степени справедливымъ человекомъ и начальникомъ; при этомъ простые, хорошо знавшіе его люди добавляли: нагайкой исполосуетъ безпремѣнно дрянного, негоднаго человѣка или какого ни есть бѣдному простому народу кровнаго обидчика; не даромъ по фамиліи онъ былъ «Сполатбогъ», онъ и дѣйствовать поровиль во всемъ, какъ велитъ Богъ,—только «по-Божьему, бывало, и расправляется».

М. Д. Скобелевъ открыто одобрялъ въ немъ все это.

Онъ также цѣнилъ въ Сполатбогѣ необыкновенную способность къ языкамъ; кромѣ того, чему онъ научился на школьной скамьѣ, онъ за свою службу, по мѣрѣ перехода изъ одного края въ другой, изучилъ: во время стоянки въ Польшѣ польскій языкъ; будучи, какъ лучший офицеръ, командированъ отъ полка въ началѣ семидесятыхъ годовъ на полтора года въ учебный пѣхотный батальонъ въ Ораніенбаумъ, онъ тамъ, вращаясь среди мѣстныхъ крестьянъ при производствѣ военно-топографическихъ съемокъ, умудрился скоро научиться языку, быть можетъ, и ненужному въ общемъ, но оказавшему въ обиходѣ тогдашняго его служебнаго положенія немалую услугу и нерѣдко выручавшему изъ большого затрудненія: онъ сталъ понимать и совершенно свободно говорить по-чухонски; затѣмъ въ Туркестанѣ очень скоро сталъ свободно изъясняться по-туркменски; во время войны 1877—8 г. научился турецкому языку; по-болгарски говорилъ, какъ болгаринъ; въ Ахаль-теке скорѣе другихъ освоился съ мѣстнымъ текинскимъ нарѣчіемъ, а за время службы на Кавказѣ научился хорошо говорить по-грузински и по-армянски.

— Такой офицеръ во время военныхъ дѣйствій очень дорого цѣнится, въ особенности, если онъ къ тому же еще знающій дѣло, шустрый, выносливый и находчивый, какимъ всегда былъ Сполатбогъ,—нерѣдко говаривалъ Мих. Дм. Скобелевъ, вспоминая его

въ своихъ бесѣдахъ и отзывахъ о массѣ бывшихъ подчиненныхъ, которымъ неизмѣнно старался отдавать справедливость по личнымъ и служебнымъ достоинствамъ каждаго. Добавляю сообщеніе, переданное мнѣ на дняхъ однимъ изъ друзей Н. Н. Сполатбога, присутствовавшимъ случайно при его смерти. Находившейся все время при немъ въ минуты его кончины достойнѣйшей и горячо любимой имъ женой Н. Н. Сполатбогъ, находясь въ полной памяти, сказалъ: «умираю спокойно, потому что знаю, съ какимъ стараніемъ и съ какою твердостью ты изъ нашихъ малышей сдѣлаешь людей и царскихъ слугъ; да хранить тебя Богъ, вѣрую, что Онъ тебѣ поможетъ...» Съ этими словами онъ закрылъ навѣки полные слезъ глаза свои, а благородное сердце его перестало биться...

Е. К. Андреевскій.

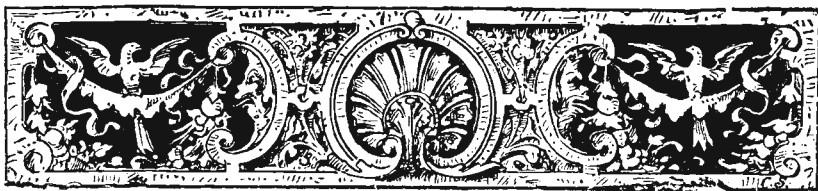
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1913 Г.

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ фонъ-ТАЛЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА Сорокъ семь лѣтъ ¹⁾.

I.

А. Я. фонъ-Таль.—Его воспитаніе и образованіе.—Внезапная потеря состоянія.—Новгородъ.—Варшава.—Польское возстаніе.—Сраженіе подъ Игнацовымъ.—Отношеніе Талья къ раненымъ солдатамъ.—Помощь солдатамъ, получавшимъ увѣчья на конно-артиллерійскихъ ученьяхъ.

А ЭТОТЪ РАЗЪ мнѣ пришлось изъ массы записей своихъ выбрать нѣкоторыя свѣдѣнія о скончавшемся въ Царскомъ Селѣ 16-го октября 1911 года генералѣ-отъ-кавалеріи Александрѣ Яковлевичѣ фонъ-Талѣ, который въ теченіе всей жизни своей много трудился и своею дѣятельностью принесъ массу пользы отечеству, какъ неутомимый работникъ.

Въ обществѣ его хорошо знали, но онъ былъ мало извѣстенъ широкимъ кругамъ; это въ большой степени находилось въ зависимости отъ того, что онъ никогда ни о себѣ, ни о своихъ дѣйствіяхъ не говорилъ и себя невыставлялъ, въ особенности, если дѣло касалось какихъ-либо его удачъ. Онъ убѣжденно держался того, чтобы оставаться въ тѣни при всякомъ выясненіи его роли въ успешныхъ дѣйствіяхъ. Врожденная скромность, развитая въ немъ воспитаніемъ, подсказывала ему ту деликатность, которая рѣзко отличаетъ подобныхъ ему людей отъ другихъ, мало

¹⁾ Продолженіе.—См. «Историческій Вѣстникъ» 1912 г. Октябрь — ноябрь — декабрь.

разбирающихся въ этомъ, а потому нерѣдко показывающихъ склонность къ торопливости въ дѣлѣ одобренія своей дѣятельности и восхваленія собственныхъ поступковъ.

Кто хорошо зналъ покойнаго А. Я. Таля, а въ особенности кому случалось видѣть его въ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ онъ бывалъ и въ какія судьба вообще ставилъ человѣка, совершенно неожиданно для него самого,—тотъ вполнѣ сознавалъ, что это былъ человѣкъ, много работавшій надъ собой и твердо въ теченіе всей своей жизни шедшій по пути самодѣятельности и самообразованія.

Глубокое сознаніе необходимости несенія неустаннаго труда для пользы общественной заставляло его трудиться въ дѣлѣ приобрѣтенія разностороннихъ знаній, которыя могли дать ему возможность легко и свободно приносить свою долю пользы на нивѣ общественной.

«Себѣ только то, что нужно для принесенія пользы другимъ».

Всегда онъ это помнилъ, всегда этимъ руководился, мало объ этомъ говорилъ или ничего въ своихъ высказываніяхъ не подчеркивалъ, однако много, хотя не быстро, а постепенно,—зато вѣрно и постоянно дѣлалъ. Вотъ, между прочимъ, съ какой стороны человѣкъ этотъ заслуживаетъ вниманія друзей, товарищей, современниковъ и потомства къ своей памяти.

«Работать къ усовершенствованію всего въ себѣ,—исключительно съ тѣмъ, чтобы имѣть силу и возможность трудиться для всѣхъ»,—было всегда его мечтой; и это, съ одной стороны, совершенно искренно, безкорыстно, лишь съ сознаніемъ крайней необходимости труда для пользы общей, а съ другой стороны—безфразно, тихо, мирно, ни въ всякаго желанія оцѣнить, отмѣтить сдѣланное или испытать значеніе хотя бы малѣйшей похвалы за принесенное. Таковы были въ душѣ, въ сердцѣ и въ мечтаніяхъ идеалы и вожделѣнія этого человѣка, простого, не имѣвшаго претензій и легко, безъ усилій надъ собой, отдававшаго все другимъ.

Покойный родился въ 1840 году въ Петербургѣ, въ очень богатой дворянской семьѣ: отцу его, Якову Христіановичу Талю, кромѣ милліоннаго дѣла, которое онъ долгое время велъ съ большимъ успѣхомъ, принадлежалъ въ столицѣ большой, богатый каменный въ нѣсколько этажей домъ, по тогдашнему очень благоустроенный. Воспитаніе своихъ сыновей, которыхъ было четверо, Я. Х. велъ на очень широкую ногу домашнимъ образомъ,—не жалѣя средствъ, въ сознаніи крайней необходимости для своихъ дѣтей, будущихъ слугъ отечества, полученія основательнаго и серьезнаго образованія. Лучшіе профессора и учителя переполняли богатый домъ его и постоянно занимались съ дѣтьми, не оставляя ихъ проводить время безъ ученія и слѣдуя тщательно установленной системѣ; въ свободное отъ уроковъ время дѣти находились подъ присмотромъ и руководствомъ серьезныхъ, съ высокимъ уровнемъ образованія гувер-

неровъ, богатыхъ самыми солидными свѣдѣніями и знаніями по части воспитательной вообще.

Съ теченіемъ времени, найдя во всѣхъ отношеніяхъ болѣе подходящимъ и полезнымъ доставить дѣтямъ возможность продолжать образованіе въ средѣ массы товарищей-сверстниковъ, Я. Х. Таль отдалъ ихъ въ разные учебныя заведенія.

На долю Александра Яковлевича выпало продолжать свое ученіе и воспитаніе въ славившемся тогда, прекрасно поставленномъ столичномъ пансіонѣ Клодта; отсюда онъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище, гдѣ продолжалъ уже специальное образованіе, законченное имъ въ Михайловской артиллерійской академіи.

Въ то время, когда онъ находился въ четвертомъ классѣ артиллерійскаго училища, то есть за годъ до окончанія въ немъ курса, ему довелось, на восемнадцатомъ году жизни, совершенно неожиданно, узнать отъ отца, что прекрасно шедшія дѣла ихъ вдругъ вслѣдствіе разнообразныхъ невзгодъ пошатнулись и миллионное состояніе его разомъ совершенно пропало. Училищные товарищи, остававшіеся съ Александромъ Яковлевичемъ впослѣдствіи долгое время товарищами по военной службѣ, ясно и точно вспоминаютъ, что полученіе тяжелой вѣсти нисколько на него не повліяло; онъ слишкомъ мало давалъ значенія своему привилегированному между товарищами положенію человѣка богатаго, а потому имѣлъ громадное счастье не измѣниться въ несчастіи.

Конечно, онъ не могъ не сознавать и не чувствовать громадной разницы своего положенія; въ душѣ онъ это переживалъ, но больше всего перестрадалъ за положеніе, которое долженъ былъ перенести его отецъ. Тогда же, задавши себѣ задачу всесторонне и неустанно трудиться, онъ всецѣло отдался мысли помочь, въ мѣрѣ силъ, отцу; граничившія съ наивностью юношескія мечты на этотъ счетъ давали ему надежду трудомъ вернуть отцу его состояніе; но онъ скоро увидѣлъ тщетность этихъ желаній, а потому остался при мысли о томъ, чтобы нравственное положеніе родителя возможно болѣе облегчить; зная его принципы, онъ старался служить ему утѣшеніемъ въ дѣлахъ труда на общую пользу.

Всѣмъ знавшимъ близко А. Я. Таля было извѣстно, что онъ всегда боялся сдѣлаться человѣкомъ, преслѣдующимъ лишь свои собственные узкіе интересы.

Окончивъ въ 1861 году по первому разряду курсъ Михайловской артиллерійской академіи, онъ поступилъ въ строй гвардейской конной артиллеріи, гдѣ, отдавшись беззавѣтному служенію, сразу же предался заботамъ о меньшей братіи—о подчиненномъ ему солдатѣ. Много рассказывали его бывшіе подчиненные о томъ, какую трогательную, изъ ряда вонъ выходившую заботливость о нихъ проявлялъ этотъ юный офицеръ.

«Въ Новгородѣ стояли мы,—разсказывали въ одинъ голосъ нижніе чины:—подпоручикъ Таль насъ и службѣ и грамотѣ училъ; бывало, не выходитъ изъ казармы; онъ зналъ въ подробностяхъ всю жизнь и семейное положеніе каждаго изъ насъ; кто былъ побѣднѣе, тому пособить; тогда были у насъ семьи женатыхъ людей, такъ ужъ тѣмъ онъ всегда помогалъ,—и ребятишекъ, бывало, пригрѣтъ, прикормить, подучить, а то и въ школу на свой счетъ отдать.

«Потомъ двинули насъ въ походъ: изъ Новгорода перевели въ Варшаву; тамъ начался польскій мятежъ; пошли мы колесить царство Польское, сначала всей батареей, а послѣ взводъ нашъ отдѣлили подъ его командой; тутъ ужъ прямо видать было, какъ подпоручикъ весь отдался хлопотамъ обо всемъ касавшемся службы и наравнѣ съ этимъ заботамъ о нашемъ братѣ; гдѣ бы то ни было—не съѣсть куска, не выпить глотка, пока взводъ не будетъ накормленъ; иной разъ поздно-поздно придемъ, измаявшись, на бивакъ въ непогоду; въ другихъ командахъ, по сосѣдству, глядя, командиръ ротный или эскадронный доволенъ останется, коли солдаты поѣдятъ всухомятку, — при счастіи походную мясную порцію, а то и просто хлѣба,—опять же хорошо, коли съ чаемъ, а больше просто съ водой, какая подъ руку подвернется; а онъ, нѣтъ,—бывало, никогда не допустить этого».

«Солдатъ тогда только бываетъ здоровъ и выдержливъ,—говорилъ подпоручикъ Таль:—когда во время, безъ пропуска, горячую пищу ѣсть», безхитростно разсказывали его бывшіе сослуживцы-подчиненные.

«Подошли мы подъ село Игнацово; тамъ большія банды мятежниковъ собрались; попали мы въ перестрѣлку; нули, какъ пчелы, летали; отрядъ нашъ ударилъ на повстанцевъ, тутъ стрѣлки подъ командой полковника Крока ¹⁾, а тутъ гродненскихъ гусаръ эскадронъ; сильно пострѣляли мы мятежную голь».

Послѣ «войны» съ польскими мятежниками изъ небольшого сравнительно числа солдатъ, составлявшихъ взводъ ²⁾ А. Я. Таля, осталось пять человѣкъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ, которыми, по тѣмъ временамъ, судьба готовила будущность почти безпомощныхъ калѣкъ: одному изъ нихъ раздробило ногу, другому оторвало руку, двое были ранены въ грудь,—это все на батарее въ время боя; но больше всѣхъ пострадалъ нестроевой, состоявшій въ числѣ другихъ въ сборной отрядной командѣ фуражировъ, на которыхъ во время сѣнокоса напала врасплохъ шайка повстанцевъ.

¹⁾ Впослѣдствіи, во время войны 1877—8 г.г. славный командиръ четвертой стрѣлковой—желѣзной—бригады, дѣйствовавшей съ громаднымъ успѣхомъ въ теченіе всей кампаніи сначала въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко, а затѣмъ на Шипкѣ и подъ Шейновымъ.

²⁾ По тогдашнему составу во взводѣ коннооблегченной батареи должно было находиться всего съ нестроевыми пятьдесятъ восемь человѣкъ.

Хотя довольно большая банда ихъ была мужественнымъ отпоромъ и преслѣдованіемъ самой команды частью уничтожена, а частью, направленная на нашъ отрядъ, захвачена живьемъ,—тѣмъ не менѣе нѣсколько человѣкъ фуражировъ остались на мѣстѣ,—двое убитыми, а четверо, и въ числѣ ихъ одинъ конно-артиллеристъ, жестоко израненными; раны имъ были нанесены самыя тяжелыя, какъ вообще раны, наносившіяся простыми, но очень хорошо отточенными австрійскими косами—вооруженіемъ такъ называемыхъ «косиньеровъ».

Молодой впечатлительный командиръ А. Я. Таль, отнесся съ самымъ большимъ вниманіемъ къ раненымъ своимъ подчиненнымъ, далъ себѣ слово не оставить ихъ и не упустить изъ вида до тѣхъ поръ, пока они не будутъ излечены, а затѣмъ, такъ или иначе, пристроены и обезпечены.

Онъ не раскисъ при видѣ несчастныхъ, мучившихся и страдавшихъ, но, твердо, съ полною мужественностью давъ себѣ слово устроить этихъ соратниковъ своихъ, исполнилъ свое намѣреніе съ полнымъ, достойнымъ похвалы и благодарности успѣхомъ.

Въ тѣ времена не легко было это сдѣлать, такъ какъ дѣло устроенія и обезпеченія раненыхъ было обставлено крайне несовершенно и они, въ большинствѣ, по полученіи врачебной помощи, а затѣмъ и нѣкоторой, очень недостаточной, матеріальной, были оставляемы на волю Божию, особенно если по домашнимъ обстоятельствамъ приходилось имъ отправляться на родину для водворенія.

Никакихъ организацій для принятія болѣе глубокаго участія въ ихъ судьбѣ не существовало, и изъ нихъ кое-какъ устраивался лишь тотъ, кого слѣпое счастье наталкивало на заботливаго начальника или на случайнаго покровителя. И вотъ для своихъ пятерыхъ раненыхъ Таль умудрился тогда, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сдѣлать то, что только нынче начали дѣлать для пострадавшихъ на войнѣ. Прежде всего онъ всѣхъ ихъ снабдилъ деньгами, при чемъ, лично не имѣя большихъ средствъ, постарался привлечь къ тому людей имущихъ; много пособилъ ему въ этомъ отношеніи его товарищъ, сослуживецъ по батарее поручикъ Николай Алексѣевичъ Ермоловъ, къ которому онъ, какъ къ другу, прямо обратился:

— Тебѣ досталось въ удѣлъ, во-первыхъ, обладать большими денежными средствами,—ты, слава Богу, богатъ, а, во-вторыхъ, продѣлавъ противоповстанскую кампанію; ты не имѣлъ ни одного изувѣченнаго; твой взводъ счастливо отдѣлался лишь однимъ пострадавшимъ: легко раненаго ящичнаго ѣздового бомбардира Пименова ты имѣлъ счастливую возможность пристроить, оставивъ служить при себѣ въ видѣ вполне обставленнаго матеріально дядьки или денщика. Не составимъ ли вмѣстѣ нѣкоторую сумму для обезпеченія раненыхъ моего взвода?

Ермоловъ, какъ человѣкъ въ высокой степени сердечный, отозвался очень щедрымъ пожертвованіемъ.

— Конечно,—сказалъ онъ:—это все наши же раненые,—батарея одна.

Къ этому удалось присоединить пожертвованіе, присланное бывшимъ командиромъ батареи генераль-майоромъ барономъ А. П. Гершау, а также составившееся изъ суммы, внесенной тогдашнимъ командиромъ М. И. Бреверномъ и остальными офицерами батареи; большую долю отъ себя внесъ бывший начальникъ артиллеріи генераль-адъютантъ Владимиръ Максимовичъ Шварцъ, когда-то въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ служившій въ гвардейской конной артиллеріи и ею командовавшій. Въ концѣ концовъ раненые нижніе чины третьей батареи получили довольно хорошее денежное пособіе. Трехъ изъ числа раненыхъ Талъ устроилъ въ Варшавѣ на разныхъ мѣстахъ при частныхъ учрежденіяхъ, выдавъ имъ пособіе, достаточное для обзаведенія одеждой и домашними вещами на новомъ мѣстѣ служенія; четвертый, отправившійся домой на родину, получилъ нѣсколько больше, а пятому израненному косиньеромъ, многосемейному, была выдана сравнительно большая сумма и на леченіе, и на прожитіе до полного выздоровленія, а затѣмъ для отъѣзда на родину и устройства своей жизни въ деревнѣ.

Не остановился А. Я. на этомъ; онъ видѣлъ, что уже поздно собирать гроши въ ту минуту, когда раненыхъ наберется нѣсколько человѣкъ; надо имѣть для такого случая постоянныя готовыя суммы и организовать это дѣло такимъ образомъ, чтобы въ вопросѣ оказанія помощи не было никакой задержки.

Служба въ конной артиллеріи всегда была сопряжена съ тѣмъ, что и въ мирное время являлись въ ней изувѣченные, вслѣдствіе особенностей конно-артиллерійскаго строя и требующейся особой лихой ловкости въ конномъ строю. Правда, какъ нижніе чины, такъ и офицеры обучаются лихому строю своему въ такой степени, что процентъ выбывающихъ изъ фронта доведенъ до минимума, но все-таки, бывало, ни одно лѣто не обходилось безъ того, чтобы два-три человѣка въ каждой батарее не оказались искалѣченными во время лихихъ конно-артиллерійскихъ ученій и маневровъ. Сколько случалось каждому конно-артиллеристу пропустить черезъ свои руки людей со сломанной, иногда вслѣдъ затѣмъ отнятой ногой или рукой, съ раздавленной, совершенно разбитой грудью или ушибленной головой и т. п.

А. Я. Талю тогда же пришло на мысль озаботиться составленіемъ особаго капитала для выдачи единовременныхъ пособій при такихъ несчастныхъ случаяхъ; это ему вполне удалось, и нѣкоторое время батарея пользовалась наскоро организованнымъ дѣломъ выдачи пособій нижнимъ чинамъ, получавшимъ увѣчья въ конно-артиллерійскомъ строѣ. Однако впослѣдствіи, съ уходомъ Таля изъ батареи, собранный имъ на этотъ предметъ и для выдачи пособій раненымъ капиталъ былъ переданъ въ распоряженіе русскаго

варшавскаго благотворительнаго общества, совершенно къ ущербу бѣдствовавшимъ воинамъ, для оказанія въ пріютѣ того общества помощи солдатскимъ дѣтямъ-малолѣткамъ,—правда, испытывавшимъ нужду, но не вѣдавшимъ и не видѣвшимъ бѣдствій.

Вообще и Талю, вышедшему слѣпо и неумѣло на путь организаціи столь благого дѣла, и другимъ участникамъ пришлось немало пожалѣть о томъ, что дѣло это на первыхъ же порахъ своего развитія было, переводомъ его капитала къ другому назначенію, сначала изуродовано, а потомъ и совсѣмъ затерто.

Вдумавшись впоследствии во все касавшееся этого, А. Я. скоро пришелъ къ тому, вытекающему изъ очевидности, убѣжденію, что организацію подобной выдачи пособій слѣдуетъ предпринимать въ обширныхъ размѣрахъ, не иначе, какъ предоставляя блага поддержки такою помощью массамъ войскъ, расположенныхъ на большомъ пространствѣ, захватывая для этого обширный районъ мѣстности квартированія ихъ.

II.

Служба послѣ усмиренія мятежа.—Рядъ рекрутскихъ наборовъ.—Поступленіе въ академію генеральнаго штаба.—Мих. Дм. Скобелевъ.—Ермоловъ, сынъ Алексѣя Петровича.—Его жизнь и кутежи.—Скандалъ въ Новгородѣ при губернаторѣ Скарятинѣ.—Скандалъ въ Варшавѣ.—Переходъ въ Туркестанъ.

Съ окончаніемъ усмиренія польскаго бунта строевымъ офицерамъ вообще пришлось отдаться обыденной жизни и службѣ; въ Варшавѣ, въ Лазенкахъ, пошли опять мирныя занятія съ добавленіемъ того, что тогда началась для офицеровъ новая большая работа—по части обученія рекрутовъ.

Въ концѣ 1863 и въ началѣ 1864 г.г., послѣ долгаго на Руси промежутка времени, произведенъ былъ рекрутскій наборъ; это дало много сложной, неустанной работы; поздней осенью того же 1864 года состоялся новыи наборъ; въ концѣ 1865 года опять наборъ,—такъ сплошь два съ половиною года пришлось А. Я. Талю поработать надъ обученіемъ молодыхъ солдатъ.

Лѣтомъ 1866 года онъ получилъ освобожденіе отъ строевыхъ занятій и, выдержавъ при окружномъ штабѣ установленный экзаменъ, отправился въ Петербургъ въ академію генеральнаго штаба для слушанія въ ней курса наукъ.

Туда онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ молодымъ поручикомъ Гродненскаго гусарскаго полка Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ. Въ Петербургѣ они поселились сначала на одной квартирѣ и первое время вмѣстѣ занимались; но Скобелевъ жилъ не такъ, какъ могъ жить Таль; онъ тратилъ большія средства, которыхъ его отецъ Дмитрій Ивановичъ, богатый человекъ, командовавшій тогда собственнымъ его величества конвоемъ, не жалѣлъ на своего един-

ственного сына; товарищамъ по возвращеніи въ Петербургъ послѣ лѣтнихъ съемокъ пришлось разъѣхаться. Сдѣлалось это незамѣтно; дружескія отношенія у нихъ оставались прежнія, только видѣться они стали рѣже; а когда оказалось, что оба они, «варшавяне», одинаково должны были окончить курсъ по второму разряду, то начались между ними болѣе частыя сношенія.

— Хотя насъ ничто не разъединяло, но нельзя не припомнить, что въ несчастіи люди соединяются,—шутили Скобелевъ и при этомъ уговаривалъ Таля ѣхать, по выходѣ изъ академіи, куда-нибудь на окраину болѣе далекую, чѣмъ та, которую онъ имѣлъ въ виду, намѣтивъ себѣ возвращеніе домой въ Варшаву.

— Въ далекіе края лучше намъ ѣхать вмѣстѣ; мы другъ друга хорошо знаемъ, поддержимъ,—говорилъ М. Д.:—вмѣстѣ и послужимъ отечеству.

Но А. Я. не далъ себѣ труда ни на минуту задуматься надъ товарищескимъ предложеніемъ; онъ твердо рѣшилъ возвратиться въ Варшаву и осенью 1868 года они разъѣхались въ разныя стороны—одинъ въ Туркестанъ, а другой въ Варшаву, въ Лазенки.

Встрѣча съ прежними товарищами и вообще сослуживцами по батареѣ должна была доставить Талю много удовольствія; но радость этой встрѣчи скоро омрачилась.

Остававшійся въ батареѣ Ермоловъ, о большомъ пожертвованіи котораго приведено выше, былъ произведенъ изъ артиллерійскаго училища въ офицеры, а затѣмъ окончилъ академію годомъ или двумя раньше Таля; въ училищѣ и въ артиллерійской академіи они были большими друзьями, такими остались на службѣ, совмѣстно неся ее въ батареѣ и товарищески дѣля труды свои по ней.

Ермоловъ былъ любимымъ сыномъ Алексѣя Петровича, извѣстнаго боевого служачи-героя, начавшаго свои отличія и стяжавшаго себѣ боевую славу въ царствованіе Екатерины Великой при Суворовѣ, продолжавшаго свою геройскую службу въ 1812 году и завершившаго ее на Кавказѣ.

Послѣ прослуженія четырьмя царствовавшимъ на Руси государямъ онъ скончался въ 1861 г., на зарѣ царствованія пятаго государя.

Своему сыну, товарищу Таля, герой-отецъ оставилъ очень большія средства и, хотя неустанно училъ его сдержанности въ дѣлѣ расходованія тѣхъ средствъ на себя, внушая ему экономную жизнь и расчетливость, близкую къ скупости при тратахъ на свои собственные пужды,—но изъ этого ничего не вышло, и герой къ глубокой старости своей не дождался увидѣть въ любимцѣ-сынѣ даже тѣни благоразумія.

Еще во время стоянки въ Новгородѣ Ермоловъ-сынъ показалъ нѣкоторое влеченіе къ широкому размаху жизни и къ безалаберности въ веденіи своихъ денежныхъ дѣлъ; праздное препровожденіе

времени въ компаніи ничѣмъ не занятыхъ друзей, Господь вѣдаетъ откуда набравшихся, болѣе и болѣе увлекая его на путь легкомысленности и распущенности, затащило въ сферу кутежей, къ которымъ прекрасный, способный, любимый товарищами молодой человекъ началъ по временамъ показывать родъ пристрастія.

Появилось стремленіе къ шумному разгулу, и вотъ однажды въ Новгородѣ же большое гулянье въ кругу друзей совершенно неожиданно развернулось въ большой и громкій скандалъ.

Тогдашнее время можно охарактеризовать, какъ время бурное, безшабашное; молодые люди, въ особенности офицеры, гуляли, кутили и, казалось, чѣмъ больше сумбура кто-либо умѣлъ надѣлать, коротая свое время въ большой компаніи, тѣмъ лучше; изобрѣтались разнообразныя способы препровожденія досуга, въ нихъ выражался и выказывался духъ старинныхъ бурныхъ кутежей съ непристойными продѣлками, которыя казались невинными только изобрѣтателямъ ихъ и участникамъ.

Изъ временъ новгородской стоянки всеѣмъ, проживавшимъ тогда въ Новгородѣ и въ его окрестностяхъ, надолго остался въ памяти случай, надѣлавшій много шума.

Однажды по случаю какого-то событія, въ день торжественнаго въ домѣ губернатора празднованія, имѣвшаго официальный характеръ, когда съѣхалась въ городъ масса гостей изъ окрестныхъ мѣстностей всей губерніи, а также изъ столицъ и ихъ пригородовъ и когда къ вечеру для съѣзда въ губернаторскій домъ явилась громадная потребность въ массѣ извозчиковъ,—ни одного изъ нихъ не оказалось въ городѣ; погода, какъ на зло, въ тотъ день разыгралась въ бурю съ холоднымъ ливнемъ; грязь, слякоть не давали возможности пройти по городу даже небольшое пространство; губернаторское торжество прошло крайне разстроеннымъ; непріятность для начальника губерніи и для его семьи вышла очень большая.

Оказалось, что у компаніи безпутной молодежи человекъ въ двѣнадцать офицеровъ и ихъ друзей—сыновей окрестныхъ помѣщиковъ—наступилъ кутежный періодъ. Ермоловъ, ставъ во главѣ, нанялъ въ тотъ день на свой счетъ всеѣхъ городскихъ извозчиковъ, заранѣе сговорилъ ихъ прибыть къ вечеру въ село, отстоявшее отъ города верстахъ въ десяти и обычно служившее для кутившей молодежи мѣстомъ загородныхъ поѣздокъ на тройкахъ. Каждый извозчикъ долженъ былъ съ утра отдать Ермолову, какъ «хозяину кутежнаго веселья», свой номеръ съ тѣмъ, что, только прибывши порожнякомъ въ то село на сборный пунктъ, онъ могъ, лишь по приказанію Ермолова, не ранѣе опредѣленнаго имъ часа, взять тотъ билетъ обратно, а взаменъ того получить, уже по возвращеніи въ городъ, уговоренную плату двадцать пять рублей на cadaго.

Извозчикамъ, какъ водится, было выкачено нѣсколько четвертей водки; Ермоловъ подъ своей командой произвелъ имъ какія-то

движенія, напоминавшія конно-артиллерійское и кавалерійское ученье; возницы перепились, къ нимъ присоединилось немало стороннихъ любителей нарѣзаться; все это бушевало, безобразничало; къ концу гулянья одинъ буянтъ остался на мѣстѣ умершимъ, а такъ какъ извѣстно было, что безобразники передрались, то явилось предположеніе, что онъ былъ убитъ въ дракѣ, хотя всѣ данныя говорили за то, что смерть послѣдовала отъ апоплектического удара.

Такимъ образомъ, къ непріятности, причиненной начальнику губерніи, былъ присоединенъ улично-общественный скандалъ съ уголовнымъ исходомъ.

Высказывалось предположеніе, будто бы вообще эта безобразная исторія была задумана и продѣлана предумышленно противъ губернатора, достойнѣйшаго Влад. Яковл. Скарятина, съ которымъ никогда непріятностей и столкновеній ни у кого не было ¹⁾. Самъ Ермоловъ увѣрялъ, что съ его стороны все вышло вдругъ, случайно; нѣтъ основаній этому не вѣрить, но большая непріятность такъ и осталась учиненною...

Попавъ въ такую большую исторію и почувствовавъ себя изъ-за нея висающимъ на волоскѣ, Ермоловъ закаялся впредь отваживаться чинить что-либо подобное, далъ въ этомъ обѣщаніе и съ тѣхъ поръ какъ будто бы остепенился; но мало-по-малу вновь свернулся на путь, если не кутежей, то сначала простыхъ выпивокъ, а потомъ и безпробудныхъ попоекъ; скоро незамѣтно для себя утвердился онъ на томъ пути уже въ то время, когда А. Я. находился въ Петербургѣ, въ академіи генеральнаго штаба.

А. Я. Талю, оставившему своего близкаго друга и товарища молодого Ермолова въ положеніи чловѣка остепенившагося, пришлось по возвращеніи своемъ въ Варшаву узнать во всѣхъ грустныхъ подробностяхъ повѣствованіе о томъ, что онъ вновь обратился на путь праздної жизни: сталъ мало и плохо служить, а все свое время проводилъ въ компаніи, которая пристроилась больше къ его громаднымъ средствамъ, чѣмъ къ нему лично; она состояла наперечетъ изъ молодыхъ людей, сбившихся съ пути, разныхъ отставныхъ, немного послужившихъ, а также никогда не служившихъ, вѣчно бившихъ баклуши, склонныхъ лишь къ бражничанью и кутежамъ. Съ компаніей этой Ермоловъ вѣчно кутилъ въ трактирахъ и въ винныхъ магазинахъ; охотились, при чемъ часто до мѣста охоты не доѣзжали, такъ какъ «торопились остановиться» мимоѣздомъ у

¹⁾ В. Я. Скарятинъ былъ впоследствии убитъ нечаяннымъ выстрѣломъ на царской охотѣ при облавѣ въ присутствіи государя; братъ его Н. Я. занималъ должность курскаго губернскаго предводителя дворянства, а впоследствии былъ казанскимъ губернаторомъ; Ник. Як. въ концѣ семидесятыхъ годовъ прославился очень крутымъ нравомъ; казанскіе татары его и теперь помнятъ.

какого-либо замишлаго помѣщика; тамъ кутили день, другой, а иногда и третій.

Разобравшись во всемъ этомъ и придя къ твердому убѣжденію въ томъ, что все-таки Ермоловъ рѣшительно ничего непорядочнаго и позорящаго имя его не учинилъ, А. Я. Таль горячо просилъ товарищей-офицеровъ войти въ это дѣло, пока еще не поздно, и взяться дружески переговорить съ нимъ, просить его, во имя дружескихъ, товарищескихъ отношеній, опомниться, взять себя въ руки, бросить такую жизнь, вернуться на прежній путь, забывъ все, что могло и угрожало чернить его и вело къ окончательной гибели.

Первая же бесѣда съ добрымъ, пользовавшимся общей любовью товарищемъ представила ему страшную картину того, какъ онъ началъ грязнуть; выказавъ полнѣйшее раскаяніе, онъ высказалъ желаніе и далъ обѣщаніе отстать отъ дурного кружка и вновь начать вести правильный, добропорядочный образъ жизни. Изліяніемъ чувствъ не было конца, все представлялось построеннымъ на той благородной искренности, которой источникъ держится въ полнѣйшемъ, безупречномъ джентльменствѣ, отличающемъ всегда взаимныя сношенія людей воспитанныхъ и вполне порядочныхъ.

Офицеры, обрадованные исходомъ этого добраго воздѣйствія, не находили словъ для выраженія благодарности А. Я. Талю, признавая, что, если онъ всегда славился и отличался, какъ добрый, хорошій, благородный товарищъ, то въ этотъ разъ превзошелъ себя.

Соблюдая въ своемъ добромъ порывѣ полную послѣдовательность, товарищи рѣшили горячо ухватиться за дальнѣйшую мысль, высказанную Талемъ же, — тотчасъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы изыскать способъ общими силами совершить крупный заемъ и осторожно, не задѣвши самолюбія готовившагося къ нравственному возрожденію товарища, предложить полное очищеніе его отъ долговъ, для чего надо было, не медля ни минуты, вытащить его изъ еврейскихъ рукъ и выручить отъ жидовъ, которые, какъ пьявки, высасывали его, пользуясь его слабостями и нуждой... Задача товарищей состояла лишь въ томъ, чтобы Ермоловъ могъ въ лучшей формѣ принять крайне щекотливое предложеніе дружескаго кружка; матеріальное положеніе его было таково, что при толковомъ веденіи расходовъ можно было черезъ годъ-другой совершенно очиститься отъ долговъ; родъ товарищеской опеки могъ бы помочь дѣлу.

Но можно себѣ легко представить, каково было огорченіе Талья и другихъ товарищей, когда, послѣ всѣхъ радостей, испытанныхъ ими въ день Благовѣщенія 1869 года, они узнали на другой день, что остатокъ этого великаго дня, ставшаго днемъ налаженія всего на путь добраго оборота и исхода, Ермоловъ провелъ въ Вили-

новѣ ¹⁾ въ сплошномъ кутежѣ. День, какъ оказалось, закончился тѣмъ, что, пристроившись съ компаніей къ одному изъ окрестныхъ болотъ для охоты, Ермоловъ занялся бессмысленной игрой, изобрѣтенной помутившимися головами: онъ завертывалъ горсти серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ въ пятидесяти и двадцатипятирублевыхъ бумажки и бросалъ эти свертки въ болото съ тѣмъ, чтобы собранная для услугъ и помощи при охотѣ, напоенная, полупьяная толпа окрестныхъ крестьянъ, въ толкотнѣ и дракѣ, вылавливала тѣ монеты, извлекая ихъ изъ болотной трясины. Эта затѣя окончилась на манеръ новгородской кутежной исторіи, точно судьба умышленно и сознательно вмѣшалась для повторенія напоминанія въ тѣхъ же самыхъ штрихахъ: одного крестьянина затянуло въ болотную топь, и вытащить изъ нея довелось только его трупъ.

Скандалность этой исторіи увеличилась и довершилась большимъ огорченіемъ для насъ: обнаружилось, что вмѣстѣ съ крестьянами за поимкой денежной подачки кидались въ болото также и «изрядно подогрѣтые старкой» нижніе чины батареи изъ числа батарейныхъ пѣсенниковъ, залученныхъ Ермоловымъ на гульбище. Сквозь дѣло, которое возникло, это обстоятельство проходило, омрачая настроеніе чиновъ батареи.

Давая по-братски обѣщаніе товарищамъ-офицерамъ выбросить изъ поведенія своего все некорректное, Ермоловъ, очевидно, думалъ докупить лишь затѣянное и условленное гулянье того дня и, отбывая его, въ немъ же навсегда распрощаться съ кутерьмой жизни и со своей компаніей. И признаться въ томъ, что гулянье уже намѣчено и не могло быть отмѣнено, не хватило у него ни духу, ни характера; авось, думалось ему, пройдетъ благополучно и этотъ, быть можетъ, сотый по счету дебошъ; а противъ компаніи неловко было бы отступить отъ условленнаго. И вотъ вышло все, какъ на зло, опять съ такимъ скандальнымъ исходомъ и съ такой напумѣвшей оглаской... Или, быть можетъ, въ минуты покаинныхъ разговоровъ съ товарищами онъ искренно забылъ о томъ, что предстояла еще капля, которая, какъ оказалось, должна была переполнить чашу...

Послѣ этого уже самъ Ермоловъ почувствовалъ смыслъ своего положенія и самъ рѣшилъ дальнѣйшую судьбу свою неотступнымъ прошеніемъ о переводѣ его на службу въ Туркестанскій край. Это прошло несложно, и не далѣе, какъ въ іюлѣ того же 1869 г., онъ уѣхалъ въ Ташкентъ, приложивъ всѣ старанія къ тому, чтобы передъ отъѣздомъ, по возможности, нигдѣ не показываться въ средѣ офицеровъ какъ тѣснаго кружка лазенковского отряда, такъ и варшавскаго гарнизона вообще...

¹⁾ Богатое, принадлежавшее графамъ Потоцкимъ подъ Варшавой помѣстье съ селомъ и съ роскошнымъ паркомъ, служившее мѣстомъ гулянья избранной варшавской публики.

Офицерамъ батареи удалось опредѣлить моментъ его отъѣзда, и они, собравшись на вокзалѣ, благословили покидавшего ихъ товарища Николая Алексѣевича иконой, на которой соединены были изображенія святыхъ: Николая Чудотворца и Алексѣя Божія человѣка.

И въ этомъ дѣлѣ трогательнѣе всего было то, что мысль такого послѣдняго шага въ сношеніяхъ товарищей изошла отъ А. Я. Таля—лютеранина, который въ товарищескомъ кружкѣ и у нижнихъ чиновъ почитался «русскимъ нѣмцемъ».

Такимъ образомъ, у человѣка съ закаленнымъ, твердымъ характеромъ, какой проявлялъ Ермоловъ-отецъ, его любимѣйшій сынъ, вначалѣ способный человѣкъ, оказался безвольнымъ, а потому скоро павшимъ.

Участь отца, отставленнаго отъ всего, надъ чѣмъ онъ съ громадной пользой работалъ много лѣтъ, конечно, должна была вызвать въ сынѣ огорченіе; это огорченіе испытывали и всѣ посторонніе свидѣтели устраненія такого талантливаго человѣка-гиганта отъ дѣлъ въ періодѣ наибольшаго развитія его могучихъ силъ,—но въ Ермоловѣ-сынѣ, помимо того, сидѣло развившееся съ дѣтства безволіе, приведшее его къ неудачамъ, изъ-за которыхъ его жизнь скоро пришла къ печальнѣйшему концу.

Старанія друзей, во главѣ которыхъ стоялъ А. Я. Таль, не привели ни къ чему и не могли вытащить этого товарища изъ бѣды, въ которую онъ себя втянулъ.

III.

Таль и Скобелевъ оканчиваютъ курсъ академіи.—Переѣздъ Таля въ Варшаву. Переписка со Скобелевымъ.—Встрѣча съ нимъ черезъ десять лѣтъ въ 1878 г. у Мраморнаго моря.—Отношеніе Таля къ Скобелеву.—Таль объ Ермоловѣ.—Жизнь Таля въ Лазенкахъ.—Устройство церкви въ батарейной казармѣ.

Разставаніе Таля съ ближайшимъ товарищемъ по академіи генеральнаго штаба М. Д. Скобелевымъ, противъ всякаго со стороны А. Я. ожиданія, вышло очень трогательнымъ. Припомнивъ безконечныя задушевные бесѣды, происходившія въ длинные зимніе вечера перваго года пребыванія ихъ въ академіи и сожительства, М. Д. влилъ большую долю задушевности въ прощанье, расчувствовался и, конечно, передалъ часть чувствъ своихъ товарищу; но это было мимолетно и въ концѣ концовъ прошло безслѣдно.

Разставшись пріятелями, товарищи по желанію, выраженному съ полною искренностью М. Д. Скобелевымъ, нѣкоторое время вели между собой переписку; долго оживленною она не могла быть и таковою не осталась: Скобелевъ не находилъ нужнымъ въ письмахъ высказывать все, что онъ думалъ, дѣлалъ, переживалъ и чего желалъ; въ строчкахъ его чувствовалось много недосказаннаго и немало дѣлан-

наго; у Талія же не могло всегда подъ рукой находиться желательнаго для подобной переписки разнообразія въ матеріалѣ, котораго несложная лазенковская, извѣстная Скобелеву вдоль и поперекъ жизнь не давала. Одинъ моментъ дѣло оживилось сообщеніями М. Д. о появленіи въ туркестанскихъ дебряхъ Н. А. Ермолова, съ которымъ Скобелевъ, также по Варшавѣ, сохранилъ добрыя дружескія отношенія; но послѣ первыхъ извѣстій о радостяхъ встрѣчи все свелось къ тому, при какихъ обстоятельствахъ, гдѣ и какъ пришлось кутнуть; тогда Скобелевъ любилъ отъ времени до времени продѣлывать это на очень широкую ногу. Затѣмъ интересъ къ описанію однообразныхъ увеселеній съ добрымъ, появившимся на туркестанскомъ горизонтѣ, варшавскимъ товарищемъ ослабѣлъ. Вскорѣ мало-по-малу переписка прекратилась, несмотря на то, что, какъ казалось, интересъ и влеченіе къ ней сохранились до конца у обѣихъ сторонъ; не достало связующаго элемента.

Разставшись съ этимъ своимъ ближайшимъ товарищемъ по академіи генеральнаго штаба въ 1868 году, А. Я. встрѣтился съ нимъ ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1878 году, послѣ заключенія С.-Стефанскаго мирнаго договора, когда, командуя, въ чинѣ полковника, 2-ой батареи гв. конно-артилерійской бригады, онъ на продолжительной и томительной стоянкѣ въ Родосто и въ Селевріи у Мраморнаго моря оказался со своей батареей подчиненнымъ начальнику войскъ береговой линіи генералъ-лейтенанту М. Д. Скобелеву 2-му ¹⁾. Встрѣтились они пріятелями и, вспомнивъ старину, обо многомъ переговорили; но не надо было имѣть много разговора для того, чтобы увидѣть, насколько ихъ жизненные интересы стали еще больше, чѣмъ прежде, расходиться совершенно въ противоположныя стороны.

Никогда А. Я. Таль, по собственному его сознанію, не испытывалъ при свиданіяхъ со Скобелевымъ чувства удовольствія встрѣчи съ человѣкомъ близкимъ себѣ, своимъ, хотя никогда этого ему не показали и лично въ душѣ ничего противъ него не имѣлъ.

Не осуждалъ онъ М. Д. Скобелева и не высказывалъ ничего такого, что могло бы показать въ немъ желаніе осудить его. Разъ только, уже въ самое послѣднее время своей жизни, въ годы страданій отъ удущья, онъ совершенно спокойно и какъ бы индифферентно, сказалъ:

— Да, это былъ герой, но меня, рѣшительно противъ моей воли и противъ моихъ искреннихъ желаній,—всегда отталкивали отъ него всѣ тѣ сокровенныя его вождельнія, о которыхъ онъ находилъ

¹⁾ Войска, подчиненныя тамъ М. Д. Скобелеву, вошли въ составъ лѣваго отряда дѣйствующей арміи.

пужнымъ мнѣ, непремѣнно лично въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ, высказывать—и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ въ бытность нашу въ академіи генеральнаго штаба, и даже, сверхъ моего ожиданія, послѣ десятилѣтняго промежутка времени, въ Родосто. Въ первые два періода онъ былъ молодъ, почти юнъ, но въ Родосто! Вѣдь тогда передо мной уже стоялъ воинъ, герой, полководецъ, и вдругъ въ его высказываніяхъ я слышу старую погудку на тотъ же старый ладъ: поразившій меня съ одинаковой силой прежній наплывъ эгоизма и полное отсутствіе признанія какихъ бы то ни было пожеланій кому бы то ни было, кромѣ себя и своей собственной персоны. Я искренно жалѣлъ о томъ, что во мнѣ нарождалось чувство брезгливости по отношенію къ его мыслямъ; я усиливался создать въ себѣ всякія ему добрыя пожеланія, но, помимо этого, все во мнѣ стихійно перебывалось желаніемъ отчуждѣться, оттолкнуться отъ него...

Въ 1875 году Н. А. Ермоловъ, состоя въ чинѣ подполковника, получилъ переводъ въ виленскій военный округъ на должность командира полевой пѣшей батареи, а въ 1877 году, передъ самымъ выступленіемъ частей артиллеріи того округа въ военный походъ, скончался совершенно неожиданно отъ разрыва сердца, не оставивъ послѣ себя ровно ничего, то есть ни матеріальныхъ средствъ, ни замѣтной памяти; хотя, по первоначальному богатству своему и по крайне добрымъ задаткамъ своего сердца, казалось бы, могъ имѣть право на то и на другое.

Болѣе близкаго человѣка изъ товарищей у А. Я. Таля не было. До конца жизни своей онъ съ большой скорбью вспоминалъ участь этого товарища: все дѣло въ томъ, говорилъ Таль, что герой-отецъ нашелъ нужнымъ дать ему расти на полной свободѣ до пятнадцатилѣтняго возраста, когда онъ его, уже пріобрѣвшаго массу привычекъ и почти сдѣлавшагося необузданнымъ, заключилъ въ стѣны артиллерійскаго училища; отсюда ему довелось выйти собственникомъ громаднаго состоянія; при этихъ условіяхъ оно, несомнѣнно, явилось главною причиною того, что молодой человѣкъ такъ рѣзко свихнулся и очень рано оказался обреченнымъ на гибель; при всемъ своемъ относительномъ развитіи умственномъ онъ скоро отупѣлъ.

Въ началѣ 1870 года батарейный командиръ Магнусъ Ивановичъ Бревернъ, воспользовавшись тѣмъ, что выстроенная въ Лазенкахъ для батареи каменная казарма оставалась на зиму 1869—70 г.г. не отдѣланною, выдѣлилъ въ верхнемъ этажѣ новаго знанія большой залъ и рѣшилъ во время производства отдѣлки устроить въ немъ батарейную церковь.

— Здѣсь, въ католическомъ краѣ, необходимо прійти на помощь православнымъ людямъ въ дѣлѣ удовлетворенія религіозной по-

требности, —сказаль онъ, пригласивъ къ себѣ офицеровъ батареи и обратясь къ нимъ, въ особенности къ двумъ старшимъ изъ нихъ— капитану князю Василию Алексѣвичу Вадбольскому и штабсъ-капитану А. Я. фонъ-Талю—съ просьбой оказать ему въ этомъ содѣйствіе.—Совсѣмъ иною жизнь покажется на чужбинѣ солдатамъ, когда они будутъ знать и видѣть, что могутъ молиться въ храмѣ православномъ и вдобавокъ въ собственномъ,— закончилъ Бревернъ свое обращеніе.

Тотчасъ же все было установлено и распредѣлено; А. Я. Таль взялъ всецѣло на себя завѣдываніе разными работами и, какъ художникъ, занялся живописью, а также вообще взялся двигать всю отдѣлку храма. Всѣ чины батареи приняли участіе въ разнообразныхъ работахъ по этому дѣлу вообще, и съ января по конецъ ноября работа кипѣла, а 6-го декабря того же 1870 г., въ день батарейнаго праздника, высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, архіепископомъ варшавскимъ и новогоріевскимъ, въ присутствіи намѣстника фельдмаршала графа Ѳ. Ѳ. Берга, въ той казармѣ была освящена прехорошенькая батарейная церковь во имя св. Николая Чудотворца. Съ тѣхъ поръ уже болѣе сорока лѣтъ переходящіе черезъ составъ батареи русскіе православные люди имѣютъ на чужбинѣ радость молиться въ собственномъ своемъ храмѣ. Тогда же, въ день освященія его, было обращено вниманіе на то, что онъ явился подаркомъ батареѣ, благодаря щедротамъ командира М. И. Бреверна—лютеранина, взявшаго на себя инициативу и пожертвовавшаго на святое предпріятіе денежныя средства, а также благодаря стараніямъ офицера батареи А. Я. Таля, лютеранина же, положившаго съ большой энергіей свой трудъ на это кропотливое дѣло—веденія детальныхъ работъ по устройству церкви.

Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ, тоже лютеранинъ, сказалъ имъ, что онъ отъ удовольствія не можетъ найти словъ для выраженія благодарности за высокоблагородныя заботы ихъ о религіозно-нравственной сторонѣ жизни нижнихъ чиновъ. Высокопреосвященный Іоанникій, благословивъ ихъ обоихъ, сказалъ, что «онъ рѣшительно умиляется передъ недостигаемою высотой подвига, который они совершили, придя по-христіански на помощь массѣ людей не своей вѣры».

Спокойно провелъ Таль почти четыре неизмѣнно сѣренькихъ года службы въ батареѣ въ строю гвардейской конной артиллеріи въ Лазенкахъ въ чинѣ штабсъ-капитана; ровно прошли они; скучать ему было некогда и не отъ чего. Онъ былъ всегда занятъ, много занимался сначала взводомъ, потомъ дивизіономъ (по тогдашнему—полубатарее), много читаль, еще больше писалъ, неустанно служилъ и въ казармѣ, и въ полѣ, ходилъ на охоту, рисоваль, играль на рояли, на віолончели; все это, конечно, при всемъ разнообразіи, отдавало

тѣмъ однообразіемъ, которымъ отмѣчается необходимость долгаго безвыѣзднаго на одномъ мѣстѣ сидѣнія, въ основѣ не имѣющаго задатковъ жизненности.

IV.

Приглашеніе Таля на службу въ Парижъ.—Затрудненія.—Джуліани.—М. И. Бревельнъ выручаетъ.—Парижъ.—Знакомства во французскомъ военномъ министерствѣ.—Офицеры генеральнаго штаба о Гамбеттѣ.—Непріятность, устроенная ему въ Версалѣ.—Гамбетта—циклопъ.—Князь Витгенштейнъ о немъ.

Среди этого положенія, похожего на замерзаніе, онъ вдругъ въ серединѣ марта 1872 года получилъ телеграмму изъ Парижа:

«Бѣду въ Варшаву специально къ тебѣ по дѣлу очень нужному вообще и важному для тебя. Будешь ли въ Варшавѣ двадцатаго и примешь ли меня? Джуліани».

Суть упомянутого въ телеграммѣ этой «нужнаго вообще и очень важнаго для Таля дѣла» оказалась въ томъ, что нашъ военный агентъ въ Парижѣ свиты его величества генералъ-майоръ свѣтлѣйшій князь Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ нашелъ порученныя его вѣдѣнію дѣла идущими крайне медленно и малоуспѣшно, поэтому рѣшилъ просить военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Милютина, о добавленіи въ штатъ военной миссіи въ Парижѣ второго помощника военнаго агента; на это онъ получилъ согласіе министра, но съ тѣмъ, что немедленное назначеніе его будетъ принято лишь на время, до утвержденія въ установленномъ порядкѣ измѣненія штатовъ, а утвержденіе это послѣдуетъ въ томъ случаѣ, если опытъ покажетъ, что измѣненіе дѣйствительно необходимо. Исходя изъ того, что замедленіе въ дѣлахъ происходило больше всего по части артиллерійской, съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуя совѣту и ходатайству помощника своего В. Ю. Джуліани, князь рѣшилъ просить о назначеніи ему офицера отъ артиллеріи вообще и именно штабсъ-капитана гвардейской конной артиллеріи А. Я. Таля, которому и передалъ черезъ Джуліани предложеніе занять эту должность. Джуліани былъ произведенъ въ офицеры годомъ или двумя раньше Таля изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, также окончилъ артиллерійскую академію, находился въ большой дружбѣ съ Ермоловымъ и въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ съ Талемъ, котораго считалъ очень серьезнымъ, способнымъ офицеромъ вообще и дѣльнымъ артиллеристомъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, на выборѣ этого офицера князю Витгенштейну пришлось остановиться при живѣйшемъ въ томъ участіи Джуліани.

Извѣстіе, привезенное имъ, пріятно поразило Таля, такъ какъ, несомнѣнно, такое предложеніе являлось крайне лестнымъ; но онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы сразу отвѣтить утвердительно на вопросъ о согласіи занять этотъ постъ; предвидѣлась масса самыхъ

разнообразныхъ затрудненій; первое изъ нихъ состояло въ недостаткѣ средствъ, въ полномъ безденежьи и въ отсутствіи всякой надежды на поправленіе матеріальнаго положенія.

Однако послѣ нѣсколькихъ дней, прошедшихъ въ разсужденіи и размышленіи, дѣло устроилось къ полному благополучію.

Командиръ батареи полковникъ Магнусъ Ивановичъ Бревернъ, относившійся неизмѣнно участливо ко всему, что касалось нуждъ другого, а въ особенности его подчиненнаго, принялъ это дѣло близко къ сердцу.

— Невозможно упустить случай, который такъ просто представляется для того, чтобы, показавъ свои знанія и способности, выдвинуться по службѣ; какъ можно въ такую минуту пренебрегать своей дальнѣйшей карьерой; закрывши глаза, соглашайтесь; мнѣ жаль лишиться такого сослуживца и сотрудника, но я настаиваю— не отказывайтесь,—говорилъ онъ, убѣждая Таля.

Когда выяснилось, какъ дважды два четыре, что у Таля нѣтъ денегъ, а безъ нихъ въ этомъ «карьерномъ» вопросѣ не выйдетъ ничего,—Бревернъ самъ на минуту задумался.

Таль не былъ карьеристомъ и не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы его такими доводами можно было убѣдить; онъ твердо держался своихъ собственныхъ принципиальныхъ соображеній и лишь они могли привести его къ убѣжденію въ возможности и въ пользѣ принятія предложенія. Бревернъ, разсудивъ съ Джуліани, что первое время можно будетъ обойтись суммою въ три тысячи съ половиной, рѣшилъ ссудить четыре. Дѣло, по увѣренію Джуліани, стояло такъ, что на дальнѣйшіе расходы будетъ вполне достаточно получаемого по службѣ содержанія, которое, судя по проекту, намѣченному княземъ Витгенштейномъ и представленному имъ военному министру, будетъ отпускатся въ очень солидной суммѣ.

Джуліани самъ былъ, правда, богатый человѣкъ и, живя роскошно въ Парижѣ, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, сколько онъ тратитъ вообще, являлось ли получаемое имъ по службѣ содержаніе подспорьемъ, а если да, то въ какой мѣрѣ; но его заявленіямъ повѣрили.

Таль согласился, а занимавшій тогда постъ товарища генералъ-фельдцейхмейстера чудный, внимательный и изысканно-деликатный Александръ Алексѣевичъ Баранцовъ¹⁾ высказался съ своей стороны за желательность командированія именно Таля; по своей привычкѣ вездѣ и всегда всесторонне войти въ нужду офицера и постараться

¹⁾ Впослѣдствіи былъ возведенъ императоромъ Александромъ II въ графское Россійской имперіи достоинство. Надо замѣтить, что во время полученія этой награды онъ былъ уже очень старъ, болѣлъ и, видимо, хирѣлъ; получивъ радостное извѣстіе, онъ оживился, ободрился и самъ говорилъ: «Доктора не знаютъ, что это и есть жизненный эликсиръ; посмотрите, съ моихъ плечъ государь разомъ снялъ сорокъ лѣтъ; какъ я ожилъ и окрѣпъ!»

устранить малѣйшее затрудненіе, если оно имѣется, онъ выхлопоталъ увеличеніе суммы, предназначенной къ выдачѣ въ видѣ подъемныхъ денегъ на эту командировку; благодаря этому, Таль вмѣсто тысячи семисотъ рублей получилъ на подъемъ три тысячи сверхъ полагающихся въ подобныхъ случаяхъ по расчету верстъ прогонныхъ денегъ.

Такимъ образомъ, прекрасно обставленный матеріально, молодой штабъ-капитанъ, закипѣвшій и полузамерзшій въ лазенковской служебной обстановкѣ, совершенно неожиданно выѣхалъ за границу и очутился въ оживленномъ центрѣ міровой жизни.

«Какъ по волшебству въ сказкѣ все это случилось,—говорилъ впослѣдствіи Таль:—до середины марта у меня въ мысляхъ не было и не могло быть ничего подобнаго, и вдругъ уже въ началѣ мая я сплужу въ Парижѣ, въ своей уютной комнатѣ, или на занятіяхъ въ роскошномъ помѣщеніи русскаго посольства, или, прогуливаясь по столицѣ міра, иду въ Елисейскихъ поляхъ, или, наконецъ, наслаждаюсь музыкой въ оперѣ, чувствуя, понимая и сознавая, что здѣсь она лучшая въ мірѣ»...

Встрѣча, оказанная ему княземъ Витгенштейномъ, очень ободрила его, какъ и вообще знакомство съ персоналомъ посольства, а занятія по службѣ, введя его въ привычную сферу специальности, показали, что вообще лучшаго положенія желать ему не приходилось. Занятій по дѣламъ миссіи было дѣйствительно много, и онъ, сразу освоившись съ ними, справлялся легко, а возложенныя на него княземъ служебныя сношенія съ различными учрежденіями и представителями французскаго военнаго министерства доставляли ему истинное удовольствіе.

Правда, въ министерствѣ царило полное отсутствіе благоустройства; послѣ разгрома, который естественно долженъ былъ явиться результатомъ свѣжаго въ воспоминаніяхъ воздѣйствія войны съ одной стороны, а съ другой—вліянія деморализаціи продѣлокъ коммунаровъ, долго не могло установиться хотя бы что-либо похожее на порядокъ въ центральномъ учрежденіи вѣдомства, всецѣло принявшаго на себя ударъ, вызванный преступною халатностью Наполеона и его прислужниковъ.

Очень медленно, тѣмъ не менѣе вѣрно все входило въ свою колею и упорядочивалось; прошло, однако, немало времени, пока сколько-нибудь сказались результаты усиленныхъ трудовъ, положенныхъ въ основу дѣла приставленными къ нему новыми людьми.

За время усиленной работы, выпавшей на долю А. Я. Таля, въ первые же дни ему случилось познакомиться съ президентомъ республики Тьеромъ и съ Гамбеттой, только что незадолго передъ тѣмъ оставившимъ постъ военнаго министра и продолжавшимъ, находясь не у дѣлъ, проявлять крайній интересъ ко всему военному, несмотря на то, что до начала войны онъ никакого касательства къ

военному дѣлу, какъ и понятія о немъ, не имѣлъ, а во время войны своимъ вмѣшательствомъ оставилъ воспоминанія, вызвавшія немалую противъ него злобу. Генеральнаго штаба офицеры, относившіеся къ русской военной миссіи съ полнымъ уваженіемъ и большой предупредительностью, старались держать себя съ Талемъ по-товарищески (en bon camarade).

Бесѣды ихъ были всегда пріятны и доставляли большое удовольствіе, но надо было слышать ту брань, которую они расточали по адресу Гамбетты, взявшагося за святое дѣло управленія военнымъ вѣдомствомъ во время войны. Когда они рассказывали какіе-нибудь анекдоты о безтолковщинѣ, которую онъ внесъ, не только распоряжаясь военно-административною частью, но хватаясь за стратегическую и вмѣшиваясь даже въ чисто боевую,—они, если кто-либо, прослушавъ анекдотъ, смѣялся,—говорили: «Это не смѣха достойно, а самаго отчаяннаго презрѣнія и проклятія; этотъ совершенный, съ военной точки зрѣнія, идіотъ изъ-за несчастнѣйшаго воображенія себя знатокомъ военнаго дѣла, кромѣ того, что попусту преступно растратилъ собранныя на дѣло веденія несчастной войны сотни милліоновъ франковъ,—погубилъ массу частей войскъ, которыхъ начальники и командиры не имѣли отваги отказать слушать этого безумнаго циклопа ¹⁾ и не видѣли возможности отказать принимать его за военнаго начальника...» Ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, прошло больше года, а ропотъ среди войскъ повсемѣстно, и въ арміи, и въ штабахъ, шелъ такой, какъ будто бы «иго циклопа» еще не было свергнуто.

Ему удалось, правда, въ короткій промежутокъ времени съ рѣдкой энергіей собрать въ полгода почти полумилліонную армію; вооруживъ ее и наскоро сплотивъ, онъ долженъ былъ бы ее немедленно передать изъ рукъ въ руки военному вѣдомству, но онъ, вообразивъ себя военнымъ гениемъ, быть можетъ, Наполеономъ, лично взялся за всестороннее управленіе ею въ самое горячее время нужды въ правильныхъ распоряженіяхъ регулярно организованными военными силами и такимъ образомъ все, собранное для отечества, растратилъ въ конецъ на вздорное дѣло пробы своихъ соб-

¹⁾ Названіе это имѣло свою исторію: извѣстно, что Леонъ Гамбетта еще въ школьномъ возрастѣ предъявилъ своему отцу, мелкому торговцу, требованіе быть взятымъ изъ школы, въ которой онъ учился и которая его не удовлетворяла. Когда отецъ послѣ усиленныхъ настояній его отвѣтилъ отказомъ и добавилъ къ этому какую-то грубую брань, малолѣтній сынъ написалъ ему: «Если ты въ пятницу не пріѣдешь за мной и меня отсюда не возьмешь, я къ вечеру того дня выколю себѣ глазъ, а если это не поможетъ, то сумѣю еще больше себя изуродовать». Сочтя эту угрозу вздорною, отецъ оставилъ сообщеніе сына безъ отвѣта; засуетиться, пріѣхать въ училище и взять мальчика онъ надумалъ только тогда, когда школьное начальство прислало ему короткое увѣдомленіе: сынъ вашъ печально выкололъ себѣ глазъ; находится въ положеніи крайне опасномъ... Острые увѣрили, что прежде, чѣмъ поспѣшить все это продѣлать, торговецъ-отецъ послалъ тому начальству запросъ: правый или лѣвый глазъ?...

А в т.

ственныхъ силъ и какъ бы для доказательства той непреложной истины, что онѣ никуда не годны, въ чемъ и безъ того никто ни одной минуты не сомнѣвался.

Эти и подобные горячіе рассказы случалось Талю слышать ежедневно въ разговорахъ о Гамбеттѣ, безсовѣстно взявшемъ на себя военную диктатуру и продолжавшемъ въ послѣдствіи «съ воли назойливо совать носъ» во все военное. Только громаднымъ скандаломъ, продѣланнымъ противъ него въ одномъ изъ полковъ въ Версалѣ, удалось наконецъ, во время бытности Талья въ Парижѣ, отвадить Гамбетту продолжать интересоваться тѣмъ, въ чемъ онъ нанесъ массу вреда и позора отечеству.

Полковникъ Гастонъ ¹⁾, увидѣвъ Гамбету проходившимъ черезъ мѣсто расположенія полка, которымъ онъ командовалъ, какъ будто бы не зная, кто это, — велѣлъ его арестовать безъ права выпуска до своего возвращенія изъ Парижа, куда самъ тотчасъ выѣхалъ; только черезъ двое сутокъ ²⁾ пребыванія въ тѣсномъ холодномъ помѣщеніи арестованный былъ выпущенъ съ принесеніемъ ему массы большихъ извиненій за невольную и крайне досадную ошибку, допущенную младшими должностными лицами, не знавшими «великаго человѣка» въ лицо. Эта надѣлавшая большого шума исторія даже такого смѣлаго, твердаго, энергичнаго, не знавшаго совѣтливости человѣка, какимъ былъ Гамбетта, заставила отрезвиться и навсегда забыть захваченную имъ совершенно не свою профессію, успѣвшую за послѣднее, предшествовавшее скандалу время обратить его въ маніака. Скандалъ вполне достигъ цѣли и сдѣлалъ свое дѣло: послѣ него государственный человѣкъ излечился отъ воинственнаго азарта, отъ стремленія превратно смотрѣть на свои государственныя способности и отъ усвоенной смѣшной привычки давать имъ неправильное направленіе.

Тогда же было предложено членамъ русской военной миссіи посѣщать практическую стрѣльбу артиллеріи, стрѣльбу пѣхоты въ цѣль, а также присутствовать на разныхъ другихъ домашнихъ ученьяхъ и упражненіяхъ. Таль, побывавъ на этихъ занятіяхъ два-три раза, увидѣлъ, что военное начальство, имѣя, безъ сомнѣнія, соотвѣтствующія указанія свыше, стѣснялось показывать все и, видимо, старалось держать въ секретѣ отъ иностранца кое-что даже такое, чего спрятать не было ни нужды, ни возможности.

¹⁾ Полковникъ имѣлъ двойную фамилію; А. Я. Таль тогда же еще въ Варшавѣ говорилъ, что полностью ее не запомнилъ, такъ она и осталась забытою.

²⁾ По другимъ рассказамъ, черезъ два часа; думается, что не только этого, но и простого задержанія съ немедленнымъ освобожденіемъ было бы вполне достаточно для созданія поучительнаго скандала.

«Я понялъ,—говорилъ А. Я.,—въ этомъ отношеніи положеніе и щепетильность французовъ послѣ такой войны, во время которой, по ихъ убѣжденію, одной изъ главныхъ причинъ ужаснаго разгрома французскихъ армій являлась распущенная откровенность, съ которою до войны высшіе чины военного вѣдомства и самъ Наполеонъ преступно пренебрегали необходимостью держать въ тайнѣ свои изобрѣтенія; они безъ всякаго стѣсненія показывали ихъ нашему брату-иностранцу, тогда какъ слѣдовало все такое прятать даже отъ своихъ, не имѣвшихъ касательства къ арміи и совершенно постороннихъ всему ей принадлежавшему. Поэтому у меня явилось желаніе уклоняться отъ посѣщенія казармъ и лагерей, дабы избавить начальство отъ крайне неловкаго положенія. Дальнѣйшія приглашенія присутствовать при стрѣльбѣ и при ученьяхъ или осматривать какія-либо учрежденія и заведенія я старался деликатно отклонять; прямымъ отказомъ я никогда не отвѣчалъ, но находилъ тотъ или иной предлогъ уклониться и былъ очень доволенъ, когда увидѣлъ, что французы меня, въ свою очередь, постигли и въ душѣ, видимо, благодарили. Мнѣ казалось, что я успѣю все пропущенное нагнать впослѣдствіи, когда понятная щепетильность пройдетъ или потеряетъ свой острый характеръ. Жаль было пропускать то или другое, но что дѣлать, я поневолѣ долженъ былъ ограничиваться тѣмъ, что многое намѣчалъ и записывалъ, имѣя въ виду не пропустить внимательно осмотрѣть въ будущемъ.

«Когда о принятой мною политикѣ я нашелъ нужнымъ сообщить князю Витгенштейну,—онъ вполне одобрилъ это, какъ и вообще призналъ крайне желательною всякую осторожность въ такомъ дѣлѣ.

«—Этотъ періодъ болѣзненнаго проявленія самолюбія у французовъ требуетъ съ нашей стороны большого, непрестаннаго вниманія,—говорилъ онъ:—развѣ можетъ скоро пройти накопившееся почти безразборное озлобленіе; искра тлѣетъ и нѣтъ-нѣтъ вспыхнетъ въ родѣ того, какъ вспыхнула въ проявленномъ на дняхъ случаѣ съ Гамбеттой; полковникъ Гастонъ извѣстенъ за деликатнѣйшаго человѣка и вотъ какъ онъ сорвался при всей своей воспитанности; нельзя, конечно, вообще ожидать или опасаться подобныхъ случаевъ, но вообще, чѣмъ менѣе они возможны, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ нужно помнить о болѣзненности, съ которой армія, переживая тяжелое положеніе, навѣянное только что покинувшими страну бѣдствіями, должна таить въ себѣ все».

Тутъ Таль, отклонившись нѣсколько въ сторону отъ предмета разговора, спросилъ князя:

— Неужели же Гастонъ умышленно продѣлалъ это. Быть можетъ, онъ дѣйствительно не зналъ Гамбетту?

— Что вы,—отвѣтилъ князь:—кто же не знаетъ Гамбетту, этого государственнаго человѣка; вѣдь въ основѣ, помимо его неудачнаго

вмѣшательства во всестороннее управленіе военнымъ вѣдомствомъ, французы искренно почитаютъ его «великимъ человѣкомъ». Когда исторія будетъ произносить свое сужденіе, она, несомнѣнно, отдастъ ему справедливость и поставитъ его въ ряду людей «особо отмѣченныхъ».

V.

Вечера и обѣды у князя Витгенштейна.—Музыка.—Русская пѣсня.—Президентъ Тьеръ объ императорѣ Александрѣ II.—Уходъ за ранеными и попеченіе о нихъ во Франціи.—Гамбетта объ этомъ.—Отъѣздъ изъ Парижа.—Слова, сказанныя государемъ Александромъ Николаевичемъ Талю по поводу его отчетовъ.

«Князь Витгенштейнъ,—разсказывалъ Таль,—нерѣдко приглашалъ насъ къ себѣ; у него на обѣдахъ, на вечерахъ, большихъ и малыхъ,—мнѣ случалось встрѣчать очень много представителей русской колоніи, а также французовъ и иностранцевъ; самъ онъ держалъ себя просто, былъ въ высшей степени любезенъ, привѣтливъ, предупредителенъ, на все отзывчивъ и ко всему крайне участливъ.

«Однажды случилось намъ быть у него на обѣдѣ, сравнительно небольшомъ, на которомъ присутствовалъ высшій составъ нашего посольства, нѣсколько человѣкъ гостей и президентъ республики Тьеръ.

«Вообще тогда и большіе обѣды были невелики, такъ какъ о приглашеніи германскаго посольства совмѣстно съ представителями не только высшаго правительства республики, но вообще французскаго общества нельзя было и думать; все это относилось къ нѣмцамъ враждебно и держало себя по отношенію къ нимъ, какъ на ножахъ. А избѣгая приглашенія посольства германскаго и нѣмцевъ, не приходилось частить съ приглашеніями другихъ иностранцевъ и ихъ посольствъ вообще.

«Оставшись нѣкоторое время послѣ обѣда, Тьеръ продолжалъ начатый за обѣдомъ разговоръ о Россіи и объ ея отношеніяхъ къ Франціи; онъ много говорилъ о нашемъ государѣ, а затѣмъ слушалъ игру дамъ на фортепіано. Съ княземъ онъ издавна былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

«Случилось, что молодой человѣкъ, гостившій въ то время у князя, племянникъ его, имѣлъ при себѣ виолончель, на которой прекрасно игралъ; я передъ тѣмъ, заходя къ нему нѣсколько разъ, пробовалъ его дивный инструментъ, а затѣмъ какъ-то пріѣхалъ къ нему со своимъ; мы играли, мѣняясь ролями,—то онъ аккомпанировалъ мнѣ на фортепіано, то я, при его игрѣ на виолончели, пробовалъ держать ему аккомпаниментъ на фортепіано.

«Тогда же вечеромъ онъ сыгралъ при Тьерѣ на виолончели кое-что изъ Глинки. Президентъ выражалъ восторгъ, говоря, что онъ

издавна любить русскую музыку. Вдругъ молодой князь обратился ко мнѣ съ просьбой, не повторю ли я тѣ двѣ народныя пѣсни, которыя какъ-то игралъ ему. Меня это смутило и мнѣ, конечно, стало крайне неловко; не былъ я артистомъ, чтобы рѣшиться играть на такомъ вечерѣ и не таковы были тѣ простыя пѣсни, чтобы можно было «ими угощать Тьера»; однако отдѣливаться не приходилось даже пробовать. Вѣроятно, князь увидѣлъ мое смущеніе и нѣкоторую нерѣшительность, съ которой я брался за инструментъ; поэтому онъ сказалъ мнѣ:

«— Сыграйте, у васъ это такъ чудно выходитъ.

«Меня это еще больше смутило, такъ какъ я никогда не имѣлъ случая играть въ его присутствіи. Послѣ выяснилось, что дня за два до того князь, тоже очень любившій музыку, случайно, сидя въ своемъ кабинетѣ по сосѣдству съ помѣщеніемъ племянника, слышалъ мою незатѣйливую игру. Я сыгралъ. Племянникъ же точно задался задачей придуманную имъ мнѣ пытку довершить и обратить въ казнь.

«— Вотъ если бѣ вы спѣли...—заговорилъ онъ.

«Я было началъ незамѣтно дѣлать ему укорительные знаки, но каково стало мое положеніе, когда Тьеръ сказалъ:

«— Ah, vous chantez, monsieur, c'est très intéressant, j'en suis ravi...

«Съ какими тяжелыми чувствами я одолѣлъ этотъ ужасъ! Затѣмъ, кое-какъ пропѣвъ пѣсню, я, по его просьбѣ, перевелъ на французскій языкъ то, что спѣлъ,—если все, тогда продѣланное мною, можно было назвать пѣніемъ...»

Надо замѣтить, что А. Я. пѣлъ очень недурно и крайне музыкально; въ ранней молодости онъ учился пѣнію у лучшихъ профессоровъ и, если бы ему вздумалось спѣть при президентѣ Французской республики, онъ, конечно, сумѣлъ бы щегольнуть чѣмъ-либо болѣе интереснымъ въ музыкальномъ отношеніи и не представилъ бы ему тѣхъ деревенскихъ куплетовъ, которые шутя напѣвалъ въ минуты досуга за чашкой чаю у молодого человѣка, признавашаго возможнымъ такъ предать пріятеля-гостя.

Вечеръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала,
Слышу, вижу, ѣдетъ баринъ съ поля—
Двѣ собачки впереди;
Да два лакея назади.

Поровнявшись со мною,
Такъ онъ ласково сказалъ:
— Ты скажи, моя красотка,
Изъ какого ты села?
— Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я.

И, прослушавъ это слово,
Онъ такую рѣчь держалъ:

— Нынче, нынче ты крестьянка,
Завтра жъ будешь госпожа,—
Завтра будешь госпожа,
Да Шереметева жена!..

А. Я. Таль ни тогда, ни послѣ не зналъ хорошо словъ этой пѣснѣ, такъ что и въ передаваемыхъ мною здѣсь «стихахъ», несомнѣнно, имѣются ошибки, недомолвки, нѣкоторыя же строки исковерканы. Когда-то, во время стоянки съ батареей на травѣ въ деревнѣ Собене Бискупѣ Варшавскаго уѣзда, мы съ А. Я., отъ времени до времени развлекаясь батарейными пѣсенниками, очень недурно пѣвшими, позаимствовали отъ нихъ и напѣвъ и слова этой, кажется, общезвѣстной побасенки; случилось тогда, что батарейный запѣвало, фейерверкеръ Щепаловъ, уроженецъ Курской губерніи, имѣлъ большой запасъ разнообразныхъ пѣсень. На вопросъ, откуда онъ взялъ ту или иную пѣсню, онъ почти всегда давалъ неизмѣнный отвѣтъ: «самъ занялся, ваше благородіе», т. е. какъ будто бы самъ сочинилъ; такой же отвѣтъ послѣдовалъ и на вопросъ, заданный именно объ этой пѣснѣ. Конечно, это было съ его стороны простое и грубое, но вполнѣ невинное хвастовство. Правда, никто не удивился бы, если бы этотъ или другой способный нижній чинъ состряпалъ одну-другую пѣсню солдатскаго репертуара.

Племянникъ князя увѣрялъ, что слова этой пѣсни принадлежать воронежскому поэту Никитину, а мотивъ—Бартеневу или регенту московскаго Успенскаго собора Багрянцову.

Тѣра очень заняло содержаніе куплетовъ; этотъ государственный человѣкъ, глава правительства Французской республики, сразу вникъ въ смыслъ этой чисто русской пѣсни, и въ разговорѣ онъ, между прочимъ, сказалъ:

— Еще такъ недавно пѣсня эта вполнѣ отвѣчала дѣйствительности; но вотъ уже болѣе десяти лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ она, согласно энергично повернувшей все волѣ великаго монарха, стала анахронизмомъ. Нельзя не задуматься надъ благотѣлнѣйшей, столь смѣло совершенной реформой; велико имя царя, освободившаго милліоны своего народа однимъ почеркомъ пера; съ умиленіемъ приходилось ловить извѣстія о томъ, какъ вашъ государь проводилъ и какъ провелъ это изумительное дѣло; надо помнить, чѣмъ и кѣмъ онъ былъ окруженъ, какъ мало было людей, которые могли и хотѣли ему помочь въ его искренно намѣченномъ и энергично доведенномъ до конца великодушнѣйшемъ починѣ. И вотъ что затѣмъ произошло: не дальше, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ чуда, совершеннаго имъ, нашелся изъ среды освобожденныхъ имъ рабовъ человѣкъ ¹⁾, который рѣшился отблагодарить тѣмъ, что

¹⁾ Тѣрь, очевидно, ошибался, признавъ Каракозова бывшимъ крѣпостнымъ, получившимъ освобожденіе; но какое пророчество содержалось въ его ошибкѣ, если

посягнулъ на жизнь этого монарха. Черезъ годъ повторилъ покушеніе другой. Развѣ это первый случай вымещенія на монархѣхъ благодѣяній, имъ надѣланныхъ. Вотъ какъ ужасна исторія въ своихъ повтореніяхъ; мы ихъ знаемъ, и насъ ничто не должно было бы поражать. Кто можетъ забыть судьбу Генриха IV?

Затѣмъ маленькій человѣчекъ перечислилъ разные знаки заботы царя-Освободителя о своемъ народѣ; незамѣтно разговоръ былъ переведенъ на ужасы войны и на неимовѣрную человѣчность, которую такъ недавно государь проявилъ, по словамъ Тьера, заботясь на глазахъ всего міра о жертвахъ еще продолжавшейся тогда въ Азій войны (Туркестанскій край).

— Я не беру отдѣльные случаи,—сказалъ онъ:—а говорю о замѣчательномъ обобщеніи, которое его величество сумѣлъ дать сложному вопросу ухода за ранеными и сокращенія случаевъ проявленія такихъ актовъ, которые, въ его вѣрномъ опредѣленіи, получили названіе «напрасныхъ жестокостей войны», и безъ того жестокой по своей основѣ.

Сведенный на бесѣду о женевской конвенціи, разговоръ мало-по-малу перешелъ на то, какъ былъ обставленъ уходъ за ранеными и въ какомъ положеніи находилось попеченіе о нихъ во Франціи вслѣдствіе событій, взбудоражившихъ ее лишь за два года передъ тѣмъ. Тутъ, послѣ массы услышанныхъ по этому дѣлу новостей поучительнаго характера, А. Я. Талю посчастливилось, при содѣйствіи князя Витгенштейна, получить разрѣшеніе детально осмотрѣть въ Парижѣ всѣ заведенія, широко распространившіяся въ дѣлѣ леченія, всесторонняго ухода, призрѣнія и устроенія дальнѣйшей судьбы увѣчныхъ чиновъ арміи, выступавшей столь несчастлииво, въ смыслѣ удачъ исхода боевъ, но не менѣе того храбро дравшейся за отечество и доблестно отстаивавшей свою и его честь. Отъ президента послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы лица, стоявшія во главѣ различныхъ подобныхъ учреждений, сообразовали оказывать особое вниманіе представителямъ російской военной миссіи при посѣщеніи ими этихъ учреждений для подробнаго осмотра ихъ и для всесторонняго ознакомленія съ ними.

— Здѣсь довелось намъ осмотрѣть рѣшительно все, безъ всякой со стороны подлежащихъ властей утайки,—говорилъ Таль:—радушно принимали насъ труженики добраго дѣла облегченія страданій, на которыя обрекаются участники борьбы государствъ и народовъ между собой.

вспомнить, что душою страшнаго преступленія, повергшаго въ ужасъ Россію и весь міръ не далѣе, какъ черезъ девять лѣтъ, 1-го марта, былъ Желябовъ, именно крестьянинъ, осчастливленный со стороны государя 19-го февраля 1861 года дарованіемъ ему самаго высшаго блага въ жизни—свободы; вотъ, получивши это благо, онъ, какъ видно, рѣшилъ прежде всего подумать о томъ, чтобы у своего высокоблагороднаго, великаго благодѣтеля отнять самую жизнь...

А в т.

Между прочимъ, тогда же А. Я. Таль записалъ очень много такого, на что нельзя было не обратить вниманія по новизнѣ того дѣла и для него и для всѣхъ; громадный приливъ контингента раненыхъ далъ массу усовершенствованій, собранныхъ въ одно цѣлое и въ общемъ посившихъ міровой характеръ изученія работы внимательныхъ и способныхъ людей изъ числа приложившихъ къ ней свои старанія,—врачей, администраторовъ, изобрѣтателей, техниковъ и разныхъ специалистовъ. Все это ему очень пригодилося впослѣдствіи.

Скоро, однако, начало всплывать то, что А. Я. Таль предвидѣлъ и чего ожидать постоянно, не забывая ни на минуту.

Средствъ для жизни въ Парижѣ начинало настолько недостатывать, что, въ виду нараставшей съ каждымъ днемъ вѣроятной необходимости совершенія новаго займа, приходилось подумать, не придется ли попросту разстаться съ симпатичной должностью, столько обѣщавшей въ будущемъ.

Это и пришлось бы сдѣлать, если бы не случилось нѣчто другое, что, вдругъ прикрывъ главную причину необходимости оставленія и должности, и Парижа съ его прелестями, ускорило эту необходимость.

Прошло полгода съ того времени, когда военный министръ далъ согласіе на назначеніе второго помощника военного агента вообще и на избраніе въ эту должность А. Я. Таля въ частности.

«Дѣла на службѣ шли, подвигаясь вѣрнымъ шагомъ по своему пути, какъ вдругъ князь Витгенштейнъ совершенно неожиданно получилъ отъ Дм. Алексѣев. Милютина увѣдомленіе о томъ, что измѣненіе штатовъ должностей по военной миссіи нашей во Франціи провести въ законодательномъ порядкѣ не оказалось удобнымъ, а послѣ совѣщанія въ министерствѣ и въ военномъ совѣтѣ пришлось остановиться на рѣшеніи оставить впредь въ Парижѣ въ помощь военному агенту лицо, которое будетъ состоять при посольствѣ сверхъ штата для занятій въ той миссіи.

«При этихъ, мало опредѣленныхъ и шаткихъ условіяхъ, мнѣ оставаться въ должности не приходилось,—разсказывалъ Таль.—Такимъ образомъ, канули всѣ мои планы подробнаго осмотра и изученія въ министерствѣ, въ штабахъ и въ арміи всего намѣченнаго, записаннаго и отложеннаго лишь на время до прихода въ норму французовъ вообще, а также многого въ ихъ жизни—военной и гражданской, служебной и частной.

«Князь пробовалъ меня удержать, но, послѣ подробныхъ переговоровъ съ нимъ рѣшено было, что я останусь мѣсяца на два или на три для окончанія своего отчета, начатаго по работѣ описательно-справочной и для проведенія всего намѣченнаго по части проект-

ной, а затѣмъ покину свой постъ; конечно, я принялъ такое рѣшеніе съ большимъ сожалѣніемъ, но иного выхода не было».

Князь, искренно и сочувственно высказавъ, съ своей стороны, большое сожалѣніе, нарочно отсрочилъ назначенный имъ отъѣздъ въ свои помѣстья, дабы имѣть возможность попрощаться, какъ онъ выразился, со своимъ достойнымъ сотрудникомъ и, по русскому обычаю, проводить его хлѣбомъ-солью, т. е. обѣдомъ, на который было приглашено много лицъ изъ числа имѣвшихъ случай встрѣчаться съ А. Я. въ теченіе короткаго времени пребыванія его въ столицѣ вообще и особенно въ должности.

Представившись передъ отъѣздомъ мѣстнымъ военнымъ властямъ, а также и президенту Тьеру, А. Я. Таль нашелъ нужнымъ въ день отъѣзда, захватить оставить карточку Гамбетты, съ которымъ по пріѣздѣ въ Парижъ ему случилось познакомиться и обмѣняться визитомъ. Сверхъ ожиданія онъ его засталъ дома и былъ имъ принятъ.

Между прочимъ, въ разговорѣ обо всемъ, что Таль успѣлъ осмотрѣть въ Парижѣ, пришлось нѣсколько подробнѣе коснуться учреждений, вѣдавшихъ участь лицъ, пострадавшихъ на войнѣ.

Подчеркнувъ съ удовольствіемъ то обстоятельство, что французское правительство не ограничивалось установленіемъ лишь прямого ухода за ранеными, А. Я. замѣтилъ при этомъ, что, какъ ему бросилось въ глаза, въ этомъ дѣлѣ заботы и попеченія французовъ идутъ очень далеко за предѣлы простого излеченія пострадавшихъ; въ каждомъ изъ нихъ правительство старается сохранить членовъ общества съ полной присущей имъ рабочей силой; для этого оно оберегаетъ ихъ и печется объ нихъ въ дальнѣйшемъ, употребляя особые старанія къ тому, чтобы послѣ раненія положеніе оставшагося въ живыхъ воина возстановилось, какъ члена общества, и возможно болѣе приблизилось къ тому, какимъ оно было до изувѣченія его.

Гамбетта, остававшійся все время спокойнымъ и любезнымъ, какъ-то вдругъ точно встрепенулся; онъ приподнялся въ креслѣ и, совершенно неожиданно взявъ тонъ близкій къ рѣзкому, сказалъ:

— Но государство разъ навсегда должно отказаться отъ этого, какъ отъ непозволительной роскоши; каждому раненому дается возможность излечиться, — этимъ уходъ за нимъ долженъ ограничиваться; вообще послѣ того пострадавшій долженъ считаться отпавшимъ отъ заботъ о немъ; извѣстно, что это сбереженіе, охраненіе и сохраненіе ложится слишкомъ большой и непосильной обузой на бюджетъ.

На возраженіе, сдѣланное Талемъ относительно того, что отбросить заботу объ этомъ представляется невозможнымъ и что за

нее должно, при помощи правительства, братья общество, Гамбетта съ большой поспѣшностью отвѣтить:

— Вотъ видите, «при помощи правительства», а изъ этого выйдетъ лишь то, что «за счетъ правительства»... Нѣтъ, правительственная казна не должна подвергать себя въ этомъ отношеніи ни соблазну, ни риску; лучше подальше отъ этого...

«На этомъ мы распрощались,—разсказывалъ Таль:—я поспѣшилъ на Сѣверный вокзалъ и выѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ всю дорогу не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, которое произвели на меня крайне сухія, рѣзко произнесенныя слова Гамбетты. Всѣмъ видѣннымъ мною въ Парижѣ по этой части мысли мои направлялись къ созданію заботы именно о дальнѣйшей судьбѣ потерпѣвшихъ, о большемъ прикрѣпленіи ихъ къ обществу и о восстановленіи положенія каждаго изъ нихъ... Съ этими мыслями я покинулъ Парижъ и оставилъ предѣлы Франціи...»

Такъ для Таля многообѣщавшее измѣненіе положенія оказалось оборвавшимся.

Вся его письменная, крайне солидная работа была собрана княземъ Витгенштейномъ въ особый отдѣлъ отчетности; она была со всѣми замѣчаніями, описаніями и проектами представлена на высочайшее воззрѣніе, какъ выдающаяся.

Государь, обративъ вниманіе на отчеты Таля вообще, при первомъ же случаѣ совершенно неожиданно сказалъ ему:

— Твой трудъ я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ; въ немъ записки по части призрѣнія потерпѣвшихъ на войнѣ даютъ очень много совершенно новаго, требующаго серьезной, детальной разработки, а также постепеннаго и точнаго введенія у насъ; уходъ за ранеными представляетъ собой одно, а эта часть—дальнѣйшей заботы объ увѣчныхъ, требующихъ попеченія на всю жизнь,—другое; она оставалась до сихъ поръ забытою; спасибо тебѣ.

VI.

Переводъ Таля въ Петербургъ.—Командованіе батареями.—Болгарская война.—Скобелевъ о Талѣ.—Государь Александръ Николаевичъ особенно милостивъ къ нему.—О сраженіи у Горнаго Бугорова.

Собираясь не безъ грусти покинуть перебитую на половинѣ дороги интересную и полезную работу, А. Я. Таль со свойственной ему твердостью терпѣнія опять обратился къ мыслямъ о предстоявшихъ ему монотонныхъ дняхъ занятій въ батареѣ въ Лазенкахъ.

Но тамъ все это за короткое время измѣнилось.

Въ Варшавѣ онъ засталъ офицеровъ погружившимися въ разсмотрѣніе событія, которое получило названіе «исторіи Квитницкаго» и на шумѣло не только на всю Россію, но и на военный міръ всего свѣта.

Не буду теперь останавливаться на извлеченіи изъ своихъ записокъ этого поучительнаго эпизода, прошедшаго въ видѣ парыва въ жизни славной, блестящей гвардейской части; отложу это до болѣе удобнаго случая. Вся тихая и мирная служба той части взбудоражилась тогда и, всколыхнувшись разомъ, осталась вошедшею надолго въ колею нервозности.

Между прочимъ, послѣдствіемъ этого происшествія явилось то, что позднею весною 1873-го года А. Я. Таль былъ переведенъ въ петербургскія батареи, гдѣ пришлось ему повести свою службу и жизнь совершенно иначе.

Въ августѣ 1877 года онъ со своей батареей, которою къ тому времени въ чинѣ полковника уже успѣлъ прокомандовать болѣе двухъ лѣтъ, очутился на театрѣ войны въ Болгаріи.

По окончаніи боевого похода онъ оказался кавалеромъ ордена святого Георгія, флигель-адъютантомъ, а, кромѣ того, авторомъ интересной книги, содержащей подробное описаніе дѣйствій батареи его во время той войны. Объемистый томъ исторической книги этой былъ въ свое время оцѣненъ по достоинству, она переведена на французскій языкъ и, вообще военными авторитетами признается вполне поучительною. Книга эта въ изобиліи снабжена различными фотографическими снимками, а также собственноручными чертежами и рисунками автора.

О времени его командованія сначала армейскимъ полкомъ¹⁾, потомъ гвардейскимъ²⁾, затѣмъ кавалерійской бригадой, 13-й кавалерійской дивизіей и, наконецъ, 11-мъ армейскимъ корпусомъ, въ вышедшихъ послѣ его кончины крайне сочувственныхъ покойному некрологахъ упомянуто съ достаточною подробностью.

Кромѣ обыкновенныхъ заботъ, усердно проявлявшихся имъ о войскахъ, которыми ему пришлось командовать, онъ провелъ массу вполне одобренныхъ высшею властью нововведеній, всецѣло хлопившихся къ улучшенію быта тѣхъ войскъ; многое изъ введеннаго имъ передавалось въ сосѣднія части, перенималось ими и распространялось въ нихъ.

М. Д. Скобелевъ, пробывъ нѣсколько времени у Мраморнаго моря начальникомъ лѣваго отряда дѣйствующей арміи, имѣлъ постоянную привычку посѣщать ввѣренныя его вѣдѣнію части войскъ; однажды, оставшись у Таля послѣ такого посѣщенія его батареи и разговорившись съ нимъ, онъ сказалъ ему:

¹⁾ Александрійскимъ драгунскимъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго, нынѣ Александрійскій гусарскій Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.

²⁾ Лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества.

— Ну, знаешь, видаль я виды и всяких начальниковъ знавалъ, но такой отеческой, а главное—разумной и здоровой заботливости, какую ты проявляешь о солдатъ и о своей части, я и во снѣ не видѣлъ.

— Мнѣ потому приходится упоминать именно «о здоровой заботливости»,—сказалъ Скобелевъ:—что у насъ, сплошь и рядомъ въ этомъ, какъ и во всемъ, любятъ пересолить: солдата изнѣживаютъ, а онъ до этого очень падохъ,—сейчасъ набалуется и изъ кавалера обратится въ «сѣренькую скотинку», какъ его, правда, шутя и не въ дурномъ значеніи слова, называлъ М. И. Драгомировъ. Честь тебѣ и слава, говорю я это, не какъ любящій тебя товарищъ и другъ молодости,—нѣтъ, это, напротивъ, меня, пожалуй, стѣсняетъ высказывать все хорошее о тебѣ,—но я говорю просто, серьезно, какъ безпристрастнѣйшій судья; каждому поучиться бы у тебя, а «сѣренькому» только быть бы да быть подъ такимъ начальствомъ, каково твое. Я особенно радъ отмѣтить то, что ты съ удивительной практичностью возвелъ эту свою неустанную заботу о солдатъ въ крайне симпатичную, похвальную и прямо завидную систему.

Эти слова Скобелева мнѣ не разъ съ видимымъ удовольствіемъ передавали въ своихъ безконечныхъ и увлекательныхъ разсказахъ о той славной войнѣ бывшіе наши товарищи по службѣ въ гвардейской конной артиллеріи, офицеры, состоявшіе въ батареѣ Талія въ теченіе всего времени кампаніи, каковы: капитанъ Александръ Михайловичъ Хитрово, штабсъ-капитанъ графъ Евгеній Ефимовичъ Путятинъ, прапорщикъ Константинъ Александровичъ Дрейлингъ.

29-го декабря 1878 года я имѣлъ счастье дежурить при государѣ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Принимая меня утромъ и находясь въ прекрасномъ настроеніи духа, его величество осчастливилъ меня простымъ, крайне милостивымъ и довольно длиннымъ разговоромъ.

— Состоя въ бригадѣ, ты вѣдь служилъ съ Талемъ въ одной батареѣ?—полуспросилъ его величество; на мой отвѣтъ, что мы вмѣстѣ состояли нѣсколько лѣтъ въ третьей батареѣ, государъ сказалъ:

— Въ Варшавѣ. Какая случайность! Жаль, что ты не вчера былъ при мнѣ; вчера днемъ я послалъ ему поздравленіе съ назначеніемъ его флигель-адъютантомъ; батареей онъ будетъ продолжать командовать, онъ и батарея служатъ другъ другу дополненіемъ; я увѣренъ, что его еще больше порадовало бы полученіе этого извѣстія черезъ товарища конно-артиллериста; тебѣ также было бы пріятно привезти старшему товарищу сообщеніе объ этомъ назначеніи ¹⁾.

¹⁾ Извѣстіе Талю о назначеніи его флигель-адъютантомъ привезъ по приказанію государя состоявшій въ тотъ день дежурнымъ флигель-адъютантъ капитанъ Гераковъ (лейбъ-гвардіи Павловскаго полка).

— За него я очень радъ,—продолжалъ государь:—въ дни праздниковъ, перечитавъ много реляцій прошлагодныхъ боевъ, я съ особымъ удовольствіемъ и съ радостнымъ удивленіемъ вновь пересмотрѣлъ подробный докладъ Вельяминова и Гурко о дѣлѣ 20-го декабря подъ Горнымъ Бугоровымъ; славный бой этотъ окончился блестящей и рѣшительной побѣдой, благодаря молодецкимъ дѣйствіямъ 2-й конной генераль-фельдцейхмейстера батареи подъ командой Талья.

Государь вкратцѣ разсказалъ почти всю реляцію боя, въ которомъ нашъ трехтысячный «Вельяминовскій» отрядъ съ шестью конными орудіями быстро и лихо разсѣялъ выпедшій изъ Софіи и успѣвшій укрѣпиться на сильной позиціи пятнадцатитысячный турецкій отрядъ съ двѣнадцатыо орудіями большого калибра. Таль, не имѣя картечи, выѣзжалъ на картечный выстрѣлъ и съ большимъ искусствомъ громилъ насѣдавшаго врага картечною гранатою...

Затѣмъ его величество добавилъ:

— Этотъ рѣдкій примѣръ останется навсегда памятнымъ въ исторіи нашей славной арміи и, не менѣе того, особенно въ исторіи конной артиллеріи ¹⁾. Таль въ полной мѣрѣ заслужилъ и егорьевскій крестъ и вчерашнюю награду. Все это ты ему дословно передай.

Смѣнившись съ дежурства, я не замедлил проѣхать къ Талю въ Стрѣльну, гдѣ засталъ его въ большихъ хлопотахъ по случаю сбора въ Петербургъ къ высочайшему обѣду, на который онъ въ тотъ день былъ осчастливленъ приглашеніемъ.

Въ началѣ декабря 1902 года, когда А. Я. Таль уже состоялъ въ должности начальника 13-й кавалерійской дивизіи и случайно находился въ Петербургѣ, ему довелось получить письмо отъ командира той батареи, во главѣ которой онъ подъ Горнымъ Бугоровымъ заслужилъ передъ отечествомъ. Командиръ батареи, великій князь Сергѣй Михайловичъ, написалъ ему: «Вспоминая объ исполняющемся 20-го числа двадцатипятилѣтіи со дня той славной побѣды, служащіе чины батареи горятъ пламеннымъ желаніемъ въ день юбилея увидѣть «героя Горнаго Бугорова»—отца-командира, добывшаго лично храбростью, стойкостью и распорядительностью лавры побѣды, которая доставила высокую боевую награду батареѣ, а ему самому орденъ св. Георгія 4-й степени».

На письмѣ томъ рукой покойнаго А. Я. тщательно выведена пометка: «Я не могу; я уѣхалъ изъ Петербурга. Вторникъ 10-го декабря». Дѣйствительно, онъ съѣздилъ во дворецъ, гдѣ, не заставъ

¹⁾ Подробному разсказу объ этомъ выходящемъ изъ ряду боѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста здѣсь, на страницахъ «Историческаго Вѣстника»; но онъ давно уже занялъ крайне видное, выдающееся мѣсто въ спеціальныхъ военныхъ журналахъ. А в т. «истор. вѣстн.», апрѣль 1913 г., т. сxxxii.

его высочество, расписался въ книгѣ, а затѣмъ вдругъ собрался и уѣхалъ къ мѣсту своего служенія, откуда написалъ полное благодарностей и извиненій письмо. Сдѣлалъ онъ такъ исключительно потому, что всегда и во всемъ избѣгалъ случая фигурировать въ видѣ триумфатора, юбиляра или вообще чествуемаго при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ лица; нельзя не повторить, что, при всей его развязности, скромность у него была неизмѣнно на первомъ планѣ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что вскорѣ послѣ войны, въ 1879 году, А. Я. Таль женился на вдовѣ генераль-майора Софін Николаевнѣ Комстадіусъ, рожденной Синельниковой. Супруги, между прочимъ, вполне сошлись, во-первыхъ, въ постоянномъ стремленіи неустанно и разносторонне приходить на помощь бѣдному, нуждающемуся, неимущему люду, а, во-вторыхъ, въ совершенно согласномъ стремленіи дѣлать это такъ, чтобы сотворенное добро оставалось неизвѣстнымъ, скрытымъ; оба они совершенно искренно были полными врагами какого бы то ни было подобія официальнойности въ дѣлахъ благотворительности; отъ этого имени ихъ могли фигурировать въ описаніи такихъ дѣлъ лишь когда-нибудь случайно, при такихъ обстоятельствахъ, которые исключали всякую возможность оставленія ихъ неразоблаченными. Твердо шли они въ этихъ дѣлахъ рука объ руку и совместно всюду трудились въ дѣлѣ усиленія средствъ для созданныхъ и поддерживавшихся ими въ высшей степени полезныхъ благотворительныхъ учреждений.

VII.

Заботы и мечтанія Таля о болѣе полномъ обезпеченіи участи раненыхъ и изувѣченныхъ.—Что толкало его на мысли объ этомъ.—Назначеніе его членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.—Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.—Выдающаяся роль Таля въ дѣлѣ созданія этого общества.

Въ концѣ 1903 года случилось мнѣ проѣзжать изъ Кіева черезъ Волынскую губернію въ Елизаветградъ и въ Одессу; я нарочно остановился въ гор. Ровно, гдѣ находился штабъ 11-го армейскаго корпуса, которымъ тогда командовалъ А. Я. Таль. Пробывши вмѣстѣ около двухъ сутокъ, мы обо многомъ переговорили.

Онъ велъ вообще очень оживленный и горячій разговоръ, а при этомъ, нѣтъ-нѣтъ, да заговорить по поводу организаціи обществъ заботы объ людяхъ, теряющихъ силы и здоровье на войнѣ вслѣдствіе ранъ, увѣчий и разнообразныхъ лишеній, — такъ онъ выражалъ тогда свою мысль.

Не было ничего удивительнаго и неожиданнаго въ томъ, что онъ былъ занятъ такимъ предметомъ; онъ вообще всегда интересовался

всевозможными жизненными вопросами; нѣсколько страннымъ показалось лишь то, что онъ какъ будто весь отдался обсужденію этого дѣла; однако скоро такая сторона впечатлѣнія моего сгладилась, и я сталъ смотрѣть на это совершенно просто.

Не разъ А. Я. Таль рассказывалъ о видѣнныхъ имъ примѣрахъ того, какъ люди—офицеры и нижніе чины, пострадавшіе на войнѣ,—оставались на всю жизнь подъ тяжелымъ бременемъ полученнаго ими раненія или увѣчья, или вообще какого-либо пріобрѣтеннаго на войнѣ страданія. Онъ старался никогда не давать значенія самому факту увѣчья, а тѣмъ болѣе единичному, но смотрѣлъ, во-первыхъ, на страданія, приносившіяся массамъ людей, а, во-вторыхъ, не могъ не разсматривать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ того обстоятельства, что перѣдко небольшой собственно вредъ, нанесенный во время военно-походной жизни какою-либо случайностью, оставлялъ неизгладимый и непоправимый слѣдъ на всю жизнь съ доставленіемъ источника лишеній и несчастій. Возможность если не устраненія, то доведенія до минимума числа случаевъ неизгладимости такихъ бѣдъ онъ видѣлъ исключительно и всецѣло въ учрежденіи общества, которое служило бы дополнительнымъ придаткомъ къ учрежденному у насъ издавна, прекрасно поставленному и съ пользой дѣйствующему Александровскому комитету о раненыхъ; дѣятельность этого комитета онъ признавалъ одностороннею, такъ какъ, особенно въ тѣ времена, этотъ комитетъ, вѣдая широкимъ оказаніемъ денежной помощи, выдававшейся покровительствовавшимся чинамъ, не оказывалъ имъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ, необходимыхъ видовъ вспомошествованія; «одними деньгами всего не восполнишь», говорилъ онъ.

Разбираясь въ своихъ жизненныхъ впечатлѣніяхъ, А. Я. Таль, при всемъ сознаніи крайней необходимости полного отрѣшенія во взглядахъ на такое дѣло отъ частныхъ и отъ того, чтобы давать значеніе единичнымъ фактамъ, не могъ забыть случая съ очень близкимъ родственникомъ своимъ, барономъ К—гомъ, который въ молодости,—однако, имѣя уже троихъ дѣтей,—былъ раненъ въ сраженіи подъ Инкерманомъ и остался на всю жизнь калѣкой. Таль былъ къ нему очень близокъ, видѣлъ, какую большую нужду онъ терпѣлъ и въ отношеніи здоровья и въ матеріальномъ отношеніи; ему также было близко извѣстно, изъ какого состоятельнаго человѣка съ крѣпкимъ здоровьемъ онъ мало-по-малу сдѣлался человѣкомъ хилымъ, въ какой степени онъ, имѣя большую жену, терпѣлъ большую нужду и какъ вообще потерялъ все настолько, что никогда ему не удалось ни оправиться, ни стать на ноги въ жизненномъ отношеніи. Главнымъ же образомъ, Талю тогда же было ясно видно, что и какъ этотъ достойный чело-вѣкъ въ жизни своей терялъ изъ-за невозможности во-время многое поддержать, многому въ обиходѣ пособить—не только въ имуще-

ственнымъ, но нерѣдко просто въ правовомъ отношеніи. Помогая ему по мѣрѣ силъ въ теченіе всей его жизни, А. Я. Таль нерѣдко, желая поддержать его и семью его, прямо приходилъ въ нѣкоторый родъ отчаянія изъ-за невозможности оказать такую поддержку, какая была необходима и желательна. Много лѣтъ прошло со времени кончины этого родственника, а его бѣда, прошедшая на виду, стояла призракомъ передъ глазами А. Я.—невольнаго и близкаго свидѣтеля всего того, что она натворила. Къ этому близкому человѣку онъ былъ всей душой привязанъ, очень любилъ его, жалѣлъ, соболѣзновалъ ему и участь его всегда принималъ къ сердцу крайне болѣзненно. Съ другой стороны, еще тяжелѣе онъ переживалъ все это, когда видѣлъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ когда-то немалыя средства, а подобныхъ случаевъ съ людьми бѣдными можно было насчитывать не только десятки, но сотни и тысячи. Печальная исторія эта много способствовала тому, что развивавшіяся во впечатлительномъ А. Я. Талѣ мысли, подсказывавшія ему неизбежность довершенія дѣла заботы о дальнѣйшемъ устроеніи судьбы людей, остающихся послѣ войны потерпѣвшими, болѣе и болѣе укрѣплялись въ немъ; съ теченіемъ времени ему яснѣе представлялось, что всякое промедленіе въ этомъ является вопіющимъ. Когда ему пришлось въ Парижѣ видѣть все то, что по этой части было тогда уже заботливо насаждено у французовъ, съ невольнымъ, но яснымъ обозначеніемъ недостатковъ нашего благотѣльного комитета о раненыхъ,—онъ разсматривалъ все это, уже будучи совершенно подготовленнымъ къ воспринятію, какъ давно ожидавшееся его чуткимъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ. И вотъ, предаваясь мечтамъ о созданіи плана учрежденія чего-либо такого, что помогло бы уравнивать эти недостатки, онъ натолкнулся на, показавшіяся ему крайне жесткими и жестокими слова Гамбетты, а затѣмъ съ полной отрадой довелось ему, въ противовѣсъ отзыву этого очерствѣлаго республиканца, услышать слова милосерднѣйшаго изъ монарховъ.

Года шли. А. Я. Таль не терялъ надежды, а въ послѣдовавшемъ лѣтомъ 1905 года высочайшемъ выборѣ его въ число членовъ Александровскаго комитета о раненыхъ онъ увидѣлъ якобы предвѣстіе того, что на склонѣ дней ему доведется дожить до обращенія похожихъ лишь на далекій отзвукъ мечтаній его въ пожеланіе возможное къ исполненію, а затѣмъ и въ самое исполненіе. Не прошло и года, какъ уже въ началѣ 1906 года настала минута привѣтствовать появленіе въ Петербургѣ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Я. Талья приходилось вѣчно, внѣ службы, видѣть занятымъ устройствомъ благотворительныхъ утръ, дней, вечеровъ, баловъ, выставокъ, базаровъ, лотерей,—все съ благою цѣлью усиленія средствъ народившагося

и начавшаго развиваться общества. Прошло немного времени, и оно, въ основѣ своей, прочно устроилось; начали создаваться отдѣлы и отдѣленія его въ смыслѣ организаціонномъ—упроченія и большого развитія при главномъ управленіи различныхъ спеціальностей дѣла, а также въ смыслѣ территоріальномъ—учрежденія мѣстныхъ отдѣловъ и отдѣленій, предназначающихся для раскидыванія по обширной территоріи нашего отечества сѣти заведеній этой благотѣльной помощи.

«Слава Богу, нашлись добрые люди»,—случалось тогда слышать отъ многихъ. Чрезвычайная энергія А. Я. Таль и близкихъ ему лицъ развила это дѣло; благодаря ей, возникло, успѣшно пошло и прочно пустило «повсемѣстно» свои корни это благотѣльное общество. Имъ, этимъ роднымъ и близкимъ ему людямъ пострадавшіе на войнѣ и тѣ, которые впредь будутъ являться таковыми, обязаны не столько появленіемъ его, но быстрымъ выходомъ изъ зачаточнаго положенія, не менѣе скорымъ развитіемъ и направленіемъ на вѣрную дорогу.

Софія Николаевна Таль уже нѣсколько лѣтъ всецѣло и заботливо завѣдуетъ хозяйственною частью медицинскаго отдѣла общества и лазаретомъ. Случилось такъ, что въ послѣдній день жизни Александра Яковлевича оба они были озабочены дѣломъ пріобрѣтенія участка земли подъ новый лазаретъ, учреждавшійся обществомъ въ Гатчинѣ для леченія нижнихъ чиновъ страдающихъ нервными болѣзнями. Александръ Яковлевичъ съ большой заботой, горячо высказалъ свои соображенія относительно того, какъ бы не ускользнуло намѣченное обществомъ полученіе участка отъ учрежденія, которое рѣшило уступить его на въ высшей степени льготныхъ условіяхъ. Съ большой долей сарказма Александръ Яковлевичъ, смѣясь, рассказывалъ въ тотъ день, что ничего удивительнаго не будетъ, если эта афера и ускользнетъ изъ рукъ общества, такъ какъ лицо, взявшееся оформить сдѣлку, предъявило тому учрежденію формальныя условія, рѣшительно стѣснившія его и создавшія вѣроятность отказа съ его стороны привести въ исполненіе свое благотѣльное намѣреніе. Полное самыхъ благихъ намѣреній, лицо это, однако, невѣрно поняло свою роль и потому, вооружившись «педантизмомъ формализма», кажется, готово было исполнить относительно общества роль, сыгранную медвѣдемъ по отношенію къ пустынноку, — отнять возможность получить не только этотъ, но какой бы то ни было участокъ.

Нерѣдко А. Я. Таль въ послѣдніе дни своей жизни рассказывалъ о планахъ, дѣйствіяхъ и о развитіи этого общества. Однажды въ бесѣдѣ своей онъ, взявъ въ руки какую-то печатную брошюру, развернулъ ее и прочелъ изъ нея:

«Общество, оказывая матеріальную поддержку раненымъ солдатамъ, содѣйствуетъ ихъ полному излеченію и восстановленію

работоспособности, а также помогает имъ выхлопывать полученіе причитающихся по закону пенсій, пособій и наградъ¹⁾). «Тутъ,— сказалъ онъ, содержится рѣшительно все то, что болѣе сорока пяти лѣтъ тому назадъ мы должны были съ большимъ трудомъ продѣлывать для своихъ раненыхъ еще послѣ усмирения польскаго мятежа;—но вѣдь тогда у насъ на рукахъ остались сравнительно небольшія группы раненыхъ; мы знаемъ, насколько чувствительнѣе это оказалось послѣ нашей болгарской войны, но каково теперь, послѣ несчастной японской!»

«Общество выхлопываетъ полученіе всего причитающагося по закону»,—поди-ка самъ, даже въ здоровомъ видѣ, попробуй выхлопывать себѣ «все причитающееся по закону»,—по закону же и изноешь; а если приходится взяться продѣлывать это въ положеніи раненаго, больного, изувѣченнаго, изможденнаго!.. И вотъ теперь комитетъ о раненыхъ дѣлаетъ свое дѣло, а общество въ самой сильной степени помогаетъ ему, развертывая свои силы для раздѣленія труда оказанія всесторонняго содѣйствія несчастнымъ въ представляющихся имъ безконечныхъ хлопотахъ. Общество, желая согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями Александровскаго комитета о раненыхъ, избрало себѣ предсѣдателемъ управляющаго дѣлами этого комитета.

Это во всѣхъ отношеніяхъ полезно для дѣятельности общества и для дальнѣйшаго преуспѣянія его. Благодаря предстательству этого уважаемаго предсѣдателя, общество осчастливлено тѣмъ, что Государю Императору благоугодно было взять его подъ свое высокое покровительство.

¹⁾ Далеко не лишнимъ представляется для свѣдѣнія читателей перечислить краткѣ, что именно общество, по своему уставу, ввело въ кругъ своихъ задачъ: оно поставило себѣ цѣлью увеличивать трудоспособность солдатъ, пострадавшихъ на войнѣ, предоставлять имъ заработокъ, а также поддержку ихъ разстроеннаго хозяйства и содѣйствовать исходатайствованію имъ пособій и пенсій. Поэтому оно занимается предоставленіемъ больнымъ и раненымъ нижнимъ чинамъ спеціальнаго леченія и возможности изученія какого-либо ремесла; съ тѣмъ вмѣстѣ оно развиваетъ ихъ природныя способности къ умственному труду; снабжаетъ такихъ солдатъ, бывшихъ ремесленниковъ, а также изучающихъ ремесла, инструментами, обезпечивая сбытъ ихъ издѣлій. Прискивая имъ должности, соотвѣтствующія ихъ дѣйствительной трудоспособности, оно оказываетъ помощь выдаче ежемѣсячныхъ пособій, призрѣніемъ, воспитаніемъ и образованіемъ ихъ дѣтей, а также облегченіемъ возможности покупки утраченнаго скота, найма работника и т. д. Причемъ, съ объявленіемъ мобилизации, общество оказываетъ семьямъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на войну, содѣйствіе къ удовлетворенію ихъ всѣми видами правительственной, общественной и частной помощи.

Распоряженіемъ правленія общества отъ времени до времени издается «Справочникъ», въ которомъ перечислены учрежденія, выдающія пенсіи и пособія пострадавшимъ на войнѣ нижнимъ чинамъ, а также вдовамъ и сиротамъ убитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Эта снабженная формами всевозможныхъ прошеній книжка представляетъ собой для нихъ драгоценное руководство во всѣхъ случаяхъ, могущихъ представлять въ ихъ обиходѣ какія-либо затрудненія при различныхъ ходатайствахъ. А в т.

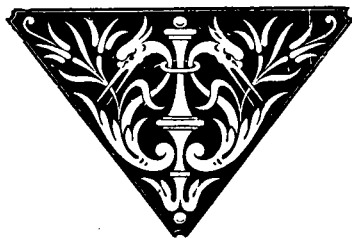
— Отраднo знать и легко на душѣ, когда знаешь, что для несчастныхъ, такимъ образомъ, помощь общества обезпечена навсегда, — говорилъ А. Я. Таль въ послѣдній день своей жизни. — Приходится горячо желать, чтобы общество получило возможность присоединить къ своимъ заботамъ попеченіе «о пострадавшихъ на войнѣ нуждающихся офицерахъ и ихъ семьяхъ»; будемъ надѣяться, что и это пожеланіе исполнится, — добавилъ онъ въ глубокомъ раздумьи. — Незабвенными останутся навсегда слова покойнаго государя Александра Николаевича о роли этого общества:

«Уходъ за ранеными и матеріальная помощь, оказываемая имъ, — это одно, а дальнѣйшая всесторонняя забота объ увѣчныхъ, требующихъ попеченія на всю жизнь, — другое».

— Вотъ слова, которыя должны быть занесены въ видѣ девиза къ дѣятельности общества, — сказалъ Таль, и это была послѣдняя фраза, слышанная мною отъ него въ тотъ день при прощаньи, послѣ котораго мы условились свидѣться на другой день у него же. Однако подъ утро того дня, 11-го октября 1911 года, его не стало...

Такъ на его успокоившейся, отошедшей въ вѣчность душѣ осталась громадная, взлелѣянная его мечтаніями доля участія въ созданіи на Руси одного изъ благотворнѣйшихъ обществъ, направляющихъ всѣ свои силы къ облегченію участи страждущаго воинства.

Е. Андреевскій.

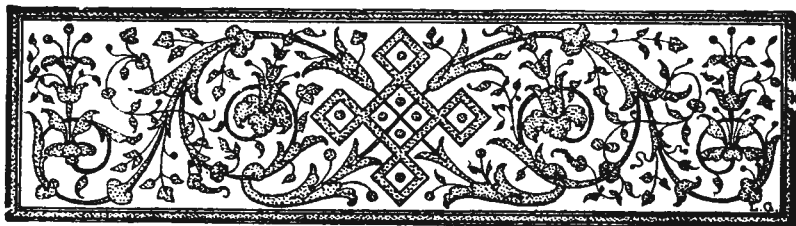
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
МАЙ, 1913 Г.

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГАЗЕНКАМФЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА Сорокъ семь лѣтъ¹⁾.

I.

Вступленіе отца моего въ 1812 г. въ военную службу.—Производство въ офицеры при взятіи Парижа въ 1814 г.—Турецкая война 1828—9 гг.—Производство въ майоры за военное отличіе.—Оставленіе инструкторомъ при молдо-валашской арміи.—Женитьба въ Валахіи.—Моя служба.—Поѣздка въ Румынію въ 1877 году.—Великій князь Николай Николаевичъ Старшій смотритъ войска одиннадцатаго армейскаго корпуса въ Тирасполѣ.—А. А. Непокойчицкій.—А. А. Галль.—Д. А. Скалонъ.—П. П. Андреевъ.—В. Б. Гросманъ.

ТЕЦЬ мой увлекся общимъ движеніемъ въ 1812 году и шестнадцатилѣтнимъ юношей, уйдя изъ дома родителей, довольно зажиточныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ Херсонской губерніи, поступилъ въ первую встрѣтившуюся воинскую часть, каковая оказалась Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ десятой пѣхотной дивизіи, двигавшейся военнымъ походомъ черезъ всю Россію на юго-западъ. Командиръ полка полковникъ Бѣлогужевъ принялъ въ юношѣ большое незаурядное участіе и, взявъ его, какъ слабаго здоровьемъ юнца, подъ свое покровительство, всѣми способами облегчалъ ему военно-походную жизнь, которую полкъ затѣмъ, во время движенія по Западной Европѣ, въ предѣлахъ Германіи и Франціи совершалъ съ боями, увеличившими славу русскаго оружія. 19-го марта 1814 года, въ день взятія Парижа войсками императора

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІІ, стр. 82.

Александра I восемнадцатилѣтній того полка унтеръ-офицеръ изъ дворянъ, какъ тогда писали,—«Константинъ Андреевъ сынъ Андреевскій», въ лагерѣ подъ стѣнами всемірнаго города былъ произведенъ въ прапорщики за отличіе въ сраженіи, рѣшившемъ тогда участь столицы Франціи.

Во время турецкой войны 1828—9 гг. онъ въ томъ же полку, въ чинѣ капитана, командовалъ ротой, за боевыя отличія былъ произведенъ въ майоры, а по окончаніи кампаніи былъ избранъ въ группу штабъ- и оберъ-офицеровъ, оставленныхъ инструкторами для обученія пѣхотныхъ частей войскъ въ арміи, создававшейся тогда по волѣ императора Николая I въ готовившихся къ отдѣленію отъ Порты на вассальныхъ основаніяхъ припрутскихъ провинціяхъ—Молдавіи и Валахіи.

Въ это время онъ женился на дочери богатаго валашскаго помѣщика Георгицы Дедулеско, владѣвшаго нѣсколькими имѣніями на большомъ пути между городами Браиловымъ и Рымникомъ Саратомъ.

Скончался отецъ мой въ декабрѣ 1855 года, пробывъ болѣе пяти лѣтъ вдовцомъ; послѣ него остались три дочери и шесть сыновей. Старшей, окончившей курсъ института въ Кишиневѣ, было двадцать лѣтъ,—второй, продолжавшей ученіе въ томъ же институтѣ, минуло восемнадцать, младшая же, шестилѣтняя дѣвочка, тотчасъ послѣ кончины отца, согласно волѣ, выраженной имъ на этотъ предметъ по просьбѣ дяди матери нашей Костандина Николеско, была свезена въ Женеву и отдана въ тамошній, пользовавшійся громкой славой, къ большому, однако, огорченію крайне іезуитскій, пансіонъ «Каружъ»; изъ шести сыновей старшему было двадцать два года, мнѣ, младшему, въ томъ году минуло восемь лѣтъ. За нѣсколько лѣтъ до кончины отецъ, въ заботахъ своихъ о нашемъ ученіи, точно поторопился всѣхъ не выпедившихъ изъ школьнаго возраста отдать въ учебныя заведенія; старшаго, Степана, глухонѣмого отъ рожденія, пришлось безъ дальнѣйшаго выбора отвезти въ Петербургъ, на Гороховую, тамъ онъ и окончилъ съ большимъ успѣхомъ курсъ наукъ; второго, Константина, правда, тотчасъ послѣ кончины матери выпросилъ у отца ея дядя, тотъ же богатый валашскій помѣщикъ Николеско, очень много вѣрою и правдою послужившій въ предѣлахъ своего отечества Россіи за все время царствованія императора Николая I. Онъ этого сына своей любимицы-племянницы усыновилъ, давъ ему свою фамилію, и повелѣ въ жизни по своему выбору той дорогой, которая показалась ему наиболѣе подходящею для «боера» (по-румынски владѣльческій класъ называется *boerule*), готовившагося къ богатой жизни на оставлявшееся ему изрядное состояніе—въ двѣнадцать тысячъ червонцевъ годового дохода. Окончивъ курсъ берлинскаго университета по теологическому факультету, молодой

человѣкъ, однако, не могъ похвалиться, чтобы ему удалось жизнь свою провести и окончить такъ счастливо, какъ можно было, по всей блестящей обстановкѣ, ожидать.

Отецъ нашъ почти въ то же время отдалъ двухъ другихъ сыновей своихъ, Николая и Михаила, въ Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ, а двухъ младшихъ, Александра и меня, въ малолѣтнее отдѣленіе перваго московскаго корпуса.

Къ началу года освободительной войны осталось насъ на царской службѣ въ предѣлахъ Россіи лишь трое: окончившіе курсъ въ своемъ корпусѣ Николай майоръ Брянскаго пѣхотнаго полка, и Михаилъ, капитанъ Ревельскаго пѣхотнаго полка, а также я, прошедшій послѣ перваго московскаго корпуса черезъ училища Александровское военное и Михайловское артиллерійское, штабсъ-капитанъ, адъютантъ гвардейской конно-артиллерійской бригады.

Въ мартѣ 1877 года случай привелъ меня испросить себѣ кратковременный отпускъ въ Румынію для принятія принудительныхъ мѣръ къ тому, чтобы арендаторъ болѣе аккуратно вносилъ слѣдовавшую мнѣ по контракту арендную плату съ находившагося въ предѣлахъ Румыніи имѣнія моего.

Старый арендаторъ, пришлый грекъ по фамиліи Димопуло, уже лѣтъ тридцать занимался арендованіемъ владѣльческихъ земель, причемъ по преимуществу старался заключать контракты съ такими помѣщиками, которые въ краѣ не проживали, а бывали лишь въ своихъ владѣніяхъ наѣздомъ; такихъ было немало, въ числѣ ихъ преимущественно считались случайно попавшіе въ страну русскіе, которые, поженившись въ Молдавіи и Валахіи за время прежнихъ нашихъ войнъ съ Турціей, оказались тамъ собственниками сами или передали своимъ дѣтямъ землю по наслѣдству; тѣ и другіе за ходомъ дѣлъ по имуществу, служа въ Россіи, могли слѣдить, лишь наѣзжая въ край отъ времени до времени урывками.

Въ такихъ условіяхъ находилась и та наслѣдственная доля, которая досталась мнѣ отъ отца; арендаторъ Димопуло, въ числѣ массы такихъ же, какъ онъ, плательщиковъ, считался очень аккуратнымъ человѣкомъ и въ прежніе годы иногда позволялъ себѣ пропускать лишь годъ съ тѣмъ, чтобы къ слѣдующему сроку внести двойную плату, но въ то время, по неизвѣстнымъ причинамъ, не внесъ ничего за три года подъ рядъ; можно себѣ представить, что дѣлали тѣ арендаторы, которые пользовались репутаціей не-исправныхъ, если у того, аккуратнаго, все, какъ казалось, шло къ тому, что онъ намѣренъ былъ, или, можетъ быть, находился вынужденнымъ проманкировать и четвертый терминъ. Между тѣмъ только что миновавшая сербская война съ Турціей накликала наше столкновеніе съ этой, уже тогда отживавшей свою жизнь,

больной державой; такимъ образомъ, необходимость спѣшнаго принятія на мѣстѣ какихъ-либо мѣръ выставялась сама собой.

Получивъ съ трудомъ въ концѣ февраля шестинедѣльный отпускъ за границу, я намѣтилъ себѣ выѣхать въ первыхъ числахъ марта изъ Петербурга на Кишиневъ, Унгены, черезъ Яссы въ Бухарестъ.

Уже я совсѣмъ собрался въ отъѣздъ, почти уложивъ свои вещи, когда при послѣднемъ докладѣ, представленномъ мною по должности бригаднаго адъютанта, командиръ бригады свиты его величества генераль-майоръ М. И. Бревернъ сказалъ мнѣ:

— А вамъ придется съ отъѣздомъ дня на два или на три задержаться: начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ графъ Ѳ. Л. Гейденъ хочетъ обратиться къ вамъ съ просьбой; если вы представитесь ему въ скюртукъ завтра въ двѣнадцать часовъ дня въ штабѣ, то получите отъ него нужныя распоряженія.

На другой день, будучи принятъ въ штабѣ очень любезно, я узналъ, что потребовалось отвезти главнокомандующему въ Кишиневъ разныя очень важныя бумаги, и графъ Ѳеодоръ Логгиновичъ Гейденъ, узнавъ отъ генерала Бреверна, что я ѣду именно черезъ Кишиневъ, рѣшилъ предложить мнѣ взять на себя исполненіе этого порученія.

— Вы вѣдь все равно ѣдете на Кишиневъ, явитесь тамъ великому князю главнокомандующему и представьте въ собственныя его высочества руки вотъ этотъ пакетъ; кромѣ этого, захватите въ штабѣ у Никитина ¹⁾ бумаги для начальника штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютанта Непокойчицкаго.

Въ тотъ же день я получилъ «бумаги», которыхъ оказалось довольно увѣсистый мѣшокъ-портфель, причемъ, по приказанію начальника же главнаго штаба, мнѣ совершенно неожиданно было выдано болѣе четырехсотъ рублей прогонныхъ денегъ, послѣ чего я совершенно благополучно выѣхалъ по задуманному маршруту.

Проѣхавъ черезъ Москву, Курскъ, Кіевъ, Фастовъ, Казатинъ съ разными, довольно мучительными пересадками, пришлось выѣхать на Одесскую дорогу. Здѣсь предстояло уже остановиться на станціи Кишиневъ, до котораго имѣлся билетъ прямого сообщенія. Вечеромъ проѣхали Жмеринку, поздно ночью миновали Бирзулу. За нѣсколько станцій до цѣли путешествія не спалось; выглядывая изъ вагона, безцѣльно осматривая мѣстность пути, я совершенно неожиданно у одной изъ станцій въ полѣ увидѣлъ линію огней, ярко освѣщавшихъ прилегавшую къ станціи площадь.

¹⁾ Дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій правитель канцеляріи главнаго штаба.

— Что это?—спросилъ я кондуктора, пробѣгавшаго мимо съ фонаремъ.

— Это станція Тирасполь, здѣсь его императорское высочество великій князь главнокомандующій изволить ночевать со свитой въ поѣздѣ; они останутся здѣсь двое сутокъ для смотра войскъ...

Въ одну секунду, захвативъ свои вещи, я вышелъ изъ вагона; предъявить багажный билетъ и просить выбросить мой багажъ было дѣломъ одной минуты, и къ моменту отхода поѣзда, который простоялъ минутъ десять, я уже остался на станціи одинъ со своими вещами; въ темнотѣ и въ полной тишинѣ кое-гдѣ сновали люди со сверкавшими огоньками ручныхъ фонарей,—станціонные служащіе проходили чинно мимо; носильщикъ, предложивъ свои услуги, доставилъ мои вещи въ станціонный залъ.

— Можно здѣсь пробить до разсвѣта?—спросилъ я вѣжливо раскланявшуюся красную фуражку.

— Сдѣлайте одолженіе; можно здѣсь еще и заночевать,—имѣется два свободныхъ дивана.

Было три часа пополудни. Занявъ одинъ изъ дивановъ и расположившись около него, я задумалъ устроиться здѣсь не для того, чтобы заночевать, такъ какъ всякій намекъ на сонъ уже давно пропалъ,—а лишь для того, чтобы разложить вещи, разобрать ихъ и доставить себѣ возможность переодѣться.

Очень скоро проснулся спавшій на одномъ изъ дивановъ военный; это оказался мой старый знакомый, генераль-майоръ Леоновъ; я его знавалъ въ Варшавѣ офицеромъ, а потомъ и старшимъ штабъ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Онъ меня узналъ, и мы разговорились.

— Великій князь прибылъ сюда вчера; сегодня и завтра будетъ смотрѣть здѣсь войска одиннадцатаго корпуса, а затѣмъ поѣдетъ дальше на Бирзулу и Жмеринку, послѣ чего возвратится въ Кишиневъ,—объяснилъ мнѣ молодой генераль.

— Значить, я вѣрно разсчиталъ, бросивъ свой поѣздъ для того, чтобы уловить моментъ здѣсь представить его высочеству бумаги, которыя везу изъ Петербурга по порученію начальника главнаго штаба...—полуспросилъ я.

— Конечно. Я ѣхалъ въ Кишиневъ представиться великому князю по случаю назначенія въ дѣйствующую армію бригаднымъ командиромъ въ одну изъ кавалерійскихъ дивизій; увидѣвъ съ вечера суету остановки и устройства на ночлегъ великокняжескаго поѣзда, я тоже разсчиталъ болѣе вѣрнымъ остаться здѣсь; напьемся чаю, а къ тому времени квартира его высочества просянется, вмѣстѣ и представимся,—сказалъ Леоновъ.

Занявшись бритьемъ и приведеніемъ себя въ порядокъ, мы скоро увидѣли, какъ въ поѣздѣ великаго князя зашевелилась жизнь; пришла пора намъ подвинуться къ поѣзду и прицѣлиться

къ опредѣленію своего положенія, тѣмъ болѣе, что уже начали прибывать кавалерійскія и артиллерійскія части одиннадцатаго армейскаго корпуса. Насъ набралось человѣкъ десять.

Адъютанты великаго князя, полковникъ Дмитрій Антоновичъ Скалонъ и ротмистръ Петръ Петровичъ Андреевъ, очень любезно взялись доложить объ насъ его высочеству; тутъ же отъ нихъ узналъ объ насъ завѣдующій поѣздомъ и главной квартирой великаго князя генераль-майоръ Александръ Александровичъ Галль; всѣ они сообщали объ насъ мимоходомъ начальнику штаба дѣйствующей арміи, почтенной фигуры и крайне симпатичнаго, добродушнаго вида генераль-адъютанту Артуру Адамовичу Непокойчицкому, послѣ чего черезъ четверть часа вышелъ великій князь.

Поговоривъ крайне ласково съ каждымъ изъ представлявшихся генераловъ и полковниковъ, его высочество обратился ко мнѣ:

— Ты какъ сюда попалъ?

Я наскоро доложилъ все, что могъ...

— Давай, давай сюда; посмотримъ, что ты привезъ. А какъ же ты завладѣлъ имѣніемъ въ Румыніи? Давно владѣешь имъ? Знаешь по-румынски?—засыпалъ меня вопросами великій князь и, получивши мои отвѣты, сказалъ: — Э, да ты мнѣ пригодись. Скалонъ, скажи Галлю, чтобы онъ его записалъ и мнѣ потомъ въ свое время напомнимъ о немъ...

Меня удивило, что къ генералу Галлю великій князь лично не обратился, несмотря на то, что онъ тутъ же стоялъ рядомъ съ генераломъ Непокойчицкимъ. Потомъ мнѣ объяснили, что прекрасный, добрѣйшій и деликатнѣйшій Александръ Александровичъ Галль страдалъ полной глухотой; когда онъ разузнавалъ черезъ Дмитрія Антоновича Скалона и Петра Петровича Андреева объ насъ, подошедшихъ къ поѣзду, я не замѣтилъ этого его недуга. Оказалось, что вообще въ то время это несчастье было еще вновь; не освоившись съ нимъ, онъ всячески старался скрыть его и потому предпочиталъ не дослышать, лишь бы не обнаружить недостатка; только впоследствии, видя тщетность принятія мѣръ къ сокращенію, онъ взялъ привычку, начиная разговоръ съ кѣмъ бы то ни было, первымъ дѣломъ приставлять къ уху рожокъ для того, чтобы слушать собесѣдника.

Поразспросивъ крайне милостиво вообще о Петербургѣ, о гвардейской конной артиллеріи, о нѣкоторыхъ изъ сослуживцевъ и начальствовавшихъ, его высочество сказалъ мнѣ:

— Посмотри, что мы здѣсь дѣлаемъ, полюбуйся нашей артиллеріей, здѣсь увидишь сегодня двѣ конныя батареи,—онѣ не хуже, братъ, нашихъ гвардейскихъ,—полюбуйся ими, а затѣмъ поѣзжай съ Богомъ, продли свое курьерство до Кишинева; тамъ передай отъ меня все то, что тебѣ дастъ и скажетъ начальникъ штаба, и маршъ безъ задержки въ Румынію, времени, братъ, остается немного, война

можетъ тебя застѣнуть врасплохъ; не замѣшкайся тамъ, кончай скорѣе свои дѣла и возвращайся назадъ...

Осмотрѣвъ одинъ за другимъ полки 11-ой кавалерійской дивизіи, великій князь потребовалъ для выѣзда къ себѣ на позицію въ карьеръ 18-ую конную батарею, а съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно для меня неожиданно подозвалъ меня въ ту самую минуту, когда командиръ батареи подполковникъ Гросманъ, салютуя, подъѣхалъ къ его высочеству съ рапортомъ.

— Вотъ,—сказалъ великій князь,—видѣлъ, какъ лихо выскочила батарея; ну, посмотри, какъ они будутъ представляться

При этомъ великій князь приказалъ командиру продѣлать нѣсколько уставныхъ построеній, примѣрную стрѣльбу, перемѣну фронта и вновь выѣхать на позицію въ карьеръ, а затѣмъ вызвалъ донскую казачью батарею и приказалъ ея командиру подполковнику Рытикову продѣлать по уставу почти то же самое.

Послѣ церемоніальнаго марша всей дивизіи великій князь, проѣзжая со свитой и увидѣвъ при разъѣздѣ частей, что я иду пѣшкомъ, какъ бы сопровождаемый ѣхавшими возлѣ меня обоими батарейнными командирами, сказалъ:

— Что, уже познакомились между собой, конно-артиллеристы?— А узнавъ, что знакомиться мнѣ пришлось лишь съ Рытиковымъ, котораго прежде мнѣ не случалось встрѣчать, воскликнулъ:—Ахъ да, что же это я, вѣдь Гросманъ же изъ 3-ей батареи былъ переведенъ формировать пятую, онъ тебя въ Лазенкахъ раньше зналъ; ну, вотъ, познакомьтесь, старые знакомые...

Дѣйствительно, мы были съ Владимиромъ Богдановичемъ Гросманомъ старые знакомые; прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ въ третьей батареѣ, мы, что называется, не одинъ пудъ соли вмѣстѣ съѣли, такъ какъ не разъ жилали по нѣскольку мѣсяцевъ на одной квартирѣ, а переведенные въ 1875 году въ пятую батарею, какъ о томъ вспоминалъ великій князь, для формировація ея, все время до переименованія капитана Гросмана въ подполковники съ назначеніемъ командиромъ 18-ой конной батареи, прожили въ Стрѣльнѣ мѣсяцевъ семь въ одной комнатѣ.

II.

Кишиневъ.—Казимиръ Левицкій.—Его строптивость.—Станція Страшны.—Л. Е. Адамовичъ.—Предположеніе его о предстоящей для меня большой удачѣ.—Бухарестъ.—Опять Кишиневъ.—Разочарованіе.—Князь Н. Ѳ. Масальскій.—Поѣздка въ Петербургъ для сборовъ въ военный походъ.—Возвращеніе.—Приказъ о назначеніи ординарцемъ къ великому князю главнокомандующему.

— Пожалуйста,—сказалъ мнѣ начальникъ штаба генераль-адъютантъ Непокойчицкій:—передайте въ Кишиневѣ всѣ эти бумаги помощнику моему генераль-майору Левицкому; въ нихъ все необходимое отмѣчено и указано; будьте добры, попросите его при-

казать заготовить дѣла и бумаги къ подписи его высочеству для обратнаго отправленія съ курьеромъ въ Петербургъ.

Находясь передъ тѣмъ на службѣ въ Стрѣльнѣ, я имѣлъ случай встрѣчаться съ генераломъ К. В. Левицкимъ, состоявшимъ тогда въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта командиромъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка, имѣвшаго стоянку по сосѣдству въ Петергофѣ; по прибытіи въ Кишиневъ я, какъ знакомый, предсталъ предъ нимъ, тогда уже свиты его величества генераль-майоромъ, помощникомъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

— Хорошо-съ,—сказаль, выслушавъ меня Левицкій:—все будетъ исполнено; зайдите ко мнѣ завтра утромъ, часовъ въ девять.

— Не готово-съ, не готово, то есть не все готово,—встрѣтилъ меня Казимиръ Васильевичъ на другой день у входа въ свою квартиру:—зайдите завтра подъ вечеръ; бумагъ къ изготовленію оказалось гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать; кстати возвращеніе великаго князя отсрочено,—его высочество вернется лишь завтра днемъ,—бумаги же не будутъ готовы раньше пяти-шести часовъ дня; но вы до отхода петербургскаго поѣзда еще будете имѣть довольно времени...

— Какъ петербургскаго? Зачѣмъ до петербургскаго?—спросилъ я.

— Въ Петербургъ поѣздъ отходитъ въ девять часовъ вечера, великій князь успѣетъ къ тому времени принять докладъ, подписать все, и вы во-время выѣдете съ бумагами...

— Позвольте, я ѣду прямо въ Бухарестъ, у меня вѣдь шестинедѣльный отпускъ въ Румынію, я ѣду туда по своимъ имущественнымъ дѣламъ, мнѣ нужно торопиться...

— Нѣтъ-съ, вы повезете обратно бумаги начальнику главнаго штаба и военному министру, вы поѣдете курьеромъ его высочества.

— Какимъ курьеромъ? Его высочеству извѣстно, что я взялъ на себя ѣхать курьеромъ лишь до Кишинева, а дальше ѣду въ отпускъ.

— Нѣтъ-съ, вы возвратитесь курьеромъ въ столицу.

— Позвольте; мои дѣла требуютъ моего неотложнаго пребыванія въ Бухарестѣ.

— Служба-съ въ настоящее время важнѣе вашихъ дѣлъ,—сказаль онъ, принимая запальчивый тонъ.

— Да великій князь самъ мнѣ сказалъ: торопись, поѣзжай въ Румынію и скорѣй возвращайся, война можетъ застать врасплохъ...

— Что мнѣ за дѣло, у меня есть распоряженіе бумаги заготовить къ отправленію въ Петербургъ съ курьеромъ.

— Отправите съ курьеромъ, но не со мной.

— Съ курьеромъ, съ вами-съ,—отрѣзалъ Левицкій, а затѣмъ повернулъ спину и ушелъ въ свои комнаты.

Мнѣ, конечно, показалось, что слѣдовало тотчасъ же, не обращая вниманія на него, уѣхать въ Бухарестъ. А что, подумалъ я, если дѣйствительно у него есть распоряженіе отправить именно меня; время вѣдь военное, каждую минуту можетъ дѣло повернуться такъ, что послѣдуютъ самыя неожиданныя перемѣны, при которыхъ болѣе чѣмъ яснымъ является, что не до частныхъ имущественныхъ дѣлъ. Если уѣхать безъ разговоровъ, не разобравшись въ такомъ дѣлѣ, можно сильно поплатиться, шутки могутъ оказаться очень плохими. Выйдя отъ Левицкаго, подумалъ я нѣсколько минутъ, а затѣмъ повернулъ на телеграфную станцію и послалъ въ Жмеринку срочную съ оплаченнымъ отвѣтомъ телеграмму генералу Галлу: «Прошу исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе великаго князя выѣхать безъ задержки въ Румынію, куда я уволенъ высочайшимъ приказомъ въ отпускъ».

Съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ я ждать отвѣта и сколько тревожныхъ мыслей перешло черезъ мою разгоряченную голову: телеграмма моя можетъ показать, будто вышло столкновеніе; подумаютъ: какой безпокойный человѣкъ этотъ пріѣзжій офицеръ, что онъ затѣялъ; и въ такое время! Никто также не одобритъ претенціозной ссылки на высочайшій приказъ. Далѣе, если телеграмма не застанетъ главной квартиры въ Жмеринкѣ, въ сутолкѣ могутъ ее затерять; или, еще хуже, если великій князь куда-нибудь отправилъ Галла или вернулъ въ Кишиневъ,—когда-то еще онъ сюда пріѣдетъ? Волненіямъ не было конца, и я не знаю, какъ пришлось дожить до той минуты, когда почтовый чиновникъ, согласно нашему уговору, привезъ мнѣ на извозчикѣ въ гостиницу отвѣтную депешу; прилетѣвъ на томъ же извозчикѣ къ Левицкому, я молча подаль ему ее: «Его высочество,—значилось въ ней,—разрѣшилъ вамъ тотчасъ, безъ промедленія продолжать путь въ Румынію; если это вамъ не было передано въ Тирасполѣ, то лишь вслѣдствіе простого упущенія. Генералъ Галлъ».

Причина возбужденія мною новаго ходатайства не могла быть понятною Галлу, поэтому онъ и придавъ отвѣту такую форму. Левицкій долго вертѣлъ телеграмму въ рукахъ; видимо, раза четыре перечиталъ ее, пробѣгая глазами, и наконецъ измыслилъ сказать со злобной усмѣшкой: «Однако, изволите-съ видѣть, по упущенію или почему-либо другому вамъ не было передано разрѣшеніе его высочества, какъ же вы могли бы уѣхать?»

Ясно опредѣлилось, сколько ехидства царило въ характерѣ этого человѣка; я разсмѣялся и, не возражая ничего, объяснилъ лишь ему, что имѣю еще время и потому сейчасъ, не медля ни минуты, отъѣзжаю на Унгены, а далѣе по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ, черезъ Яссы въ Бухарестъ; тотчасъ же я съ нимъ и раскланялся.

Прощавшись съ входившимъ въ штабъ старшимъ адъютантомъ, крайне симпатичнымъ, обязательнымъ и любезнымъ полков-

никомъ Сергѣемъ Антоновичемъ Колбе, я попросилъ его записать мой бухарестскій адресъ на тотъ случай, если бы почему-либо нашли нужнымъ меня искать. Эта предосторожность съ такимъ человекомъ, какимъ обозначается Левицкій, не будетъ тщетною, подумалъ я. Черезъ часъ я уже катилъ почтовымъ поѣздомъ въ Румынію.

На первой станціи отъ Кишинева, въ Страшенахъ, ко мнѣ въ купе вошелъ помощникъ начальника артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-майоръ Леонидъ Ефремовичъ Адамовичъ. Посѣтовавъ на меня полусуто за то, что я не зашелъ къ нему въ Кишиневъ, онъ объяснилъ, что ѣдетъ по дѣламъ службы до Пырлицы ¹⁾ и радъ провести со мной два часа. Во время пути онъ съ разными предосторожностями вывелъ меня на площадку вагона, заперъ всѣ двери и, лишь убѣдившись въ томъ, что никто не можетъ насъ услышать, заговорилъ:

— Ну, слава Богу, я ужасно радъ за васъ и отъ души поздравляю.

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? Вы прекрасно знаете съ чѣмъ. Вѣдь великій князь васъ избралъ въ число своихъ ординарцевъ и, какъ только послѣдуетъ объявленіе войны, вы немедленно же будете назначены...

— Что вы говорите! Съ какой стати? Откуда вы это взяли? Ничего подобнаго!..

— Ну, вотъ, вотъ наивность какая; положимъ, вы прекрасно начинаете предстоящую вамъ новую службу, она требуетъ большой дипломатической сноровки, вы сразу ее усвоили,—это прекрасно, удобно и очень похвально; но не передо мной же вамъ таиться, помилуйте, вѣдь мы старые друзья и, повѣрьте, что я всегда могу вамъ только помочь во всякомъ дѣлѣ вашемъ.

— Серьезно, ничего не знаю и только теперь какъ будто хочу убѣдить себя въ необходимости начать прозрѣвать; но скажите же, откуда вы это взяли?

— Откуда? отовсюду. Развѣ вы одни стояли передъ великимъ княземъ, когда онъ велѣлъ Андрееву васъ записать?

— Вотъ ужъ извините, не таился я, не таюсь и дипломатіи не предаюсь, просто не далъ значенія этимъ словамъ, понялъ лишь такъ, что, можетъ быть, пригожусь такъ же, какъ пригодился графу Гейдену; вотъ ужъ правду говорю, что былъ далекъ отъ того, на что вы мнѣ открываете глаза и наталкиваете мои мысли.

— Какъ же, дѣло шло именно о назначеніи васъ ординарцемъ; никто иначе не понялъ, а вамъ никто не сказалъ просто лишь потому, что это само собой разумѣется, и не приходится говорить о вещи,

¹⁾ Последняя остановка передъ станціей Унгены, находящейся на румынской границѣ, въ восьмидесяти пести верстахъ отъ гор. Кишинева.

которая представляется болѣе чѣмъ ясною; такъ и знайте; я вѣрю, что вы не дали настоящаго значенія словамъ великаго князя, тѣмъ болѣе радуюсь за васъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ поздравляю васъ, ну, слава Богу, а въ секретѣ продолжайте это держать теперь сознательно такъ же твердо, какъ держали поневолѣ...

Разговоръ перешелъ на другіе предметы и, лишь подѣзжая къ станціи Пырлица, я сказалъ: Теперь, когда я начинаю вдумываться во все происшедшее и яснѣе припоминать все, болѣе и болѣе какъ будто бы дѣло становится въ моихъ глазахъ именно такимъ, какимъ вы его представляете; но мнѣ въ голову не могло прийти что-либо подобное въ ту минуту, когда не Андреева, а Скалона великій князь не безъ нѣкоторой таинственности оповѣстилъ о своемъ приказаніи передать Галлу распоряженіе, чтобы онъ записалъ и въ свое время напомнилъ обо мнѣ...

— Ну, до свиданія, помоги вамъ Боже хорошо отслужить, служба предстоить не простая и не легкая,—сказалъ Л. Е., прощаясь со мной въ ту минуту, когда поѣздъ помчалъ дальше.

Самому мнѣ, когда я выслушалъ многозначительныя слова великаго князя, показалось, будто въ нихъ кроется какой-то особый смыслъ, но я тогда же отринулъ возможность какихъ бы то ни было предположеній, такъ какъ всѣ они могли казаться мнѣ только нескромными. Слова Л. Е. Адамовича меня не убѣдили, но навели на размышленія, отъ которыхъ я, по человѣческой слабости, не могъ отдѣлаться, какъ ни старался о томъ. Одно, на чемъ я далъ своимъ мыслямъ просто остановиться, это на созрѣвшемъ во мнѣ рѣшеніи употребить всѣ силы къ тому, чтобы остаться у своихъ имущественныхъ дѣлъ въ Бухарестѣ лишь самый короткій промежутокъ времени и, не мѣшая ни минуты, постараться возможно скорѣй вернуться въ Кишиневъ.

Въ суетѣ случившагося въ Кишиневѣ «Левицкаго эпизода» выѣздъ мой, совершенно незамѣтно для меня, оказался приноровленнымъ такъ, что я пріѣхалъ въ столицу Румыніи къ вечеру Страстной субботы. Это могло обусловить большую неудачу въ ходѣ дѣла, такъ какъ что же можно сдѣлать въ такіе дни по имущественнымъ дѣламъ; а между тѣмъ не только каждый день, каждый часъ было дорого захватить, дабы употребить съ пользою для дѣла.

По счастью, проживавшій тогда въ Румыніи братъ мой Константинъ Николеско отнесся очень внимательно къ моимъ письмамъ, въ которыхъ я, съ полною откровенностью и съ не меньшею серьезностью изложивъ ему обстоятельства дѣла, просилъ принять энергичныя мѣры къ тому, чтобы было наведено все упущенное относительно дѣйствій арендатора моего имѣнія за прошлое время, въ теченіе котораго я не имѣлъ возможности наѣзжать въ Румынію, а братъ мой самъ, по необходимости, проживалъ то въ Швейцаріи, то во Франціи. Арендаторъ, оказавшійся придержаннымъ въ Бу-

харестѣ, тотчасъ же внесъ арендную плату за три послѣдніе года и за протекавшій годъ, а въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ присутственныхъ дней заключилъ со мной контрактъ, при чемъ обязался вносить мнѣ аренду впредь по повышенной цѣнѣ въ теченіе пяти лѣтъ. Все сдѣлалось безъ проволочекъ и баснословно скоро: уже черезъ недѣлю, 9-го апрѣля рано утромъ я возвратился въ Кишиневъ.

Проѣхавъ въ тотъ же день навѣстить Л. Е. Адамовича, я засталъ его въ простудѣ и въ очень грустномъ настроеніи духа.

— Вы уже знаете о себѣ?—спросилъ онъ съ несвойственной ему робостью.

— Ничего не знаю, всего нѣсколько часовъ, какъ возвратился, и только лишь успѣлъ найти себѣ временное пристанище у В. Б. Гросмана; его батарея вскорѣ послѣ тираспольскаго смотра была передвинута въ Кишиневъ, здѣсь и расположена; онъ съ большой радостью пріютилъ меня на своей, правда, незатѣйливой, но довольно просторной квартирѣ.

— Ну, вотъ, видите, какъ я передъ вами виноватъ и какъ на всякаго мудреца довольно простоты бываетъ; оказывается, что великій князь имѣлъ въ виду вовсе не то, что я вамъ передалъ; вчера онъ далъ начальнику артиллеріи князю Масальскому распоряженіе причислить васъ къ полковому артиллерійскому управленію дѣйствующей арміи; что дѣлать, виноватъ, вижу свою громадную ошибку; будемъ вмѣстѣ лямку тянуть; только вы, ради Бога, не отказывайтесь отъ этого назначенія, не окажитесь обиженнымъ; послужимъ вмѣстѣ.

— Отказываться я, конечно, не стану; васъ я не виню, но считаю положеніе свое очень неловкимъ: вѣдь мнѣ въ Бухарестѣ нашъ консулъ баронъ Стюартъ у себя на обѣдѣ, при полной столовой гостей, вдругъ напелъ нужнымъ громко произнести то же извѣстіе, которое вы признали возможнымъ сообщить мнѣ съ массой предосторожностей, плотно притворивши въ коридорчикѣ вагона всѣ двери, не смотря на то, что вагонъ, въ которомъ мы находились, стучалъ и шумѣлъ, заглушая всякій говоръ. Мало того, я сюда не успѣлъ пріѣхать, какъ услышалъ поздравленіе съ тѣмъ же и, странно, услышалъ его отъ Чичагова, который, какъ вамъ извѣстно, уже недѣли двѣ считается причисленнымъ къ тому же полковому артиллерійскому управленію дѣйствующей арміи. Если бы прямо назначили меня состоять при полковомъ артиллерійскомъ управленіи, я принялъ бы назначеніе съ радостью, принимаю его и теперь безпрекословно, но не могу пропустить оказать содѣйствіе выясненію этого положенія, ставшаго для меня печальнымъ не потому, что слухи о немъ не оправдались, а лишь потому, что они были попусту созданы; молва, очевидно, пошла и, конечно, мнѣ будетъ очень непріятно чувствовать на каждомъ шагѣ, что на меня при всякомъ

удобномъ и неудобномъ случаѣ указываютъ пальцами, какъ на офицера, который «вонъ чего домогался, да у него не выгорѣло».

— Это пустое; не отказываться же вамъ изъ-за этого отъ случая послужить въ дѣйствующей арміи и принять участіе въ такой войнѣ...

— Я и не откажусь, повторяю, ни въ какомъ случаѣ не откажусь, но выяснить считаю необходимымъ,—отвѣтилъ я.

Придя къ рѣшенію принять мѣры для выясненія, я призналъ нужнымъ тотчасъ же явиться къ начальнику артиллеріи генералъ-адъютанту князю Масальскому, которому, какъ оказывалось, по свѣдѣніямъ Адамовича, великій князь именно и далъ распоряженіе обо мнѣ.

Адамовичъ одобрилъ эту мысль и сказалъ, что лучше всего явиться къ князю около четырехъ часовъ дня, когда у него кончатся доклады и онъ собирается на прогулку передъ тѣмъ, что итти къ главнокомандующему на обѣдъ.

— Жаль, что я боленъ, не выхожу и не могу его предупредить,—сказалъ онъ и сейчасъ же добавилъ:—а, впрочемъ, можетъ быть, и лучше такъ, безъ предупрежденія.

— Что скажете, молодой человѣкъ?—спросилъ князь, принявъ меня въ своемъ кабинетѣ.

Я вкратцѣ разсказалъ цѣль и поводы моего представленія.

— Вотъ что; такъ что при мнѣ состоятъ не считаете для себя привлекательнымъ?

— Отчего же? Нѣтъ, ваше сіятельство, не считаю непривлекательнымъ, но хотѣлось бы выяснить все и, не оставивъ ничего неловкаго въ этомъ дѣлѣ, начать совершенно опредѣленно службу свою въ дѣйствующей арміи при васъ или вообще въ какомъ бы то ни было положеніи.

— Хорошо; я доложу его высочеству,—отвѣтилъ онъ:—и это будетъ очень кстати, мнѣ лично вѣдь великій князь ничего не говорилъ; я только вчера получилъ распоряженіе черезъ генерала Галла; а самъ какъ-то, признаюсь, за массой дѣлъ упустилъ спросить... Хорошо, придите ко мнѣ часовъ около девяти вечера, тогда уже опредѣлится все и я скажу вамъ, какая участь вамъ предстоитъ; если васъ его высочество зачислитъ ко мнѣ—буду радъ, можетъ быть, еще разъ подъ арестомъ посидите,—пошутилъ князь, вспомнивъ, что на первомъ году моей службы, почти десять лѣтъ передъ тѣмъ, лѣтомъ 1867 года въ Варшавѣ, въ бытность его начальникомъ артиллеріи варшавскаго военного округа, ему пришлось посадить меня на гауптвахту за оказавшееся съ моей стороны во время смотра стрѣльбы упушеніе по службѣ.

— Ну, успокойтесь,—встрѣтилъ онъ меня въ девять часовъ радостно:—подъ арестъ не попадете; великій князь васъ сразу еще въ Тирасполѣ намѣтилъ взять къ себѣ ординарцемъ; теперь же, когда

приблизилось время развязки съ турецкимъ упрямствомъ, его высочество вспомнилъ, что вы должны возвратиться изъ Бухареста, думалъ избавить васъ отъ лишнихъ разъѣздовъ, а потому и велѣлъ временно причислить къ полевому артиллерійскому управленію, считая, что отсюда васъ, какъ уже здѣшняго, своего, — легче и проще перечислить въ свое личное распоряженіе. Ужъ извините прекраснѣйшему Александру Александровичу Галлу его ошибку; ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что онъ не дослышалъ и немного исказилъ смыслъ приказанія, даннаго его высочествомъ; а вы очень перепугались? Ну, знайте же, что ваша судьба такъ рѣшена; хотѣлъ я было сказать главнокомандующему, что такого офицера ему лучше къ себѣ не брать, но ужъ Богъ съ вами, — засмѣялся князь: — не теряйте же времени — война не сегодня-завтра будетъ объявлена. Что вы намѣрены теперь предпринять? — спросилъ всегда и во всемъ до крайности обстоятельный князь.

— Мнѣ, ваше сіятельство, надо теперь сообщить обо всемъ генералу Адамовичу, — онъ перепугался больше, чѣмъ я, затѣмъ долженъ буду просить разрѣшенія мчать въ Петербургъ, хоть на три-четыре дня; тамъ я одѣнусь, обуюсь, снаряжусь и уже приѣду сюда коннымъ...

— Ну, вы, какъ васъ ни повернуть, все конный, — снова пошутилъ князь. — Когда же вы хотите мчать?

— Сегодня же вечеромъ, сейчасъ, ночнымъ поѣздомъ...

— Ну, и прекрасно, мчите, мчите, а я великому князю завтра же доложу; его высочество узнаетъ объ этомъ тогда, когда вы, вѣроятно, уже болѣе трехъ четвертей своей дороги умчите.

Съ неимоверной быстротой я въ Петербургѣ снарядился, затѣмъ распрощался со столицей, а 19-го апрѣля уже возвратился изъ Петербурга въ Кишиневъ, предварительно сообщивъ о себѣ телеграммой на имя Гросмана; на вокзалѣ, однако, вмѣсто него встрѣтилъ меня полевой конной артиллеріи капитанъ Викторъ Игнатьевичъ Жилияй, занявшій его квартиру послѣ того, какъ, по объявленіи войны, восемнадцатая конная батарея выступила въ военновременный походъ за Прутъ. Приѣхавшій съ Жилиемъ повеселѣвшій, любезный Л. Е. Адамовичъ вручилъ мнѣ только что полученный изъ-подъ типографскаго станка короткій отъ 19-го апрѣля приказъ главнокомандующаго о назначеніи меня, въ числѣ другихъ шестнадцати офицеровъ, ординарцемъ къ его высочеству.

Не стану теперь описывать всѣхъ радостей представленія «по такому новому начальству» и вступленія въ новую должность; послѣ когда-нибудь сдѣлаю извлеченіе объ этомъ изъ массы интересныхъ эпизодовъ того совсѣмъ особаго, незабвеннаго и для Россіи и для славянъ времени.

Выписку эту я взялъ изъ своихъ записокъ, какъ немало характеризующую блаженной памяти великаго князя.

III.

Отъѣздъ главнокомандующаго изъ Кишинева въ предѣлы Румыніи.—Торжественное молебствіе въ соборѣ.—Преосвященный Павелъ.—Особенность напутственнаго слова, сказаннаго имъ его высочеству.—Мое прибытіе въ Плоешты.—Знакомство съ корреспондентами М—вымъ и М—скимъ.—Встрѣча съ М. А. Газенкампомъ.—Характеристика его.—Его обязанности при главнокомандующемъ.—Завѣдываніе корреспондентами.—Обращеніе съ ними.—Его мягкость при строгости.—Корреспондентъ «Новаго Времени» В. С. Россоловскій.

30-го апрѣля съ большою торжественностью въ кишиневскомъ соборѣ, переполненномъ собравшимися помолитися, было преосвященнымъ Павломъ, епископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ, отслужено напутственное молебствіе по случаю предстоявшаго отъѣзда главнокомандующаго за предѣлы Россіи,—на первыхъ порахъ въ Румынію, въ Плоешты. Преосвященный Павелъ сказалъ напутственное слово, въ которомъ было имъ, между прочимъ, мелькомъ, вольно или невольно, произнесено нѣкотораго рода предсказаніе. Всѣ мы такъ были заняты тогда кипучею жинзю, создавшеюся бѣжавшими событіями, что мнѣ, напримѣръ, не случилось слышать, чтобы кто-нибудь подчеркнулъ имѣвшія пророческій характеръ фразы епископа. Впослѣдствіи, когда уже мы стояли въ Горнемъ Студнѣ, во время переживанія тяжелыхъ вѣстей шипкинскаго нашихъ славныхъ войскъ упорства, ставшаго геройскимъ, я однажды, собираясь по волѣ великаго князя къ отъѣзду на Шипку, въ ожиданіи подачи мнѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, разговорился со своимъ товарищемъ-ординарцемъ Цуриковымъ, который, согласно сдѣланнаго въ главной квартирѣ распредѣленія, еще съ первыхъ дней военного похода въ Румынію оказался моимъ на все время войны сожителемъ по военно-походной палаткѣ, выданной генераломъ Галломъ отъ казны въ наше распоряженіе и пользованіе.

— Какія-то вѣсти дасть сегодняшній день съ Шипки? Пошли Богъ успѣха храбрецамъ; всякій разъ, когда подходятъ извѣстія о такихъ тяготахъ въ дѣйствіяхъ нашей арміи, я вспоминаю слова, сказанныя въ Кишиневѣ епископомъ Павломъ.

— Какія слова?—спросилъ Цуриковъ.

— На нихъ какъ-то никто не обратилъ вниманія; я ихъ случайно записалъ, не придавая, впрочемъ, имъ значенія,—отвѣтилъ я нехотя и пошелъ уже было поторопить подачу коней, какъ вдругъ Цуриковъ меня остановилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это интересно,—сказалъ онъ:—я тоже записалъ слова Павла. Цыганковъ,—сказалъ онъ своему рейткнехту, рядовому Гродненскаго гусарскаго полка:—гдѣ моя записная книжка?

Цыганковъ началъ искать во всѣхъ чемоданахъ и саквахъ, но что-то замѣшкался.

— Ну, что, потерялъ?

— Никакъ нѣтъ, Сергѣй Андреевичъ, сейчасъ найду, не потерялъ.

Я уже подходилъ садиться верхомъ къ выступленію въ походъ, когда Цуриковъ принесъ и далъ мнѣ родъ своей расходной книжки; среди отмѣтокъ о покупкѣ овса, сѣна, запасныхъ колесъ значились замѣтки объ его командировкѣ въ распоряженіе генерала Драгомирова на переправу и тутъ же записано кратко: «30-го апрѣля архіерей, произнося проповѣдь въ Кишиневѣ, предсказалъ, что походъ въ Турцію не кончится вполне удачно».

Тогда я вынулъ изъ походной сумки большой бумажникъ и, воспользовавшись тѣмъ, что понадобилось задержаться полученіемъ двухъ конвертовъ для доставленія на Шинку отъ штаба на имя генерала Радецкаго, показалъ Цурикову свою записку на страницѣ отъ 30-го же апрѣля; вотъ содержаніе записанной въ нее выдержки изъ слова, сказаннаго епископомъ Павломъ:

«Господь пошлетъ тебѣ, князю, витязю, рыцарю и водителю воинства православнаго, силу побѣдоносно сломить врага нашей родины, славянства и христіанства; а что останется не доведеннымъ до конца, того, значить, отъ Всемогущаго не суждено и не поставлено ни тебѣ, ни святой Руси доверить теперь»...

— Вотъ,—сказалъ Цуриковъ,—мнѣ эти же слова показывалъ во время боя на переправѣ священникъ одного изъ полковъ четырнадцатой пѣхотной дивизіи,—у него они записаны въ молитвенникѣ.

Такъ мы поговорили объ этомъ и разъѣхались. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтившись въ Черниговѣ, куда Цуриковъ пріѣзжалъ на поклоненіе мощамъ святителя Θεодосія, мы опять вспомнили эти слова и сопоставили ихъ съ той неудачей, которая, по винѣ нашихъ дипломатовъ, обрѣзала у стѣнъ Константинополя во время санъ-стефанскаго стоянія святое дѣло, предпринятое царемъ-Освободителемъ.

1-го мая въ Кишиневѣ отъ дома, въ которомъ великій князь главнокомандующій прожилъ болѣе полугода, отъѣхало нѣсколько экипажей, занятыхъ лицами, выѣзжавшими съ его высочествомъ на Унгены; въ переднемъ экипажѣ съ генераломъ Непокойчицкимъ ѣхалъ самъ великій князь, его сопровождалъ до вокзала блестящій эскортъ изъ трехъ-четырехъ десятковъ всадниковъ въ мундирахъ всевозможныхъ цвѣтовъ; то были адъютанты, ординарцы и другіе свиты главнокомандующаго офицеры, остававшіеся еще на нѣсколько дней въ Кишиневѣ. День былъ ясный, воскресный, и потому, кромѣ мѣстныхъ обывателей, высыпавшихъ проводить великаго князя, оставались посматрѣть это невиданное въ губернскомъ городѣ зрѣлище съѣзжавшіеся массажи на базаръ жители окрестныхъ селъ.

5-го мая мнѣ пришлось прибыть въ Плоешты вслѣдствіе вызова, сдѣланнаго мнѣ генераломъ Галломъ по приказанію главнокоманду-

ющаго. Въ одномъ поѣздѣ со мной прибыли два корреспондента М—ий и М—въ; уже подъѣзжая къ Плоештамъ, они, познакомившись со мной, разговорились; ихъ занималъ вопросъ, какъ они будутъ приняты въ штабъ дѣйствующей арміи, какъ имъ придется устроиться въ своей роли и какъ пойдетъ порученная каждому изъ нихъ соотвѣтствующей редакціей дѣятельность.

По какой-то случайности первый, кого я встрѣтилъ на главной улицѣ кокетливаго румынскаго городка, былъ генеральнаго штаба полковникъ Михаилъ Александровичъ Газенкампфъ, который принадлежалъ къ числу коренныхъ офицеровъ генеральнаго штаба петербургскаго военного округа. Въ Кишиневѣ, куда онъ изъ Петербурга прибылъ въ распоряженіе великаго князя почти одновременно со мной, вскорѣ послѣ объявленія войны, мнѣ встрѣтиться съ нимъ не случилось; но еще тамъ я слышалъ, что на него возложена главнокомандующимъ обязанность завѣдывать дѣломъ печати и всего касающагося корреспондентовъ. Встрѣтились мы въ Плоештахъ, какъ знакомые. Надо замѣтить, что, прослуживъ первые девять лѣтъ строевой службы въ Варшавѣ, я познакомился съ офицерами генеральнаго штаба въ Петербургѣ лишь на десятомъ году этой службы своей, когда вскорѣ послѣ перевода изъ Варшавы въ Стрѣльну былъ назначенъ адъютантомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады въ Петербургъ и по этой должности сталъ имѣть нерѣдко дѣла въ штабахъ, не исключая штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа. Это было въ апрѣлѣ 1876 года, за годъ до моей встрѣчи съ М. А. въ Плоештахъ. Въ то время онъ, незадолго до того произведенный въ полковники, состоялъ въ должности старшаго адъютанта штаба округа; должностнымъ офицерамъ строевыхъ частей по всевозможнымъ дѣламъ, а также за справками и за приказаніями приходилось обращаться между прочимъ къ нему; всегда спокойно сіяющій, жизнерадостный, онъ производилъ не только на меня, но и на другихъ сотоварищей моихъ по должности самое отрадное впечатлѣніе своею привѣтливостью, всегда особенно ярко освѣщенной на фонѣ напыщенности, отражавшейся во всей фигурѣ и въ выраженіи надутаго лица другихъ офицеровъ, распоряжавшихся въ штабѣ; произошло то, что мы стали ихъ избѣгать и старались всегда ловить моментъ обратиться непременно къ полковнику Газенкампфу; за цѣлый день разговоровъ съ каждымъ изъ насъ онъ, бывало, измучается и все же остается спокойно любезнымъ, а его все теребять разспросами. Зато суровые и напыщенные отдыхали. Я хорошо помню появленіе въ печати того времени статей: «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ» и «Одинъ изъ нашихъ Мольтке». Не разъ случалось слышать между строевыми: князь Мещерскій пишетъ: «одинъ изъ нашихъ Мольтке»,—здѣсь въ штабѣ ему можно ихъ рекомендовать десятками. О чемъ бывало ни спрашиваешь въ штабѣ,—среди от-

рывистыхъ, почти ворчливыхъ отвѣтовъ, получавшихся отъ другихъ, иногда гораздо болѣе молодыхъ штабныхъ, всегда и неизмѣнно отъ М. А. Газенкампа услышишь ясное, до мелочей подробное, терпѣливо изложенное, толковое, привѣтливое разъясненіе, — которое, бывало, получавшимъ его приходилось съ такимъ же спокойствіемъ и съ такою же точностью передавать въ свои части — въ пѣхотные и кавалерійскіе полки или въ артиллерійскія бригады для немедленнаго сообщенія ротамъ, эскадронамъ, батареямъ.

Въ тѣ дни хожденія по штабамъ я очень ясно вспомнилъ о томъ, что еще въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда мы, юнкера, въ августѣ 1865 года были собраны изъ военныхъ училищъ, контингентъ которыхъ за два года передъ тѣмъ составили воспитанники кадетскихъ корпусовъ, случалось слышать много разсказовъ о прошлой кадетской жизни. Кружокъ бывшихъ питомцевъ второго кадетскаго корпуса постоянно разсказывалъ о выпущенномъ въ 1862 году изъ кадетскихъ фельдфебелей того корпуса въ армію прямо поручикомъ съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи Московскому полку Михаилъ Газенкамппфъ. Съ какою-то особою, завидною любовью говорили они о томъ вліяніи, которое этотъ фельдфебель оказывалъ и на подчиненныхъ ему товарищей, и, что удивительнѣе всего, на начальство. Знали мы въ другихъ своихъ корпусахъ такихъ старшихъ воспитанниковъ, которые, находя какое-либо распоряженіе начальства несуразнымъ, показывали примѣръ неповиновенія и тѣмъ вводили бравшихъ съ нихъ этотъ примѣръ младшихъ товарищей въ соблазнъ и въ проступокъ, нерѣдко обращавшійся въ преступленіе. Этотъ же «мудреный фельдфебель», бывало, если увидитъ въ кадетской средѣ неудовольствіе на начальство, тотчасъ мягко, спокойно разспроситъ кадетъ, дастъ имъ объясненія, выставитъ имъ и то, въ чемъ согласенъ съ ними; кадеты вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію волноваться, лѣзть на рожонъ, итти на бунтъ, начинаютъ умиротворяться, а затѣмъ, смотришь, пришедшее начальство, уже готовое разсвирѣпѣть, видя въ кадетскомъ препирательствѣ намекъ на бунтъ, участливо выслушиваетъ Газенкамппфа, успѣвшаго завладѣть его вниманіемъ; то ему кое-что возражаетъ, то кое въ чемъ соглашается съ разумными разсужденіями фельдфебеля, кстати завладѣвшаго и бурнымъ настроеніемъ кадетской массы. Кончается дѣло тѣмъ, что кадеты приходятъ къ убѣжденію въ необходимости переждать, не торопиться бунтовать, а начальство довѣряетъ ему же, этому фельдфебелю, сдѣлать такъ, чтобы безъ всякаго ущерба для субординаціи и дисциплины грѣшащее неправильностью начальническое распоряженіе было въ необходимыхъ предѣлахъ на его, фельдфебеля, отвѣтственность отмѣнено, — обѣ стороны остаются удовлетворенными. Такой пріемъ, во-время употребленный разъ-другой, совершенно незамѣтно ввелъ въ привычку, въ обычай, въ природу

во второмъ кадетскомъ корпусѣ именно такъ направлять тѣ исторіи, которыя въ другихъ корпусахъ въ тѣ бурныя времена кончались пагубнымъ кадетскимъ бунтомъ, вызывавшимъ нерѣдко для провинившихся кадетъ сѣрую шинель, то есть сдачу ихъ юнкерами и даже рядовыми въ армейскіе пѣхотные полки. Въ артиллерійскомъ училищѣ съ умиленіемъ сами бывшіе кадеты, не успѣвшіе еще дойти до офицерскаго чина, сознательно рассказывали объ этомъ обаятельномъ вліяніи ихъ товарища-начальника; они цѣнили это обаяніе и гордились имъ. Слушая эти рассказы, мы даже и не думали, что въ нихъ имѣется что-либо невѣрное, при всей казавшейся невозможности развитія въ кадетѣ же такой разумной сдержанности и стойкости. Приходилось немало надъ этимъ задумываться, а послѣ встрѣчи съ тѣмъ самымъ М. А. Газенкампомъ лицомъ къ лицу, сначала мимолетной въ штабѣ округа, потомъ болѣе продолжительной во время совмѣстной службы при великомъ князѣ, пришлось твердо убѣдиться не только въ возможности всего того, что кадеты такъ любовно и искренно рассказывали о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, но прямо въ непреложности этого. Бросалось въ глаза, что это именно такой человѣкъ. На вопросъ, задававшійся тогда же въ артиллерійскомъ училищѣ: гдѣ находится теперь этотъ удивительный кадетъ-фельдфебель?

— Не знаю,—отвѣчалъ одинъ.

— Кажется, въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку,—говорилъ другой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ въ составѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка на усмиреніе польскаго мятежа, я его потерялъ изъ виду,—припоминалъ третій изъ юныхъ однокашниковъ товарища-начальника.

А онъ, этотъ кадетъ-начальникъ, тѣмъ временемъ успѣлъ отбыть усмиреніе польскаго мятежа и окончить курсъ академіи генеральнаго штаба съ серебряной медалью и съ занесеніемъ его имени на мраморную доску.

— А!—вы прибыли,—привѣтливо сказалъ онъ при встрѣчѣ со мной въ Плоештахъ, добро пожаловать, уже для первыхъ дней на васъ тутъ небольшіе виды имѣются; къ вамъ обращается просьба взять на себя чтеніе румынскихъ газетъ, я буду ихъ вамъ передавать ежедневно, а вы по мѣрѣ прочтенія будете добры мнѣ возвращать съ отмѣткой всего того, что признаете достойнымъ вниманія.

Тогда же М. А. въ краткихъ словахъ рассказалъ мнѣ требованія, намѣченные къ предьявленію въ руководство корреспондентамъ, и назначилъ часы, въ которые съ того дня я могъ являться къ нему, какъ для врученія ему прочтенныхъ газетъ, такъ и для разговоровъ обо всемъ, что будетъ требовать разъясненій по этой части. Передавая ему тѣмъ или инымъ способомъ газеты съ подробными

и ясными отмѣтками, не часто вообще беспокоилъ я его лично потому, что видѣлъ, какъ онъ заваленъ самой сложной, серьезной и всегда неотложно-срочной работой; но всякій разъ, когда мнѣ случалось у него побывать, я выносилъ изъ бесѣды съ нимъ массу поучительнаго.

Въ отвѣтъ на мое сообщеніе о сдѣланномъ мною въ пути знакомствѣ съ двумя корреспондентами—М—скимъ и М—вымъ и объ ихъ стремленіяхъ онъ попросилъ меня въ случаѣ свиданія съ ними передать имъ, что они могутъ къ нему явиться въ тотъ же или на другой день въ два часа дня.

Въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ дней прибыло еще нѣсколько человѣкъ нашихъ корреспондентовъ; въ числѣ ихъ были немало извѣстные очень многимъ военнымъ А. Д. Ивановъ и В. С. Россоловскій отъ «Новаго Времени». М. А. также принялъ ихъ; свидѣвшись послѣ того съ ними, я выслушалъ отъ нихъ непритворновосторженные отзывы и объ оказанномъ имъ приѣмѣ, и о разумности мѣръ, предначертанныхъ къ предъявленію корреспондентамъ, и о простотѣ условій, кои приготовлено поставить имъ для руководства въ дѣлѣ, взятомъ ими на себя.

Корреспонденты передавали другъ другу, что они слышали, какъ все было опредѣлено, установлено еще въ Кишиневѣ въ этомъ отношеніи; но что теперь пришлось узнать, говорили они, изъ непосредственнаго источника отъ самого полковника Газенкампа, приставленнаго къ рулю нашего дѣла,—то, право, превзошло всякія ожиданія: не пиши объ этомъ и объ томъ, то есть о такомъ, о чемъ сама очевидность не позволяетъ разбалтывать,—обо всемъ прочемъ пиши, что и какъ хочешь, никакого стѣсненія нѣтъ (твердо отринуто введеніе предварительной цензуры); а если станешь писать что-либо возбраненное, то есть вздумаешь не исполнять обязательства, поставленнаго тебѣ и принятаго тобою,—сейчасъ же проѣдешься изъ дѣйствующей арміи восвояси,—просто, ясно и хорошо; мало того, еще обѣщаютъ давать черезъ штабъ облегченіе въ дѣлѣ полученія достовѣрныхъ свѣдѣній обо всемъ, чѣмъ будешь для своихъ корреспонденцій интересоваться... Всѣ наши корреспонденты вообще высказывали не разъ, насколько каждому пріятно находится подъ такимъ руководствомъ, которое выказывалось въ лицѣ любезнаго, просто умѣвшаго обращаться натурально и не ставившаго даже никакого намека на какое бы то ни было въ чемъ-либо стѣсненіе; но, говорили они, если это можетъ нравиться, то еще больше можно радоваться тому, что въ этомъ своемъ руководителѣ, какъ выразился не только корреспондентъ «Новаго Времени» В. С. Россоловскій, а и другіе, они видѣли не простаго любезника, а человѣка вполне способнаго твердо поддержать свой престижъ и готоваго во всякое время показать, что онъ не постѣснится въ случаѣ нужды надавить на того, кому можетъ казаться, что онъ спря-

Танъ за кѣмъ-либо сильнымъ міра сего, какъ за твердышей; въ этомъ убѣдили скоро ставшіе извѣстными одинъ за другимъ три-четыре случая, въ которыхъ *lieber kleiner Hasenkampf*, какъ называлъ его великій князь, всегда окрыленный, раскрыть и выпустилъ свои когти на нѣкоторыхъ корреспондентовъ, вздумавшихъ пойти противъ твердо поставленныхъ имъ по приказу главнокомандующаго преградъ.

Уже впоследствии въ предѣлахъ Болгаріи, въ Горнемъ Студнѣ у Михаила Александровича побывалъ А. С. Суворинъ, и, кажется, тамъ же ему случилось познакомиться съ В. П. Буренинымъ.

IV.

Эпизодъ съ директоромъ русскаго телеграфнаго агентства.—Бельгійскій инженеръ Лемуанъ.—Его предложеніе снятъ фотографически непріятельскій берегъ Дуная.—Порученіе, данное по этому поводу великимъ княземъ Газенкампу.—Роль Газенкампа въ дѣлѣ установленія положенія о печати на театрѣ войны.—Мнѣніе, высказанное М. Д. Скобелевымъ объ М. А. Газенкампѣ.

Такъ, рассказывали случай, происшедшій съ директоромъ генеральнаго русскаго телеграфнаго агентства г. П—лемъ, которому Газенкампу спокойно сдѣлалъ серьезное указаніе на то, что чѣмъ бы разрѣшеніемъ онъ ни вздумалъ пользоваться для посылки телеграммъ, касающихся извѣстій объ арміи и вообще объ официальныхъ дѣлахъ, безъ передаваемого имъ, Газенкампомъ, разрѣшенія главнокомандующаго, ни одной строки изъ предѣловъ расположенія и движенія дѣйствующей арміи ему послать не придется; когда же этотъ П—ль съ большимъ апломбомъ вздумалъ показать, что можетъ, съ своей стороны, не дать этому заявленію того серьезнаго значенія, какое угодно придавать г. полковнику, такъ какъ онъ, директоръ, имѣетъ прямое разрѣшеніе и чуть ли не широкое полномочіе отъ его свѣтлости самого канцлера князя Горчакова, почему онъ и пошлетъ по телеграфу все то, что ему послать надо, то М. А. Газенкампу такъ же спокойно объявилъ ему суровое запрещеніе, повторивъ, что ничего не придется послать безъ его, Газенкампа, разрѣшенія, даваемого именемъ и полномочіемъ великаго князя. Сдѣлавъ такимъ образомъ свое дѣло и оставшись спокойнымъ, Газенкампу не подумалъ даже о томъ, что нужно это кому-либо доложить, какъ вдругъ великій князь, пригласивъ его къ себѣ, самъ рассказалъ ему всю эту исторію, несомнѣнно, ставшую ему извѣстною изъ источника другой стороны. П—ль, по всегдашнему обычаю людей, не имѣющихъ достаточной основы, какъ видно, забѣжалъ зайцемъ къ самой его свѣтлости; дѣло пошло и закончилось сдѣланнымъ по повелѣнію государя подтвержденіемъ воспрещенія посылки официальныхъ военныхъ и политическихъ телеграммъ безъ разрѣшенія, даваемого вели-

кимъ княземъ черезъ уполномоченнаго его высочествомъ къ тому полковника Газенкампфа. Между корреспондентами ходили свѣдѣнія, будто бы князь Горчаковъ выставилъ очень сильный упрекъ директору П—лю за проявленную имъ безтактность, которая вызвала выраженіе неудовольствія самой свѣтлости князю со стороны его величества государя императора. Надо замѣтить, что, какъ и слѣдовало ожидать, эта исторія отрезвила г. П—ля, сбивъ съ него высокомеріе и спесь настолько, что тотчасъ послѣ этого эпизода онъ догадался сдѣлать М. А. Газенкампу визитъ, о необходимости котораго онъ раньше не подумалъ и обязательность котораго ему раньше не пришла въ голову.

Около того времени, будучи однажды дежурнымъ при великомъ князѣ, я былъ потребованъ его высочествомъ и получилъ приказаніе представить полковнику Газенкампу бельгійскаго инженера Лемуана, прибывшаго съ рекомендаціей нашего посла при брюссельскомъ дворѣ, прося М. А. переговорить съ тѣмъ инженеромъ объ условіяхъ, которыя намѣренъ онъ выговорить себѣ, предложивъ его высочеству произвести снятіе фотографіей всего турецкаго берега Дуная; о томъ, что окажется, великій князь просилъ М. А. доложить.

При мнѣ же полковникъ Газенкампфъ допросилъ Лемуана и, когда, по его мнѣнію, условія, предъявленныя этимъ инженеромъ, оказались крайне наглыми, почему онъ, Лемуанъ, представился самымъ простымъ и мелкотравчатымъ аферистомъ, какимъ раньше, судя по костюму и по взятой имъ театральной манерѣ держаться, отнюдь не могъ казаться, М. А. Газенкампфъ, при всей своей деликатности, совершенно опредѣленно и ясно выставилъ ему всю неприглядность нахальства, съ которымъ онъ своимъ желаніемъ ловить рыбу въ мутной водѣ попусту беспокоитъ занятую въ высшей степени серьезными дѣлами главнокомандующаго.

Великій князь, выслушавъ подробный докладъ М. А. съ заключеніемъ, что проходимцу этому не слѣдовало бы позволять ни одного дня оставаться въ дѣйствующей арміи, сказалъ:

— Ну, и прекрасно, прикажи его сейчасъ же выпроводить, чтобъ онъ тутъ не путался; онъ, видимо, нашего посланника въ Брюссель форменно надуль.

Между корреспондентами сложилось и твердо держалось убѣжденіе, что въ совѣщаніи, которое было собрано у великаго князя въ Кишиневѣ черезъ нѣсколько дней послѣ или до объявленія войны, полковникъ Газенкампфъ одинъ твердо отстаивалъ и одинъ отстоялъ имъ же выработанное, а въ концѣ концовъ принятое къ руководству въ дѣлѣ печати простое, снявшее всякія стѣсненія положеніе. Что положеніе было создано имъ и принято благодаря ему—это вѣрно, но понятіе, возвыщавшее объ отстаиваньи имъ своего положенія, трсбуетъ поправки, отъ приведенія которой

заслуга М. А. Газенкампа въ этомъ дѣлѣ не умаляется и не можетъ умалиться; довольно того, что онъ дѣйствительно создалъ и провелъ это вполне удовлетворившее всѣхъ положеніе. Суть въ томъ, что начальникъ штаба Непокойчицкій и его помощникъ Левицкій до прибытія Газенкампа приготовились къ проведенію предварительной цензуры; объ отказѣ отъ нея первое слово явилось только съ момента пріѣзда М. А. Газенкампа; онъ ни одной минуты не остановился на мысли о необходимости введенія въ положеніе этой мѣры. Онъ поставилъ прямо ребромъ вопросъ о низверженіи предварительной цензуры, съ этимъ внесъ свой проектъ въ совѣщаніе, заранѣе подготовивъ дѣло въ отношеніи подчиненія себѣ мнѣній Непокойчицкаго и Левицкаго въ такой степени, что они уже въ совѣщаніи даже не попытались вводить поправку или представлять что-нибудь похожее на возраженіе. Совѣщаніе, собранное у великаго князя, состояло изъ военнаго министра Д. А. Милютина, за министра иностранныхъ дѣлъ Гамбургера, шефа жандармовъ генераль-адъютанта Н. В. Мезенцова, начальника штаба А. А. Непокойчицкаго, генерала-адъютанта Н. П. Игнатьева и завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ князя В. А. Черкаскаго.

Неизвѣстно, какъ дѣло пошло бы въ совѣщаніи, если бы ему представлено было, что проектъ положенія съ отринутіемъ цензуры является проектомъ лишь одного полковника Газенкампа; совсѣмъ иное должно было выйти, когда тѣмъ же членамъ совѣщанія было сообщено, что проектъ пришелъ отъ представительства штаба дѣйствующей арміи и между представителями нѣтъ разногласія. Достаточно взглянуть на списокъ членовъ совѣщанія, чтобы понять, какъ прошелъ бы проектъ и какъ былъ бы принятъ, если бы до свѣдѣнія совѣщанія довели о существованіи малѣйшаго разногласія въ самомъ составѣ штаба, а тѣмъ болѣе, если бы членамъ сказали, что полковникъ Газенкампъ отвергаетъ необходимость предварительной цензуры, генералы же Непокойчицкій и Левицкій требуютъ обязательнаго введенія таковой. Ни одинъ изъ членовъ совѣщанія не подумалъ бы высказаться иначе, какъ въ согласіи съ болѣе зрѣлыми и опытыми представителями штаба, т.-е. всѣ стали бы на сторону проводимаго ими стѣсненія, а оно, какъ убѣждены корреспонденты, явилось бы пагубнымъ для всего дѣла. Настоящая заслуга М. А. Газенкампа въ томъ и состоитъ, что, раньше сладивъ у себя дома, т.-е. между штабными, разность взглядовъ, онъ тѣмъ самымъ легко согласилъ въ совѣщаніи весь пришлый элементъ.

Много этотъ маневръ М. А. Газенкампа напоминаетъ тотъ способъ, который ему раньше приписывали его юные поклонники, рассказывая объ его образѣ дѣйствій въ дѣлахъ предотвращенія кадетскихъ бунтовъ: такое же спокойствіе, ведущее дѣло по околь-

ной дорогѣ относительно возбужденія чего-либо бурнаго; при такомъ способѣ соглашеніе обычно составляется само собою, безъ наличности споровъ и препирательствъ.

Такъ онъ дѣйствовалъ и при желаніи отстоять что-либо свое въ не менѣ серьезныхъ дѣлахъ чисто боевого характера; Скобелевъ замѣтилъ въ немъ это и однажды сказалъ: «Газенкампфъ лучше, чѣмъ кто-либо, умѣетъ, проводя свое мнѣніе, подчинить себѣ мнѣнія оппонентовъ и съ удивительнымъ искусствомъ, незамѣтно соглашаетъ совершенно противорѣчивые взгляды».

Судьба не возложила на М. А. Газенкампфа обязанности водить войска къ побѣдамъ, приносить царю и отечеству пользу громкими военными дѣлами, а также создавать себѣ и войскамъ славу въ бояхъ, въ борьбѣ на полѣ брани. Тѣмъ не менѣ онъ можетъ быть, безспорно, причисленъ къ сонму лицъ, кои въ вѣнокъ славы Россіи въ трудную для нея минуту вѣтели и съ своей стороны не одну вѣтку лавра.

V.

Сложность обязанностей Газенкампфа при его высочествѣ главнокомандующемъ.— Насколько кетати пришелся этотъ штабъ-офицеръ въ штабъ.—Содѣйствіе, оказывавшееся имъ ходу дѣлъ вообще.—Признаніе имъ легкой смѣны начальниковъ частей въ арміи пагубною.—Протестъ противъ нея.—Остановка имъ увольненія генераловъ Криденера и Шильдеръ-Шульднера.—Отзывъ Мих. Ив. Драгомирова объ этомъ эпизодѣ.

Извлеченія, кои я здѣсь дѣлаю изъ своихъ записокъ, не могутъ носить характера описанія дѣлъ и дѣяній чисто военныхъ: такимъ описаніямъ мѣсто на страницахъ специально-военныхъ изданій. Нельзя, однако, упустить краткаго указанія на тѣ заслуги, которыя за М. А. Газенкампфомъ должны считаться и по справедливости за нимъ зачислены въ умахъ и сердцахъ тѣхъ, кому съ его дѣятельностью случалось знакомиться не по однѣмъ лишь страницамъ напечатанныхъ воспоминаній, а и на дѣлѣ во время совершенія имъ скромныхъ, неброскихъ, но драгоцѣнныхъ дѣлъ, носящихъ характеръ подвиговъ.

Можно смѣло сказать, что создавшееся для М. А. Газенкампфа счастливое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ при великомъ князѣ главнокомандующемъ, является счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ не только для него одного и для ряда другихъ лицъ, а для славной арміи нашей и для хода трудной кампаніи той.

Великій князь призвалъ его стать въ роль штабъ-офицера или генерала, на обязанности котораго лежало слѣдить за ходомъ событий войны, записывать ихъ, нанизывать въ записи исторію дѣйствій войскъ, составлять обо всемъ этомъ подробные доклады государю и для объявленія по Россіи во всеобщее свѣдѣніе; собирать все это въ одно цѣлое для отсылки въ главный штабъ въ видѣ

военно-историческаго матеріала, слѣдить за ходомъ сообщенія свѣдѣній обо всемъ этомъ въ періодической печати, составлять, шифровать и расшифровывать текущія телеграммы и т. д. Дѣла масса, а между тѣмъ нужно прибавить къ этому, что человѣкъ, на котораго эта масса была взвалена, умудрялся еще, слѣдя за всѣмъ творившимся вокругъ, поспѣвать съ совѣтами, часто кореннымъ образомъ мѣнявшими ходъ событій,—иногда въ сторону улучшенія всего происходившаго, а иногда въ сторону своевременной отмѣны чего-либо проводившагося съ опрометчивостью, а потому готоваго въ конецъ испортить все, шедшее какъ будто обычнымъ порядкомъ.

Не задаваясь намѣреніемъ перечислять многое по этой части, ограничусь приведеніемъ лишь кое-чего болѣе выдающагося.

Поставленный въ должность начальника штаба дѣйствующей арміи прекрасный человѣкъ, опытный, умный, образованный генералъ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, своими способностями стяжавшій славу во времена венгерской и крымской кампаній въ должности начальника штаба знаменитаго пятаго армейскаго корпуса, который дѣйствовалъ подъ предводительствомъ славнаго боевого генерала Лидерса (впослѣдствіи за боевыя заслуги возведеннаго въ графское достоинство),—несомнѣнно, въ большой степени содѣйствовалъ прославленію этого генерала; но ко времени нашей освободительной войны 1877—1878 гг. онъ явился уже состарившимся. Большому удивленію предавался каждый, видѣвшій въ немъ проявленіе остатковъ той энергіи, которая помогала ему дѣйствовать не по лѣтамъ бодро, находчиво, разумно и бдительно; какъ говорили тогда со всѣхъ сторонъ, для поддержанія въ немъ неутомимости нуженъ ему былъ спокойный, обладавшій большою работоспособностью, неизсякаемостью физическихъ и духовныхъ силъ помощникъ; такого, какъ находили всѣ, ему, къ сожалѣнію, дано не было; избранный на этотъ постъ сравнительно молодой генералъ Казимиръ Васильевичъ Левицкій не былъ лишень способностей и военно-научной подготовки, но являлся нерѣдко суетливымъ, малодушнымъ, неровнымъ, малосдержаннымъ, проявлявшимъ при мелочности строптивость, вздорность характера и отсутствіе того самообладанія, которое способно было въ извѣстную минуту сотрудничества помочь ему оживить принcipала своего, богато одарить разумнымъ ходомъ мыслей и мощнымъ теченіемъ сообразительности въ дѣлахъ.

Великій князь, ясно отдавая себѣ во всемъ этомъ отчетъ, поставилъ къ Левицкому, а тѣмъ самымъ и къ Непокойчицкому, полковника Газенкампа на выручку; его пришлось поселить съ Левицкимъ вблизи Непокойчицкаго. Самымъ ходомъ жизни онъ стоялъ среди нихъ, постоянно соприкасаясь со всѣмъ тѣмъ, что касалось ихъ дѣятельности, всегда совмѣстной, но весьма нерѣдко

шедшей въ полномъ разладѣ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, великому князю, какъ его высочество и самъ не разъ говорилъ, прямо повезло; невольно М. А. Газенкампфъ становился участникомъ того, что обсуждалось, создавалось и готово было приводиться въ исполненіе. Его вниманіемъ, чуткостью, сообразительностью, участливостью дѣлалось то, что онъ на все налагалъ руку, во все прибавлялъ большую долю своего энергичнаго, не менѣе того, однако, спокойнаго воздѣйствія. А какъ онъ это дѣлалъ—было всякому ясно видно; всѣ знали, что М. А. Газенкампфъ совершенно солидно, безкорыстно и чисто приходилъ на помощь Левицкому въ его, какъ помощника, стремленіи направить свои дѣйствія и помысленія къ оказанію во всемъ содѣйствія Непокойчицкому, значить великому князю и, слѣдовательно, къ неизмѣнной и нерушимой пользѣ въ общемъ ходѣ всѣхъ дѣлъ.

Послѣ неудачныхъ сраженій 8-го и 18-го іюля подъ Плевной ¹⁾ Левицкій озлобился и сразу же представилъ Непокойчицкому свою мысль о необходимости немедленнаго смѣщенія дѣйствовавшихъ въ тѣхъ сраженіяхъ командира девятаго корпуса генерала Криднера и начальника пятой пѣхотной дивизіи генерала Шильдеръ-Шульднера; Непокойчицкій такъ схватился за это предложеніе, что, безъ сомнѣнія, его такъ доложили бы великому князю, что оно было бы немедленно приведено въ исполненіе, если бы Газенкампфъ тотчасъ энергично не взялся принципиально ратовать противъ этого, внушивъ тому и другому крайній вредъ, который могъ произойти отъ проявленія такой легкости въ дѣлѣ смѣны начальниковъ, знающихъ части свои, уже успѣвшихъ изучить мѣстность и образъ дѣйствій врага, а также весь сложившійся обиходъ кампаніи; что вышло бы, когда вновь назначеннымъ надо было бы все это снова изучать!

— Я не говорю о туркахъ,—сказалъ между прочимъ Газенкампфъ:—но у австрійцевъ это дѣлается легко, и въ этомъ, несомнѣнно, заключается одна изъ причинъ того, что ихъ на всѣхъ театрахъ войны всегдѣ всѣ били и бьютъ поднесъ.

Нельзя съ перваго взгляда достаточно оцѣнить услугу, оказанную этимъ протестомъ Газенкампфа; во всякомъ дѣлѣ труденъ первый шагъ; смѣнивши легко этихъ двухъ старыхъ, уже испытанныхъ въ бояхъ генераловъ, штабъ нашъ могъ бы повадиться дѣлать это столь же легко,—а въ результатъ скоро армія была бы лишена хорошихъ военачальниковъ; для нея пропали бы не только тѣ, которые попусту были бы смѣнены, но и тѣ, которые остались бы на мѣстахъ, такъ какъ они, безъ сомнѣнія, потеряли бы съ мостоятельностью или боялись бы что-либо предпринять; имъ

¹⁾ Именно въ этомъ дѣлѣ дивизія Шильдеръ-Шульднера потеряла убитыми двухъ командировъ полковъ—Архангелогородскаго и Костромскаго,

всегда мерещилась бы отвѣтственность выше мѣры и нужды. Развѣ не правильнѣе всего считать, что испытанный начальник приложитъ всю массу силъ своихъ и рвенія къ возстановленію своего престижа и къ возстановленію репутаціи командуемой имъ части, а, слѣдовательно, его смѣнили бы въ ту минуту, когда отъ него можно было бы ожидать лишь массу громадной пользы для части и для дѣла; это было бы большимъ лишеніемъ для арміи; а сколько ущерба нанесено было бы дѣлу суммой нѣсколькихъ подобныхъ легкомысленныхъ смѣнъ. Остановивши въ-время допущеніе такого промаха, Газенкампфъ навелъ на мысль о необходимости вообще углубиться въ этотъ вопросъ и установить въ немъ совершенно серьезный взглядъ, не допускающій легковѣсности въ столь важномъ дѣлѣ. Смѣна начальниковъ во время хода кампаніи должна происходить въ исключительныхъ, крайнихъ случаяхъ, а больше всего должна практиковаться передъ тѣмъ, что идутъ въ кампанію, т.-е. въ тотъ періодъ времени, когда начальствующимъ лицъ выбираютъ и насаждаютъ для выхода на войну; въ походъ армія должна выходить съ хорошо подобранными начальниками, которыми обязательно нужно дорожить; нужно помнить всю пагубность легкой смѣны, а также нельзя забывать и того, что и потери въ бояхъ, въ свою очередь, отнимаютъ у арміи хорошихъ начальниковъ.

Когда вскорѣ послѣ первыхъ двухъ плевенскихъ неудачъ М. И. Драгомировъ явился въ Тырновъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи къ главнокомандующему за приказаніями и для представленія нѣкоторыхъ накопившихся докладовъ, онъ, между прочимъ, узнавъ объ этомъ эпизодѣ, сказалъ:

— Какъ можно учреждать такую легкую смѣну высшихъ начальниковъ! Боже сохрани! Помимо всего того, что такъ поучительно привелъ въ назиданіе полковникъ Газенкампфъ, нельзя не отмѣтить того, что пруссаки именно установили правило остерегаться этой легкой смѣны и бояться ея пуще огня: она дискредитируетъ, стираетъ престижъ начальника, а въ такой арміи, каковы не только турецкая, но и австрійская, бывали, какъ непременно дознано, случаи, когда развращенныя потерей строгой дисциплины части сговаривались нарочно дѣйствовать такъ, чтобы подвести начальника, который своей неумолимой требовательностью приходился имъ не по вкусу, если строго гладилъ ихъ противъ шерсти; у насъ этого быть не можетъ, но вѣдь человѣкъ остается человѣкомъ и мало ли на что безтактными и безтолковыми распоряженіями можно натолкнуть стадо отупѣлыхъ барановъ, — неровенъ часъ.

— Какъ посмотрю я, — сказалъ тогда же въ Тырновѣ генералъ Драгомировъ: — здѣсь у васъ наверху всѣ стоящіе у руля, кромѣ самого главнокомандующаго, растерялись; только Газенкампфъ,

какъ бы въ помощь ему, не потерялъ головы отъ разныхъ неудачъ въ родѣ криденерскошильдершульднерской промашки; ишь вѣдь какая мудреная нѣмечина, чортъ въ ней ногу сломить,—засмѣялся Михаилъ Ивановичъ.

IV.

Прислушиваеь Газенкампфа къ взглядамъ, высказывавшимся Левицкимъ.—Совѣты, дававшіеся имъ ему.—Отвѣтъ, данный Левицкимъ государю на военномъ совѣтѣ подѣ Плевной.—Какъ Левицкій умѣлъ иногда исправлять свои промахи.—Государь щедро награждаетъ Левицкаго послѣ плѣненія арміи Османа-паши.—Разсказъ Левицкаго объ этомъ и «признаніе», сдѣланное имъ.—Особая заслуга М. А. Газенкампфа.—Отзывъ князя Н. Ѳ. Масальскаго.

Лица, близко стоявшія къ главной квартирѣ, знали, что Газенкампфъ постоянно велъ длинные разговоры съ Левицкимъ, убѣждая его то въ томъ, то въ другомъ и передѣлывая его взгляды, нерѣдко составлявшіе почти сплошное заблужденіе, въ наличности котораго Левицкій, если убѣждался, то, во-первыхъ, рѣдко, а во-вторыхъ—поздно. Газенкампфъ, понявъ, что необходимо быть на чеку для того, чтобы ничего не пропускать, никогда ни на минуту не забывалъ этого и всегда былъ насторожѣ.

Не разъ случалось тогда же слышать, что, между прочимъ, послѣ плевненскихъ августовскихъ неудачъ Газенкампфъ, опасаясь остатковъ сильнаго вліянія Левицкаго, крайне усердно убѣждалъ его относительно невозможности допущенія даже мысли объ отступленіи отъ Плевны; онъ убѣждалъ его неустанно настаивать на крайней необходимости крѣпко держаться у ея укрѣпленій во избѣжаніе позорной потери славной арміи нашей и въ устраненіе риска проиграть всю кампанію.

Левицкій, убѣжденный въ томъ, что надо отойти, т. е. отступить, и что иного выхода нѣтъ, долго и много спорилъ; тѣмъ больше, конечно, чести для него останется навсегда отъ всего происшедшаго: когда разумный взглядъ Газенкампфа превозмогъ его упрямые разсужденія, переубѣдивъ его, вотъ какъ въ совѣтѣ, собранномъ по представленію великаго князя государемъ въ заброшенномъ у самой Плевны редутѣ черезъ два-три дня послѣ отбитія нашихъ атакъ, онъ показалъ себя: на прямо поставленный его величествомъ вопросъ, не влекутъ ли сложившіеся условія необходимости покинуть Плевну и отвести войска для того, чтобы собраться съ силами, когда лица, входившія въ составъ совѣта, видимо, уклонялись отъ представленія категорическаго отвѣта, одинъ Левицкій твердо и мужественно отвѣтилъ, а затѣмъ подробно развилъ планъ о невозможности отступленія, а также о необходимости укрѣпиться для оказанія дальнѣйшаго безконечнаго сопротивленія и для удержанія за собой всего пространства, уже нами занятаго послѣ

славнаго подвига переправы на турецкую территорію и впослѣдствіи совершенія побѣдоноснаго наступленія по ней. Государь исполнилъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и повелѣлъ все высказанное Левицкимъ принять къ точному исполненію, т.-е. войскамъ остаться на мѣстахъ и въ самый короткій срокъ съ полной энергіей укрѣпить свои позиціи.

Въ совѣтъ, собранномъ подъ предсѣдательствомъ государя, кромѣ великаго князя главнокомандующаго, состояли: военный министръ Д. А. Милютинъ, командующій арміею обложенія Плевны князь Карлъ румынскій, начальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютантъ Непокойчицкій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи генераль-адъютантъ князь Масальскій, начальникъ штаба арміи обложенія генераль-лейтенантъ Зотовъ и помощникъ начальника штаба арміи свиты его величества генераль-майоръ Левицкій.

Для того, чтобы дать настоящую оцѣнку этому эпизоду, ставшему уже историческимъ фактомъ, я вернусь въ извлеченіи своего разсказа изъ записей нѣсколько назадъ, къ нѣкоторымъ съ виду мелочнымъ фактамъ, въ сущности имѣвшимъ большое значеніе.

Послѣ непріятности, вышедшей у меня съ генераломъ Левицкимъ еще въ то время, когда я пробылъ недолго въ Кишиневѣ, до поступленія въ дѣйствующую армію, отношенія мои съ нимъ вслѣдствіе дальнѣйшихъ столкновеній до того обострились, что, какъ это нерѣдко въ такихъ случаяхъ бываетъ, уже видна была близость и неминуемость какого-нибудь кризиса; я кое-какъ умѣлъ сдерживаться и спокойно относиться ко всему, но съ его стороны, судя по многому происходившему, трудно было ожидать той выдержки, какая въ подобныхъ дѣлахъ одна лишь способна положить предѣлъ безостановочно нарастающимъ обостреніямъ.

29-го іюля того же 1877 года великій князь, назначивъ свою поѣздку изъ Горнаго Студия въ Бѣлу къ государю императору, велѣлъ сопровождать его въ той поѣздкѣ Непокойчицкому, Левицкому и мнѣ, какъ дежурному ординарцу. Ъхать приказано было въ экипажахъ, которыхъ и было подано два: одинъ для его высочества и начальника штаба, другой для помощника начальника штаба и дежурнаго ординарца.

Видѣлъ я, насколько Левицкій засуетился; передавали, будто онъ прилагалъ тщетныя старанія къ тому, чтобы какимъ бы то ни было способомъ измѣнить создавшееся положеніе. Однако наступила минута отъѣзда; онъ, сухо поздоровавшись со мной, сѣлъ въ коляску, я вошелъ въ нее съ другой стороны.

Съ улыбкой вспомнилъ я случай изъ прошлой армейской жизни: на одной изъ южныхъ конно-артиллерійскихъ стоянокъ два батареинныхъ командира, стоявшіе съ батареями въ одномъ мѣстечкѣ,

завели пополамъ экипажъ и ѣздили въ немъ на казенныхъ батарейныхъ упряжныхъ лошадяхъ, которымъ вообще служебной работы въ то время было немного. Дѣло шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ командиры рассорились, поспоривъ о пустячномъ вопросѣ относительно значенія и смысла частицъ «до» и «по»; что значитъ «до» такого-то числа и «по» такое-то число?—одинъ увѣрялъ, что это все равно, а другой объяснялъ истинное значеніе каждой изъ частицъ; поссорились такъ, что и переносить другъ друга не могли; случилось это въ пирятинскомъ районѣ, то есть въ Полтавской губерніи, недалеко отъ гоголевскихъ миргородскихъ окрестностей, въ блаженныхъ мѣстахъ жительства пресловутыхъ Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича.

Встрѣчаются, бывало; два подполковника и дуются другъ на друга, какъ индюки, между собой не разговариваютъ, вмѣстѣ не остаются, а сейчасъ же расходятся. Вдругъ случилась полная непредвидѣнность: и тотъ и другой совсѣмъ упустили изъ виду, что, въ случаѣ необходимости выѣзда изъ мѣста расположенія батарей, ѣхать обоимъ придется въ одномъ экипажѣ. Знаменитый начальникъ южныхъ поселеній генераль-адъютантъ графъ Никитинъ, которому былъ подчиненъ конно-артиллерійскій резервъ, далъ знать, что, находясь проѣздомъ вблизи, онъ желаетъ повидать батарейныхъ командировъ, а потому требуетъ пріѣзда ихъ въ одно изъ мѣстечекъ, расположенныхъ на большой проѣздной дорогѣ.

Только они двое знаютъ, что пришлось каждому изъ нихъ испытать, когда оказалось неминуемымъ сѣсть въ одинъ экипажъ и просидѣть вдвоемъ три-четыре часа туда и столько же назадъ. Оба они, видимо, были характера упорнаго; сѣли въ свою коляску, которую одинъ называлъ тюльбери, а другой тюрюлюю, и покатали, повернувшись другъ къ другу почти спинами, изображая собою двуглавого орла; такъ и проѣхали, не проронивъ ни слова.

Я взглянулъ на Левицкаго; сидитъ онъ съ правой стороны, повернувшись направо, и упорно сосредоточенно молчитъ. Ѣхать предстояло верстъ девяносто; подумалъ я немного, да на четвертой отъ Горнаго Студня верстѣ, подъ заброшеннымъ турками, красивымъ, полнымъ фантазовъ и свѣжей зелени черкесскимъ селеніемъ Акчаиръ, сдѣлавъ надъ собою небольшое усиліе, рассказалъ ему исторію ссоры батарейныхъ командировъ, при чемъ въ шуточномъ тонѣ спросилъ: «Ужъ не знаю, «до» какого времени или «по» какое время будемъ мы съ вами такъ-то сидѣть?...»

Расхохотался мой спутникъ и тутъ же поразилъ меня въ самое сердце: я, говорить, сознаю, что кругомъ былъ виноватъ во всѣхъ нашихъ пустяковыхъ исторіяхъ, стыдно мнѣ самому и за первую, и за вторую, и за третью непріятность; кончимъ ихъ и забудемъ.

Съ тѣхъ поръ отношенія наши изъ враждебныхъ сдѣлались совершенно добрыми, Левицкій сталъ относиться ко мнѣ не иначе,

какъ дружелюбно. Я не берусь рассказывать здѣсь ни о второй, ни о третьей непріятности, боясь удлинить статью, и безъ того выпешую пространною.

Черезъ мѣсяць состоялся подъ Плевной описанный выше совѣтъ; молва нѣсколько дней на разные лады перебирала подвигъ, учиненный Левицкимъ на немъ, но вскорѣ, перебитая другими толками, перестала заниматься имъ. Прошло послѣ совѣта мѣсяца три; Османъ-паша сдѣлся съ арміею ровно черезъ четыре мѣсяца со дня нашей побѣдки при великомъ князѣ въ Бѣлу къ государю. Я съ середины октября, со дня взятія Горнаго Дубняка, находился при генераль-адъютантѣ Гурко въ движеніи на Радомирцы, Правцы Орханіе и не зналъ всего того, что творилось при главной квартирѣ; лишь 1-го декабря, по возвращеніи отъ Гурко изъ Орханіе въ Боготъ, я узналъ, что государь прибылъ 29-го ноябрю въ Плевну и, раздавая высшимъ чинамъ награды, между прочимъ передалъ изъ своихъ рукъ Левицкому орденъ святого Георгія четвертой степени, а когда тотъ смущенно высказалъ, что онъ недостойнъ, государь крайне ласково улыбнулся и сказалъ: «Какъ недостойнъ! Видно, о своемъ отвѣтѣ, данномъ на нашемъ совѣщаніи, ты забылъ; но я не забылъ и никогда его тебѣ не забуду; возьми этотъ вполне тобою заслуженный крестъ».

Встрѣтившись въ день своего возвращенія въ Боготъ съ Левицкимъ, я поздравилъ его.

— Да, — сказалъ онъ, разговорившись со мной: — я до сихъ поръ не могу опомниться отъ счастья, которое приходится мнѣ переживать съ той минуты, когда государь такъ высоко и щедро наградилъ меня; а что я далъ въ ту минуту такой кажущійся несуразнымъ отвѣтъ, такъ я прямо и чистосердечно скажу, — въ отвѣтъ томъ не было съ моей стороны ни кокетства, ни того, что называется манерничаніемъ; ни отъ кого я не скрываю, что долго держалось во мнѣ сложившееся у меня убѣжденіе о необходимости отступленія, которое, какъ мнѣ казалось, надо было предпринять для того, чтобы кампанію нашу у Плевны начать сызнова. Ну, вотъ бываетъ же, что когда Богъ захочетъ обидѣть человѣка, то прежде всего разумъ у него отниметъ. Мнѣ было крайне тяжело выслушивать и испытывать плененье, которымъ меня изводилъ мой сожитель М. А. Газенкампфъ. «Я, — говорилъ онъ, — знаю, какъ вы можете легко повліять въ ту сторону, что, пожалуй, этотъ безумный шагъ будетъ одобренъ, принять, а затѣмъ, не дай Богъ, сдѣлать; но Боже сохрани, — въ томъ будетъ преступленіе противъ Россіи, которая на насъ смотритъ, намъ вѣрить и отъ насъ ждетъ полнѣйшаго и честнѣйшаго благоразумія въ святомъ исполненіи долга нашего передъ ней». Долго крѣпился я со своимъ предвзятымъ въ пользу отступленія убѣжденіемъ и возражалъ, признаюсь, нелѣпѣйшимъ образомъ возражалъ, но въ концѣ концовъ его вѣскіе доводы, рѣзко вы-

сказанные, меня разубѣдили; высшая сила во-время вразумила меня и, какъ будто нарочно, поставила дѣло такъ, что въ минуту коренной перемѣны моихъ мыслей я былъ призванъ на совѣтъ, въ который государь, по просьбѣ великаго князя, призвалъ близко стоявшихъ къ дѣлу людей, пожелавъ услышать ихъ мнѣніе о наболевшемъ вопросѣ: закрывши глаза, я со смѣлостью, равной дерзости, высказалъ, положительно словами М. А. Газенкампа, свое новое мнѣніе, твердо сложившееся во мнѣ всецѣло подъ вліяніемъ его убѣдительною пастойчивости.

Со своей стороны, я не скрывалъ ни отъ кого этого признанія, высказаннаго мнѣ Левицкимъ; мнѣ не пришло тогда въ голову давать себѣ трудъ его распространять, такъ какъ все въ этомъ казалось мнѣ простымъ и натуральнымъ; но многіе тогда и сами, рассказывая мнѣ объ этомъ эпизодѣ, высказывались различно о Левицкомъ: «ай да Казимиръ, нельзя было этого ожидать отъ него», говорили иные; начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи князь Масальскій, съ которымъ мнѣ тогда перѣдко приходилось бесѣдовать, выслушавъ мой рассказъ, сказалъ:

— Тогда же, когда генералъ Левицкій при мнѣ на заданный государемъ вопросъ высказался такъ рѣшительно и смѣло, я почувствовалъ къ нему большое уваженіе, теперь же, послѣ такого его признанія мнѣ приходится рѣшительно преклониться передъ нимъ. Точно также во всѣхъ отношеніяхъ честь и слава полковнику Газенкампу, — добавилъ князь, помолчавъ съ минуту: — неизмѣримая заслуга останется навсегда за нимъ; это подвигъ съ его стороны громадный.

Вотъ съ какихъ поръ мнѣ и всѣмъ, наравнѣ со мной знавшимъ тогда этотъ рассказъ Левицкаго, который самъ далъ ему названіе «признанія», пришлось считать, что Газенкампу дѣйствительно довелось вплести и свою лавровую вѣтку въ вѣнокъ славы нашего дорогого отечества и что онъ только случайно, благодаря обычному теченію событій, скромно остался въ сторонѣ.

VII.

Занятіе М. А. Газенкампомъ должности интенданта петербургскаго военнаго округа. — Труды, понесенные имъ на этомъ посту. — Мелкій случай, чуть не создавшій крупную непріятность. — Вѣроятность полученія имъ должности главнаго интенданта. — Неожиданная перемѣна. — Назначеніе его губернаторомъ въ Астрахань. — Его дѣятельность тамъ вообще. — Память о трудахъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго. — Работы М. А. Газенкампа. — Проявленіе имъ дѣятельности въ борьбѣ съ чумой. — Какъ онъ ориентировался въ дѣлѣ оказанія административнаго содѣйствія врачамъ-спеціалистамъ.

Все время своего пребыванія въ дѣйствующей арміи М. А. продолжалъ числиться въ должности профессора академіи генеральнаго штаба. Изъ десяти мѣсяцевъ этого пребыванія собственно пол-

года надо считать для профессуры пропущеннымъ; по возвращеніи съ войны онъ вновь сталъ читать лекціи въ академіи; кромѣ того, былъ зачисленъ состоять при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ по званію главнокомандующаго войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа.

Пробывъ въ должности профессора почти двадцать лѣтъ, онъ осенью 1891 года получилъ предложеніе занять должность окружнаго интенданта петербургскаго военного округа, а когда выразилъ намѣреніе отказаться, то главный интендантъ генераль Скворцовъ сообщилъ ему, что военный министр генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій предлагаетъ ему эту должность, какъ подготовительную, при чемъ имѣетъ въ виду дать ему впослѣдствіи назначеніе на постъ главнаго интенданта, что и побудило М. А. взять на себя эту отчасти стороннюю его предшествовавшей дѣятельности службу. Извѣстно, въ какой степени и съ какимъ выдающимся успѣхомъ М. А. на посту интенданта петербургскаго военного округа прилагалъ старанія къ тому, чтобы поставить возможно совершеннѣе дѣло по прямымъ обязанностямъ своего вѣдомства; кромѣ того, при энергичномъ и изъ ряда вонъ дѣятельномъ военномъ министрѣ онъ принималъ участіе въ крайне важномъ дѣлѣ усовершенствованія нашего военного обоза, на который война прямо заставила обратить особое вниманіе; при этомъ въ теченіе многихъ лѣтъ по званію то председателя, то члена, то члена-редактора нѣсколькихъ комиссій по обозной части положилъ массу плодотворнаго труда по составленію положенія о войсковыхъ обозахъ, по проектированію повозокъ новаго типа, а также въ работахъ особыхъ комиссій по пересмотру положенія о полевомъ управленіи войскъ и по составленію плана приведенія сухопутныхъ крѣпостей въ готовность къ оборонѣ. Своею выходящею изъ ряда опытностью онъ наложилъ особую свою печать на труды этихъ комиссій. Можно сказать, не было въ военномъ вѣдомствѣ важнаго вопроса, въ разработкѣ котораго, какъ бы тотъ вопросъ ни былъ великъ или сложенъ, М. А. Газенкампфъ не принялъ прямого или косвеннаго участія, состоя въ должности окружнаго интенданта.

Одинъ вопросъ, на который онъ не могъ не обратить вниманія, чуть не вызвалъ для него нѣкотораго рода непріятности по службѣ, но дѣло по выясненіи прошло совершенно благополучно.

Случай этотъ служить новой характеристикой покойнаго Петра Семеновича Ванновскаго. М. А. Газенкампфъ, принявъ большое участіе въ очень сильно заинтересовавшемъ его своей громадной пользой вопросѣ о созданіи экономического общества при гвардейскомъ корпусѣ, во время переговоровъ объ этомъ съ командиромъ корпуса генераль-адъютантомъ К. Н. Манзеемъ, а главнымъ образомъ съ его начальникомъ штаба генераль-майоромъ А. П. Скугаревскимъ, разсуждая крайне участливо объ этомъ предметѣ, между

прочимъ въ разговорѣ упомянулъ, въ какой части зданія интендантства нашлись бы помѣщенія, годныя для устройства въ нихъ всего, что можетъ оказаться необходимымъ подѣ хозяйственнымъ приспособленіемъ нарождавшагося, совершенно новаго учрежденія. Не устанавливая ничего опредѣленнаго, не высказывая ничего окончательнаго и не дѣлая никакихъ распоряженій, М. А. Газенкампфъ призналъ возможнымъ показать генералу Скугаревскому намѣченныя комнаты, какъ образецъ желательнаго.

Прошло нѣсколько дней, вдругъ М. А. Газенкампфъ получилъ отъ генераль-адъютанта Ванновскаго письменное приглашеніе прибыть къ нему по дѣламъ службы.

Поздоровавшись болѣе чѣмъ сухо, Ванновскій спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, кто полный хозяинъ и распорядитель всевозможныхъ казарменныхъ, штабныхъ, интендантскихъ и иныхъ помѣщеній въ зданіяхъ военнаго вѣдомства,—военный министръ или самъ по себѣ каждый начальникъ отдѣльной части?

— Несомнѣнно, военный министръ.

— Да, и я такъ думаю. А какъ же вы даете себѣ право отводить изъ казенныхъ зданій своего вѣдомства помѣщенія для цѣлей посторонняго вамъ вѣдомства и для дѣлъ, не подлежащихъ вашему вѣдѣнію?

— Я не понимаю, ваше высокопревосходительство, о чемъ вы ведете рѣчь...

— Какъ не понимаете! Думаю, что прекрасно понимаете; вѣдь распоряженія, сдѣланнаго вами на дняхъ о предоставленіи помѣщенія штабу гвардейскаго корпуса въ районѣ расположенія ввѣреннаго вамъ интендантства, вы не отмѣнили?

— Никакого распоряженія,—сказалъ Газенкампфъ, догадавшись, о чемъ идетъ рѣчь,—мною дано не было, потому и отмѣнять ничего не приходилось; узнавъ о томъ, что для проектируемаго крайне полезнаго учрежденія потребуется помѣщеніе, а въ предѣлахъ расположенія ввѣреннаго мнѣ вѣдомства подходящее помѣщеніе имѣется, я показалъ его начальнику штаба гвардейскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы можно было начать ходатайство въ установленномъ законами порядкѣ объ уступкѣ гвардейскому корпусу того помѣщенія, если оно окажется для открывающейся надобности пригоднымъ и если высшее начальство признаетъ возможнымъ отвести это помѣщеніе для указанной цѣли.

— Ахъ, вотъ что,—сказалъ П. С. Ванновскій, какъ бы обнявъ суть вопроса:—ну, извините, это другое дѣло; садитесь, пожалуйста.

И сухой, суровый, строгій генералъ Ванновскій вдругъ обратился въ мягкаго, участливаго, добраго Петра Семеновича.

Вотъ въ какой степени даже такого обстоятельнаго человѣка и начальника подчиненные умѣли подводить суетными и вздорными донесеніями. Долго потомъ онъ не могъ забыть этого случая, став-

шаго, несомнѣнно, въ концѣ концовъ и въ его и въ нашихъ глазахъ забавнымъ.

Не разъ потомъ при встрѣчахъ съ М. А. генераль Ванновскій, вспоминая объ этомъ эпизодѣ, говорилъ, что, несомнѣнно, о хорошемъ, полезномъ дѣлѣ онъ тогда хлопоталъ. «Вотъ какъ можно попасться съ пострѣлами, торопящимися толковать и подносить обо всемъ, что имъ покажется хорошо». П. С. имѣлъ привычку всегда прежде всего навести справки у прямого источника и не считать подходящимъ о чемъ бы то ни было разузнавать сторонними путями...

Четыре года пробылъ М. А. въ должности интенданта петербургскаго военного округа, не думая ни о чемъ, кромѣ стремленія усовершенствовать все по отдѣламъ управленія своего непосредственнаго вѣдѣнія. Осенью 1895 года пошли толки объ оставленіи главнымъ интендантомъ генераломъ Скворцовымъ своего поста; съ тѣмъ вмѣстѣ начали раздаваться и доходить до свѣдѣнія М. А. слухи о предстоящемъ привлеченіи его къ занятію этой должности. Самъ Н. Н. Скворцовъ мимоходомъ болѣе чѣмъ намекнулъ на то, что къ этому, какъ уже раньше было намѣчено, подходитъ дѣло.

Три-четыре дня спокойнаго ожиданія, и вдругъ на чистомъ горизонтѣ показались густыя темныя облака въ видѣ слуховъ о замѣщеніи Скворцова совершенно новымъ кандидатомъ—генераломъ Тевяшовымъ, занимавшимъ въ ту минуту должность астраханскаго губернатора. Этотъ генераль въ корпусѣ Ванновскаго, или, вѣрнѣе, въ Рушукскомъ отрядѣ наслѣдника цесаревича, командовалъ во время войны Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ веденіемъ дѣлъ по командованію полкомъ показался генералу Ванновскому вполне пригоднымъ на всякій постъ. О назначеніи, однако, его главнымъ интендантомъ не было рѣчи и, кажется, не могло быть, судя по тому, что съ вѣдома П. С. Ванновскаго онъ, Газенкампфъ, былъ вовлеченъ на интендантскій путь такой приманкой, какъ перспектива назначенія, при первомъ же удобномъ къ тому случаѣ, на самый высшій имѣющійся въ этомъ вѣдомствѣ постъ.

Прошло еще немного времени, какъ всѣ разсужденія, надежды, ожиданія были разбиты высочайшимъ приказомъ о назначеніи астраханскаго губернатора Тевяшова главнымъ интендантомъ...

Оказалось, что почему-то П. С. Ванновскій довольно долго усиленно хлопоталъ о назначеніи генерала Тевяшова начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ; это ему было обѣщано; Тевяшовъ зналъ, готовился къ принятію высокаго поста, а въ моментъ открытія вакансіи былъ избранъ къ замѣщенію таковой директоръ департамента полиціи, генеральнаго штаба генераль-майоръ Николай Ивановичъ Петровъ. Крайне неприятнымъ оказалось это обстоятельство не только для Тевяшова, но и для

Ванновскаго; надо было поправить дѣло, и онъ былъ очень доволенъ, когда представилось возможнымъ ухватиться за открывшуюся въ тотъ моментъ уже въ его вѣдомствѣ вакансію начальника главнаго же управленія, но интендантскаго. Положеніе М. А. Газенкампа явилось болѣе непріятнымъ, чѣмъ положеніе Петра Семеновича и врядъ ли менѣе неловкимъ, чѣмъ положеніе генерала Тевяшова.

Не имѣя привычки вообще прилагать заботу болѣе всего о томъ, что касается личныхъ его дѣлъ, М. А. Газенкампъ тѣмъ не менѣе не могъ остаться равнодушнымъ къ тому положенію, въ которое былъ поставленъ всею этою тевяшовскою исторіей; положеніе это явилось настолько же незаслуженнымъ, насколько неожиданнымъ; смѣшно было бы не подумать о томъ, чтобы найти выходъ изъ него и чѣмъ скорѣй, чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ, безъ сомнѣнія, лучше. Всегдашняя свойственная М. А. находчивость указала ему, что выходъ изъ этой непріятности и неловкости одинъ: «мѣсто, оставлявшееся генераломъ Тевяшовымъ для занятія должности, предназначенной и обѣщанной мнѣ,—говорилъ М. А.,—должно быть предоставлено мнѣ», онъ твердо сталъ на этомъ, и не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, состоялся высочайшій приказъ о назначеніи окружнаго интенданта петербургскаго военного округа генераль-майора Газенкампа астраханскимъ губернаторомъ, названнымъ атаманомъ Астраханскаго казачьяго войска.

На этомъ посту еще болѣе развернулись его способности, выказалась польза его высокой образованности, опытности и его неисчерпаемыхъ знаній по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Навсегда останется въ памяти всѣхъ, какъ со вступленіемъ М. А. Газенкампа въ управленіе этимъ, прежде забытымъ, почти заброшеннымъ краемъ все въ немъ проснулось; его необычайною энергіей, неустанной выносливостью и рѣдкой прозорливостью было широко захвачено дѣло улучшенія бытовыхъ и жизненныхъ условій населенія—кочевого, осѣдлаго и казачьяго. Губернія никогда не забудетъ всего сдѣланнаго имъ въ этомъ отношеніи. Но, кромѣ того, немалая заслуга принадлежитъ ему въ дѣлѣ, которое, казалось бы, не должно было находиться въ прямой, непосредственной зависимости отъ него, т.-е. отъ администратора; дѣло идетъ объ ужасной гостьѣ, нерѣдко посѣщающей край,—чумѣ; «усмирять ее дѣло докторей,—громко всегда и вездѣ говорило населеніе:—а вотъ, поди-ка, слушаетъ она первѣе всего нашего губернатора, нашего атамана».

Въ дѣятельности своей по части прекращенія этого бича онъ съ самаго начала выступилъ прямымъ самоотверженнымъ сотрудникомъ и продолжателемъ работъ энергичнѣйшаго распорядителя—принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Слѣдуя по этому пути, онъ не только съ твердостью проводилъ мѣропріятія, ослабляв-

шія въ извѣстный моментъ распространеніе болѣзни, но безпрерывно насаждалъ условія, способствовавшія основательному некорененію возможности появленія ея и зарожденія источниковъ ея. Подробному описанію того, что было сдѣлано по этой части за время управленія Газенкампа губерніей, къ сожалѣнію, здѣсь нельзя пайти мѣста; не приходится для такого органа, какимъ является «Историческій Вѣстникъ», создавать статьи съ тѣмъ спеціальнымъ значеніемъ, какое понадобилось бы для точнаго изображенія противочумной дѣятельности астраханскаго губернатора за извѣстный періодъ времени.

Довольно отмѣтить, что за восемь лѣтъ пребыванія М. А. Газенкампа въ должности начальника края въ немъ было девять чумныхъ эпидемій и вспышекъ. Изданіе высочайше учрежденной о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумной заразой комиссіи «Сборникъ работъ по чумѣ», упоминая объ этомъ, добавляетъ: въ дѣйствительности ихъ было даже больше ¹⁾; въ теченіе же промежутковъ времени казавшагося благополучія края она находилась въ состояніи скрытой эволюціи и обнаруживалась лишь рѣдкими вспышками, иногда, однако, сопровождавшимися значительнымъ числомъ жертвъ и высокой смертностью.

Такъ было и раньше, съ тою лишь разницей, что, благодаря полному отсутствію въ краѣ санитарнаго надзора, а также незнакомству администраціи и врачей съ чумой и ея особенностями, эти вспышки не обращали на себя должнаго вниманія.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ дѣлѣ администрація задала себѣ задачу дѣйствовать, нѣя твердо рука объ руку съ врачами, не мудрствуя попусту, дѣло совершенно измѣнилось. Заслуга Газенкампа, по свидѣтельству врачей, въ этомъ и состоитъ; со здоровымъ, прирожденнымъ ему разумомъ и смысломъ онъ умѣлъ выбирать все то, что въ совѣтахъ, указаніяхъ и предложеніяхъ врачей оказывалось наиболѣе подходящимъ для примѣненія.

VIII.

Отзывъ естествоиспытателя И. И. Мечникова.—Основное убѣжденіе мѣстныхъ дѣтелей врачей-спеціалистовъ, самоотверженно боровшихся съ чумной заразой въ Астраханскомъ краѣ.—Результаты согласнаго дѣйствія ихъ и сильной губернской власти.—Удачно проявленная смѣлость создала коренной переворотъ въ дѣлѣ борьбы съ чумой.—Мнѣніе самого администратора, потрудившагося въ этомъ дѣлѣ.—Оцѣнка всей его дѣятельности.—Чествованіе пятидесятилѣтія его службы.—Участіе августѣйшаго главнокомандующаго въ этомъ чествованіи.—Благодарность, выраженная гвардіей.—Милость царская.

Не одинъ врачъ свидѣтельствуетъ, что, благодаря энергичной, разумной и плодотворной дѣятельности Газенкампа, многое въ губерніи по части введенія противочумныхъ мѣропріятій было по-

¹⁾ См. «Сборникъ работъ по чумѣ». Выпускъ второй, часть I, «Чума Астраханскаго края», стр. 161 и 162.

ставлено въ положеніе почти законченное. Побывавшій въ томъ краѣ нашъ талантливый и глубокоученный естествоиспытатель Илья Ильичъ Мечниковъ, указывая въ своихъ наблюденіяхъ на разныя стороны дѣятельности, предшествовавшей его посѣщеніямъ края, отмѣчалъ съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ много такого, что, какъ потомъ по провѣркѣ оказывалось, было, въ числѣ противобичныхъ мѣропріятій, сдѣлано и проведено съ отмѣнною цѣлесообразностью энергіей Газенкампа при участіи и при указаніяхъ дѣйствовавшихъ тамъ врачей-спеціалистовъ.

— Не только здѣсь, въ глубинѣ такого полудикаго края,—ска-
зать И. И. Мечниковъ:—но и во Франціи многія стремленія врача,
желающаго добросовѣстно провести полезныя мѣры, нерѣдко
вопиюще остаются въ видѣ *ria desideria*, если представитель мѣстной
администраціи не захочетъ или не сумѣетъ оказать дѣлу борьбы
содѣйствіе всею мощью своей власти и прійти на помощь всею
силою своего благого желанія. Здѣсь, въ этой губерніи, прямо бро-
сается въ глаза масса слѣдовъ того, что въ дѣлѣ насажденія мѣро-
пріятій специалистами проточено, благодаря лишь чрезвычайной
отзывчивости, энергіи, разумной настойчивости, а также крайне
находчивой вдумчивости администратора, дѣйствовавшаго соб-
ственно въ Астраханскомъ краѣ въ періодъ эпидемій изъ числа
особо отмѣченныхъ въ отчетахъ за десятилѣтіе съ 1896 года ¹⁾.
главнымъ же образомъ второй аксайской 1902 года эпидеміи,
Врачи въ свое время издавали свои печатные труды съ тою же добро-
совѣстностью, съ какою выбивались изъ силъ, самоотверженно ра-
ботая на почвѣ изслѣдованія, описанія, разработки данныхъ и
уничтоженія чумнаго бича, не только служившаго грозой для огра-
ниченной территоріи того края, появлявшагося, по мѣткимъ сло-
вамъ одного изъ современныхъ мѣстныхъ тружениковъ д-ра
І. Страховича, тревожнымъ предвозвѣстникомъ назрѣвавшей боль-
шой опасности, которая угрожала всей необъятной Россіи ²⁾. Яви-
лось важной и большой заслугой то, что отъ массы трудовъ, поло-
женныхъ въ основу дѣла администраціей и врачами въ 1902 году на
Аксаѣ, осталось для дальнѣйшей разработки много опредѣленнаго,
изслѣдованнаго, разсмотрѣннаго, уже готоваго и къ руководству
въ будущемъ, и къ окончательному подбору въ видѣ научнаго
матеріала, весьма цѣннаго ³⁾.

¹⁾ Въ этихъ отчетахъ отмѣчены эпидеміи: 1896 г. аксайская первая, 1899 г. въ с. Колобовѣ и на островахъ Ирсалы; 1900 г. владимирско-таловская и александрій-
ская; 1901 г. ушъ-кудукская; 1902 г. аксайская вторая; 1903 на Быковыхъ хуторахъ.

²⁾ См. въ «Сборникѣ работъ по чумѣ» предисловіе лейбъ-медика В. И. Исаева,
упоминаніе о трудахъ окружныхъ врачей Л. Рыбальченко, А. Кружилина, а также
докторовъ І. Страховича и Л. Полѣнова.

³⁾ Изъ помѣщенной въ № 5 «Вѣстника Краснаго Креста» за 1912 годъ статьи
д-ра мед. А. А. Филаретова о чумѣ въ Астраханскомъ краѣ видно, для какихъ
цѣлей выѣзжала въ Киргизскую Астраханской губерніи степь пробывшая тамъ съ

Неизвѣстно, въ какую форму выльется дѣло борьбы съ чумой въ зависимости отъ того или другого разрѣшенія специалистами и авторитетами научнаго вопроса, гдѣ кроется источникъ чумной заразы; во всякомъ случаѣ еще долго, а можетъ быть и всегда, выборъ мѣропріятій для борьбы будетъ во многомъ согласоваться со всѣмъ тѣмъ, что дала удачная, согласно и хорошо обоснованная, совершившая переворотъ дѣятельность 1902 г. въ томъ краѣ, такъ какъ опытъ аксайской второй эпидеміи, по словамъ много трудившагося въ этомъ дѣлѣ врача-специалиста Н. Я. Шмидта, несомнѣнно, научилъ тому, что безъ полной эвакуаціи больныхъ и здоровыхъ изъ зараженныхъ гнѣздъ разумная и достигающая цѣли борьба съ чумой невозможна и какихъ матеріальныхъ жертвъ такая мѣра ни стоила бы, съ нея и только съ нея нужно начинать каждую противочумную кампанію, независимо отъ того, будетъ ли мѣстомъ заразы многолюдный городъ, или село, киргизское урочище, или одиноко стоящее въ степи жилище въ родѣ кибитки, землянки или шалаша.

За время упоминаемой здѣсь эпидеміи 1902 года общими дружными усиліями администраціи въ лицѣ губернатора М. А. Газенкампа и врачей сдѣланъ былъ крутой поворотъ не только къ лучшему, но къ спасительному въ дѣлѣ борьбы съ этимъ врагомъ. Привожу вкратцѣ тѣ мѣры, которыя тогда посчастливилось принять и установить ¹⁾.

1) Врачи признали нужнымъ отказаться отъ традиціонныхъ общихъ оцѣплений зараженной мѣстности и задумали перейти къ карантинамъ малымъ—частнымъ, внутреннимъ; при нихъ во всемъ районѣ зараженія оцѣпляется каждый очагъ отдѣльно. Не говоря о томъ, что этой замѣной можно было разсчитывать доставить казнѣ большія сбереженія въ расходахъ, она, несомнѣнно, должна была поднять нравственное состояніе оцѣпляемыхъ и всего населенія. Видя тутъ же начало и конецъ карантина своего, больные и по-

мая по сентябрь 1911 года экспедиція съ директоромъ парижскаго Пастеровскаго института И. И. Мечниковымъ во главѣ. Не все, предпринятое въ томъ краѣ этимъ ученымъ, отвѣчало въ точности спеціальнымъ цѣлямъ, взятымъ имъ на себя,—самостоятельно или по порученію института; кое-что, какъ казалось, являлось если не чуждымъ тѣмъ цѣлямъ, то имѣло съ ними мало общаго; но вниманіе, обращенное И. И. Мечниковымъ на всѣ мелочи, изображенныя въ отчетахъ о совместной дѣятельности въ Аксаѣ медицинскихъ силъ и администраціи въ 1902 году и обо всемъ ими тогда въ полномъ согласіи установленномъ, ясно указываетъ на важность сдѣланнаго ими въ дѣлѣ борьбы большого шага впередъ; чисто научныя изслѣдованія у него, хотя и идутъ своимъ чередомъ, независимо отъ взгляда на этотъ успѣшный шагъ, однако нѣтъ-нѣтъ, да прибѣгаютъ къ тому, чтобы опереться на него, какъ на блестяще разработанное основаніе, пріобрѣтенное для дѣла борьбы съ чумой навсегда. Кстати И. И. Мечниковъ далеко не случайно и не мимоходомъ указываетъ именно на «заслуги администраціи», или высшей власти въ губерніи.

Авт.

¹⁾ См. отчетъ врачебнаго инспектора Н. Я. Шмидта «Аксайская чума—30-го мая—1-го августа 1902 г. Астрахань, январь 1903 г.

дозрительно-здоровые не находятся въ неизвѣстности, въ неопредѣленности, поэтому не падаютъ духомъ за себя и за своихъ, а это, давая имъ бодрость, отдаляетъ ихъ отъ всякой мысли объ озлобленности, отъ чувства необъяснимаго страха, отъ трусливой ворчливости и отъ невольнаго табуннаго стремленія къ возмущенію.

2) Врачи признали необходимымъ отъ заведеннаго издавна содержанія зараженныхъ и подозрительно-здоровыхъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ перейти попросту къ эвакуаціи ихъ въ поле; это совершенно новое мѣропріятіе казалось крайне рискованнымъ и страшнымъ; долго о немъ даже говорили несмѣло и негромко, боясь впечатлѣнія на больныхъ и остерегаясь возможности вызова волненія между ними.

3) Доктора нашли нужнымъ устроить въ районѣ зараженія изоляціонный лагерь на широкихъ началахъ просторнаго содержанія больныхъ и подозрительно-здоровыхъ въ помѣщеніяхъ лагернаго характера.

Найдя примѣненіе этихъ трехъ главныхъ предложеній нужнымъ и полезнымъ, врачи вполне понимали, что исключительно отъ губернатора Газенкампа зависитъ признать осуществленіе этихъ мѣропріятій возможнымъ, а затѣмъ осуществить ихъ. Съ радостнымъ удивленіемъ и врачи и доктора увидѣли, что по первому предложенію онъ нашелъ подходящимъ прямо разрубить узелъ, то есть безъ разговоровъ привести ихъ предположеніе въ исполненіе, измѣнивъ традицію силою своей власти и на свой страхъ; второе предложеніе онъ рѣшилъ предоставить разобрать самому населенію: отъ лица губернатора былъ сдѣланъ вызовъ желающимъ изъ числа содержавшихся въ зачумленныхъ гнѣздахъ выйти въ поле на свои работы, имъ было предложено забирать съ собой туда и дѣтей. Нашлись такіе, которые отозвались согласіемъ, но далеко не безъ ропота было встрѣчено это предложеніе; по первому разу иные, не желая оставлять насиченныя гнѣзда, грозили скорѣй утопиться, но потомъ они же, увидѣвъ результаты, умоляли (на колѣняхъ) дозволить имъ выйти на просторъ. Такимъ же опредѣленнымъ рѣшеніемъ отвѣтили генералъ Газенкампъ на третье предложеніе врачей, а для приведенія его въ исполненіе постановилъ, вспоминая практику войны 1877—8 г.г., выписать необходимое число кибитокъ для устройства лагеря; къ сожалѣнію, ихъ вообще нашлось очень ограниченное число, а вполне годныхъ и вовсе не оказалось; тогда безъ малѣйшаго промедленія распоряженіемъ губернатора былъ построенъ барачный лагерь.

Всѣхъ изъявившихъ желаніе покинуть зачумленные гнѣзда вывели, съ ногъ до головы тщательно вымыли зеленымъ мыломъ, обмыли сулемовымъ растворомъ, затѣмъ, по приказанію губернатора, на счетъ казны одѣли въ чистое новое бѣлье и въ такую же одежду, послѣ чего стали всѣмъ имъ выдавать въ достаточномъ ко-

личествѣ хорошую пищу, при чемъ пожилымъ отпускали небольшія винныя порціи (водку), а дѣтямъ молоко. Этими мѣрами населеніе, безъ сомнѣнія, много ободрилось, но еще болѣе нравственный подъемъ явился слѣдствіемъ того, что сразу же начали получаться вполне утѣшительныя вѣсти о совершенномъ благополучіи здоровья семей, выведенныхъ и въ поле, и въ лагерь. Наибольшимъ же факторомъ въ дѣлѣ ободренія и полного подъема духа населенія нужно считать то обстоятельство, что надъ всѣмъ этимъ дѣломъ и нравственно и физически неустанно стоялъ губернаторъ. Онъ съ самаго начала и до конца эпидеміи вообще по два раза въ день заѣзжалъ въ центръ зачумленія, посѣщалъ зараженныхъ, относился къ нимъ неизмѣнно ласково и всегда равно участливо, вступая съ ними въ личное, непосредственное общеніе; можно себѣ легко представить, насколько этимъ простымъ пріемомъ довершалось дѣло благотворнаго моральнаго воздѣйствія и на одѣвленныхъ, и на всѣхъ вообще здоровыхъ и заболѣвшихъ жителей села.

Въ результатѣ всего этого отмѣчено то, что среди подозрительно-здоровыхъ, выселенныхъ изъ чумныхъ домовъ села Аксая и его хуторовъ въ лагерь и въ поле, не было ни одного случая заболѣванія, а среди зачумленныхъ—ни одного смертнаго исхода. И это послѣ того, какъ въ теченіе полутора мѣсяца болѣзнь нарождалась, ежедневно усиливаясь и угрожая разрастись до чудовищныхъ размѣровъ, причемъ не поддавалась энергичному принятію всевозможныхъ мѣръ противъ нея. Послѣ же принятія и приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ рѣшеній, которыя можно назвать и мужественно проведенными, и съ мудростью измышленными,—число жертвъ быстро стало убывать, эпидемія рѣшительно и ясно пошла на уменьшеніе и закончилась въ двадцать дней.

Не упоминая о всѣхъ другихъ мѣропріятіяхъ, нельзя, однако, не вспомнить еще о томъ, что энергичнымъ распоряженіемъ губернатора практиковалось сжиганіе сильно и безнадежно зараженныхъ жилыхъ помѣщеній; эта мѣра вызвала набатъ при массѣ ропота, который ясно и несомнѣнно угрожалъ перейти въ общій повальный бунтъ, но, по словамъ очевидцевъ, губернаторъ своимъ присутствіемъ, спокойною распорядительностью, властнымъ воздѣйствіемъ на толпу сразу, при первомъ проявленіи вспышки, безповоротно остановилъ возможность какого бы то ни было даже намека на огульное или одиночное выраженіе недовольства.

Всѣ эти столь рѣшительно, быстро и здраво принятія мѣры дали врачамъ возможность отказаться отъ поголовнаго употребленія утомительныхъ и немало страшившихъ населеніе предохранительныхъ прививокъ Хавкина; ихъ оставили втуне.†

Твердая рѣшимость губернатора Газенкампа пойти съ полнымъ довѣріемъ навстрѣчу предложеніямъ окружавшихъ его тружениковъ-врачей дала навсегда новое направленіе и новую силу

суммѣ мѣропріятій, практиковавшихся во всѣхъ послѣдовавшихъ съ 1902 года эпидеміяхъ и вспышкахъ.

Такъ, по своей привычкѣ во всемъ входить въ работу совершенно сознательно и во всеоружіи знаній, М. А. Газенкампфъ въ этомъ, особой важности дѣлѣ положилъ прочное основаніе и навсегда оставилъ неизмѣнно-благодѣтельные слѣды просвѣщеннаго вмѣшательства своего.

Самъ онъ, старательно отвергая свои заслуги въ этомъ дѣлѣ, твердо стоялъ на томъ, что самоотверженность дѣйствовавшихъ въ томъ краѣ врачей, вовсе не щадившихъ ни силъ своихъ, ни жизни, вызывала всегда его искреннюю признательность и, несомнѣнно, навсегда сохранить самое признательное воспоминаніе въ благодарныхъ сердцахъ жителей, получавшихъ въ свое время, неуспѣшными заботами тружениковъ-врачей и облегченіе своихъ страданій, и избавленіе отъ распространенія пагубной опасности ужаснаго бича

Нельзя пропустить, что М. А. Газенкампфъ въ теченіе всей своей жизни являлся прекраснымъ мужемъ, отцомъ и образцовымъ семьяниномъ въ полномъ смыслѣ этого понятія.

Что-либо окончательное, болѣе живое, собранное въ одно цѣлое скажетъ о жизни, о трудахъ и дѣлахъ М. А. Газенкампфа болѣе компетентный цѣнитель и изслѣдователь; мнѣ же собрать эти отрывочныя воспоминанія, «какъ матеріалъ для будущаго труда», пришло въ голову истекшимъ лѣтомъ, въ минуты приближенія къ надвигавшемуся дню 13-го іюня 1912 года, когда должно было исполниться пятидесятилѣтіе съ 13-го же іюня 1862 г.—дня производства М. А. въ офицеры.

Въ тихомъ и скромномъ чествованіи достойнаго юбиляра прошелъ этотъ день въ Царскомъ Селѣ; все свелось къ чистосердечному, радостному принесенію поздравленій и искреннѣйшихъ, душевныхъ пожеланій отъ разнообразной и многочисленной массы съѣхавшихся заслуженныхъ товарищей, а также сослуживцевъ, учениковъ и почитателей.

Крайне трогательнымъ и лестнымъ явился пріѣздъ великаго князя Николая Николаевича на квартиру генерала. Августѣйшій главнокомандующій привезъ, самъ вслухъ прочелъ и передалъ юбиляру написанный въ крайне прочувствованныхъ выраженіяхъ адресъ всѣхъ чиновъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа съ подписями, въ числѣ коихъ первую красуется собственноручная подпись: «Генераль-адъютантъ Николай».

«Высокочтимый, глубокоуважаемый и горячо любимый

«Михаилъ Александровичъ.

«Примите наше самое сердечное и искреннѣйшее поздравленіе со днемъ пятидесятилѣтняго юбилея вашей службы Царю и родинѣ,

большая часть которой протекла въ войскахъ гвардіи и петербургскаго военного округа.

«Служба ваша была и всегда будетъ для насъ примѣромъ, и мы приложимъ всѣ наши стремленія слѣдовать ему.

«Въ побѣдоносную кампанію 1877 и 1878 гг. вы состояли въ штабѣ главнокомандующаго, въ Бозѣ почивающаго генералъ-фельдмаршала великаго князя Николая Николаевича Старшаго, имя котораго нераздѣльно связано съ войсками гвардіи и петербургскаго военного округа.

«Благодаря вамъ, мы имѣемъ драгоцѣнныя историческія данныя объ этой славной эпохѣ.

«Въ сей знаменательный день вашей жизни мы съ особеннымъ сердечнымъ чувствомъ просимъ васъ принять наши задушевные пожеланія вамъ здоровья и силъ на дальнѣйшее продолженіе на долгіе годы вашей службы на пользу и славу Державнаго Вождя нашего и нашей арміи.

«Въ память вашей службы въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа просимъ васъ принять установленный жетонъ штаба».

«С.-Петербургъ, 13-го іюня 1912 года».

Покрытый брилльянтами, прекрасно исполненный жетонъ украсилъ грудь маститаго генерала, столь многосложно и разнообразно поработавшаго своими знаніями, силами и способностями родинѣ при трехъ великихъ царяхъ, всегда цѣнившихъ его многополезную службу.

Драгоцѣнною памятью останется навсегда, какъ августѣйшій главнокомандующій возблагодарилъ своего достойнаго, непосредственнаго помощника, избраннаго имъ лично и такимъ образомъ преемственно доставшагося ему изъ числа непосредственныхъ же усерднѣйшихъ сотрудниковъ, неустанно и беззавѣтно трудившихся, въ мирное и въ ратное время при въ Бозѣ почившемъ родителѣ его высочества.

Гвардія, въ лицѣ высшихъ начальниковъ своихъ, по чисто русскому обычаю трогательно выразила свою наполняющую сердца всѣхъ знающихъ почтеннаго юбиляра горячую благодарность и молитвенныя пожеланія ему на многія лѣта поднесеніемъ святой иконы Михаила Архистратига въ драгоцѣнной ризѣ.

День юбилея славнаго служенія М. А. милостиво отличенъ съ высоты престола высочайшимъ назначеніемъ его почетнымъ членомъ императорской военной академіи, въ которой онъ также много и благожелательно поработалъ на пользу нѣсколькихъ поколѣній уважавшей и любившей его офицерской молодежи.

Статья эта 4-го апрѣля вышла изъ набора, когда получено было извѣстіе о томъ, что М. А. Газенкампфъ скончался въ Царскомъ Селѣ 3-го числа, въ седьмомъ часу вечера. Смерть его поразила всѣхъ, знавшихъ его. Года два тому назадъ, кажется, осенью 1911 года, онъ почувствовалъ припадки сердечной болѣзни съ одышкой; мѣсяца два ему пришлось полечиться; рѣдко и мало болѣвши въ жизни, онъ не придавалъ значенія своей болѣзни, мало слушался врачей и, продолжая неустанно нести свою службу, требовавшую большой энергіи и напряженія силъ, по словамъ тѣхъ же врачей, надорвалъ тѣ силы, слишкомъ понадѣявшись на нихъ. Казавшись здоровымъ и цвѣтущимъ, онъ, строго говоря, съ тѣхъ поръ отцвѣталъ и хирѣлъ. У незакрытаго еще гроба его приходится вспомнить и отмѣтить то теплое доброжелательство, съ которымъ покойный умѣлъ искренно относиться ко всѣмъ нуждавшимся въ серьезномъ участіи, въ помощи, въ совѣтѣ; нельзя про него сказать, что онъ былъ добрый человѣкъ, онъ самъ не любилъ такъ называемыхъ «добрыхъ малыхъ», но отъ его солидной, серьезной, спокойной, участливой доброты каждому, испытывавшему ее на себѣ, становилось легко; онъ умѣлъ разумно и здраво утѣшить, крѣпко ободрить и правдиво успокоить. Въ замѣткѣ, извлеченной на страницахъ этой книги изъ записокъ, сказано объ Михаилѣ Александровичѣ далеко не все, но въ нѣкоторыхъ строкахъ онъ охарактеризованъ здѣсь совершенно точно, вѣрно и правильно; многое долженъ будетъ добавить о немъ тотъ, кому доведется глубже заняться описаніемъ характера и дѣлъ этого честнаго человѣка-рыцаря, но въ томъ, что будетъ добавлено, найдется больше фактической стороны, чѣмъ пищи для сердца; объ этомъ нельзя было не извлечь всего.

Твердо можно сказать, что этотъ прекрасный, достойный слуга царю и родинѣ умеръ на своемъ посту, не сойдя съ него ни на минуту, не давая значенія недугамъ своимъ и думая лишь объ исполненіи своего долга, всегда и вездѣ ставившагося имъ выше всего. Такіе люди примѣромъ служатъ во всемъ для другихъ; а между тѣмъ сами себѣ они такой оцѣнки не даютъ; они всегда сознаютъ въ себѣ больше недостатковъ, чѣмъ ихъ дѣйствительно имѣется, и неустаннымъ стремленіемъ къ совершенствованію затемняютъ свои достоинства, неизмѣнно находя, признавая и цѣня ихъ въ другихъ; излишнее снисходительнымъ онъ никогда не былъ, но подъ строгость свою всегда больше всего подводилъ себя и свою дѣятельность...

Вотъ часть настоящей, единогласной оцѣнки этого человѣка со стороны всѣхъ близко его знавшихъ и имѣвшихъ случай оцѣнивать его дѣла на всѣхъ поприщахъ проходившихся имъ жизненныхъ путей.

Нельзя не пожелать душѣ его того покоя, какого онъ всегда и всѣмъ желалъ, уважая во всѣхъ и въ каждомъ право на этотъ покой, искренно радуясь за тѣхъ, кому онъ доставался въ удѣлъ.

Е. Андреевскій.